

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2023

№ 73

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скотилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия) – кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизтл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Днев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польша); **Шестопап Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief; **Rykun A.U.** (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology); **Agafonova E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor; **Sukhushina E.V.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology); **Skochilova V.G.** (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science); **Borisov E.V.** (Tomsk, Russia); **Ogleznev V.V.** (Tomsk, Russia); **Syrov V.N.** (Tomsk, Russia); **Chernikova I.V.** (Tomsk, Russia); **Ladov V.A.** (Tomsk, Russia); **Uzhaninov K.M.** (Tomsk, Russia); **Shcherbinina N.G.** (Tomsk, Russia); **Kashpur V.V.** (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K.E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M.S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor R.** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Маликов Е.В., Чешев В.В. Язык культурной символики в математической структуре танца	5
Сыров В.Н. Новый виток в трактовке соотношения памяти и истории и его перспективы	19
Чистанов М.Н. Сравнительная прагматика естественного и искусственного языка в контексте проблемы сохранения языков коренных народов	36

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Оглезнев В.В. Метафизика факта Дональда Маккиннона и проблемы верификационизма	44
Целищева О.И. Герменевтика Рорти и «разговор человечества»	55
Юрьев Р.А. Особенности рецепции идей Дж.Э. Мура и Б. Рассела в Аристотелевском обществе в первые два десятилетия XX века	64

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Антипов А.В. Биоэтические аспекты контракта Улисса (на примере превенции суицида)	71
Данчай-оол А.А. Диалектика становления феномена личности в тувинской культуре под воздействием модернизации и глобализации	79
Красиков В.И. Онлайн-сообщества с риторикой политизированной вражды в социальных сетях	91
Лягошина Т.В. Современный публичный дискурс и самоцензура	108
Медникова А.А. Общий мир Земного в контексте экологического поворота	121
Старикова Е.В. Искусство как производство жизни	131
Хитрук Е.Б. Религиозно-философские истоки антропологической аргументации в полемике о женском священстве	141
Atik A.A., Konoplyova A.A., Chudina-Shmidt N.V., Kucherenko S.V. The ideas of communicative philosophy in solving the crises of the modern socio-cultural space	156

СОЦИОЛОГИЯ

Акулова П.Е., Тонких Н.В. Социально-демографические эффекты цифровизации занятости	174
Бужкова К.И., Плешкевич И.Б. Социальная поддержка студентов высших учебных заведений в ситуации социально-политической нестабильности (кейс Томского государственного университета)	186
Осадчая Г.И., Волкова О.А., Махмадбекзода М.Ш. Ресурсный потенциал российских некоммерческих организаций по реализации социальных ожиданий мигранток из Таджикистана	196
Суховская Д.Н. Социальные ожидания магистрантов от обучения в высшей школе	207

ПОЛИТОЛОГИЯ

Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В., Салмыгина Е.Д. Беларусь: политический кризис 2020 г.	228
Чжан Яньцю. Китаизация марксизма в современном Китае	240

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Malikov E.V., Cheschev V.V. The language of cultural symbolism in the mathematical structure of dance	5
Syrov V.N. A new turn in the interpretation of the relationship between memory and history, and its prospects	19
Chistanov M.N. Comparative pragmatics of natural and artificial language in the context of the problem of protecting indigenous languages	36

HISTORY OF PHILOSOPHY

Ogleznev V.V. Donald MacKinnon's metaphysics of fact and problems of verificationism	44
Tselishcheva O.I. Rorty's Hermeneutics and the <i>Conversation of Humanity</i>	55
Yuriev R.A. Features of the reception of George Edward Moore's and Bertrand Russell's ideas in the Aristotelian Society during the first two decades of the 20th century	64

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Antipov A.V. Bioethical aspects of the Ulysses contract (on the example of suicide prevention)	71
Danchay-ool A.A. Dialectics of the formation of the phenomenon of personality in Tuvan culture under the influence of modernization and globalization	79
Krasikov V.I. Online communities with the rhetoric of politicized hostility on social media	91
Lyagoshina T.V. Modern public discourse and self-censorship	108
Mednikova A.A. The common world of the earthly in the context of the ecological turn	121
Starikova E.V. Art as the production of life	131
Khitruk E.B. Religious and philosophical origins of anthropological argumentation in the controversy on women's priesthood	141
Atik A.A., Konoplyova A.A., Chudina-Shmidt N.V., Kucherenko S.V. The ideas of communicative philosophy in solving the crises of the modern socio-cultural space	156

SOCIOLOGY

Akulova P.E., Tonkikh N.V. Socio-demographic effects of employment digitalization	174
Buyakova Ch.I., Pleshkevich I.B. Social support for university students in the socio-political situation of instability (a case of Tomsk State University)	186
Osadchaya G.I., Volkova O.A., Makhmadbekzoda M.S. Resource potential of Russian non-profit organizations for the realization of social expectations of migrant women from Tajikistan	196
Sukhovskaya D.N. Social expectations of master's students from studying at a higher school	207

POLITICAL SCIENCE

Biryukov S.V., Chirun S.N., Andreev A.V., Salmygina E.D. Belarus: The political crisis of 2020	228
Zhang Yanqiu. The Sinicization of Marxism in contemporary China	240

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Научная статья

УДК 130

doi: 10.17223/1998863X/73/1

ЯЗЫК КУЛЬТУРНОЙ СИМВОЛИКИ В МАТЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТАНЦА

Евгений Валерьевич Маликов¹, Владислав Васильевич Чешев²

¹ *Московский государственный университет технологий и управления
им. К.Г. Разумовского, Москва, Россия, eugene@malikow.ru*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Рос-
сия, chwld@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматривается важная особенность формирования систем культурных символов, в частности, конституирующее проникновение в них математических правил. Символика танца является одним из древних средств кодирования культурных смыслов. Она явилась в ходе своего развития своеобразным местом встречи математических средств и метафизических смыслов, осознаваемых в философии культуры. В статье эта закономерность прослеживается на примере семантического пересечения мифологических космогоний вечного возвращения с математическими структурами теории симметрии.

Ключевые слова: симметрия, метафизика, мифология, рационализация мистицизма, социальные игры

Для цитирования: Маликов Е.В., Чешев В.В. Язык культурной символики в математической структуре танца // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 5–18. doi: 10.17223/1998863X/73/1

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Original article

THE LANGUAGE OF CULTURAL SYMBOLISM IN THE MATHEMATICAL STRUCTURE OF DANCE

Evgeny V. Malikov¹, Vladislav V. Cheshev²

¹ *Moscow State University of Technology and Management, Moscow, Russian Federation,
eugene@malikow.ru*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, chwld@rambler.ru*

Abstract. The symbolism of dance is one of the ancient means of encoding cultural meanings. In the course of its development, it was a kind of a meeting place for mathematical means and metaphysical meanings realized in the philosophy of culture. This article touches upon an important feature of the formation of systems of cultural symbols, in particular, the constitutive penetration of mathematical rules into them. This regularity is

traced on the example of the semantic intersection of the mythological cosmogony of eternal return with the mathematical structures of the theory of symmetry. The article considers one of the most famous ritual dances and its space as a valid token of some mathematical and metaphysical signs and a meeting place for the latter. The spatio-temporal model of a dance piece built on the basis of group-theoretic formalism reveals the metaphysical meaning of the given movement, whose periodicity allows us to introduce temporal symmetries and identify them with the spatial symmetries of geometric patterns. By comparing the symmetry groups of static ornament and dynamic dance, within the framework of the mythopoetic plan for designing our existence, the properties of the dance piece chosen as a token are revealed. This article discusses not only metaphysical, but also mathematical connections between the labyrinth (artifact), meander (abstract ornament) and dance (the phenomenon of musical arts). This becomes possible on the basis of the establishment of the rationalization of the meanings born in the mythological worldview as one of the ways of formation a philosophical consciousness. The central figure of the study is Dionysus, the subject is the rationalization of the meanings of the mythopoetic space, the method is one of the applications of group theory: the theory of symmetry. The article links the semantics of the labyrinth, the elements of the selected dance research and search operations, including the interpretation of the latest semantics in the actual research. The conclusion that can be drawn from checking the “symbolic totality” of dance is that its mathematical formalism is loaded with meaning in the same way that the mathematical equations of physics are loaded with interpretation, i.e. ontological meanings. Thus, it follows that this precedent is the revelation of the methodological substantiation of the use of a natural scientific instrument for the analysis of a set of symbolic structures.

Keywords: symmetry, metaphysics, mythology, rationalization of mysticism, social games

For citation: Malikov, E.V. & Cheshev, V.V. (2023) The language of cultural symbolism in the mathematical structure of dance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 5–18. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/1

Одним из путей становления философского сознания была рационализация смыслов, родившихся в мифологическом мировоззрении. Существенное значение в этом процессе имели общие принципы символического кодирования культурных смыслов, становление структурных оснований языка символов, повлиявшее, в свою очередь, на становление рациональной картины мира. Удобным и выразительным материалом для изучения этого процесса являются танец и символика движений, начинающаяся с кодирования ритуальных смыслов и несущая невербальные средства обращения к их глубинным метафизическим началам.

Анализируя символическую структуру танца, мы обращаемся к мифологии, однако к позитивным наукам апеллируем гораздо реже. Между тем рациональный аппарат, положенный в основу естественнонаучного анализа, способен дать интересные результаты при рассмотрении символической активности человека, реализуемой, например, в виде танца. Характерным примером синтеза метафизических (мифологических) смыслов и принципов их символического кодирования является меандр – узор, связь которого с Дионисом выявлена не нами [1].

Предметом нашего исследования стало выявление некоторых математических средств символического кодирования (меандра и избранного танца) и объяснение становления формальной структуры этого кода через символизм мифа о Дионисе, исследованного культурологами и антропологами.

Дионис – центральная фигура нашего исследования, содержащая в себе множество аспектов греческого мифа. Нас будет интересовать оппозиция мужское/женское и единство этих категорий в Дионисе. О женской природе

бога вина и виноделия свидетельствует то, что предшествующая ему «по свойствам» (по способности давать опьянение) «Великая Богиня-мать, носившая имена Реи и Деметры, принесла мак в Элевсин из своего критского культа, в сфере которого – что можно считать установленным – из мака изготовлялся опиум» [1. С. 34].

Связывает с Дионисом владычицу хаоса-лабиринта Богиню-мать и то, что с нею прочно ассоциировался мед (еще один важнейший ингредиент для получения вещества, расширяющего сознание): «На одной из кносских табличек появляется значительная женская фигура дионисийского круга, о которой имеется упоминание в надписи лишь из нескольких строчек... <...> После каждой строки нарисован сосуд, показывающий, какая мера меда причитается соответственно богам и владычице лабиринта. <...> Прямоугольной формой изображения лабиринта был меандр. <...> Особенно бросается в глаза узор меандра, которым украшено одно из сооружений храма Аполлона в Дидимах... <...> Виганд утверждает, что этот меандр имел символическое значение, ссылаясь при этом на другого видного археолога Пауля Вольтерса, который на материале аттической вазовой росписи доказал, что на изображениях, отсылающих к мифу о Минотавре, меандр „используется в качестве символического указания на лабиринт“» [Там же. С. 71–72]. Меандр (рис. 1) представляет собой бесконечный ряд повторяющихся элементов.

Рис. 1. Меандр

При этом единичный элемент меандра (рис. 2), строго говоря, симметричным не является.

Рис. 2. Асимметричный фрагмент меандра

Однако если достроить его до состояния (рис. 3), то у нас для фигуры появляется либо один элемент симметрии – центральная ось, осуществляющая операцию симметрии «поворот» на 180° для возвращения к исходному состоянию (ось второго порядка), либо два других элемента – пара перпендикулярных друг другу плоскостей симметрии, последовательное плоскостное отражение частей фигуры в которых (операции симметрии «отражения») дадут нам возвращение в исходное состояние.

Рис. 3. Фрагмент меандра с симметрией S_2

Согласно математической теории групп, мы имеем умножение двух операций с получением результирующей операции, принадлежащей той же группе. Очевидно, что точечной группой симметрии меандрового фрагмента, ограниченного «бордюрами», будет группа S_2 . Несомненно, нас особо интересует именно такой «ограниченный меандровый элемент», а не асимметричный.

Мифологическое истолкование фрагмента рассматриваемого узора способно отнести нас к «бестолковой» и «неупорядоченной», внекультурной жизни «независимого» индивида, которая обретает смысл только в культуре и ее герое. Рассматривая отмеченное не нами сходство (до тождества) рождения и смерти в ритуале и связанном с ним мифе, мы обязаны ограничить меандровый элемент с обеих сторон. И это превратит его, как было показано, в симметричную фигуру. Одно ритуальное допущение (рождение = смерть) – и мы продвигаемся по пути рационализации ритуала и мифа настолько далеко, что можем опираться на современные представления физиков о природе и симметрии [2]. С этой интерпретацией меандра коррелирует философское понимание жизни и смерти как сменяющихся состояний космоса. «Между жизнью и смертью нет разницы» – такое высказывание приписывают в древности Фалесу. На вопрос – «почему же ты не умрешь?» – ответил, что потому он и не выбирает смерть [3. С. 74].

Итак, мы выделили точечную группу S_2 , осталось показать, что она вполне описывает танец «Ручеек», правда, симметрия меандра выявлена без поправки на гендерные признаки танцующих: мы не учли так называемую цветную симметрию [4. С. 41]. Если мы хотим исправить ситуацию, то нужно окрасить по-разному (рис. 4) части меандрового фрагмента.

Рис. 4. Меандр с учетом «цветной симметрии»

Это приведет к строгому учету половых различий в паре фигурантов «Ручейка». Тогда поворот на 180° даст нам инвертированное изображение фигуры (рис. 5), а для возвращения в исходное состояние понадобится еще один поворот на 180° , однако это ничего нам не даст, поскольку будет соответствовать неизменному покою (повороту на 0°).

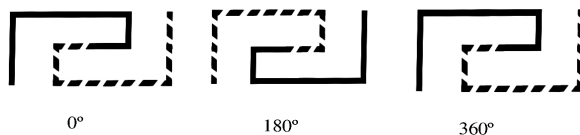

Рис. 5. Поворот

Тот же эффект (поворота на 180°), очевидно, даст нам применение плоскостных отражений для элементов плоскостной симметрии (рис. 6), находящихся под углом 90° по отношению друг к другу.

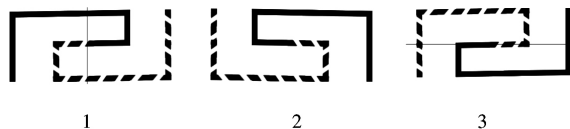

Рис. 6. Отражение

Очевидно, что для реализации «гендерной» (цветной) симметрии нам будет необходимо применить один из двух алгоритмов:

1. Повернуть фигуру на 180° , а затем применить два плоскостных отражения, как указано выше.

2. Повернуть фигуру на 180° , а затем переместить бесконечный меандр по направлению его разворачивания, т.е. применить операцию трансляционной симметрии.

В этих случаях мы получим (рис. 7) полное повторение фигуры.

Рис. 7. Трансляция с поворотом

Первый случай сохранит неподвижную точку (полус) и использует только те операции/элементы симметрии, которые входят в группу. При этом если мы поместим поворотную ось по центру любой из вертикальных линий, то поворот на 180° даст нам полную «гендерную» (цветную) симметрию для бесконечного узора.

Второй случай нарушает существование точечной группы, зато для нас является более интересным, так как дает возможность мифологически-ритуального толкования рассматриваемого танца. Первый алгоритм можно проиллюстрировать (рис. 8) отсутствующим поступательным, но имеющимся вращательным движением со сменой позиций.

Рис. 8. Последовательность поворотов и отражений для группы симметрии S_2

Второй алгоритм (рис. 9) сохранит отражения (инверсии) с продвижением в бесконечность (чередa рождений/смертей).

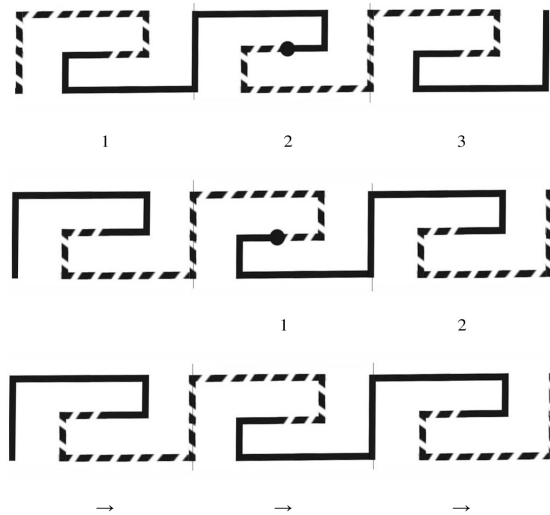

Рис. 9. Поворот и трансляция меандра

Посмотрим, насколько знаковая система «Ручейка» соответствует заявленному узору, а также элементам и операциям симметрии, выявленным на нем для группы S_2 и для случая с трансляцией.

В «Ручейке» мы имеем в статической картине (рис. 10) плоскостную симметрию с одной плоскостью и одно отражение с вариантом обратного, когда фигурант поворачивается для движения в обратном направлении, где он осуществляет новый разворот на 180° и возвращается к прежнему состоянию в готовности продолжить бесконечное возвратно-поступательное движение:

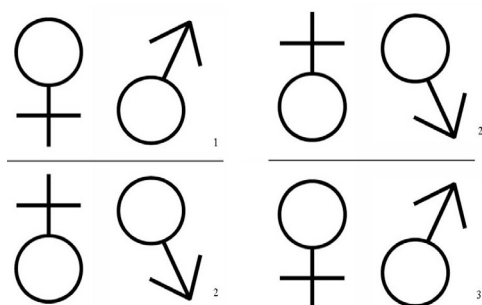

Рис. 10. Гендерные инверсии (отражения) при движении «Ручейка»

Применение двух операций плоскостного отражения даст нам фигуру, представленную на рис. 11.

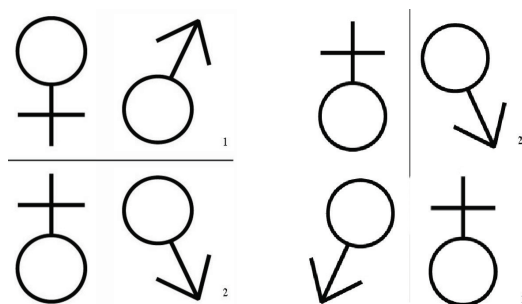

Рис. 11. Гендерные инверсии. Продолжение

Полученная фигура на предыдущем этапе нуждается в корректировке – повороте на π третьей пиктограммы (рис. 12).

Рис. 12. Гендерные инверсии (повороты) при движении «Ручейка»

Таким образом, мы приходим к начальному состоянию, совершив два отражения и один поворот (Алгоритм 1).

Алгоритм 2 можно реализовать в бесконечном «Ручейке», оперируя одной парой и перемещением всего потока.

Повернем пару фигурантов вокруг оси на 180° . Партнер и партнерша не только поменяются местами, но и изменят вектор движения – теперь им предстоит двигаться внутрь, тогда как их место займет при трансляции пара, стоявшая доселе сзади и сохраняющая прежнее направление движения.

Достигнув «конца потока», первая пара должна совершить еще один оборот вокруг оси симметрии второго порядка (рис. 13), что восстановит изначальное состояние бесконечной меандровой ленты.

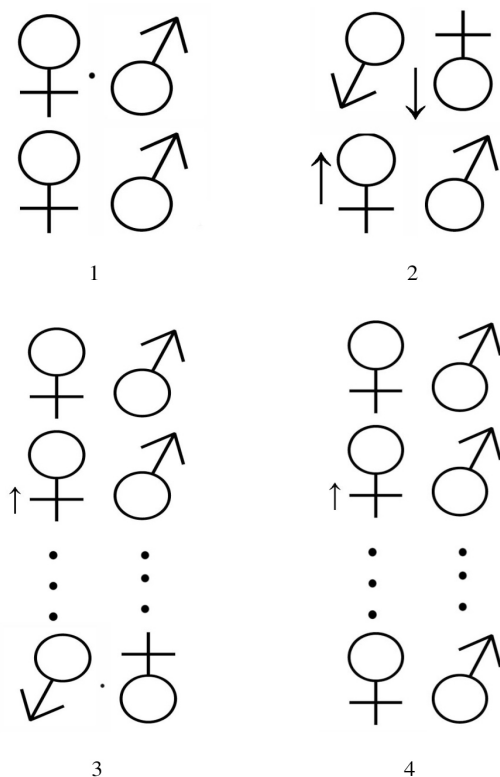

Рис. 13. Бесконечный «Ручеек»

Дело может упроститься, если мы применим операции симметрии, заявленные в группе, к отдельным фигурантам (считая допустимой подобную математическую вольность в нашем модельном случае). Тогда парный поворот фигурантов навстречу друг другу (угол 180°) повторит не только осевую симметрию, но и обозначит плоскостную по отношению к самим поворотам (инверсия направлений). Две пары взаимообусловленных поворотов дадут нам плоскость симметрии и соответствующую операцию по отношению к вращению, т.е. один пространственный поворот на 180° и поддерживавшая этот процесс трансляция дадут нам предсказанную картину, что хорошо видно на рис. 14.

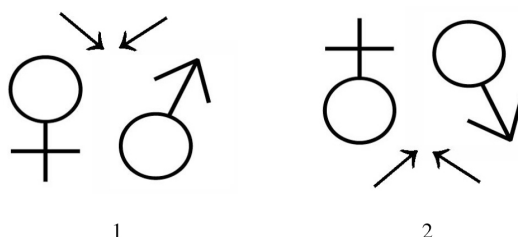

Рис. 14. Парный поворот партнеров в «Ручейке»

Таким образом, обнаруживается тождество поворотов и отражений (операций и элементов симметрии) в «Ручейке» (во времени и пространстве) и в меандре (на плоскости), что говорит об изоморфизме групп симметрии танца и орнамента. Следовательно, мы установили, согласно представлениям современной физики [2], тождество данных объектов. На этом основании можно утверждать, что смысл меандра полностью совпадает со смыслом «Ручейка», т.е. в данном случае несет в себе символику лабиринта и манифестирует присутствие Диониса [1]. Мы вынуждены прийти к выводу о том, что движения, основанные на операциях симметрии, будут нести в танце ту же информацию (или не нести никакой по воле хореографа), что несли в группе, описывающей свойства пространственного или временного узора.

Таким образом, выделенное в симметричном танце какое-либо движение, сводимое, с одной стороны, к операции симметрии, а с другой – к священному символу, позволит говорить о связи через это движение операции и сакрального смысла. Возможно, установленная подобным образом связь позволит увидеть скрытый смысл танцевального произведения по составу его движений (прочитать знаки иерофании). Возможно, состав движений придется обобщать до группы и уже в ней отыскивать потенциальные следы священного присутствия (проделывать работу авгура).

Поскольку здесь идет речь о применении средств математики к анализу символики танца, то теория симметрии для нас – всего лишь один из инструментов, позволяющий препарировать танец, выяснять его структуру и выявлять влияния на него господствующих научных и философских дискурсов. Но главное – сквозь все «наслоения» предрассудков, свойственных каждой эпохе, выявить мифологическую (трансцендентальную) изначальную составляющую танца, в которой миф не «прописан» на уровне сюжета, но присутствует от рождения в символике движений. Хотя он «спрятан» в обряде, тем не менее подразумевается настолько явно, что сама очевидность такого присутствия мешает расшифровать его проявления на символическом уровне. Однако предложенный нами подход позволяет раскрыть смысл танца «Ручеек» в заявленных формальных процедурах. Проясним роль священного смысла и игры, положенных в основу танца; выясним принятое в культуре отношение к игре разных авторов [5–7]; заинтересуемся связями между игрой и сакральностью, насилием и сакральностью, насилием и соревновательностью, соревновательностью и игрой, игрой и танцем (включая сценический). Для чего проанализируем танец «Ручеек» с точки зрения его формальной тождественности узору «меандр» через совпадение групп симметрии и прочитаем смысл танца через символику узора. То, что сам меандровый узор обладает сюжетностью, может прозвучать неожиданно, однако посмотрим, что пишут исследователи об этом древнейшем орнаменте.

Остановимся в трактовке меандра на монографии доктора искусствоведения Л. Акимовой: «Среди орнаментальных элементов доминирует *меандр* – разнообразный, простой и сложный, одинарный и двойной, идущий в одну или в обе стороны. Этот древний образ *воды*, <...> ломаясь под прямым углом, все отчетливее показывает идею движения, шага, равномерной и даже закономерной поступи» [8. С. 35].

Несколько уточняет смысл узора Карл Кереньи [1], который, рассматривая меандр в его более древнем, крито-минойском «изводе», пишет о его свя-

зи со спиралью и лабиринтом; именно символом последнего меандр выступает у Кереньи. Но символом чего выступает тогда *лабиринт*?

Попробуем одновременно читать обоих авторов.

Знаменательно, что *лабиринт* и *меандр* появляются у Л. Акимовой в контексте *дионисийского* культа, в чем-то противоположного *аполлоническому* мышлению «рациональных греков» [8. С. 50], но где-то его и дополняющего: Дионис – сын Зевса и Семелы, ночной двойник Аполлона, еще одного сына Зевса (и богини Латоны, по другим источникам – Лето), его брат, космогонический *близнец*, и – наконец – его смерть, смерть частной жизни солнечного бога, *bios'a* Аполлона. Это вполне понятно и хорошо согласуется с известным нам отношением греков к персональной жизни (*Bios*) и «жизни вообще» (*Zoe*): «...отдельной жизни принадлежит и отдельная смерть. Жизнь характеризуется в том числе и своим способом прерывания» [1].

Взаимное дополнение пар, безусловно, интересно и очень важно для нашего исследования, поскольку мы беремся доказать, что *аполлонический* и *дионисийский* принципы равно священны, но проявляются в истории в разное по качеству время. Но в данный момент нам рано говорить о развитии мифологии – мы пока устремляемся к ее началу. Поэтому нам более важна не сама по себе «юность мира», а ее отражение в мифологии. То есть нам важна оппозиция Аполлон – Дионис. Ибо только в случае «модели полного, хотя и временного разделения», натуральный и хаотичный Дионис может соответствовать *водной стихии* и некоторой запутанности *лабиринта*.

Не все ясно и здесь: как Аполлон несет в себе свою смерть – Диониса, так и лабиринт, выступая символом бога опьянения и виноградной лозы, бога женщин [Там же. С. 51], несет в себе геометрическую и отнюдь не хаотическую деталь: меандр, не только построенный посредством прямых отрезков (ломаной линии), но и реализованный в рамках трансляции – одной из операций симметрии как бесконечный ряд повторяющихся элементов. Симметрия является ярким и зрелым проявлением аполлонического, математическим обобщением, которое даже для простого казалось бы меандра позволяет найти не единственный способ порождения с помощью элементарных операций. В результате мы имеем элемент, к которому применена операция трансляции.

Возникает вопрос: какие операции симметрии задействованы при построении отдельного элемента меандра?

Кроме упомянутой трансляции в случае бесконечного бордюра, к нему применимы суперпозиции операций симметрии, вытекающие из структуры отдельного «витка» меандра, на примере которого, как мы уже указывали ранее, можно увидеть результат двух последовательных применений операции отражения в плоскости (и говорить о плоскостной симметрии) или одного применения поворота вокруг оси 2-го порядка (и говорить тогда об осевой симметрии). Для перехода от рисунка к движению сделаем следующее допущение: если процесс движения последовательно повторяет все элементарные операции, соответствующие группе симметрии узора, то мы можем говорить о тождественности разворачивающейся во времени манифестации статическому орнаменту. Учитывая вышесказанное и имея в виду символическое соответствие меандра «танцу лабиринта», перейдем непосредственно к разбору как орнамента, так и танца во всех проявлениях последнего.

Установим соответствия между элементами движения и операциями симметрии. Причем приведем все возможные варианты – даже те, которые никак не используются в «Ручейке», однако делают саму «математическую» модель танца убедительной. Меандр, реализуемый динамически в «танце лабиринта», может различаться по действию порождающих его операций симметрии. Говоря проще, разным операциям симметрии будут соответствовать различные рисунки танца, даже разная танцевальная лексика. Для трансляции это будет поступательное движение. В частности, русский «Ручеек» есть гладкое разворачивание в конечном пространстве бесконечного меандра; частичная «возвратность» этого обрядового танца видится не чем иным, как космогонической манифестацией: возвратно-поступательное движение «Ручейка» – это последовательность рождений и смертей, обеспечивающих общее стремление вперед, бесконечность жизни. Для осевой симметрии движениями, моделирующими меандр, будут «плоские» вращения (с возможным поступательным перемещением «пар тер»). Для зеркальной симметрии, характеризующейся выходом из плоскости, – прыжки и повороты в воздухе.

В отличие от динамического рисунка меандра статичной картиной меандра на сцене может быть шахматное построение фигурантов. Это хорошо согласуется с «подземным» характером лабиринта: «На дипилонских вазах над умершим часто висит „шахматное небо“. Обычно считают, что это полог, наброшенный на погребальный балдахин... <...> Его верховная позиция говорит о связи с небосводом, а шахматный орнамент – о символе ночного неба, неба „подземного“, потустороннего, „рождающего“. <...> Смерть понимается как переход к новому жизненному циклу...» [1. С. 37].

В пользу аналогии меандра и «шахматного бордюра» может свидетельствовать тот факт, что и меандр, и данный бордюр могут быть построены на основе применения к некоторым исходным объектам одинаковых операций симметрии. Математика склонна видеть в таких «аналогиях изготовления» проявление внутреннего единства рассматриваемых объектов. В нашем случае в качестве порождающей операции может выступать так называемое скользящее отражение, смысл которого заключается в переносе объекта на половину периода узора в направлении трансляции с последующим его (как объекта – элемента узора, так и всего узора в целом) зеркальным отражением от плоскости, параллельной направлению трансляции [4. С. 190].

Танец в традиционном обществе никогда не произволен. Даже самый обычный и уже упомянутый нами «Ручеек» нуждается в том, чтобы его символика была разобрана более подробно, чем это было сделано в простом указании на его космогоническую природу. Для начала необходимо вспомнить, что есть две версии «Ручейка». Первая, назовем ее «простой», как раз та, которую мы уже упомянули. Вторая, назовем ее «Ручейком с разделением», более сложна. Простой «Ручеек», как было отмечено, является метафорой неиссякаемой жизни, вечного возвращения, идеи древнейшей, окрашенной еще в доисторическую эпоху в дионисийские тона. В «Ручейке», в его плавном течении, воплощается цепочка смертей–возрождений. Символичен тот факт, что «Ручеек», будучи дионисийской игрой, уже названием связан с водной стихией. Стихией порождающей, но и одновременно ночной, темной, нижней. Однако неиссякаемая жизнь, прообразом которой является Дионис, мыслится в полном соответствии с традицией в рамках «водной» терминологии.

гии. Есть связь и с лабиринтом, в центре которого всегда расположен Минотавр, встреча с которым знаменует неизбежную смерть, но это свидание есть и событие поворота, тогда как сам Астерий выступает той точкой, с которой начинается возвращение. То есть достижение центра лабиринта – это символически и начало выхода из него.

Точкой поворота в танце «Ручеек» является достижение парой фронтального положения, позиции первой пары, которая для того, чтобы «Ручеек» продолжил жизнь, обязана совершить спаренный осевой поворот (оси разные, спины противоположные, но направленные оба к «сворачиванию») и войти внутрь «потока», погрузиться в «водный» мир. Вот она – та смерть, которая дает продолжение существованию «Ручейка», который все время движется в каждом своем элементе-паре участников, но как целое остается в неподвижности. Что вполне соотносится с греческими философскими представлениями о неподвижности мира.

Рассмотрим символику поворотов/вращений, присутствующих в «Ручейке». Как мы указывали, «вхождению в воду» предшествует парный поворот, причем разделенный на «мужской» и «женский» типы. Мужскому соответствует спин, направленный против часовой стрелки, женскому – противоположный. Что относится, соответственно, к «дневному» и «ночному» солнцу, к стороне жизни и стороне смерти. Солнце, восходящее на востоке, является «рождающимся» по определению. Первая фаза его суточного цикла – «дневная», а это значит, что очертить «дневной» путь перед лицом наблюдателя оно может только в том случае, когда его перемещение происходит справа налево, против часовой стрелки. Достигая западной точки, светило переходит на сторону ночи, женскую сторону, и продолжает там свое движение. По часовой стрелке солнце может совершать оборот либо тогда, когда наблюдатель смотрит на юг (что бессмысленно, ибо на юге нет ничего, достойного внимания), либо тогда, когда взгляд наблюдателя направлен на север, но солнце начинает «жизнь» как светило умирающее, что абсурдно. Однако бесконечный процесс жизни, как бы ни было изящно его воплощение в «первом Ручейке», не находит в танце своего истока.

След космогонического начала обнаруживается во «втором Ручейке», где главную роль играют разделения пар. Если в первом случае смерть присутствует в танце имплицитно и символически – когда пара совершает поворот и уходит внутрь «потока», то во втором – вполне зримо и ритуально, с разделяющим пару жертвоприношением (а именно жертва – основа любого ритуала). А жертвоприношение, как мы помним и как на то указывают многочисленные источники, есть первоначальный космогонический акт, акт разделения хаоса, метафорой которого является отделение сына от матери и/или убийство сыном отца – материнского супруга, после которого символические супружеские функции возлагаются на убийцу. Новая «супружеская чета» соединяется в толще вод, ее путь – уже путь к чистой жизни, из рождающего лона она вынырнет у истока и сама превратится в часть неистребимого и неиссушаемого потока бытия.

Рассмотрим еще одну, последнюю «вариацию на водную тему». Среди всех «Ручейков» встречается и такой, где поворот отсутствует в принципе. Назовем его «Ручеек-3». При традиционном взаимном расположении мужчины и женщины в паре индивидуально-парное движение в этом танце совер-

шается изнутри наружу. Последняя пара входит в «исток», двигается внутри «потока» к «устью», чтобы «вынырнуть» оттуда, сменив свой «водный» статус на «воздушный». Говоря иными словами, сменив состояние рыбы или морского животного (часто, если не почти всегда, таковым в греческой вазописи выступал дельфин) на состояние птицы. При этом остальные пары отступают назад, освобождая место «новорожденной паре», паре «вынырнувшей». Получается, что такой «Ручеек», прямой, без поворота, является манифестацией жизни без смерти. Он – вереница рождений, *bios* в чистом виде, где каждая индивидуальная жизнь рассматривается только в своем проявлении: в рождении и, если угодно, «асимптотическом угасании», которое приближает живое к мертвому бесконечно близко, но все же не достигая его.

Интересным выглядит вопрос о том, когда мог возникнуть «третий Ручеек». Сказанное нами вскользь об «асимптотическом» приближении к смерти может дать пищу для размышления. Мы не пытаемся жонглировать словами, говоря о фактическом бессмертии пар в «Ручейке-3». Ведь мы уже выяснили, что раз нет поворота, значит, нет и символики умирания. Но ведь если нет смерти – нет и возрождения.

Разбор всех трех версий «Ручейка», однако, был бы неполным без указания их сходства. И здесь уместно вновь обратиться к теории симметрии. Все три «Ручейка» удивительным образом подобны в одном: это, пожалуй, единственные танцы, в которых реализована принципиально неосуществимая в природе трансляционная симметрия. Вот что говорит теория: «Трансляция <...> принадлежит к числу неосуществимых операций симметрии (если какой-нибудь объект переместить на заданное расстояние, то положение его изменится, если только мы не имеем дело с орнаментом бесконечной протяженности)» [4. С. 34]. Но ведь мы раз за разом в «Ручейке» имеем дело с реализацией как раз бесконечности, осуществляемой за счет возвратности движения! У нас бесконечная протяженность узора, ограниченного в пространстве, парадоксальным образом превращается в бесконечное его разворачивание во времени путем изменения направления движения как с поворотом (от жизни к смерти в «Ручейках-1, -2»), так и без него (возникновение жизни «из ниоткуда» в третьей версии танца).

Теория симметрии может дать простейшее объяснение бесконечности «Ручейка» в терминах прямых и обратных операций: «...если n – произвольная операция симметрии, то вы можете либо выполнить ее, либо уничтожить ее действие. Сведение операции n на нет называется операцией, обратной операции n <...>. Ясно, что для прямой и обратной операции всегда выполняются равенства <...>, аналогичные алгебраическому тождеству $A \times (1/A) = 1$ » [Там же. С. 182], но более интересным представляется выход за пределы математической группы симметрии [Там же. С. 180–185], в реальное пространство и время.

Результат последовательного выполнения прямой и обратной операций (в теории носит название *тождественной операции*) есть неподвижность целого, всегда тождественного самому себе; вечности и сохранности «жизни вообще» (*zoe*), неизменности ее; не столько даже протекания, сколько бытийной неподвижности, основательности, первичности *zoe*. Ее безначальности, проявляемой в смене поколений не только людей, но и богов, ее цикличности.

В настоящем исследовании мы не ставим задачей строго определять танец в терминах теории симметрии и тем более теории групп. Однако относительно танца «Ручеек» следует резюмировать, что на *синтаксическом* уровне он реализуется фигурами, точно описываемыми зеркальными отражениями (плоскостными симметриями), поворотами (осевыми симметриями) и трансляциями, приводящими к разворачиванию меандра, аналогом коего «Ручеек» выступает. На *семантическом* уровне следует отметить, что потребность в меандре возникнет всегда, как только на сцене надобится символическое изображение воды, хаоса, мира мертвых. Неудивительно, что математический подход к танцу «Ручеек» дает предсказуемый результат, поскольку, как и предполагалось, «операции симметрии имеют особое значение именно как причины, поскольку вызываемые ими эффекты при должной идеализации полностью предсказуемы» [4. С. 27].

Вывод, который можно сделать из рассмотрения «символической симметрии» танца, заключается в том, что его математический формализм нагружается смыслом подобно тому, как математические уравнения физики нагружаются интерпретацией, т.е. онтологическими значениями. В этом контексте можно констатировать успешность доказательства того, что вторжение в мифологическую область через отдельно взятый феномен – танец – и применение к последнему средств математического описания позволяют осмыслить значимость танца как инструмента культуры, вырабатывающего в качестве значений не проявления случайной биокинетической акциденции, но закономерные и фундаментальные смысловые константы социокультурного ландшафта. То есть отмечено, что эссенция танца равна его экзистенции, поскольку именно в последней отражается группа симметрии, отсылающая нас к мифологическому символизму танца как явления, выражающего себя через детерминированность группой симметрии движений.

Список источников

1. Кереньи К. Дионис: Пробраз неиссякаемой жизни. М. : ВРС, 2007. 319 с.
2. Вигнер Е. Этюды о симметрии. М. : Мир, 1971. 320 с.
3. Диоген Лазертский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М. : Мысль, 1979. 629 с.
4. Сенешаль М., Флек Дж. Узоры симметрии. М. : Мир, 1980. 271 с.
5. Кайуа Р. Игры и люди; Статьи и эссе по социологии культуры. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
6. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. : АСТ, 2004. 539 с.
7. Юнг Ф.Г. Игры. Ключ к их значению. СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2012. 335 с.
8. Акимова Л.И. Искусство Древней Греции: Геометрика, архаика. СПб. : Азбука-классика, 2007. 400 с.

References

1. Kerényi, K. (2007) *Dionis: Proobraz neissyakaemoy zhizni* [Dionysus: a prototype of an inexhaustible life]. Translated from German. Moscow: BRC.
2. Vigner, E. (1971) *Etyudy o simmetrii* [Symmetry sketches]. Translated from English. Moscow: Mir.
3. Diogenes Laërtius. (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [About the life, teachings and sayings of famous philosophers]. Translated from Greek. Moscow: Mysl'.
4. Senechal, M. & Fleck, J. (1980) *Uzory simmetrii* [Patterns of Symmetry]. Translated from English by Yu. Danilov. Moscow: Mir.
5. Caillois, R. (2007) *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games. Articles and Essays on the Sociology of Culture]. Translated from French. Moscow: OGI.

6. Huizinga, J. (2004) *Homo ludens. V teni zavrashnogo dnya* [Homo Ludens. In the Shadow of Tomorrow]. Translated from Dutch by V.V. Ovshis. Moscow: AST.

7. Jünger, F.G. (2012) *Igry. Klyuch k ikh znacheniyu*. [Games. The Key to their Value]. Translated from German. St. Petersburg: Vladimir Dal'.

8. Akimova, L.I. (2007) *Iskusstvo Drevney Gretsii: Geometrika, arkhaika* [The Art of Ancient Greece: Geometric, Archaic]. St. Petersburg: ABC-classic.

Сведения об авторах:

Маликов Е.В. – преподаватель Университетского колледжа информационных технологий, Московский государственный университет технологий и управления (Москва, Россия). E-mail: eugene@malikow.ru

Чешев В.В. – доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: chwld@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Malikov E.V. – teacher of University College of Information Technology, Moscow State University of Technology and Management (Moscow, Russian Federation). E-mail: eugene@malikow.ru

Cheshev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chwld@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 20.04.2023;

одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023

The article was submitted 20.04.2023;

approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Научная статья

УДК 165, 930.1

doi: 10.17223/1998863X/73/2

НОВЫЙ ВИТОК В ТРАКТОВКЕ СООТНОШЕНИЯ ПАМЯТИ И ИСТОРИИ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ

Василий Николаевич Сыров

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
narrat59@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируется тенденция изменения представлений профессионального сообщества о динамике соотношения исторического познания и темы памяти. Отмечается, что она смещается от традиционного убеждения (позитивистского) в преимущества научного исследования в сторону либо уравнивания их в эпистемологических и мировоззренческих возможностях, либо в актуализации преимуществ памяти. Подчеркивается, что сдвиг в данном направлении следует связать с такими тенденциями современной культуры, как формирование нового механизма исследовательской динамики и последствия распространения цифровой культуры.

Ключевые слова: историческое познание, история, память, культурная память, мифологизация, фандомная культура, культура отмены

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>

Для цитирования: Сыров В.Н. Новый виток в трактовке соотношения памяти и истории и его перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 19–35. doi: 10.17223/1998863X/73/2

Original article

A NEW TURN IN THE INTERPRETATION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN MEMORY AND HISTORY, AND ITS PROSPECTS

Vasily N. Syrov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, narrat59@gmail.com

Abstract. The article analyzes trends in the development of ideas about the relationship between historical knowledge and the topic of memory. The thesis is put forward about a significant and even radical change in the positions of the professional community towards a positive attitude towards the place and role of memory. Based on the analysis of the specifics of these assessments, the article proposes to identify possible reasons for such a turn. The most popular and fairly comprehensive review of these ideas was made in the work of the Israeli historian Alon Confino. It is generally accepted that the key ideas on this subject were formulated in the works of Maurice Halbwachs and Pierre Nora. They interpreted memory as the embodiment of a subjective attitude to the past, and history as the embodiment of a claim to an objective approach. For this reason, they evaluated memory as a “living” past, associated with its value for the present, and history as a “dead” past, namely, as having lost its relevance. Memory is plural, while history tends towards unity and uniformity. Summarizing these differences, Confino states that memory is treated as a “malleable” understanding of the past. In works of modern researchers, these differences are questioned not in favor of history. The works emphasize that historians are just as subjective and selective in the choice of topics, plots, their interpretation and are also determined by group interests. Therefore, history begins to be interpreted as a special type of cultural memory.

Gradually, evaluations of memory become more positive than those of historical knowledge, since the former is associated with authenticity, preference in the formation of identity, the ability to give the right to speak out to suppressed or marginalized voices. The American researcher Kerwin Lee Klein rightly pointed out that memory began to be interpreted as a metahistorical concept, based more on speculative premise than on historical or critical argument. Klein and Confino draw attention to the reasons for the change in attitudes towards memory. Klein connects them, in particular, with the desire to resist postmodern irony. Confino notes that interest in memory does not require an interpretative effort from the historian, and the sources seem to speak for themselves. One can thus assume that we are dealing with the formation of a new mechanism for the evolution of scientific knowledge, for the interpretation of which the term “fashion” may be most appropriate. The bottom line is that the wandering interest of the community is due simply to a strong metaphor produced by this or that authoritative author, and the practical reasons for the resulting preferences are then added retroactively. As reasons for loyalty to memory, one can also argue about the formation of a culture where, to one degree or another, certain norms of attitude towards diverse historical products coming from very diverse sources were developed and institutionalized. Finally, one can argue about the formation of general cultural trends associated with a change in the relationship between professional communities and society as a whole, which can be called the “democratization” of culture and which are associated with the development of modern technologies. We are talking about the formation of the so-called “fandom culture”, which in historical knowledge is manifested in the activation of interest in the so-called lovers of certain topics and questions of history. One can also note the role of the so-called “cancel culture”, which manifests itself in the fact that historical figures turn into a priority and most accessible object for public discussion and criticism.

Keywords: historical writing, history, memory, cultural memory, mythologization, fandom culture, cancel culture

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00465, <https://rscf.ru/project/23-18-00465>.

For citation: Syrov, V.N. (2023) A new turn in the interpretation of the relationship between memory and history, and its prospects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 19–35. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/2

Как отметил в свое время Макс Вебер, «современный человек, дитя европейской культуры, неизбежно и с полным основанием рассматривает универсально-исторические проблемы с вполне определенной точки зрения. Его интересует, прежде всего, следующий вопрос: какое сцепление обстоятельств привело к тому, что именно на Западе, и только здесь, возникли такие явления культуры, которые развивались – по крайней мере как мы склонны предполагать – в направлении, получившем *универсальное значение*. Только на Западе существует *наука* на той стадии развития, „значимость“ которой мы признаем в настоящее время» [1. С. 44]. Сейчас положения могли быть истолкованы, как минимум, в двух весьма противоположных смыслах. Прежде всего, они могли быть поняты как утверждение, что на Западе возникли такие явления культуры, которые характеризуются не просто радикальной новизной, которую Вебер связал с рациональностью и которая представляет собой радикальный разрыв со всеми предшествующими формами культуры, но которая в силу своей эффективности рано или поздно приходит на смену всем предшествующим культурным формам. Но, с другой стороны, они могли быть интерпретированы в некотором радикально релятивистском смысле (аналогичном взгляду антрополога) как специфический культурный продукт, который возник на Западе и функционален лишь для западной культуры и в этом плане стоит в одном ряду с культурными продуктами других культур,

выполнявшими те же функции, которые они выполняют для культуры Запада. Как справедливо заметил по этому поводу американский антрополог Кевин Йелвингтон, «нам не следует обманываться вездесущностью дискурса о прошлом в наших собственных обществах и беспроblemно и неуместно навязывать эту озабоченность прошлым другим культурам» [2. Р. 235].

Представляется, что такое толкование с полным основанием может быть применено к теме соотношения истории и памяти. На основании анализа высказываний ряда исследователей мы можем выдвинуть тезис о весьма существенном, если не радикальном, изменении представлений исследовательского сообщества, а именно последовательном смещении позитивной оценки от первой ко второй, подкрепив его высказываниями тех или иных влиятельных в своем поле авторов. На втором этапе наших рассуждений мы попытаемся выдвинуть тезис о возможных причинах такого поворота.

В осуществлении предложенной выше последовательности рассуждений оттолкнемся от достаточно популярного обзора темы соотношения истории и памяти, предпринятого израильским историком Алоном Конфино. Конфино отметил, что с 1997 г. вполне обоснованно утверждать, что понятие памяти приобрело с недавнего времени характер ведущего термина в культурной истории и истории в целом [3. Р. 38]. Но как только это произошло, отношение между историей и памятью стало фундаментальным в этом поле [Ibid. Р. 42]. Многие авторы, занимавшиеся изучением памяти, так или иначе затрагивали эту тему. Конфино, как и многие из них, начинает с анализа рассуждений Мориса Хальбвакса и Пьера Нора. Все они отталкивались от трактовки этих способов освоения прошлого как форм социальной практики. Но такая трактовка постепенно утрачивает свою безобидность и становится способом не просто их сравнения, а уравнивания в роли, в возможностях, в статусе [Ibid.].

Конфино отмечает, что основной тезис Хальбвакса и Нора в определении места и роли истории и памяти заключается в утверждении, что память характерна для традиционных (или домодерновых) обществ, в то время как история, формирующаяся в XIX в., относится к современным обществам или обществам эпохи модерна. Нора в своем примечательном, хотя весьма пафосном и пристрастном эссе подчеркивает дистанцию, лежащую «между истинной памятью – социальной и нетронутой, а именно, памятью так называемых примитивных, или архаических, обществ, которые служат ее моделью и владеют ее секретом, и историей, в которую превращают прошлое наши общества, обреченные на забвение потому, что они вовлечены в круговорот изменений» [4. С. 17–19].

Если же говорить о различии памяти и истории в обществах эпохи модерна, то стоит опереться на рассуждения Хальбвакса суммированные в статье румынского автора Михая Русу. По Хальбваксу, отношения между ними трактуются как «окончательное противостояние», которое выражается в следующем наборе характеристик. Прежде всего, это различие между непрерывностью памяти, которая проявляется в предпочтении сходствам, подобиям и аналогиям, и разрывами в истории, которые воплощаются в разделении непрерывного потока времени на определенные исторические периоды. Основание для такого различия французский мыслитель видел в специфической функции памяти, а именно в создании идентичности группы [3. Р. 266–267].

Отсюда вытекает разница между синтетичностью памяти, которая связывает фрагменты прошлого в единое целостное повествование, обусловленное потребностями современности, и аналитичностью истории, для которой все фрагменты прошлого одинаково значимы настолько, насколько могут внести свой вклад в историческую истину [5. Р. 267–268]. В-третьих, память, соответственно, субъективна в противовес притязаниям истории на объективность. Это обстоятельство делает память той самой «живой» памятью, поскольку в ней актуализируется только прошлое, имеющее (символическое) значение для настоящего. В истории прошлое мертво, поскольку утрачивает роль морального руководства жизнью той или иной социальной группы, превращаясь в «непрерывное балзамирование мумифицированного прошлого» [Ibid. Р. 268–269]. Далее. Интернализм памяти противопоставляется экстернализму истории. Иначе говоря, память всегда ориентирована на удовлетворение потребностей определенной группы, история с ее притязаниями на объективность открыта всем [Ibid. Р. 269]. Ну и наконец, именно по этой причине память множественна и существует только в форме множества памятей, история может быть только одной и единой, а ее многообразие может существовать лишь в форме соотношения частей и целого [Ibid. Р. 269–270]. Нора продолжает и развивает эти идеи, отмечая аспект десакрализации, характерный для исторического знания, который проявляется в том, что «история как интеллектуальная и светская операция взывает к анализу и критическому дискурсу. Память помещает воспоминание в священное, история его оттуда изгоняет, делая его прозаическим» [4. С. 19].

Суммируя эти различия, Конфино констатирует, что память трактуется как «податливое» понимание прошлого. История также «податлива», но эта податливость ограничена набором дисциплинарных правил, а именно требованиями доказательности, критичности и проверяемости. Целью исторического познания провозглашается поиск истины, в то время как память свободна от этого обязательства. Память характеризуется чертами анахронизма, топоцентризма и презентизма, чего историки стараются избегать [3. Р. 43]. Американский исследователь Марита Штуркен в добавление к указанным различиям отмечает, что история предполагает использование методологии и санкционирована официальными институтами. В истории многие нарративы противоположны, но «отдельные элементы в этих историях, которые остаются неоспоримыми, например, разобщающее влияние войны на Соединенные Штаты» [6. Р. 4–5]. Иначе говоря, универсальность и единство, приверженность истине и методу характеризуют историческое знание как предпочтительное в глазах исследовательского сообщества, но не являются необходимыми и, более того, оказываются даже чуждыми для сферы памяти.

Уже с начала 2000-х гг. американский историк Кервин Клейн отметил, что «одной из характерных черт наших новых разговоров о памяти является тенденция делать довольно широкие философские заявления о памяти или даже представлять дискурс о памяти как часть того, что смутно приветствуется как расцвет теории в отделах литературы, истории и антропологии» [7. Р. 128]. Иначе говоря, обсуждение темы памяти постепенно стало заменять истощившиеся дискуссии о роли законов в историческом объяснении, о соотношении истории и литературы, о роли нарратива в историческом познании. Обращение к этой новой теме подразумевает обещания открытия новых

перспектив в исследованиях. В итоге память постепенно приобретает характер метафоры, что позволяет расширить сферу использования этого слова вплоть до того, что в работах Яна и Алейды Ассманов через использование понятия «культурной памяти» оно становится синонимом культурной традиции в целом [8. Р. 126; 9. Р. 97–98]. В такой трактовке постепенно стираются различия между памятью и историей, а их ценность начинает определяться по тому вкладу, который они вносят в формирование идентичности индивида, группы, нации.

В атмосфере формирующихся исследовательских надежд и обещаний становится вполне ожидаемой сакрализация и гипостазирование памяти. Как справедливо заметил Клейн, память видится более привлекательной, потому что связывается с непосредственностью восприятия прошлого, которая кажется утраченной в ходе исторического познания. «В то время, когда другие подобные категории – Человек, История, Дух – потеряли большую часть своего блеска, память идеально подходит для возвышения на пьедестал. Одна из причин, по которой память обещает возрождение ауры, заключается в том, что ее традиционная связь с религиозными контекстами и значениями намного старше и тяжеловеснее, чем сравнительно недавние попытки профессиональных историков трактовать мемориальную практику как рудиментарную предысторию» [7. Р. 129–130]. Поэтому он подчеркивает, что «как в академическом, так и в популярном дискурсе память и связанные с ней ключевые слова продолжают порождать целый спектр теологических понятий, а также неопределенные коннотации с духовностью и подлинностью» [Ibid. Р. 130]. В ряде текстов гипостазированная память становится активным агентом, если не героем нарративов о прошлом [Ibid. Р. 136]. Она связывается с понятиями идентичности, ядра идентичности, самости [Ibid. Р. 135], что должно не только открывать новые исследовательские горизонты, но и, судя по всему, порождать священный трепет.

Понятно, что в таком интеллектуальном и эмоциональном контексте тема взаимоотношения памяти и истории начинает радикально трансформироваться. Возможно, что одним из первых, кто задал соответствующий тон в обсуждении, стал Нора. Память связывалась им с жизнью и жизненностью в силу ее постоянной актуальности и эмоциональной насыщенности, обусловленной, видимо, тем, что прошлое, содержащееся в памяти, кажется частью современности и потому столь сильно переживается. Эта жизненность также ассоциируется с символической насыщенностью того, что в ней содержится, и потому приобретает сакральный характер. Даже субъективность, если не пристрастность, памяти делает ее живой. Она гибкая, пластичная, всегда в движении, всегда чья-то. Понятно, что такая жизненность явно или неявно связывается с позитивностью. В противовес ей «история – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет». Она застывшая, лишена принадлежности кому-либо и своей рефлексивностью убивает ощущение сакральности. В некотором смысле история ассоциируется со смертью [4. С. 20]. В дальнейшем эти метафоры «жизни» и «смерти» и отождествление первой с памятью, а второй – с историей станут весьма популярными в исследовательской и публицистической литературе, задав направление, общий тон и тип дискурса в обсуждении данной тематики. Но отметим, что видимо, это тот случай, когда метафора вместо того, чтобы расширять исследо-

вательские горизонты, сводится к простой риторике, призванной скорее завораживать читателя ритмическими повторениями формулировок, приобретших сакральный статус.

Стоит отметить прежде всего, что тезис об окончательном противостоянии стал сменяться утверждением о необходимости сотрудничества памяти и истории [6. Р. 5]. Аргентинский историк Федерико Финкельштейн в диалоге с известным психоаналитиком Дори Лауб вполне резонно предположил, что по отношению к травматическим событиям недавнего прошлого резкое противопоставление истории и памяти требует изменения, а именно их комбинирования в «продолжающемся процессе интерпретации и памятования» [10. Р. 51]. Эта идея хорошо вписывается в предложение известного немецкого исследователя Йорна Рюзена о необходимости так называемой «вторичной травматизации» или изменения самого способа написания, в котором травматические события оставляют свои следы в самих схемах придания значения той или иной совокупности событий [11. Р. 16]. Хотя сам Рюзен предостерегал от превращения Holocaust-studies в отдельную область исследования [Ibid.] и особо не указывал на роль памяти как способа защиты от негативных форм историзации травматического прошлого. С этой точки зрения нет надобности возражать против диалога истории и памяти в изображении событий недавней истории, особенно в том, что касается силы воздействия эмоционально насыщенных воспоминаний свидетелей травматических событий на формирование идентичности и общего отношения к прошлому в целом у последующих поколений. Штуркен поэтому правомерно утверждает, что она рассматривала бы «культурную память и историю как переплетенные, а не противопоставленные друг другу» [6. Р. 5]. По ее словам, движение между ними становится столько интенсивным, что во многих случаях делает бесполезным поведение различий.

Но идея сотрудничества памяти и истории начинает распространяться на более широкую сферу их соотношения. Русу отметил, что «взаимосвязь между коллективной памятью и историей можно охарактеризовать как теоретическое различие и практическое единство» [5. Р. 279]. Он вполне правомерно подчеркнул, что практическая или практикующая история в отличие от ее идеализированного теоретического образа зачастую также пропитана политическими, идеологическими, методологическими предубеждениями, которые приближают ее к коллективной памяти. В итоге «практическая история и коллективная память пересекаются и переплетаются друг с другом, образуя сложную сеть, которая воплощает собой общественное представление о прошлом» [Ibid.]. Как отмечает Питер Берк, «ни воспоминания, ни истории больше не кажутся объективными. В обоих случаях историки учатся принимать во внимание сознательный или бессознательный отбор, интерпретацию и искажение. В обоих случаях они приходят к выводу, что процесс отбора, интерпретации и искажений обусловлен или, по крайней мере, находится под влиянием социальных групп» [12. Р. 44]. Иначе говоря, по Берку, историки оказываются столь же избирательными в выборе тем, сюжетов и путей их видения, сколь и носители памяти, а избирательность исторического знания оказывается обусловленной теми же обстоятельствами, что и память, а именно групповыми ожиданиями и интересами. Поэтому Вульф Канштайнер резонно приходит к выводу, что, возможно, историю более уместнее опреде-

лять как еще один особый тип культурной памяти [13. Р. 184], а не противопоставлять ее всем остальным формам культурного бытия. Эстонский автор Марек Тамм отмечает, что историческое исследование является одним из важнейших путей для максимально полного понимания прошлого, но, конечно, не единственным и не обязательно самым влиятельным [14. Р. 463].

Становятся популярными более радикальные рассуждения об общей укорененности истории в памяти, видимо, навеянные, в конечном счете, метафорой истории как памяти человечества. В этом отношении весьма примечательны пропитанные ностальгией в духе Нора размышления американского историка Патрика Хаттона. Ключевой тезис, им выдвигаемый, заключается в утверждении, «что история является искусством памяти, так как она опосредует столкновение двух моментов памяти: повторения и воспоминания» [15. С. 23]. Повторение предполагает такое воспроизводство прошлого в настоящем и будущем, которое можно назвать продлением традиции, в отличие от воспоминания. Судя по общей тональности повествования, автор и современную историю (как вид знания) продолжает связывать с воспроизведением, пусть критически обрамленным, записанных воспоминаний о прошлом. «Возможно, уместно было бы предположить, что отличительной чертой той историографии, которую мы называем современной, была ее способность сделать доступными печатные репродукции менее доступных манускриптов, хранившихся в архивах и библиотеках» [Там же. С. 25]. Даже работу историков-постмодернистов он трактует в духе актуализации контрпамяти или отвергнутых (подавленных) традиций и критического отношения к официальной памяти как источника власти. Предполагается, по Хаттону, что задачей историка, по сути, является воссоздание прошлого в том виде, как оно виделось самим участникам событий этого прошлого, или в том виде, как оно им запомнилось. Единственное, что, по Хаттону, характеризует современных историков, что они не могут «надеяться на возвращение к источникам изменчивых образов живой памяти... Но они могут описать, как запомнившееся прошлое оказалось со временем воплощенным в мемориальные формы» [Там же. С. 29].

Понятно, что так понятое историописание остается искусством памяти. Понятен и упрек Хаттона современному историку. «Недостаточно описать прошлое через его репрезентации, так как такой подход предполагает отчужденность от живых переживаний, которые память несет с собой в настоящее» [Там же. С. 30]. Идея живого прошлого, которое может и должно быть восстановлено путем повторения в настоящем и которое потому является живым, в конечном счете, выходит на передний план. «Прошлое, как оно когда-то переживалось, а не как впоследствии использовалось, является той стороной памяти, которую мы должны стремиться восстановить» [Там же. С. 30–31]. Эта мысль приобретает облик своеобразного стереотипа в соответствующей литературе. Так, американский историк Габриэль Шпигель подчеркивает, что «в той мере, в какой память „перевосплощается“, „возрождается“, „перерабатывается“ и заставляет прошлое „вновь появиться“ и снова жить в настоящем, она не может действовать исторически, поскольку отказывается оставить прошлое в прошлом, провести как бы черту, отделяющую прошлое от настоящего, что является составной частью современной историографии как таковой» [16. Р. 162].

Мы можем говорить и о более радикальном подходе, связанном уже с негативной оценкой истории и, соответственно, с позитивной оценкой памяти. Английский исследователь Джоанна Гард-Хансен фиксирует достаточно распространенную позицию в литературе, провозглашающую конец истории и начало памяти и связывающую ее с распространением современных медиа [17. Р. 3]. Турецкая исследовательница Дилек Ожан Коджак в обзоре современных концепций памяти приводит весьма примечательную идею исследовательницы из Франкфурта Астрид Эрл о двух типах памяти, выделяемых ею на основании их направленности: ретроспективно ориентированная, или память, оглядывающаяся назад, а потому ностальгически нагруженная, социально непродуктивная, и перспективно- или будущностно-ориентированная, которая ставит на передний план этические аспекты. Первый тип памяти, по мнению Коджак, связан с эпистемологией исторического знания [18. Р. 58].

Клейн фиксирует своеобразный апогей столь идеализированного отношения к памяти и связывает его с противопоставлением аутентичности памяти западным версиям истории в постколониальных исследованиях [7. Р. 137]. Нет нужды, отрицать необходимость пересмотра сложившихся официальных версий истории, особенно в западной историографии, и роли незападной историографии в актуализации этой темы, что сам Клейн назвал «здоровым результатом деколонизации» [Ibid.]. Но, как всегда, вместе с водой выплеснули и ребенка. Поэтому, как справедливо отмечает тот же Клейн, «причуды памяти становятся ее сильными сторонами, и признание того, что некоторые историки восприняли как свидетельство неполноценности памяти по отношению к „реальной“ истории, приобретает терапевтический, если не революционный потенциал» [Ibid. Р. 137–138]. В конечном счете, по его словам, «память и история распадаются на нестабильную цепь антиномий» [Там же. Р. 138]. История отождествляется с модернизмом, государством, наукой, империализмом, андроцентризмом, в общем с инструментами угнетения и подавления, а память – с постмодернизмом, «символическим исключенным», «телесностью», «средством исцеления и инструментом искупления» [Ibid.]. «Серия инверсий обеспечивает драматизм: раб побеждает хозяина, женщина свергает мужчину, а локальное противостоит универсальному» [Ibid.].

Рефлексия по поводу такого аксиологически нагруженного сопоставления и противопоставления истории и памяти может двигаться, как минимум, в двух направлениях. Можно посетовать еще раз по поводу удивительной забывчивости профессионального сообщества о том, что отличает историческое познание от сферы памяти. Здесь стоит еще раз обратить внимание на актуализированное Нора противопоставление «живой» памяти и «мертвой» истории, которое может быть понято, как минимум, двояко. Бесспорно, что некоторые события, особенно недавнего прошлого, как правило, травматические, могут эмоционально переживаться даже по прошествии времени; такое переживание может передаваться потомкам (например, в форме постпамяти) и становиться тем самым не просто определенным способом отношения к такому прошлому, но и формировать мотивацию поведения (помнить, чтобы не повторить, помнить, чтобы восстановить справедливость). Можно сказать, что такое отношение «оживляет» прошлое, и даже превращает его в часть настоящего, хотя и темпорально удаленную от точки «теперь». Нет нужды говорить, какую роль играет такое восприятие для формирования идентично-

сти. Но столь же очевидна амбивалентность такой трактовки прошлого, особенно в том, что касается темпорально удаленных объектов и особенно в национальных историях, когда современников начинают трактовать как прямых потомков, а предшественников – как их прямых предков и на этом основании возлагать на первых ответственность за деяния вторых. Достаточно указать, что такая трактовка грешит антиисторичностью как неумением и нежеланием видеть различия между прошлым и настоящим, а по сути стирает грани между памятью, историей и мифом (или идеологией).

С другой стороны, толкование истории как «мертвой» создает ощущение, что для сторонников такой оценки, если история не участвует в формировании идентичности, как правило, в виде «славного» прошлого, или не используется для обоснования каких-либо реалий современности, то вообще не имеет общественного смысла, кроме удовлетворения сугубого внутри-профессионального интереса. Конечно, как отмечалось выше на примере рассуждений Берка, критическая рефлексия, особенно в период расцвета постмодернизма, показала, что историческое знание страдает теми же недостатками, что и память. Но когда такое признание сделано, остается либо надеяться, что историческое знание как вид научного знания обладает внутренними ресурсами для самоочищения (критичность, доказательность и т.д.), либо меланхолически согласиться с тезисом Канштайнера о равенстве (во своих достоинствах и недостатках) всех культурных форм.

Но можно и, видимо, более нужно для определения, так скажем, взвешенного отношения к ставшей столь популярной оппозиции поставить вопрос о причинах возросшего позитивного отношения к памяти. Неоднократно по разным поводам подчеркивалось, что описания того или иного явления говорят не столько о нем самом, сколько о том, чему его противопоставляют. Поэтому в экспликации возможных причин стоит оттолкнуться от размышлений Клейна и Конфино, которые видятся наиболее репрезентативными. Клейн достаточно скрупулезно выделяет, как минимум, пять причин столь пристального, если не пристрастного, интереса к памяти. Это и утверждение, вслед за Нора, что мы одержимы памятью, потому что разрушили ее историческим сознанием. Это и реакция на кризис идентичности, это модификация с помощью современных словарей гегелевского историзма. Это отношение к прошлому, естественное для людей и обществ без истории, и поэтому характерное для них возрождение памяти, которое тогда можно считать благотворной чертой деколонизации.

Ну и наконец, это тезис Клейна, что актуализация темы памяти является запоздалым ответом на раны современности [7. Р. 145]. Недаром рассуждения о ценности памяти были связаны с дискурсом, оперирующим языком «травмы», «травматического опыта», «пограничного события», «траура» и т.д., который стал перерастать свои изначальные границы и приобретать более масштабный характер в плане объектов применения и изменения их статуса. Эдит Выщегрод подчеркивала, что в историческом исследовании этическое первично по отношению к эпистемологическому, и суть его заключается в имплицитном обещании не забывать исчезнувшее прошлое, сделать его открытым настоящему и будущему [19]. Она специально указывала, что дается такое обещание не столько современному читателю, сколько тем, кто уже больше не имеет голоса [Ibid.]. В таком контексте память резонно стала трак-

товаться как экспликация и актуализация подавленного и репрессированного. Недаром Клейн указывал, что понятие «пограничного события» в использовании темы памяти стало использоваться как способ избежать тотализирующих или нормализирующих форм исторического дискурса [7. Р. 137], когда события такого рода либо игнорируются (как правило, в национальных историях), либо трактуются как одно из многих событий в общей исторической цепи, воплощающее тем самым то, что случалось всегда, везде и со всеми. Поэтому Леви и подчеркивал, что нарративы, именуемые им рефлексивными, должны обращать внимание на особые события, которые свидетельствуют о несправедливости, проявленной собственной нацией по отношению к другим [20. Р. 19], а упомянутый выше Рюзен актуализировал роль траура как поворотного пункта в историческом сознании [11. Р. 18–19].

С другой стороны, Клейн справедливо обратил внимание, что связь и даже ассоциация памяти с подавленными голосами стала истолковываться как метаисторический концепт, основанный более на спекулятивных, чем на собственно исторических или критических основаниях [7. Р. 143]. Так, исследователи, пишущие о памяти в нынешней Восточной Европе, отмечают, что для многих респондентов «недавнее социалистическое прошлое имеет тенденцию казаться периодом довольно упорядоченной и легко воспринимаемой жизни, относительного благополучия, безопасности и стабильности в противовес неуверенности и обнищанию нынешней жизни и поэтому предстает более понятным и привлекательным для них, чем настоящее время» [21. Р. 426]. Такой материал ставил под сомнение позитивную ценность памяти. Вот почему американский исследователь Алан Мегилл правомерно указывал, что статус жертвы не может быть приписан, а должен быть установлен посредством соответствующих исследовательских процедур [22. Р. 65]. К этому стоит добавить, что даже статус жертвы в контексте постсоветской ностальгии приобретает двусмысленное звучание.

В итоге Клейн заявляет, что ни одно из вышеописанных объяснений не может считаться убедительным [7. Р. 143], и заключает, что «память может выйти на первый план в эпоху историографического кризиса именно потому, что она выступает в качестве терапевтической альтернативы историческому дискурсу» [Ibid. Р. 145]. Резонно полагать, что речь о кризисе идет не столько в эпистемологическом контексте (хотя и эта сторона периодически всплывает в теме такого кризиса. См., например: Kleinberg E., Scott J.W., Wilder G. *Theses on Theory and History* [23]). Да и сам Конфино замечает, что «понятие памяти изменило понимание историками роли присутствия прошлого в жизни людей прошлого, превратив его в важный эмпирический, аналитический и теоретический инструмент, с помощью которого понимаются социальные, политические, культурные, даже экономические явления, которые ранее трактовались как определяемые совершенно другим набором факторов» [3. Р. 44]. Тема такого кризиса встает скорее при обсуждении вопросов идеологического и морально-политического порядка. Собственно, Конфино и подчеркнул в финале своих рассуждений, что использование памяти «зависит от того, что историки и неисторики делают с памятью, каковы их намерения (политические, методологические и др.) и как они используют память, чтобы понять свой мир и свое прошлое» [Ibid. Р. 49].

В чем же суть этой терапевтической альтернативы, приписываемой памяти? Здесь также возможны разные толкования. Сам Клейн склоняется к мысли, что воспевание памяти, доходящее до ее сакрализации и использования, как он пишет, «полурелигиозного языка» ее описания, связано со стремлением определенного направления современной мысли противостоять все разъедающему скепсису постмодернистской иронии [7. Р. 145]. Но Конфино полагает, что такой путь, предполагающий восстановление серьезности и своеобразной непосредственности отношения к прошлому, в итоге приводит к своеобразной «невыразимой легкости толкования», которая не требует от историка интерпретативных усилий, требуемых нормами работы с источниками, и где источники, так сказать, говорят сами за себя [3. Р. 50].

Представляется, что на более глубинном уровне сущность этой терапии мы можем обнаружить в рассуждениях знаменитого Хайдена Уайта о специфике так называемого практического прошлого, «на которое люди как индивидуумы или члены групп опираются для помощи в оценках и принятии решений как в обычной повседневной жизни, так и в экстремальных ситуациях» [24. Р. 13]. Конечно, Уайт также говорил о специфике травматических событий, о ценности события как такового в контексте популярного на тот момент тренда о нарративизации истории и его значимости для практического подхода к прошлому. Но, как кажется, значение его рассуждений заключается в более сильном утверждении: «Я отрицаю, что историки в их современном „профессиональном“ состоянии обладают ресурсами, необходимыми для осуществления „этически ответственных“ суждений по поводу того, что мы подразумеваем под „историей“» [25. Р. 335]. В итоге «в результате усилий истории превратиться в „науку“, каким бы скромным, каким бы отличным от парадигмы физической науки он ни был, в желании „говорить правду [и ничего, кроме правды]“ о прошлом, в своем стремлении изолироваться от искушений литературного письма, излишеств философии истории и соблазнительности идеологии профессиональная историография не может теперь достойно участвовать в дискуссиях по основным политическим, этическим и идеологическим вопросам» [Ibid. Р. 335–336]. К этому можно добавить в качестве одной из причин, что история не обладает (или утратила способность говорить) соответствующим (говоря словами самого Уайта, фигуративным) языком.

Значимость данных размышлений видится в том, что автор подчеркнул не сколько текущие извивы исторической мысли, сколько общую тенденцию ее трансформации на протяжении XIX–XXI вв. Представляется, что она заключается в постепенном превращении профессионального сообщества в той или иной степени в относительно замкнутую корпорацию со своей тематикой, языком, критериями отбора, логикой функционирования и т.д. Не пытаюсь отделить в этом сложном и противоречивом, да еще и обусловленном особенностями той или иной культуры процессе зерна от плевел, укажем лишь на одно обстоятельство. Дело в том, что требование истины (особенно позитивистски интерпретированное) с неизбежностью вело и привело не только к освобождению знаний от ценностей, но и к выработке языка (а вслед за ним и подхода: факты и ничего кроме фактов), позволяющего минимизировать его имманентную аксиологическую составляющую (Уайт называл его техническим). В итоге вместе с водой выплеснули и младенца: историческое

знание оказалось плохо подготовленным к тому, чтобы достойно ответить и отвечать на вызовы современной культуры. Более того, как метко заметил Уайт, такая «современная трактовка истории скорее только подавляет, а не рассеивает мифические способы мышления и выражения, чем способствует возвращению этого вытесненного материала в виде мировоззрения, которое призвано показать, что все всегда именно таким и должно быть [25. Р. 337].

Можно, конечно, усомниться в эффективности лекарства, которое предлагал Уайт, когда настаивал, что выход из сложившегося тупика возможен только на пути создания нарративов не с большим количеством исторических фактов, а с большей художественной целостностью и поэтической силой смысла [Ibid. Р. 336]. В этом аспекте хороший анализ истолкования интенций, подоплеки, значения и перспектив размышлений американского мыслителя мы можем увидеть в статье Андрея Олейникова [26]. Возможно, конечно, критическая рефлексия по поводу того состояния, в котором оказалась историческая мысль, а именно ее проникновение в сознание профессионального сообщества, позволит высвободить несомненный эвристический потенциал исторического знания как способа освоения прошлого или, по крайней мере, преодолеть уравнивание (и даже воспевание этого уравнивания) истории, памяти, мифа в характеристике их потенциала в реализации определенных культурных функций. Но, как представляется, резоннее рассматривать те или иные суждения по поводу соотношения истории и памяти как отражение более глубоких процессов, происходящих в современной культуре.

Стоит оговориться, что последующие размышления более представляют собой серию своеобразных гипотез, эвристичность которых будет определяться степенью их верификации. Поэтому в данном тексте они будут трактоваться лишь как возможные перспективы исследований. Самое простое будет предположить, что восторженность памятью отражает лишь моду на определенную тематику и тип дискурса в целом, которая рано или поздно пройдет. Но хотя уже за использованием этого термина можно усмотреть работу механизма формирования и смены исследовательских интересов, который заключается в том, что, говоря языком Пьера Бурдьё, исследователи набрасываются на темы и проблемы, сформулированные авторами с высокой степенью легитимности, потому что предполагают извлечь из них свою долю символического капитала (хотя происходить это может зачастую неосознанно).

Но термин «мода» может характеризовать определение причин и общего механизма динамики научного знания. Несколько схематично изображая динамику интереса к темам исторического познания, тем не менее мы можем увидеть, как тема роли законов в историческом познании постепенно сменилась темой нарратива, а та – темой памяти. Можно, конечно, усмотреть преемственность в этой смене и указать на роль внешних импульсов, к ней подталкивающих, но столь же резонно предположить, что, возможно, мы имеем дело с формированием нового механизма эволюции научного (гуманитарного, по крайней мере) знания, для интерпретации которого термин «мода» может оказаться наиболее уместным. Суть ее в предположении, что блуждающий интерес сообщества обуславливается просто сильной метафорой, произведенной тем или иным автором с достаточной долей авторитета, а практические (идеологические, политические и т.д.) основания возникших предпочтений присоединяются затем задним числом. Более того, этот термин

(мода) подчеркивает отсутствие какой-либо направленности в этом процессе (использование постмодернистской «ризомы», видимо, здесь уместнее всего), поскольку возрождаться и актуализироваться могут трактовки, казавшиеся давно преодоленными. Так, казалось бы, недостатки памяти как исторического источника и основания формирования ценностных ориентиров должны были стать азбучной истиной, по крайней мере, для профессионального сообщества, но, как показывает ситуация, отнюдь не стали препятствием для возрождения восторженного отношения к ней.

Опять-таки можно утверждать о складывании культуры, где в той или иной степени выработались, институализировались и даже интериоризировались определенные нормы отношения (требование рациональности, например) к многообразной исторической продукции, поступающей из весьма многообразных источников. Возможно, что именно это обстоятельство дает основания для столь лояльного отношения к памяти как конкуренту исторического знания, поскольку предполагается, что сложились некоторые имплицитные нормативные пределы отношения к ней и ее применения. Но также возможно, однако, предположить, что механический перенос такого отношения в другие культуры может иметь катастрофические последствия как для исторического знания, так и самой памяти, как для профессионального сообщества, так и для общественного сознания в целом.

Но, с другой стороны, возможно, что в трансформации оценок соотношения памяти и истории мы имеем дело с проявлением некоторых любопытных общекультурных тенденций, связанных с изменением взаимоотношений профессиональных сообществ и общества в целом, которые несколько неудачно и неадекватно, но можно назвать «демократизацией» культуры и которые связаны с развитием современных технологий. Как отметил американский исследователь Поль дю Кенуа, даже случайный студент, который просто интересуется историей, благодаря доступным издательским форматам за пределами академической литературы, в состоянии составить представление о пользующихся популярностью темах: военной истории, дипломатии, политических нарративах, биографиях «великих людей» [27]. Более того, по словам Дениса Артамонова и Софьи Тихоновой, отмечающих тенденции развития так называемой гражданской науки, она «модифицирует характерные для модерна формы трансляции научного знания и роль дилетантов-любителей, превращая их в добровольцев с разной степенью активности и включенности в процесс исследования. Гражданская наука не только вовлекает массы в процессы расширения инфраструктуры исследований, она предполагает усиление исследовательской активности людей, не инкорпорированных в научное сообщество [28. С. 16]. В этих рассуждениях можно отметить два аспекта. Один связан с растущим интересом общества даже не столько к темам истории, сколько к темам науки в целом. В некотором смысле его можно связать с развитием и распространением фандомной культуры. В сфере истории она, конечно, связана не столько с писаниями любителей по поводу альтернативной истории (хотя и это имеет место), сколько с их интересом к тем или иным темам и сюжетам прошлого. Вопрос о том, как строятся, могут и должны строиться отношения любителей с профессиональным сообществом, является предметом отдельного исследования. Но оно становится толчком к актуализации второго аспекта вышеописанного интереса.

Дело в том, что в общественном сознании тема истории будет приобретать весьма определенный ракурс. Несколько упрощенно, но, как правило, индивидам легче воспринимать историю как историю людей и событий, а не как историю структур и процессов. С одной стороны, такое восприятие прошлого делает именно его благоприятным для формирования (коллективной, как правило) идентичности, поскольку людям легче отождествлять или видеть себя в привлекательном свете как продолжателя действий великих людей и великих событий. С другой стороны, такое прошлое наиболее уязвимо для его мифологической зараженности и насыщенности моральными аспектами (приводящими к бессознательному презентизму). В определении такого положения дел и последствий его воздействия, видимо, уместнее всего провести параллель с набирающей популярность «культурой отмены». Бесспорно, что именно знаковые личности и их действия превращаются в приоритетный и наиболее доступный объект для обсуждения и критики. Более того, как отмечает исследователь из университета Огайо Ева Нг, они могут служить катализаторами для более масштабного и глубинного осмысления процессов, выражением или символом, которым они являются [29. Р. 140]. Но, с другой стороны, как она указывает, внимание к личностям и событиям может приводить к смещению внимания, так сказать, с глубины на поверхность, к игнорированию структурных причин и форм выражения тех или иных осуждаемых явлений [Ibid. Р. 65].

С этой точки зрения можно предположить, что вышеописанный разворот исследований памяти снова актуализирует тему о вкладе профессионального сообщества в этот процесс. Если согласиться с тезисом, что массовое сознание, видимо, может воспринимать прошлое лишь в формате личностей и событий, тогда фактическое уравнивание внутри самого исследовательского сообщества истории (как вида исследования) и памяти выглядит угрожающим и предстает опасным симптомом тенденций развития современной культуры. По крайней мере для профессионального сообщества историков это сигнал, призывающий более активно включаться в культурную жизнь в целом и, как минимум, сделать предметом рефлексии вопрос о выработке дискурса и форматов, посредством которых историческая продукция могла быть продуктивно интегрированной в культурное пространство. Если сказать более конкретнее, похоже, что встает старый вопрос о предпочтительных формах коллективной идентичности и формах реакции на те новые инструменты, с помощью которых она будет вырабатываться и трансформироваться («культура отмены», например).

Список источников

1. Вебер М. Предварительные замечания // Избранные произведения / пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. С. 44–60.
2. Yelvington Kevin A. History, Memory and Identity: A programmatic prolegomenon // Critique of Anthropology. 2002. Vol. 22, № 3. P. 227–256.
3. Confino A. Chapter 2 History and Memory // Oxford Handbook of Historical Writing. Volume 5: Historical Writing Since 1945. 2011 / ed. by A. Schneider, D. Woolf. Oxford Univ. Press, 2011. P. 36–51.
4. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
5. Rusu M.S. History and Collective Memory: The Succeeding Incarnations of an Evolving Relationship // Philobiblon. 2013. Vol. XVIII. № 2. P. 260–282.

6. *Struken M.* Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic and the Politics of Remembering. University of California Press, 1997. 375 p.
7. *Klein K.L.* On the Emergence of Memory in Historical Discourse // *Representations*. 2000. № 69. Special Issue: Grounds for Remembering. P. 127–150.
8. *Assmann J., Czaplicka J.* Collective Memory and Cultural Identity // *New German Critique*. 1995. № 65. P. 125–133.
9. *Assmann A.* Canon and Archive // *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook* / ed. by A. Erll, A. Nünning. Walter de Gruyter, 2008. P. 97–109.
10. *Laub D., Finchelstein F.* Memory and History from Past to Future: A Dialogue with Dori Laub on Trauma and Testimony // *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society* / ed. by Y. Gutman, A.D. Brown, A. Sodaro. Palgrave Macmillan, 2010. P. 50–65.
11. *Rüsen J.* Trauma and Mourning in Historical Thinking // *Journal of Interdisciplinary Studies in History and Archaeology*. 2004. Vol. 1, № 1. P. 10–21.
12. *Burke P.* History as Social Memory // *Varieties of Cultural History*. Ithaca, NY : Cornell University Press, 1997. P. 43–59.
13. *Kansteiner W.* Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies // *History and Theory*. 2002. Vol. 41, № 2. P. 179–197.
14. *Tamm M.* Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies // *History Compass*, 2013. Vol. 11, № 6. P. 458–473.
15. *Хаттон П.Х.* История как искусство памяти / пер с англ. В.Ю. Быстрова. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. 423 с.
16. *Spiegel G.M.* Memory and History: Liturgical Time and Historical Time // *History and Theory*. 2002. Vol. 41. № 2. P. 149–162.
17. *Garde-Hansen J.* Media and memory. Edinburgh University Press, 2011. 174 p.
18. *Koçak D.Ö.* Collective Memory and Digital Practices of Remembrance // *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten* / ed. by H. Friese, G. Rebane, M. Nolden, M. Schreiter. Springer VS. Wiesbaden, 2020. P. 55–66.
19. *Wyschogrod E.* Representation, Narrative, and the Historian's Promise // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn and R.A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 28–44.
20. *Levy D.* Changing Temporalities and the Internationalization of Memory Cultures // *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society* / ed. by Y. Gutman, A. D. Brown, A. Sodaro. Palgrave Macmillan, 2010. P. 15–30.
21. *Koleva D.* Hope for the Past? Postsocialist Nostalgia 20 Years Later // *20 Years after the Collapse of Communism: Expectations, achievements and disillusion of 1989 (Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe)* / ed. by N. Hayoz, L. Jesien, D. Koleva. Bern; Berlin; Bruxelles; Frankfurt am Main; New York; Oxford; Wien, 2011. P. 417–434.
22. *Megill A.* Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's *An Ethics of Remembering* // *The Ethics of History* / ed. by D. Carr, T.R. Flynn and R.A. Makkreel. Northwestern University Press, 2004. P. 45–75.
23. *Kleinberg E., Scott J.W., Wilder G.* Theses on Theory and History. 2018. P. 1–7. URL: <http://theoryrevolt.com>
24. *White H.* The practical past. Northwestern University Press, 2014. 158 p.
25. *White H.* The Public Relevance of Historical Studies: A Reply to Dirk Moses // *History and Theory*. 2005. Vol. 44, № 3. P. 333–338.
26. *Олейников А.* Хейден Уайт как публичный историк. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20639/
27. *du Quenoy P.* Cancel culture: tales from the front lines. Washington : Academica Press, 2021.
28. *Артамонов Д.С., Тихонова С.В.* DIY-технологии в конструировании исторической памяти // *Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего* : сб. статей по итогам Всерос. науч. конф. / под ред. В.Н. Сырова. Саратов : Наука, 2018. С. 16–20.
29. *Ng E.* Cancel Culture. A Critical Analysis. Palgrave Macmillan, 2022. 153 p.

References

1. Weber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow: Progress.
2. Yelvington, K.A. (2002) History, Memory and Identity: A programmatic prolegomenon. *Critique of Anthropology*. 22. pp. 227–256.

3. Confino, A. (2011) Chapter 2: History and Memory. In: Schneider, A. & Woolf, D. (eds) *Oxford Handbook of Historical Writing*. Vol. 5. Oxford University Press. pp. 36–51.
4. Nora, P. (1999) Problematika mest pamyati [The problem of places of memory] In: Nora, P., Ozuf, M., Pyuimezh, Zh. de & Vinok, M. (eds) *Frantsiya-pamyat'* [France-memory]. St. Petersburg: St. Petersburg University. pp. 17–50.
5. Rusu, M.S. (2013) History and Collective Memory: The Succeeding Incarnations of an Evolving Relationship. *Philobiblon*. 18(2). pp. 260–282.
6. Struken, M. (1997) *Tangled Memories: The Vietnam War, the AIDS Epidemic and the Politics of Re-membering*. University of California Press.
7. Klein, K.L. (2000) On the Emergence of Memory in Historical Discourse. *Representations. Special Issue: Grounds for Remembering*. 69. pp. 127–150.
8. Assmann, J. & Czaplicka, J. (1995) Collective Memory and Cultural Identity. *New German Critique*. 65. pp. 125–133.
9. Assmann, A. (2008) Canon and Archive. In: Erll, A. & Nünning, A. (eds) *Cultural Memory Studies. An International and Interdisciplinary Handbook*. Walter de Gruyter. pp. 97–109.
10. Laub, D. & Finchelstein, F. (2010) Memory and History from Past to Future: A Dialogue with Dori Laub on Trauma and Testimony. In: Gutman, Y., Brown, A.D. & Sodaro, A. (eds) *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society*. Palgrave Macmillan. pp. 50–65.
11. Rüsen, J. (2004) Trauma and Mourning in Historical Thinking. *Journal of Interdisciplinary Studies in History and Archaeology*. 1. pp. 10–21.
12. Burke, P. (1997) History as Social Memory. *Varieties of Cultural History*. pp. 43–59.
13. Kansteiner, W. (2002) Finding Meaning in Memory: A Methodological Critique of Collective Memory Studies. *History and Theory*. 41(2). pp. 179–197.
14. Tamm, M. (2013) Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies. *History Compass*. 11(6). pp. 458–473.
15. Hutton, P. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an Art of Memory]. Translated from English by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
16. Spiegel, G.M. (2002) Memory and History: Liturgical Time and Historical Time. *History and Theory*. 41(2). pp. 149–162.
17. Garde-Hansen, J. (2011) *Media and memory*. Edinburgh University Press.
18. Koçak, D.Ö. (2020) Collective Memory and Digital Practices of Remembrance. In: Frieze, H., Rebane, G., Nolden, M. & Schreiter, M. (eds) *Handbuch Soziale Praktiken und Digitale Alltagswelten*. Wiesbaden: Springer VS. pp. 55–66.
19. Wyschogrod, E. (2004) Representation, Narrative, and the Historian's Promise. In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. *The Ethics of History*. Northwestern University Press. pp. 28–44.
20. Levy, D. (2010) Changing Temporalities and the Internationalization of Memory Cultures. In: Gutman, Y., Brown, A.D. & Sodaro, A. (eds) *Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society*. Palgrave Macmillan. pp. 15–30.
21. Koleva, D. (2011) Hope for the Past? Postsocialist Nostalgia 20 Years Later. In: Hayoz, N., Jesien, L. & Koleva, D. (eds) *20 Years after the Collapse of Communism: Expectations, achievements and disillusion of 1989 (Interdisciplinary Studies on Central and Eastern Europe)*. Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: [s.n.]. pp. 417–434.
22. Megill, A. (2004) Some aspects of Ethics of History-Writing: reflections on Edith Wyschogrod's "An Ethics of Remembering." In: Carr, D., Flynn, T.R. & Makkreel, R.A. (eds) *The Ethics of History*. Northwestern University Press. pp. 45–75.
23. Kleinberg, E., Scott, J.W. & Wilder, G. (2018) *Theses on Theory and History*. [Online] Available from: <http://theoryrevolt.com>
24. White, H. (2014) *The Practical Past*. Northwestern University Press.
25. White, H. (2005) The Public Relevance of Historical Studies: A Reply to Dirk Moses. *History and Theory*. 44(3). pp. 333–338.
26. Oleynikov, A. Kheyden Uayt kak publichnyy istorik [Hayden White as a public historian]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 155. [Online] Available from: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/155_nlo_1_2019/article/20639/
27. Du Quenoy, P. (2021) *Cancel Culture: Tales from the Front Lines*. Washington: Academica Press.
28. Artamonov, D.S. & Tikhonova, S.V. (2018) DIY-tehnologii v konstruirovani istoricheskoy pamyati [DIY-technologies in the construction of historical memory]. In: Syrova, V.N. (ed.) *Istoriicheskaya pamyat': travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashchego, perspektivy budushchego* [Historical Memory: Traumas of the Past, Contradictions of the Present, Prospects for the Future]. Saratov: Nauka. pp. 16–20.

29. Ng, E. (2022) *Cancel Culture. A Critical Analysis*. Palgrave Macmillan.

Сведения об авторе:

Сыров В.Н. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной философии философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: narrat59@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Syrov V.N. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, head of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, National Research National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: narrat59@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 31.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 31.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 81:1

doi: 10.17223/1998863X/73/3

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПРАГМАТИКА ЕСТЕСТВЕННОГО И ИСКУССТВЕННОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Марат Николаевич Чистанов

*Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Абакан, Россия,
maratchistanov@gmail.com*

Аннотация. В современных условиях вопрос о сохранении языков коренных народов радикально меняет свою природу. Еще столетие назад естественные языки были неразрывно связаны с уникальными системами приспособления к окружающей среде и отражали специфический хозяйственный уклад народов, являющихся их носителями. Глобализация и унификация этнических и национальных культур сделали традиционную прагматику языка неактуальной. Тем не менее традиционные методы сохранения исчезающих языков продолжают базироваться на классической схеме территория – народ – язык. Представляется, что взглянуть на проблему по-новому можно, сравнив прагматические основания функционирования естественных языков с имеющимися примерами создания и функционирования искусственных языков. Будучи изначально не связанными с каким-либо реальным сообществом, некоторые из них сравнительно успешно существуют на протяжении десятилетий и зачастую расширяют сферу своего применения.

Ключевые слова: естественный язык, искусственный язык, языковое сообщество, коммуникативное сообщество, постметафизический дискурс

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-28-20099 <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия.

Для цитирования: Чистанов М.Н. Сравнительная прагматика естественного и искусственного языка в контексте проблемы сохранения языков коренных народов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 36–43. doi: 10.17223/1998863X/73/3

Original article

COMPARATIVE PRAGMATICS OF NATURAL AND ARTIFICIAL LANGUAGE IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF PROTECTING INDIGENOUS LANGUAGES

Marat N. Chistanov

Khakass State University, Abakan, Russian Federation, maratchistanov@gmail.com

Abstract. The need to preserve ethnic minority languages in today's multi-ethnic community is obvious. The trends, however, are disappointing: minority languages increasingly remain a means of domestic and intra-family communication, leaving the public sphere. As recently as a century ago, natural languages were closely connected with the unique systems of human adaptation to the environment and reflected the specific economic ways of the peoples who spoke them. Globalization has made the traditional pragmatics of language

irrelevant. The correlation of ethnicity with language proved to be an important political tool in the formation of nation-states in Europe and further around the world. Therefore linguistic essentialism outlived all other forms of primordialism and acquired its modern shape in the form of the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativism. Support for titular languages is a necessary element of public policy. A strong version of linguistic relativism plays into the hands of state power, but the situation changes when it comes to minority languages. Considerations of equality and symmetry dictate the need to establish the same principles for regulating the use of ethnic minority languages, but instead of real internal autonomies within multi-ethnic states, only quasi-state formations emerge. It is to be expected that government actions to support ethnic minority languages are usually superficial and are aimed more at gaining publicity than at achieving real results. On the one hand, we recognize the important and even sacred function of any languages, including ethnic minority languages, while, on the other hand, we push these languages out of all spheres except the domestic one. Under current conditions, a transition from linguistic relativism to pragmatic conceptions of language would be more promising. Obviously, positive changes in the situation of regional languages are possible either through the revitalization of the old ones, or through the formation of new language communities. A full restoration of traditional culture and forms of economy in modern conditions is unlikely. At the same time, the emergence of new language communities is real, but we need to be clear about their goals and functions. What is the pragmatic meaning of using such languages? The analogy with artificial languages, especially languages imitating natural languages, is appropriate here. The main function of such languages is performative; the use of such languages is itself a fact of self-identification, calculated for the perception of others. In this case, minority languages are a way of making themselves known to others, while syntactics and semantics are secondary concepts, they can be changed by agreement of the parties. In theory, the pragmatics of such a language can be investigated using the theories of Noam Chomsky and Steven Pinker, or using the methodology of possible worlds.

Keywords: natural language, artificial language, language community, communicative community, post-metaphysical discourse

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> with parity financial support from the Government of the Republic of Khakassia.

For citation: Chistanov, M.N. (2023) Comparative pragmatics of natural and artificial language in the context of the problem of protecting indigenous languages. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 36–43. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/3

Вопрос о желательности и даже необходимости защиты языков этнических меньшинств в любом полиэтническом сообществе, и российское здесь не исключение даже в современных сложных условиях, – это скорее риторическая фигура речи, нежели реальная постановка проблемы. Вряд ли найдется человек, который без множества дополнительных оговорок рискнет публично оспорить данный тезис, даже если внутренние его убеждения противоречат такому утверждению. Существует множество федеральных и региональных программ, призванных сохранить и приумножить число людей, владеющих и пользующихся в повседневной жизни миноритарными языками. Выпускается огромное количество научной и научно-популярной литературы, ежегодно проводится множество научных и научно-практических конференций, принимаются всевозможные решения и резолюции с призывами ко всем заинтересованным сторонам прилагать все больше усилий в этой области.

Тем не менее тенденции остаются неутешительными. Миноритарные языки все чаще остаются средством бытового и внутрисемейного общения, покидая публичную сферу, переставая быть языками делопроизводства, биз-

неса, образования и даже хозяйственной деятельности. Отчасти эти процессы вполне объективны, потому что существует определенное противоречие между внутренним единством федеративного государства и региональной спецификой и этническим своеобразием: «для совмещения государственной и этнической идентичности необходимо выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании народов полиэтнического государства. С одной стороны, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности доминирующего русского большинства, но, с другой стороны, общероссийская идентичность должна стать привлекательной и для других народов России через соответствие ценностей, символов, представлений, ассоциирующихся с российскостью, их интересам и ценностям. Можно предположить, что такой системы межэтнических отношений пока создать не удалось... В национальных республиках высказывались опасения, что российская нация станет нацией русских, а остальные народы потеряют свою этничность» [1. С. 19].

В этих условиях с точки зрения национальной интеллигенции, поскольку именно она берет на себя миссию носителя этнической идентичности, любые шаги федерального центра ущемить языковые права этнических меньшинств – путем ли отмены изучения языков титульных народов в общеобразовательных школах в национальных республиках, через фактическую невозможность получения государственных и иных услуг в государственных учреждениях или в структурах бизнеса при обращении на любом языке, отличном от русского, а также в любых иных действительных или мнимых ситуациях, попирающих чувство национальной гордости и достоинства, – оказываются попыткой насильственной русификации и уничтожения этнического своеобразия. Вспомним здесь сравнительно недавний случай: в 2019 г. в городе Ижевске, столице Удмуртской Республики, местный этноактивист Альберт Разин совершил самосожжение у здания республиканского парламента как раз в знак протеста против федеральной языковой политики [2]. Представляется, что данная крайняя позиция все же далека от реального понимания положения дел, в противном случае мы оказываемся во власти очередной конспирологической теории, из которой нет рационального выхода.

Еще столетие назад естественные языки были неразрывно связаны с уникальными системами приспособления людей к окружающей среде и отражали специфический хозяйственный уклад народов, являющихся их носителями. Процессы глобализации и индустриализации, унификация этнических и региональных культур сделали традиционную прагматику языка неактуальной. Будучи первоначально лишь одним из множества маркеров этнической принадлежности, таких как специфический хозяйственный уклад, национальная одежда, кухня, архитектура, музыка, генетическое и физиологическое единообразие и десятки других, к началу XXI в. язык становится главным, если не единственным носителем этнической сущности. По нашему мнению, этому способствовали две серьезные причины.

Этнический примордиализм XIX в. опирался на методологию расовой школы и идеологию Blut-und-Boden, поэтому во второй половине XX в. он, по вполне понятным причинам перестал пользоваться популярностью у либеральной части научного сообщества. В этой ситуации язык как культурное достояние в духе неогумбольдтианства, а не как врожденная сущность ока-

зывается относительно безопасной альтернативой: «язык как культурное достояние существует не как (предметная) реальность где-то вне языкового сообщества, а как действенность в этом сообществе и тем самым над конкретным человеком. То, что язык данного народа, таким образом, является не абстракцией, а в высшей степени действительным и действенным фактом, нельзя опровергнуть доводами такого рода, даже если бы не каждый имел повседневную возможность заново испытывать на себе эту действенность. Нельзя спорить также и с тем, что язык противостоит данному сообществу, которое его в себе носит, в известном смысле как самостоятельная сила (*Macht*); ведь следует учитывать не только то, что человеческое сообщество несет в себе язык как общее достояние, но и то, что, наоборот, это сообщество внутренне связывается общим языком» [3. С. 7]. Довольно удобным оказалось в этом смысле понятие языковой картины мира, предложенное Лео Вайсбергером в 30-х гг., давшее лингвистическому эссенциализму новый импульс к развитию, свободному от подозрительного родства с примордиализмом.

Второе обстоятельство более социологично: заявляя о языке как носителе «духа народа», Гумбольдт лишь отчасти следует легкому романтическому мистицизму, характерному для немецкой философии XIX в., а скорее отрабатывает социальный заказ: Германия до 1871 г. – это общность не политическая, а лишь языковая, поэтому языку следовало придать максимально весомый статус. Строго говоря, общего языка тоже не было, современный немецкий язык в значительной степени – результат целенаправленного конструирования: «В пространстве, имеющем два измерения – цель создания и источник языкового материала, можно расположить все искусственные языки. Но, пожалуй, стоит упомянуть, что не слишком далеки от них и некоторые языки – объекты изучения вполне традиционной лингвистики. Речь идет, во-первых, об искусственных литературных стандартах, которые создаются волевым решением нормализаторов на основе нескольких диалектов, – таков, к примеру, современный немецкий литературный язык» [4. С. 13]. Очень показательно, что на австрийцев соблазны присоединения к «немецкому миру» никак не действовали или действовали с обратным результатом: в 1867 г. Австрия вступает в унию с Венгрией, а ведь венгерский язык даже к индоевропейской языковой семье не относится.

Вместе с тем соотнесение этничности с языком оказалось крайне важным политическим инструментом в деле формирования национальных государств в Европе XIX в., а в период крушения колониальной системы – уже и по всему миру. Национальное государство – основной субъект международной политики, а право коренных народов на самоопределение – одно из важнейших положений международного права. Поэтому языковой эссенциализм пережил все остальные формы социальных эссенциализмов и получил современное звучание в форме гипотезы Сепира–Уорфа о лингвистическом релятивизме. «Под лингвистической относительностью принято понимать представление о том, что язык оказывает существенное влияние на ментальные процессы и восприятие, следствием чего является частичная или полная несоизмеримость моделей мышления и картин мира различных языковых сообществ» [5. С. 17]. Нужно заметить, что слабая версия языкового релятивизма в форме утверждения о взаимном влиянии языка, мышления и культуры социальных

групп особых возражений не вызывает. Что касается сильной формы гипотезы, которая в этом коррелирует с более ранними теориями В. Гумбольдта и Л. Вайсгербера, то ее применение ставит языки больших и малых народов в неравное положение.

Очевидно, что в эпоху формирования национальных государств поддержка языков титульных народов – необходимый элемент государственной политики. Формирование языковых стандартов для законодательства, делопроизводства, науки, литературы, средств массовой информации крайне важно для консолидации различных социальных сил, поскольку это делает ранее дифференцированное сообщество единой культурной и политической средой. В этом плане сильная версия лингвистического релятивизма играет на руку государственной власти, позволяя провести рубеж между «мы» и «они» прямо по государственным границам. Фактически государственный язык – такой же атрибут суверенитета, как собственная валюта, армия, судебная система и т.д.

Ситуация резко меняется, когда речь заходит о миноритарных языках. Очевидно, что в либеральном обществе (а только в таком обществе и можно рассматривать подобную проблему) соображения равенства и симметрии диктуют необходимость (по крайней мере, желательность) установления таких же принципов, регулирующих использование языков региональных сообществ и этнических меньшинств. Другое дело, что в полной мере ни одно из ныне существующих государств на это пойти не согласится, потому что это неизбежно ведет к внутреннему сепаратизму (опыт Великобритании и Испании нам об этом совершенно прозрачно говорит). Поэтому вместо реальных автономий внутри полиэтнических государств возникают квазигосударственные образования, лишь формально имитирующие следование принципам, декларируемым международными организациями. Собственно, это как раз ожидаемый результат: государство всегда будет стремиться к языковой унификации, языковой либерализм возможен только в период кризиса центрального управления и «парада суверенитетов».

Ничего удивительного, что действия по поддержке языков этнических меньшинств со стороны государства обычно носят поверхностный, декоративный характер и скорее направлены на получение широкого общественного резонанса, нежели на достижение конкретного результата. Зачастую привлеченные специалисты, чиновники от образования и культуры, и вовсе не представляют, с какими процессами им приходится иметь дело, и поэтому пытаются решить проблему привычным путем: через организацию досуга и проведение культурно-массовых мероприятий. Чиновников можно понять, коль скоро языковой релятивизм фактически вырастает из романтического *Volksgeist*, то они действуют единственным способом, применимым в данной сфере: устраивают ритуальное поклонение. Отсюда же и тенденция к сакрализации данной сферы со стороны этнической интеллигенции, ведь в данной парадигме язык рассматривается как скрытая сущность, своеобразная «*Ding an sich*». Поскольку язык объявляется носителем «души народа» – «духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [6. С. 68], то любой противник языка по умолчанию является врагом народа. В зависимости от радикализма этноактивистов к данной

группе могут быть отнесены и подлинные злодеи, те, кто закрывает национальные школы, упраздняет преподавание на миноритарных языках, и злодеи условные, те, кто как-то пытается модернизировать язык, приспособить его к современным условиям [7, 8]. В каком-то смысле языковые консерваторы, стремясь спасти чистоту и неприкосновенность родного языка, фактически мумифицируют то, что от него осталось.

Возникает парадоксальная ситуация: с одной стороны мы признаем важную и даже сакральную функцию любых языков, в том числе и языков этнических меньшинств. С другой стороны, фактически вытесняем данные языки из всех сфер, кроме бытовой. И если в деревнях, где бытовая сфера тесно связана с хозяйственной деятельностью, а под одной крышей продолжают жить несколько поколений родственников, язык все еще продолжает существовать, то в городской среде, в условиях стандартизованного быта и нуклеарных семей, малые языки стремительно умирают, поскольку оказываются просто невостребованными.

На наш взгляд, данная ситуация отнюдь не связана с утратой частью народа морально-нравственных качеств, как любят иногда поворачать сторонники этнического и языкового консерватизма. Более того, потеря частью этнической группы родного языка в современных условиях, как показывает практика, отнюдь не всегда приводит к потере этнической идентификации и самоидентификации. Вместе с тем сам по себе данный факт является весьма прискорбным и, безусловно, нуждается в каких то ответных действиях. Возможно, что в сложившихся условиях более перспективным теоретическим подходом к проблеме сохранения и развития миноритарных языков стал бы переход от гипотезы лингвистического релятивизма или хотя бы от его сильной версии [9] к прагматическим концепциям языка.

Очевидно, что позитивные изменения в ситуации с функционированием региональных языков возможны либо за счет ревитализации старых, либо при условии формирования новых языковых сообществ, в которых такой язык сможет реально функционировать как средство коммуникации, а не останется предметом культа. Полноценное восстановление традиционной культуры и традиционных форм хозяйства в современных условиях маловероятно, это скорее постапокалиптический вариант. В то же время формирование новых языковых сообществ – дело вполне реальное, однако в этом случае необходимо четко представлять, какие цели будут преследовать такие сообщества и какие функции они будут выполнять. Иными словами, речь вновь идет о проблемах лингвистической прагматики. Идеальный вариант – создание нового варианта с нуля, здесь очень показателен пример иврита, хотя это, конечно, уникальный случай.

Современные миноритарные языки находятся совсем в другой ситуации: создание собственных государств для их носителей в обозримом будущем невозможно. В чем же состоит прагматический смысл использования таких языков?

Как ни странно, на помощь приходит аналогия с искусственными языками, причем с языками, имитирующими естественные, так называемыми артлангами. Основная функция таких языков – перформативная, т.е. использование такого языка – уже есть факт самопозиционирования и самоидентификации, рассчитанный на восприятие окружающих людей (здесь возможна отсылка к

теории речевых актов Дж. Остина). То есть тот же клингонский язык – не способ коммуникации в классическом смысле, хотя чисто теоретически он может в качестве такого использоваться.

В этом плане миноритарные языки – способ заявить о себе окружающим, при этом синтактика и семантика – понятия вторичные, они могут изменяться по согласованию сторон. В теории прагматика языка может исследоваться с применением методологии Н. Хомского [10] и С. Пинкера [11], а также прагматики возможных миров.

Список источников

1. Боргоякова Т.Г., Каксин А.Д., Чугункова А.Н. Репрезентация российской, региональной и этнической идентичности // Вестник Хакасского государственного университета. 2016. № 18. С. 19–22.
2. *Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах.* М. : Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия. Телеком, 2019. 260 с.
3. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М. : Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
4. Пиперски А.Ч. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. М. : Альпина Диджитал, 2017. 270 с.
5. Бородай С.Ю. Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 17–54.
6. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 2000. С. 37–297.
7. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М. : ЧеРо, 2003. 349 с.
8. Федоров М.А. От лингвистической относительности к относительности культурной // Вестник ИГЛУ. 2013. № 2 (23). С. 181–185.
9. Шибаршина С.В. Методологический анализ гипотез в лингвистике (на примере воззрений Б.Л. Уорфа) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2013. № 3 (31). С. 162–167.
10. Харитончик З.А. Хомскианская революция: обещания и результаты // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 5–10.
11. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М. : УРСС Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 560 с.

References

1. Borgoyakova, T.G., Kaksin, A.D. & Chugunekova, A.N. (2016) *Reprezentatsiya rossiyskoy, regional'noy i etnicheskoy identichnosti* [Representation of Russian, regional and ethnic identity]. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta – Khakass State University Bulletin*. 18. pp. 19–22.
2. Filippova, E.I. & Sokolovskiy, S.V. (eds) (2019) *Smert' yazyka – smert' naroda? Yazykovye situatsii i yazykovye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh* [Does the death of a language mean the death of a people? The linguistic situations and linguistic rights in Russia and neighboring states]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.
3. Weisgerber, Y.L. (2004) *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native language and the formation of the spirit] Translated from German by O.A. Radchenko. Moscow: Editorial URSS.
4. Piperski, A.Ch. (2017) *Konstruirovaniye yazykov: Ot esperanto do dotrakiyskogo* [Language Construction: From Esperanto to Dothraki]. Moscow: Al'pina Didzhital.
5. Boroday, S.Yu. (2013) *Sovremennoe ponimaniye problemy lingvisticheskoy otnositel'nosti: raboty po prostranstvennoy kontseptualizatsii* [The problem of linguistic relativity today: studies in spatial conceptualization]. *Voprosy yazykoznaveniya – Topics in the Study of Language*. 4. pp. 17–54.
6. Humboldt, W. (2000) *O razlichii stroeniya chelovecheskikh yazykov i ego vliyaniya na dukhovnoye razvitiye chelovechestva* [On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of mankind]. Translated from German. Moscow: Progress.

7. Kornilov, O.A. (2003) *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentalities]. Moscow: CheRo.
8. Fedorov, M.A. (2013) Ot lingvisticheskoy otnositel'nosti k otnositel'nosti kul'turnoy [From Linguistic Relativity to Cultural Relativity]. *Vestnik IGLU*. 2(23). pp. 181–185.
9. Shibarshina, S.V. (2013) Metodologicheskiy analiz gipotez v lingvistike (na primere vozzreniy B.L. Uorfa) [Methodological analysis of hypotheses in linguistics (a case study B.L. Whorf's views)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 3(31). pp. 162–167.
10. Kharitonchik, Z.A. (2017) Khomskianskaya revolyutsiya: obeshchaniya i rezul'taty [The Chomskian revolution: Promises and results]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*. 1. pp. 5–10.
11. Pinker, S. (2016) *Substantsiya myshleniya: Yazyk kak okno v chelovecheskuyu prirodu* [The Substance of Thought: Language as a Window into Human Nature]. Translated from English. Moscow: LIBROKOM.

Сведения об авторе:

Чистанов М.Н. – доктор филос. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин Института истории и права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия). E-mail: maratchistanov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Chistanov M.N. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Institute of History and Law, Khakass State University (Abakan, Russian Federation). E-mail: maratchistanov@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 02.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 02.12.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Научная статья
УДК 1(091)
doi: 10.17223/1998863X/73/4

МЕТАФИЗИКА ФАКТА ДОНАЛЬДА МАККИННОНА И ПРОБЛЕМЫ ВЕРИФИКАЦИОНИЗМА

Виталий Васильевич Оглеznev

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия,

ogleznev82@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается оригинальная трактовка верификации как чувственно воспринимаемого события, которое хотя отчасти и связано с наблюдением, но им не обуславливается и не исчерпывается. Этот подход был разработан шотландским философом и теологом Дональдом Маккинном (1913–1994), имя которого практически неизвестно отечественной философской традиции. Предлагаемая статья стремится это исправить.

Ключевые слова: верификация, восприятие, наблюдение, факт, Д. Маккинн, Аристотелевское общество

Благодарности: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126>

Для цитирования: Оглеznev В.В. Метафизика факта Дональда Маккиннана и проблемы верификационизма // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 44–54. doi: 10.17223/1998863X/73/4

HISTORY OF PHILOSOPHY

DONALD MACKINNON'S METAPHYSICS OF FACT AND PROBLEMS OF VERIFICATIONISM

Vitaly V. Ogleznev

Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, ogleznev82@mail.ru

Abstract. The article presents an original interpretation of verification as a sensible event proposed by Donald MacKinnon (1913–1994), a Scottish philosopher and theologian. Opposing both the phenomenalist position on the reduction of material objects statements to sense data statements, and the empiricist understanding of verification method as a criterion of the factual truth and scientific meaningfulness of statements, MacKinnon developed his own approach to verification based on a metaphysical interpretation of facts. The fact should be considered as something that is independent of an observation in the sense that the first is

not explained by the second. For MacKinnon, verification is a sensible event, which, although partly linked to an observation, is not conditioned by it, because not every observation that establishes facts should be considered a verification. Observation is indeed an important cognitive tool, but it is far from being a necessary condition for verifying statements. Another noteworthy tool, at least in the field of theology, is faith. It is faith that allows us to interpret facts ontologically, thereby separating them from (empirical) observation, and at the same time not disputing their general epistemological import. Therefore, verification is impossible without the perception of metaphysically interpreted facts. Proponents of logical empiricism, relying on observable facts as a necessary condition for empirical verification of statements, did not understand this, and therefore the fact was devalued. They did not realize that a concept of fact is extremely important because it has a transcendent character and intelligible factual import. In the Russian philosophical tradition, Donald MacKinnon is virtually unknown, even though he significantly contributed to the development of the so-called analytic theology. He was a professor at the Universities of Aberdeen and Cambridge, president of the Aristotelian Society (1976–1977), president of the Society for the Study of Theology (1981–1982), a fellow of Scotland's National Academy of Science (since 1984). The proposed article is trying to remedy this.

Keywords: verification, perception, observation, fact, MacKinnon, Aristotelian Society

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126>

For citation: Ogleznev, V.V. (2023) Donald mackinnon's metaphysics of fact and problems of verificationism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 44–54. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/4

Аналитический поворот в британской философии произошел на волне британского идеализма конца XIX в. и получил дальнейшее развитие после Первой мировой войны, создав условия для интеллектуального обновления философии и формирования такого нового направления, как аналитическая философия. Как едко выразился Ф. Коплстон, она «представляла собой движение, которое ценило ясность и строгость аргументации, рассматривая философию как служанку эмпирических наук, а теологию – как вводящего в заблуждение противника» [1. Р. 30]. Аналитическая философия действительно оказалась мощной интеллектуальной силой, «полноводным потоком, соединяющим в одно течение прежде разрозненные ручейки, стирающим границы и сокрушающим ограждения» [2. С. 12]. Под воздействием этой силы изменился не только ракурс рассмотрения философских проблем, но и стиль самого философствования: благодаря логическому позитивизму акцент с онтологии был перенесен на эпистемологию. И наиболее отчетливо это проявилось в проекте редукционизма Венского кружка, что каждое осмысленное высказывание считается переводимым в высказывание (истинное или ложное) о непосредственном опыте. У.В.О. Куайн назвал этот проект «радикальным редукционизмом» и одной из догм эмпиризма, предшествовавшей верификационной теории значения [3. С. 40–41]. Редукционизм в том смысле предшествовал верификационной теории значения, что выражал требование о сводимости значения высказывания к способу его эмпирической проверки.

Метод (способ, принцип) верификации был детально разработан М. Шликом, руководителем и идейным вдохновителем Венского кружка. Под ним австрийский философ понимал эмпирический метод, в результате которого мы принимаем значение какого-либо высказывания науки, если знаем,

что понятие или утверждение, содержащееся в этом высказывании, можно проверить в чувственном опыте. Иными словами, каждое научно обоснованное высказывание может (и должно) быть сопоставлено с фактами чувственного опыта: «Акт верификации... это некий определенный факт, который подтвержден наблюдением и непосредственным опытом. Таким способом определяется истинность (или ложность) каждого утверждения – в обыденной жизни или в науке. И не существует других способов проверки и подтверждения истин, кроме наблюдения и эмпирической науки» [4. С. 30]. Устанавливая тождество значения и способа его верификации, мы задаем, по мнению Шлика, единственный способ проверки научности какого-то высказывания (предложения). Если же это высказывание не поддается верификации (эмпирической проверке), то оно бессодержательно и не имеет научного смысла, поэтому его необходимо вывести за рамки науки [5. Р. 344–345].

Значение и верификация действительно были частыми темами дискуссий Венского кружка, особенно на рубеже 1920–1930-х гг. [6]. Благодаря Л. Витгенштейну, как отмечает Б. Макгиннесс, утверждение, что значением высказывания является способ его верификации, «многими стало восприниматься как главный лозунг Венского кружка» [7. Р. 352]. Но несмотря на то, что были достигнуты определенные успехи в вопросах полной и частичной верификации, сама природа этого понятия долго оставалась непроясненной. Отчасти это было связано с разными эпистемологическими подходами к пониманию познавательных способностей человека и инструментов получения им нового знания. Члены Венского кружка, например, считали, что принцип верификации является принципом науки (находясь под заметным влиянием Эйнштейна и развития квантовой физики), в то время как Витгенштейн рассматривал его в качестве общего принципа языка. Он полагал, что наука является лишь одной из форм описания мира, а потому не способствует решению философских или этических проблем [Ibid. Р. 356–357].

Интерес британской философии к логическому эмпиризму Венского кружка и проблемам верификационизма был, по-видимому, связан с именем А. Дж. Айера, который, регулярно участвуя в заседаниях Венского кружка в 1932–1933 гг., перенес идеи строгого логического анализа и стремление отрицать любые формы спекулятивной метафизики на английскую почву [8. С. 147–148]. Айер считал, что только логический анализ значения высказываний является единственной достойной целью философского исследования («вопросы, с которыми связана философия, – это чисто логические вопросы» [9. С. 192]), поэтому «уделом метафизика или теолога становится лишь плодить бессмыслицу» [10. Р. 151]. Одним из тех, кто выступил резко против такой «новой» трактовки философии, был шотландский философ и теолог Дональд Маккиннон (1913–1994).

Маккиннон совершенно не устраивал подход, который предполагал, что если условия истинности могут быть сформулированы исключительно с помощью «специальных наук», то все остальные высказывания (например, морали, религии, эстетики) являются лишь в лучшем случае «пищей для психологического анализа или эстетического созерцания» [11. Р. 73]. И хотя в целом он соглашался, что «пришедший на смену исчерпавшему себя британскому идеализму позитивизм, будучи прорывным интеллектуальным направлением, окончательно изменил повестку философии и теологии» [Ibid. Р. 63],

но при этом сомневался, что пришло время сбросить метафизику со счетов. Более тонко и точно философские взгляды Маккиннона описал П. Сэджвик: «Маккиннон всегда был увлечен поисками метафизики, которая смогла бы выйти за пределы языка и найти в фактичности вселенной нечто большее, чем позволял логический эмпиризм... Он перенес теологию в мир истории и социальной науки, но сделал это не просто для доказательства существования моральных проблем, а скорее, для переосмысления метафизических дискуссий в свете новой морали» [12. Р. 185].

Выступая как против феноменалистской позиции о редукции высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственных данных [13], так и эмпиристского понимания метода верификации как критерия фактической истинности и научной осмысленности высказываний [14], Маккиннон разработал свой подход к верификации, основанный на метафизической трактовке факта. В *The Problem of Metaphysics*, рассуждая о метафизике факта, Маккиннон объясняет свое критическое отношение к принципу верификации Венского кружка следующим образом: «В 1930-х гг. термин „факт“ в философских дискуссиях стал по сути синонимом того, что верифицирует, подтверждает или опровергает гипотезу; этим словом, действительно, стал называться отказ от наблюдений в той мере, в какой такой отказ приводил к недействительности утверждения о том, что имело место. Если раньше „факт“ имел преимущественно онтологическое значение, то теперь акцент сместился на его эпистемологическое значение» [15. Р. 33–34].

Все дело в том, полагает Маккиннон, что в вопросах верификации следует различать два мира – внешний (*external world*) и чувственно воспринимаемый (*sensible world*). Игнорирование этого различия часто приводило сторонников логического эмпиризма и феноменализма к путанице и невозможности четко сформулировать задачи философии – то ли это «устранение непонятных излишеств», то ли «постижение чувственного опыта». Однако, говорит Маккиннон, «даже поверхностного анализа достаточно, чтобы показать, что понятие внешнего мира находится в некотором отношении к чувственно воспринимаемому миру, где последнее зависит от первого» [13. Р. 6–7]. Но существование материального мира нельзя определить с помощью позитивистской или феноменалистской методологии: «Допускать, что существование или не-существование материального мира поддается такому определению, категорически противоречит многому, что лежит в основе фактического характера тех процедур, посредством которых мы определяем отдельные факты или законы чувственно воспринимаемого мира» [Ibid. Р. 7]. Если же придерживаться этого положения дел, то понятие материального мира как бы низводится до статуса своего рода «эллиптической формулировки регулярности, порядка, простоты и т.д. чувственно воспринимаемого мира, а наше предположение о том, что такой мир существует, – до статуса одностороннего предписания рассматривать чувственно воспринимаемый мир определенным образом» [Ibid.]. Напротив, задача материального мира, обеспечивающего нас необходимыми знаниями о внешнем мире, состоит в том, чтобы данные о нем были упорядочены и согласованы не только друг с другом, но и с чувственным опытом. И здесь вопрос необходимости «переопределения редукционизма» и нового понимания факта, требующего разработки новых критериев осмысленности высказываний, выходит на первый план.

Основная проблема, почему философы далеко не продвинулись в обсуждении верификации (хотя некоторые успехи все же были достигнуты), по мнению Маккиннона, состоит в том, что они просто «не хотели связываться с более фундаментальными вопросами, касающимися самого понятия верификации» [14. Р. 101]. Рассмотрение принципа верификации не должно и не может ограничиваться частными случаями его применения, ибо в том виде, в котором он сформулирован членами Венского кружка, он открыт для серьезной критики. Здесь Маккиннон в некотором смысле предвосхищает критические дискуссии по поводу верификационизма, развернувшиеся в академических кругах в 1960–1970-х гг. по обе стороны Атлантики [16. С. 94]. Он справедливо отмечает, что сосредоточенность и заикленность логических позитивистов на рационально-эмпирической проверяемости высказываний сделали исследования природы принципа верификации и онтологических условий его реализации темами второсортными и бесперспективными [17. Р. 51–52]. Сторонники верификационизма потому отвергали метафизические утверждения, сомневаясь в их уместности, что считали, что они не просто не поддаются эмпирической проверке и поэтому являются бессмысленными, а нарушают «грамматические» правила естественного языка [5. Р. 341].

Теория верификационизма в том виде, в котором она развивалась членами Венского кружка, была основана, по словам Маккиннона, на таком специфическом методе, как «эвиденциалистское предположение» (*evidentialist assumption*), что «в содержании высказывания нет ничего, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [14. Р. 102]. И этот метод с подачи Маккиннона превращается в особую разновидность верификационизма, которую он подвергает основательной критике.

«Эвиденциалистское предположение», по мнению шотландского философа, основано на идее тождественности значения высказывания и его обоснования (*ground*), которая к тому же является одним из аспектов *Esse est percipi* Беркли. Беркли считал, что материальные вещи не могут существовать без восприятия, они суть чувственно воспринимаемые объекты. Иными словами, подтвердить или установить существование вещи можно лишь ее чувственным восприятием. Если вещь не воспринимаема, ее не существует. Как это установить? Ответ Беркли – посредством опыта, который как раз и позволяет отличить реальное от иллюзорного. Маккиннон, не соглашаясь в целом с философией Беркли, все же его позицию разделяет, поскольку так же считает, что «различие реальности и иллюзии коренится в опыте» [Ibid. Р. 103]. Между *Esse est percipi* и маккинноновским эвиденциализмом действительно есть некая аналогия. Сам Маккиннон находит принцип Беркли удачно отражающим принцип эвиденциализма, в том смысле, что если мы утверждаем, что материальный объект или физический процесс существует или является реальным, то мы должны быть способны его воспринимать. Но если мы его не воспринимаем, то его реальность выходит за пределы наблюдаемого мира, и для нас он перестает что-либо значить. При этом важно учитывать, предостерегает Маккиннон, что не следует анализировать понятия так, чтобы лишить их всякого возможного эмпирического содержания. Ибо наблюдение, как мы далее увидим, не является единственным способом установления этого содержания.

Эвиденциалистская трактовка верификационизма Маккиннона исходит из того, что в самом высказывании содержится доказательство или обоснование того, как его следует использовать. В подтверждение своего тезиса шотландский философ приводит пример знания иностранного языка. Знать, например, немецкий язык, значит *уметь читать* (понимать) немецкую классику: «Мы не можем истолковывать содержание наших убеждений так, чтобы то, во что мы верим, было чуждым доказательству того, что мы в это верим» [14. Р. 104]. Но какой бы гибкой ни была интерпретация такого обоснования, если мы придерживаемся верификационистской позиции Венского кружка, полагает Маккиннон, то в итоге у нас сформируется убеждение, что содержание высказывания о факте можно анализировать с точки зрения различий, проявляющихся в наблюдаемом мире [Ibid. Р. 105]. Но это ложное убеждение, ибо поиск связи содержания высказывания и его обоснования является не только целью философского анализа, но и требованием «грамматики языка». Традиционный верификационизм, по словам Маккиннона, часто этот важный момент упускал из вида, поскольку «стремился с помощью аналитических методов доказать, что никакие другие методы, помимо наблюдения, не позволяют раскрыть природу мира» [Ibid. Р. 106].

Маккиннон, иронизируя, вообще предлагает сторонникам логического эмпиризма полностью исключить из научной теории ссылку на ненаблюдаемое, которое по отношению к теории тогда может восприниматься как нечто внешнее. А образовавшийся в результате порядок, исключаящий несущественное и случайное, влияющие на отождествление эмпирического и наблюдаемого, распространить на все человеческое знание. И тогда категория факта действительно могла бы стать эпистемологической (тем, что наблюдается), а не онтологической категорией. Логические эмпиристы, как и феноменалисты, этого не учитывали, а потому стремились свести все, что мы можем сказать об окружающем нас мире, будь то в терминах повседневного общения или же в терминах научной теории, к утверждениям о реальных и возможных наблюдениях. Отсюда их убежденность в том, что если человек имеет дело с тем, что он увидел, услышал, попробовал на вкус или же к чему прикоснулся, то почву из-под его ног уже не выбить [15. Р. 34]. Вот поэтому ни те ни другие не различали эмпирическое и наблюдаемое.

Но даже если допустить, что факты устанавливаются лишь наблюдением, все же нельзя, считает Маккиннон, игнорировать эпистемологическое значение наблюдения, т.е. то, что наблюдение позволяет ответить на вопрос познающего субъекта. Именно вопрос придает смысл наблюдению, которое, в свою очередь, делает осмысленной верификацию. Это рассуждение приводит Маккиннона к выводу, что «верификация есть ничто иное, как чувственно воспринимаемое событие» [14. Р. 107], и что не всякое наблюдение, устанавливающее факты, следует трактовать как верификацию. В повседневной жизни мы часто высказываем суждения или задаемся вопросами, а затем их верифицируем или на них отвечаем преимущественно на основании наблюдения. Но когда речь заходит о познании окружающего мира, наш перцептивный опыт ведет себя несколько иначе, он начинает доминировать над наблюдением. Маккиннон объясняет это так. Я знаю, что пол в моей комнате достаточно прочный, чтобы меня выдержать. Здесь нечего верифицировать. Но если кто-нибудь в этом усомнится, то в качестве подтверждения я могу

сослаться на свой собственный опыт. И уж затем, если понадобится, обратиться к наблюдению, которое убедительно подтвердит мое утверждение, что пол прочный [14. Р. 107–108]. Но откуда мы *изначально* знаем, что пол прочный? Можно ли сказать, что то, что я знал до этого, было *событием*, а теперь я знаю это как *факт*?

Ответ Маккиннона прост и однозначен – «мир фактов нельзя рассматривать в качестве копии мира событий» [Ibid. Р. 108], сам язык не позволит этого сделать. И в подтверждение приводит несколько странных примеров. Так, например, он пишет: «Судья, оглашая приговор, может сказать: „Это установленный факт, что около полуночи, в момент совершения преступления, подсудимый по неизвестной причине принес из сарая топор“. Таким образом, *событие*, что подсудимый ходил в сарай, следует рассматривать как *факт*, т.е. как то, что влияет на квалификацию его действий» [Ibid. Р. 109]. Но с этим сложно согласиться, исходя из рассмотренных выше аргументов самого Маккиннона. Ведь судья не наблюдал этого факта. Он не может его подтвердить, сославшись на наблюдение. Он может лишь его, так сказать, мысленно сконструировать. Это не высказывание о факте, как, например, «при нагревании тела расширяются». У него совершенно иная природа. Маккиннон выходит из этого затруднения, указывая на противоречивый характер самих актов верификации, которые «как бы паразитируют на контролируемом интеллектуальном любопытстве» [Ibid. Р. 110]. Он полагает, что все дело в том, что употребление слова «факт» тесно связано с мышлением. Например, «Я хочу знать, находится ли Джонс у себя в комнате, но не потому, что мне интересно его местонахождение само по себе, а чтобы с ним прогуляться или взять у него книгу. Если же, зайдя в комнату, я обнаружу ее пустой, то, конечно же, задамсь вопросом, а где же Джонс. Но его фактическое местонахождение не имеет особого отношения к моему изначальному намерению» [Ibid.]. Но что здесь считается *фактом*, связанным с *мышлением*? И есть ли такая связь вообще? Маккиннон не сомневается, что такая связь есть. Она проявляется в том, что «нам следует рассматривать наше примирение с миром как нечто такое, что достигается не столько подчинением нашего мышления тому, что есть на самом деле, сколько постоянной корректировкой и пересмотром критериев приемлемости, авторами которых мы в конечном счете и являемся» [18. Р. 10–11].

Ф. Вайсман, оппонируя Маккиннону, приводит схожий пример: «Предположим, я говорю: „Это же мой друг“. Что, если, подойдя к нему, чтобы пожать ему руку, он внезапно исчез? „Следовательно, это был не мой друг, а какая-то иллюзия“. Но, предположим, через несколько секунд я увидел его снова и могу взять его за руку. Что тогда? „Следовательно, твой друг, тем не менее, был здесь, а его исчезновение было какой-то иллюзией“. Но представьте, что некоторое время спустя он снова исчез, или кажется, что исчез. Что я должен сказать теперь?» [14. Р. 121–122; 19. С. 224]. Но этим Вайсман хотел сказать, что проблема вовсе не в ограниченности выразительных возможностей языка при описании чувственного опыта и не в бесконечной комбинации высказываний о чувственных данных, а в «открытой текстуре» эмпирических понятий [20].

Так или иначе постулируемая Маккинноном связь мышления и факта привела его к утверждению, что восприятие есть нечто большее, чем верифи-

кация, где последняя является лишь чувственно воспринимаемым событием. Верификация, таким образом, невозможна без восприятия метафизически интерпретируемых фактов. Сторонники логического эмпиризма, опираясь на наблюдаемые факты как необходимое условие эмпирической проверки высказываний, по мнению Маккиннона, девальвировали значение факта. Они не поняли, что факт потому является понятием чрезвычайной важности, что обладает трансцендентным характером и умопостигаемым фактическим значением [15. Р. 40]. Поэтому представление о факте надо избавить от эмпиристских и феноменалистских предрассудков; факт должен оставаться фактом: «Мир таков, каков он есть, а не таков, каким мы хотели бы его видеть» [18. Р. 3]. Это требование шотландский философ объясняет так. Для Рассела и Мура факт был относительно техническим термином. В то время как сторонники радикального эмпиризма, которые отождествляли факт с данными наблюдения, понимали факт как нечто приближенное к его обычному повседневному употреблению, часто предполагавшее его тесную связь с наблюдением. Но, как показали Кант и Поппер, чувственное восприятие, используемое при верификации в эмпирических и естественных науках, обладает сложной внутренней структурой, препятствующей его легкомысленному использованию в качестве средства решения вопроса, касающегося фактического значения того, во что мы верим и что принимаем во внимание [15. Р. 43]. Таким образом, настаивает Маккиннон, факты следует непременно освободить от наблюдений, потому что «этическое освобождение эмпиризма от особых оков, в которые он сам же себя заковал, позволит освободить воображение от кажущихся бесплодными фантазий и устремить эмпиризм к концепции политики социального прогресса» [Ibid. Р. 39].

Такая метафизическая трактовка факта и эвиденциалистское объяснение принципа верификации Венского кружка не могли долго остаться без ответной реакции со стороны аналитических философов. И реакция действительно последовала. Дискуссионной площадкой, на которой в 1945 г. развернулось обсуждение верифицируемости, оказалось Аристотелевское общество¹, одно из заседаний которого как раз и было посвящено этому вопросу [14]. С основным докладом выступил Маккиннон, где он подробно изложил свое критическое отношение к позиции Венского кружка, а в качестве его оппонентов – австрийский логик и математик Фридрих Вайсман и английский логик и философ науки Уильям Нил.

Не вдаваясь в детали аргументов и контраргументов сторон, остановимся лишь на отдельных рассуждениях Ф. Вайсмана, которому, собственно, и пришлось отстаивать позицию сообщества, членом которого он когда-то являлся. Будучи уже в статусе «бывшего» члена Венского кружка и серьезно изменив свои взгляды на верификацию, Вайсман тем не менее не разделял мнения Маккиннона, что эмпиризм покоится на «фундаментальном предположении», что «в содержании высказывания нет ничего, кроме полного доказательства, оправдывающего его использование» [Ibid. Р. 102]. И хотя он не возражал против того, что содержание высказывания и его верификация

¹ Аристотелевское общество для систематического изучения философии – научное сообщество, возникшее в Лондоне в 1880 г. Члены Аристотелевского общества ежегодно избирают президента, который выполняет, прежде всего, представительские функции. Дональд Маккиннон был президентом с 1976 по 1977 г.

определенным образом связаны, но описывает эту связь в несколько иных терминах. В отличие от Маккиннона, Вайсман считает, что доказательство верифицируемого высказывания надо рассматривать не как то, что его подтверждает или опровергает, но как то, что его усиливает или ослабляет [14. Р. 128]. А значит, и принцип верификации следует рассматривать как «отправной пункт дедуктивной теории» [Ibid. Р. 134]. Но дело в том, что эмпиризм не является дедуктивной системой, основанной на принципе верификации, как полагает Маккиннон. Эмпиризм, по мнению Вайсмана, скорее представляет собой критическую позицию, а принцип верификации – способ прояснения содержания высказывания. Такой подход дает совершенно иное понимание принципа верификации Венского кружка и свидетельствует об изменении взглядов самого Вайсмана. Он уже занимает антиредукционистскую позицию (высказывание о материальном объекте нельзя свести к высказыванию о чувственных данных) и считает, что при верификации эмпирических высказываний следует обязательно учитывать как неполноту эмпирического описания, так и открытую текстуру понятий, в которых это описание выражается [14. Р. 124; 20. С. 112].

Надо сказать, что Маккиннона не особо впечатлила реакция оппонентов и уж тем более не изменила его общей методологической установки, что факт следует рассматривать как нечто самостоятельное и независимое от наблюдения явление в том смысле, что первое не объясняется вторым. Для Маккиннона верификация есть чувственно воспринимаемое событие, которое хотя отчасти и связано с наблюдением, но им не обуславливается, потому что не всякое наблюдение, устанавливающее факты, следует рассматривать в качестве верификации. Наблюдение действительно является важным познавательным инструментом, но далеко не необходимым условием подтверждения высказываний. Другим заслуживающим внимания инструментом, по крайней мере в области теологии, по мнению Маккиннона, является вера. И хотя вера не порождает предметы (объекты) самой веры, как путешественник не создает исследуемую им область, это не значит, что ее созидательный характер вызывает сомнения: «Ведь изначальная упрощенная направленность веры и ее осязаемое постоянство с необходимостью свидетельствуют о ее сложном внутреннем устройстве, выраженном богатым, едва поддающимся измерению разнообразием форм» [21. Р. 449]. Вера, понимаемая таким образом, позволяет трактовать факты онтологически, как бы обособляя их от (эмпирического) наблюдения, и при этом не оспаривая их общего эпистемологического значения. Верификация потому невозможна без восприятия метафизически интерпретируемых фактов, объясняет Маккиннон, что «наши знания об окружающем мире направляются, расширяются и развиваются под влиянием наших же интересов и принимают ту форму, которая отчасти этими интересами задается, ибо мы часть этого мира» [18. Р. 2].

Список источников

1. Copleston F. Contemporary Philosophy: Studies of Logical Positivism and Existentialism. London : Burns & Oates, 1956.
2. Пассмор Дж. Современные философы / пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М. : Идея-Пресс, 2002.
3. Куайн У.В.О. Две догмы эмпиризма // С точки зрения логики. 9 логико-философских очерков / пер. с англ. В.А. Ладова и В.А. Суровцева; под общ. ред. В.А. Суровцева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–48.

4. Шлик М. Поворот в философии / пер. с англ. А.А. Яковлева // Аналитическая философия: Избранные тексты. М. : Изд-во МГУ, 1993. С. 28–33.
5. Schlick M. Meaning and Verification // The Philosophical Review. 1936. Vol. 45, № 4. P. 339–369.
6. Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations Recorded by Friedrich Waismann / ed. Brian McGuinness. Basil Blackwell, 1979.
7. McGuinness B. Wittgenstein and the Vienna Circle // Synthese. 1985. Vol. 64, № 3. P. 351–358.
8. Нехаев А.В. Альфред Джулис Айер: язык, логика и этика // Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов / под ред. А.Б. Дидикина. М. : Проспект, 2021. С. 146–182.
9. Айер А.Дж. Язык, истина, логика / пер. с англ. В.А. Суровцева и Н.А. Тарабанова. М. : Канон+, 2010.
10. Ayer A.J. Verification and Experience // Proceedings of the Aristotelian Society. 1937. Vol. 37, № 1. P. 137–156.
11. Bowyer A. Donald MacKinnon's Theology: To Perceive Tragedy Without the Loss of Hope. London : T&T Clark, 2021.
12. Sedgwick P. Anglican Theology // The Modern Theologians. An Introduction to Christian Theology Since 1918. Third Edition / eds. David F. Ford and Rachel Muers. Oxford : Basil Blackwell, 2005. P. 178–193.
13. MacKinnon D. What is a Metaphysical Statement? // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1941. Vol. 41. P. 1–26.
14. MacKinnon D., Waismann F., Kneale W. Symposium: Verifiability // Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes. 1945. Vol. 19. P. 101–164.
15. MacKinnon D. The Problem of Metaphysics. Cambridge University Press, 1974.
16. Польсков К.О. Верификация и теология // Вопросы философии. 2018. № 9. С. 90–100.
17. MacKinnon D. Ayer's Attack on Metaphysics // Royal Institute of Philosophy Supplement. 1991. Vol. 30. P. 49–61.
18. MacKinnon D. The Presidential Address: Idealism and Realism: An Old Controversy Renewed // Proceedings of the Aristotelian Society, New Series. 1977. Vol. 77. P. 1–14.
19. Вайсман Ф. Многоуровневая структура языка / пер. с англ. В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева // Эпистемология и философия науки. 2018. № 4 (55). С. 219–230.
20. Оглезнев В.В. «Открытая текстура» эмпирических понятий и лингвистический антиредукционизм Фридриха Вайсмана // Эпистемология и философия науки. 2019. № 3 (56). С. 113–125.
21. MacKinnon D. Does Faith Create Its Own Objects? // Religious Studies. 1990. Vol. 26, № 4. P. 439–451.

References

1. Copleston, F. (1956) *Contemporary Philosophy: Studies of Logical Positivism and Existentialism*. London: Burns & Oates.
2. Passmore, J. (2002) *Sovremennyye filosofy* [Recent Philosophers]. Translated from English by L.B. Makeeva. Moscow: Ideya-Press.
3. Quine, W.V.O. (2003) *S tochki zreniya logiki. 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a Logical Point of View: 9 Logico-philosophical Essays]. Translated from English by V.A. Ladov, V.A. Surovtsev. Tomsk: Tomsk State University. pp. 24–48.
4. Schlick, M. (1993) *Povorot v filosofii* [Turn in philosophy]. Translated from English by A.A. Yakovlev. In: Gryaznov, A. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Izbrannyye teksty* [Analytical Philosophy: Selected Texts]. Moscow: MSU. pp. 28–33.
5. Schlick, M. (1936) Meaning and Verification. *The Philosophical Review*. 45(4). pp. 339–369.
6. McGuinness, B. (ed.) (1979) *Wittgenstein and the Vienna Circle: Conversations. Recorded by Friedrich Waismann*. Basil Blackwell.
7. McGuinness, B. (1985) Wittgenstein and the Vienna Circle. *Synthese*. 64(3). pp. 351–358.
8. Nekhaev, A.V. (2021) Alfred Dzhulis Ayer: yazyk, logika i etika [Alfred Julius Ayer: language, logic and ethics]. In: Didikin, A.B. (ed.) *Aristotelevskoe obshchestvo: 140 let filosofskikh dialogov* [The Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues]. Moscow: Prospekt. pp. 146–182.
9. Ayer, A.J. (2010) *Yazyk, istina, logika* [Language, Truth, Logic]. Translated from English by V.A. Surovtsev, N.A. Tarabanov. Moscow: Kanon+.
10. Ayer, A.J. (1937) Verification and Experience. *Proceedings of the Aristotelian Society*. 37(1). pp. 137–156.

11. Bowyer, A. (2021) *Donald MacKinnon's Theology: To Perceive Tragedy Without the Loss of Hope*. London: T&T Clark.
12. Sedgwick, P. (2005) Anglican Theology. In: Ford, D.F. & Muers, R. (eds) *The Modern Theologians. An Introduction to Christian Theology Since 1918*. 3rd ed. Oxford: Basil Blackwell. pp. 178–193.
13. MacKinnon, D. (1941) What is a Metaphysical Statement? *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 41. pp. 1–26.
14. MacKinnon, D., Waismann, F. & Kneale, W. (1945) *Symposium: Verifiability. Proceedings of the Aristotelian Society, Supplementary Volumes*. 19. pp. 101–164.
15. MacKinnon, D. (1974) *The Problem of Metaphysics*. Cambridge University Press.
16. Polakov, K.O. (2018) Verifikatsiya i teologiya [Verification and Theology]. *Voprosy filosofii*. 9. pp. 90–100.
17. MacKinnon, D. (1991) Ayer's Attack on Metaphysics. *Royal Institute of Philosophy Supplement* 30. pp. 49–61.
18. MacKinnon, D. (1977) The Presidential Address: Idealism and Realism: An Old Controversy Renewed. *Proceedings of the Aristotelian Society, New Series*. 77. pp. 1–14.
19. Weismann, F. (2018) The Many-Level-Structure of Language. Translated from English by V.V. Ogлезnev, V.A. Surovtsev. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 4(55). pp. 219–230. (In Russian).
20. Ogлезnev, V.V. (2019) The “Open Texture” of Empirical Concepts and Linguistic Anti-Reductionism of Friedrich Waismann. *Epistemologiya i filosofiya nauki – Epistemology and Philosophy of Science*. 3(56). pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.5840/eps201956353
21. MacKinnon, D. (1990) Does Faith Create Its Own Objects? *Religious Studies*. 26(4). pp. 439–451.

Сведения об авторе:

Оглезнев В.В. – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ogneznev V.V. – Dr. Sci. (Philosophy), docent, professor of the Department of the History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); professor of the Department of the Theory and History of the State and Law, Faculty of Law, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: ogleznev82@mail.ru

Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 20.04.2023;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Научная статья

УДК 1 (091)

doi: 10.17223/1998863X/73/5

ГЕРМЕНЕВТИКА РОРТИ И «РАЗГОВОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

Оксана Ивановна Целищева

*Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирск, Россия,
oxanatse@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается герменевтика Рорти как способ философствования, реализуемый в его концепции «философия как разговор человечества». Показывается, что неограниченное принятие Рорти герменевтики Х.-Г. Гадамера, а также сходных мотивов М. Хайдеггера, ведет к размыванию специфики философии и отождествлению ее с литературой и даже поэзией. Утверждается тезис о том, что Рорти занимает осторожную позицию в отношении универсальности герменевтики, подготавливая почву для более тонких подходов к анализу философского дискурса.

Ключевые слова: Рорти, Гадамер, Хайдеггер, герменевтика, поэзия, интерпретация, разговор

Для цитирования: Целищева О.И. Герменевтика Рорти и «разговор человечества» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 55–63. doi: 10.17223/1998863X/73/5

Original article

RORTY'S HERMENEUTICS AND THE CONVERSATION OF HUMANITY

Oksana I. Tselishcheva

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, oxanatse@gmail.com*

Abstract. The article considers Rorty's hermeneutics as a way of philosophizing, implemented in his concept of "philosophy as a conversation of mankind". The author shows that Rorty's unlimited acceptance of Gadamer's hermeneutics, as well as similar motives of Heidegger, leads to the blurring of the specifics of philosophy and its identification with literature and even poetry. The author argues a thesis that Rorty takes a cautious position regarding the universality of hermeneutics, preparing the ground for more subtle approaches to the analysis of philosophical discourse. Rorty's borrowing of the hermeneutic categorical apparatus consists, first of all, in proclaiming philosophy as the "conversation of mankind". Such a comparison makes it possible to consider Rorty's thesis that "being a person means participating in a conversation" in the direction of poetic metaphors rather than conceptual explications. The metaphor of the conversation is intertwined with two already specific theses of Rorty: more "free" hermeneutic methods allow, firstly, the "re-description" of a person (that is, a "self-creating" being) desired in a pragmatic spirit, and secondly, to equalize the "ontologies" of natural sciences with the ontology of the sciences of the spirit. "Conversation" means "weakening" of the argumentative side, and Rorty faces a dilemma whether to agree with the identification of philosophy with fiction (in the spirit of Derrida) or with poetry (in the spirit of Heidegger). The author shows that Rorty's reduction of philosophy to a "conversation" fully corresponds to his more general belief in the uselessness of philosophy as a separate discipline. Nevertheless, the reduction of philosophy to a "song" allowed by hermeneutics could hardly suit Rorty. This extreme of hermeneutics

clearly devalued the potential of metaphorical understanding of philosophy as a “conversation of humanity”, since it turned humanity itself into a chorus of contradictory opinions and “projects”. A certain “seriousness” of the hermeneutical enterprise had to be preserved. Based on such doubts, Rorty eventually comes to doubt the universality of hermeneutics as a way of philosophizing. As a result, Rorty begins to talk about recontextualization and interpretation, and finally about the “ethics of reading” as a way of understanding the text. In this transition to a new vision, the leading role is played by the criticism of essentialism and the strengthening of the role of other pragmatic virtues in modern philosophy.

Keywords: Rorty, Gadamer, Heidegger, hermeneutics, poetry, interpretation, conversation

For citation: Tselishcheva, O.I. (2023) Rorty’s hermeneutics and the conversation of humanity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 55–63. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/5

Публикация *Философии и зеркала природы* [1] Р. Рорти ознаменовала переход одного из видных аналитических философов в стан континентальных мыслителей. В этой работе Рорти осветил многие пункты расхождения двух стилей философствования, и одним из наиболее громких явилось провозглашение преимуществ герменевтики над методом анализа. Хотя герменевтика является весьма распространенным термином в современной литературе, употребление этого термина в контексте философии Рорти достаточно определено: Рорти апеллировал к герменевтике в версии Гадамера [2].

После тщательного изучения работ философов, принадлежавших оксфордской школе лингвистического анализа, где тонкости обыденного языка играли главную роль в экспликации философских концепций, переход Рорти к гораздо более туманной практике толкования метафор и аллюзий, свойственных герменевтике, казался весьма неожиданным. Антология *Лингвистический поворот* [3] под редакцией Рорти закрепил за ним репутацию тонкого знатока целей и намерений группы первоклассных философов. Впрочем, решения Рорти в выборе точки зрения для многих часто оставались загадкой, но в данном случае у нас есть непосредственный свидетель обращения Рорти к новой вере.

Известный социальный философ Р. Гойс состоял в приятельских отношениях с Рорти во время их пребывания в Принстоне. Во время одной из встреч состоялся следующий разговор: «Дик случайно упомянул, что он только что закончил читать *Истину и метод* Гадамера. Мое сердце упало при этой новости, потому что то, как он сообщил об этом, как мне показалось, все указывало на то, что эта книга произвела на него положительное впечатление. У меня было предчувствие, которое также оказалось верным, что мне не удастся разуверить его в восхищении работой человека, которого я довольно хорошо знал как бывшего коллегу по Гейдельбергу и которого я считал реакционным, надутым болтуном. На протяжении многих лет я делал все возможное, чтобы разъяснить Дикю его отношение к Гадамеру, даже прибегнув к довольно низкому удару, описав ему беседу Гадамера в немецком посольстве в оккупированном Париже в 1942 г., в котором Гадамер обсуждал позитивную роль, которую Гердер мог бы сыграть в уничтожении остатков таких коррумпированных и дегенеративных явлений, как индивидуализм, либерализм и демократия, в Новой Европе, возникшей при национальном социализме. Все это никак не подействовало на Дика» [4. Р. 86].

Это действительно никак не действовало, потому что герменевтика стала тем, что должно было, по мысли Рорти, заменить эпистемологию, главную мишень для критики в *Философии и зеркале природы* и ряде его статей. В этой связи особенно выделяется критическая оценка аналитической философии как наследницы традиционной эпистемологии. В общем-то симпатии к герменевтике со стороны Рорти не являются случайными, поскольку именно герменевтика лучше всего приспособлена к новой ситуации в оценке раскола аналитической и континентальной философии. Рорти резервирует специальную нишу для философов, которые должны выйти за пределы обвинений друг друга в «аморальности или тупости», что типично для споров противоположных лагерей. Он говорит о «...новом виде секулярного интеллектуала, который потерял веру в науку...». Позиция такого интеллектуала в отношении «научной» или „лингвистического“ философии подытоживается саркастическим замечанием Ницше: „Я боюсь, что мы окажемся неспособными к отказу от веры в Бога, поскольку все еще верим в грамматику“» [5. Р. 228–229].

Герменевтика освобождает такого интеллектуала от жесткого выбора между «научным» и «гуманитарным» дискурсами, вопрос только в том, куда приведет эта свобода. Сама идея понимания философии как «разговора», будучи герменевтической, может завести очень далеко. Осознавая это, Рорти осторожно балансирует, пытаясь сохранить «освободительный» потенциал герменевтики. Предвосхищая историю поисков Рорти, следует отметить, что в конечном счете он отказывается от «универсальности герменевтики», но ценой уже довольно зрелого синкретизма в своем философствовании. В данной работе мы ставим целью показать, каковы эти крайности и как Рорти пытается умирить их.

При чтении *Философии и зеркала природы* бросается в глаза контраст между, с одной стороны, частями 1 и 2, насыщенными точными философскими концепциями, и, с другой стороны, несколько аляповатым термином «разговор» в высоком контексте «философия есть разговор человечества» в части 3. Очевидное заимствование Рорти странной для аналитического, хоть и бывшего, философа терминологии подчеркивает радикальный характер разрыва Рорти с прежней философской традицией. Резервированная Рорти ниша позволяет ему избегать крайних позиций, для которых Рорти изобретает классификацию философов: «философ-как-поэт», «философ-как-ученый» и «философ-как-социальный-реформатор». Сам Рорти, повторяем, избегает попадания в какую-либо категорию, оставляя за собой определенные степени свободы. И такие степени важны, потому что классификация «обязывает» к крайностям.

«Философ-как-ученый» был оставлен Рорти позади, хотя здесь это название может считаться в лучшем случае как аллюзия к аналитической философии. Здесь мы не останавливаемся на претензиях Рорти к этому типу философов. Гораздо более важно осветить, к чему ведет герменевтика «философа-как-поэта», с которым Рорти в определенной степени заигрывает. Хотя «философ-как-поэт» и может считаться скорее метафорой, в некоторых своих примерах такое название оказывается почти буквальным именованием занятия философа.

Германский романтизм возводит поэзию до полноценной философии. Гадамер получил инспирацию от знаменитого немецкого поэта Гёльдерлина, сочинившего в начале XIX в. гимн, построчный перевод которого гласит:

Человек научился многому.
Он дал имя божественным бытиям.
С тех пор мы стали разговором
И могли слышать друг друга [4. Р. 87].

Если вдохновляться взлетом поэтической фантазии и объявить сущность человека «разговором» («мы стали разговором»), тогда очень короткая дистанция до признания того, что философия важна уже в силу того, что она становится средством поддержания разговора. Но разговор сам по себе является контингентным событием, и объявлять контингентность сущностью значит заходить слишком далеко. Прагматизм во многом склонен к упрощениям, но, как хочется сказать, «не до такой степени». Как отмечает Гойс, «ни в коем случае нельзя было предрешисть, что кто-то, находящийся под таким глубоким влиянием прагматизма, как Дик, сочтет эту идею близкой по духу» [Ibid.].

Контингентность «разговора» является чисто философской характеристикой действия, или состояния, в котором пребывает человек во время разговора. Для того чтобы подчеркнуть случайный характер разговора, Рорти уподобляет разговор «кибицированию», вечернему традиционному обмену мнениями после тяжелых сельскохозяйственных работ в израильском кибуце. Такое уподобление не поднимает тезис «философия есть разговор человечества» до подлинных философских высот, но оно позволяет направить тезис Рорти о том, что «быть человеком – значит участвовать в разговоре» в русло скорее поэтических метафор, чем концептуальных экспликаций. Одновременно Рорти разрешает важное противоречие, обусловленное его заимствованием концепции разговора у Гадамера. Поэтическое видение человечества как разговора в качестве метафизической реализации его сущности неприемлемо для антиэссенциализма Рорти. Рорти предлагает понимать «разговор» как некоторую форму действия, что вполне приемлемо для прагматиста.

Разговор, конечно же, представляет собой нечто более слабое, чем аргументация. Но каковы же мотивы столь настойчивого устремления Гадамера, а вслед за ним и самого Рорти предпочесть разговор, облекая его более загадочной категорией герменевтики. Что собственно заимствует Рорти у Гадамера и по какой причине? Как известно, Рорти знаменит тем, что существенно переиначивает взгляды других философов в целях адаптации к своей картине ревизии философии. В этом отношении «адаптация» Гадамера к прагматизму представляет интерес.

Прежде всего, Рорти считает, что герменевтика, в духе Гадамера, имеет целью вытеснить представление, общее для Демокрита и Декарта, о вселенной, составленной из очень простых, ясно и отчетливо познаваемых вещей. «Герменевтический феномен» призван дать адекватное представление наук о духе, которые противопоставлены эпистемологически ориентированной философии. Сам Рорти модифицирует этот феномен, переплетая его с двумя уже специфически своими тезисами: более «вольные» герменевтические методы позволяют, во-первых, желаемое в прагматистском духе «переописание» человека (т.е. «самотворящего» существа), и, во-вторых, уравнивать «онтологии» естественных наук с онтологией наук о духе. Контраст с вытесняемой эпистемологией осуществляется заменой термина «познание» гадамеровским термином *Bildung* (самотворение). Прагматистская линия

Рорти еще более подчеркивается утверждением, что герменевтика представляет «более новый и интересный способ выражения нас самих и тем самым совладания с миром» [1. С. 266]. Именно этот способ есть более интересный способ «разговора», который может включать даже поэтическое видение мира, в рамках которого «знакомое окружение переинтерпретируется в незнакомых терминах наших новых изобретений» [Там же]. Любопытно, что Рорти не входит в подробности того, как он (и его собратья-герменевты) собираются излагать науку в поэтических терминах. Последнюю такую попытку предпринял Тит Лукреций Кар, и с тех пор наука предпочитала более сухой дискурс ввиду непреодолимых трудностей замены точных понятий метафорами.

Но как раз герменевтика дает карт-бланш на такую замену, и не просто в виде терминологических перестановок, а объявлением объективного знания лишь одним из многих человеческих проектов. Нет ничего в научном дискурсе и соответствующей эпистемологической программе, что делало бы их выделенными в человеческом познании. В «бой» вступает тяжелая артиллерия с вовлечением в герменевтический проект М. Хайдеггера, ответственного за новый взгляд на поиск объективного знания как одного из многих других проектов, и Ж.-П. Сартра, рассматривающего «попытку получения объективного знания как попытку избежать ответственности за выбор своего проекта». [Там же. С. 267]. Таким образом, герменевтический проект варьируется от тезиса о множественности человеческих проектов, где эпистемология как наука об объективном знании является лишь одним из них, до обвинения последней в метафизической и моральной ущербности.

Достижимый при этом произвол в выборе альтернативных проектов, который Рорти хотел бы ограничить «просто» самой возможностью разговора, приобретает свою собственную логику и размах. Герменевтический проект начинается с отказа от принятых эпистемологических норм, которые традиционно считались обязательными для философского дискурса. «Просто» разговор означает, что дискурсу отказано в использовании заранее оговоренных правил или канонов, обеспечивающих убедительность или доказательность, как это имеет место в случае аналитической аргументации. Вопрос, однако, состоит в том, до какой степени может идти «ослабление» аргументативной стороны философии. Не может ли это дойти до фактического отождествления с поэзией, путь даже беллетристикой? Для Рорти как прагматиста неприемлемо движение в сторону метафизики, и как он сможет сохранить разрыв между метафизикой и «разговором», если такой разрыв вообще возможен. И как быть в том случае, если метафизика буквально превращается в поэзию?

Но именно это и делает Гадамер. Ирония в этом завершающем шаге, превращающем герменевтику в нечто уже не совсем подходящее даже для Рорти, состоит в том, что приведенный пассаж Гёльдерлина является лишь наброском. Окончательная печатная версия идет гораздо дальше, чем это хотелось бы уже и Гадамеру. Действительно, новые строки таковы:

Начиная с самого утра,
Когда мы становимся разговором
И слышим друг от друга наши впечатления,
Мы устремляемся к тому, чтобы стать песней [4. Р. 88–89].

Есть существенное различие между тем, чтобы объявлять философию «разговором», и тем, чтобы объявлять философию песней. Если уже песня может заменить разговор, тогда есть ли особый смысл разрабатывать концепцию разговора как некоторого эрзаца философии. Конечно, можно не усматривать серьезной разницы между поэзией и песней и продолжать аналогию «философа-как-поэта», но эвфемизм «поэт» принимает тут несколько иной характер, чем размышление, ранее подразумевавшееся под более свободным, не отягощенным языковыми строгостями текстом.

Ясно, что превращение философии в песню вряд ли могло устроить Рорти. Такая крайность герменевтики явно обесценивала потенциал метафорического понимания философии как «разговора человечества», поскольку превращало это самое человечество просто в хор противоречивых мнений и «проектов». Должна была сохраняться определенная «серьезность» герменевтического предприятия. Рорти находит выход из положения на двух направлениях. Во-первых, место песни лучше было бы занять концепцией беллетристики. Этот вариант Рорти ассоциировал с философией языка Ж. Деррида [6]. Лозунг «философия как беллетристика» не приобрел у Рорти такого громкого звучания, как лозунг «философия как разговор человечества», и был по сути «ходом» в сторону от собственно герменевтики, но был постоянным мотивом в его дальнейших сочинениях. Следствием этого стало вовлечение Рорти в нечто, что было похоже на литературную критику, нежели на собственно философию. Действительно, обсуждение соответствующих идей у Рорти простирается от Диккенса и Пруста до Набокова и Кундеры [7]. (Не случайно, что при переходе из университета Вирджинии в Стэнфорд Рорти сменил должность профессора гуманитарных наук на должность профессора сравнительной литературы).

Другой способ сохранения серьезности герменевтики состоял в обращении уже к метафизике. Здесь Рорти обращается, как уже было указано, к идеям М. Хайдеггера. Для Рорти он некоторого рода модель «философа-как-поэта». Родство этих двух, по общему убеждению, совсем разных типов творчества зиждется, по Хайдеггеру, в том, что коммуникативная функция языка уступает место по важности диалогу или разговору. Хайдеггер, увлеченный, как и Гадамер, романтической метафорой Гёльдерлина, осознает, что в понимании философии нельзя остановиться просто на «разговоре», а надо идти дальше. Если исходным пунктом является понимание философии как поэзии, то это в силу природы Бытия, поскольку эти две категории тесно связаны.

В своей известной классификации философов Рорти говорит о «философе-как-поэте», имея в виду прежде всего Хайдеггера. Объяснение природы Бытия, по Хайдеггеру, дело трудное, потому что оно происходит в форме лекции, которая представляет собой лишь произнесение утверждений и «вообще ничего не говорит». Более обещающим путем является, опять-таки, поэзия Гёльдерлина, поскольку поэзия не говорит, а показывает. Поэт имеет преимущества перед лектором в том, что первый слышит «зов Бытия», в то время как второй глух к нему. Хайдеггер настаивает на том, что язык в качестве средства коммуникации имеет две различные функции, одна из которых поверхностна, а другая важна, но менее ясная. Явным указанием на различие является «разговор». По Рорти, «бытие человека зиждется в языке. Но оно

становится действительным в разговоре... Но что имеется в виду под „разговором“? Явно, акт говорения с другим о чем-то. Это говорение вызывает процесс нахождения общего языка. Но Гёльдерлин говорит: „Ведя разговор, мы способны слышать друг друга“». Слышать друг друга – это не просто следствие говорения друг с другом, напротив, оно скорее предполагается в более позднем процессе... Мы и есть разговор – и это означает: мы можем слышать друг друга. Мы есть разговор, это всегда означает одно и то же: мы *сам по себе существующий* разговор» [8. Р. 352].

Именно в концепции разговора упомянутая более важная функция языка проявляет себя в наибольшей степени. Поэт ведет разговор со своими поэмами, а философ – со своими толкованиями. Гёльдерлин говорит о богах, а Хайдеггер – о Бытии. Важно понимать, что при таком понимании речь не идет о чем-то четко определенном (боги или Бытие), об определенных «вещах», поскольку то и другое непоименовано. Другими словами, имена мало что тут могут прояснить. Именно поэзия позволит постепенное узнавание их, в процессе «настройки» к слышимому в имени, и само поименование является творческим процессом, в котором нечто получает существование. Разговор создает свой предмет, и в этом смысле *Dasein* не имеет истории во временном смысле, а сам является своей историей. А его история состоит в открывании и сокрытии Бытия.

Привилегированное положение поэта (и поэзии) вообще в разговоре, развитое в метафизике Хайдеггера, основано на параллели между поэтом и философом. Но, как и всякое сравнение подобного рода, оно имеет свои пределы, за которые спокойно заходит философ и которые озадачивают поклонников поэзии. Поскольку «настоящая» поэзия не столько говорит, сколько показывает, последнее избегает выражения на языке вовсе. Результатом такого рода философствования является молчание.

Ясно, что при заимствовании концепций трудно идти до конца с источником идей. Интересный вопрос заключается в том, где происходит остановка. В нашем случае очевидно влияние Хайдеггера на Рорти, по крайней мере в ряде вещей. Прежде всего, это опять-таки важность концепции разговора. Если и не принимать «мы и есть язык», как это имеет место у Гадамера и Хайдеггера (которые, в свою очередь, заимствовали идею у Гёльдерлина), полностью, все равно знаменитое определение философии как «разговора человечества» явно ассоциируется с обоими философами. Во-вторых, созидание *Dasein* себя «самотворением» своей истории сильно напоминает концепцию «самопереописания» самого себя Рорти. Но в любом случае Рорти останавливается на определенном этапе, в значительной степени ослабляя свою зависимость от ранних заимствований.

Действительно, Бытие для Хайдеггера является базисной концепцией, и мы были бы вправе ожидать от Рорти, памятуя его почтение к Хайдеггеру, более почтительного отношения и к Бытию. Однако следующий пассаж вряд ли оправдывает наши ожидания: «Я думаю, что Хайдеггер не переставая упоминает „вопрос о Бытии“, не отвечая на него, по той причине, что Бытие есть хороший пример чего-то, ответ на вопросы о нем не имеют критерия. Это хороший пример чего-то, с чем у нас нет средств справиться, нет инструментов манипулирования им – нечто такого, что сопротивляется „технической интерпретации мышления“. Причина, по которой Хайдеггер говорит о

Бытии, не в том, что он хочет направить наше внимание на различие между исследованием и поэзией, между борьбой за власть и принятием контингентности. Он хочет предположить, что чем могла бы быть культура, в которой поэзия, а не философия-как-наука, была бы парадигмальной человеческой активностью. На вопрос „Что такое Бытие?“ нельзя ответить правильно не в большей степени, чем на вопрос „Что такое цветение вишни?“ Но последний вопрос тем не менее мог бы быть предметом соревнования поэтов. Первый вопрос является, так сказать, тем, к чему пришли Древние Греки, когда сделали его темой, которой Запад придал массу вариаций» [7].

Рорти отнюдь не принимает метафизики Хайдеггера, он берет две-три идеи, которые играют значительную роль в *Философии и зеркале природы*. В какой степени он развивал эти идеи, по крайней мере, идею о культуре, в которой «философ-как-поэт» имеет преимущество перед «философом-как-ученым», вопрос спорный. Но нельзя отрицать, что предпочтение «гуманитарных» аспектов в противовес «естественнонаучным», даже если это не было прямым влиянием Хайдеггера, стало одним из главных мотивов в философии Рорти.

Рорти не уходит в крайности, сознательно упрощая концепцию «философия-как-разговор» до кибицирования в свободном ключе. Это, конечно же, принижение философии, но оно вполне соответствует его более общему убеждению в ненужности философии как отдельной дисциплины. Если в духе Ж. Деррида философия может быть беллетристикой, у Гадамера – герменевтикой, а у Хайдеггера – просто молчанием, то почему бы ей не быть свободным от определенного метода и тематики выражением переполюющих человека чувств после тяжелого труда в поле?

Исходя из подобного рода сомнений, Рорти, в конце концов, начинает сомневаться в универсальности герменевтики как способа философствования. В результате Рорти начинает говорить о реконтекстуализации и интерпретации [9] и, наконец, об «этике прочтения» как способа понимания текста [10]. В этом переходе к новому видению ведущую роль играют критика эссенциализма и усиление роли других прагматистских добродетелей в современной философии.

Список источников

1. *Рорти Р.* Философия и зеркало природы / пер. В.В. Целищева. М. : Канон+, 2022.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. М. Журавской, и др. М. : Прогресс, 1988.
3. *Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method* / ed. R. Rorty. Chicago : The University of Chicago Press, 1967.
4. *Geus R.* Richard Rorty at Princeton: Personal Recollections // *Arion* 15.3, Winter 2008. P. 85–100.
5. *Rorty R.* Philosophy in America Today // *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis : Minnesota of University Press, 1982. P. 211–230.
6. *Rorty R.* Philosophy as a Kind of Writing // *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis : Minnesota of University Press, 1982. P. 90–109.
7. *Rorty R.* Heidegger, Kundera and Dickens // *Essays on Heidegger and Others*. Philosophical Papers. Vol. 2. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 66–82.
8. *Twentieth Century to Quine and Derrida* / eds. W.T. Jones, R.Fogelin. N.Y. : Harcourt Brace College Publishers, 1997.
9. *Rorty R.* Inquiry as Recontextualization: An Anti-Dualist Account of Interpretation // *Objectivity, Relativism, and Truth*. Philosophical Papers. Vol. 1. Cambridge : Cambridge University Press, 1991. P. 93–110.

10. Rorty R. The Pragmatist's Progress: Umberto Eco on Interpretation // Philosophy and Social Hope. L. : Penguin Books, 1999. P. 131–147.

References

1. Rorty, R. (1997) *Filosofiya i zerkalo prirody* [Philosophy and Mirror of Nature]. Translated from English by V.V. Tselishchev. Moscow: Kanon+.
2. Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Translated from German by M.A. Zhuravskaya et al. Moscow: Progress.
3. Rorty, R. (ed.) (1967) *Linguistic Turn: Recent Essays in Philosophical Method*. Chicago: The University of Chicago Press.
4. Geus, R. (2008) Richard Rorty at Princeton: Personal Recollections. *Arion* 15.3. Winter. pp. 85–100.
5. Rorty R. (1982a) *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: Minnesota of University Press. pp. 211–230.
6. Rorty, R. (1982b) *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis: Minnesota of University Press. pp. 90–109.
7. Rorty, R. (1991a) *Essays on Heidegger and Others. Philosophical Papers*. Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 66–82.
8. Jones, W.T. & Fogelin, R. (eds) *Twentieth Century to Quine and Derrida*. New York: Harcourt Brace College.
9. Rorty, R. (1991b) *Objectivity, Relativism, and Truth. Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 93–110.
10. Rorty, R. (1999) *Philosophy and Social Hope*. London: Penguin Books. pp. 131–147.

Сведения об авторе:

Целищева О.И. – кандидат философских наук, научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: oxanatse@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tselishcheva O.I. – Cand. Sci. (Philosophy), researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: oxanatse@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 16.04.2023;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 141.132

doi: 10.17223/1998863X/73/6

ОСОБЕННОСТИ РЕЦЕПЦИИ ИДЕЙ ДЖ.Э. МУРА И Б. РАССЕЛА В АРИСТОТЕЛЕВСКОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВЫЕ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА

Роман Александрович Юрьев

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
yuriev2003@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблемное и тематическое поле классиков аналитической философии – Дж.Э. Мура и Б. Рассела в Трудах Аристотелевского общества в первые два десятилетия XX в. Показано, что в первом десятилетии можно говорить о «слабой» рецепции их идей в Трудах Общества, обозначенных в начале XX в. как «Новый реализм». Во втором десятилетии, после избрания Б. Рассела президентом Аристотелевского общества, можно говорить о более выраженной идейной конкуренции между сторонниками различных направлений, сложившихся в британской философии, и «Нового реализма».

Ключевые слова: Аристотелевское общество, Дж.Э. Мур, Б. Рассел, британская философия, интеллектуальные сети, аналитическая философия

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

Для цитирования: Юрьев Р.А. Особенности рецепции идей Дж.Э. Мура и Б. Рассела в Аристотелевском обществе в первые два десятилетия XX века // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 64–70. doi: 10.17223/1998863X/73/6

Original article

FEATURES OF THE RECEPTION OF GEORGE EDWARD MOORE'S AND BERTRAND RUSSELL'S IDEAS IN THE ARISTOTELIAN SOCIETY DURING THE FIRST TWO DECADES OF THE 20TH CENTURY

Roman A. Yuriev

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, yuriev2003@mail.ru

Abstract. The article considers the problems of the classics of analytical philosophy – George Edward Moore and Bertrand Russell – in the Proceedings of the Aristotelian Society in the first two decades of the twentieth century. The author shows that, in the first decade, their ideas, designated at the beginning of the twentieth century as “new realism”, had a “weak” reception in the Proceedings. The second decade, after Russell’s election as president of the Aristotelian Society, saw a more pronounced competition between followers of various trends in British philosophy and “new realism”. The author substantiates the necessity of a historical and philosophical research of the minor figures of that period, who, being the older and younger contemporaries of Moore and Russell, became either the conductors of their own ideas and views in the intellectual space of that time, or ideological opponents; disputes and discussions with them explained views, improved arguments, and revised the original theoretical positions.

Keywords: Aristotelian Society, George Edward Moore, Bertrand Russell, British philosophy, intellectual networks, analytic philosophy

Acknowledgments: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

For citation: Yuriev, R.A. (2023) Features of the reception of George Edward Moore's and Bertrand Russell's ideas in the Aristotelian Society during the first two decades of the 20th century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 64–70. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/6

Периоды публикационной активности Аристотелевского общества, начиная с 1901 по 1910 г. и с 1911 по 1920 г., следует в историко-философском плане рассматривать по следующему ряду причин. Во-первых, в 1911 г. президентом общества был избран Бертран Рассел, который, к слову, был президентом дважды (первый раз с 1911 по 1913 г. и в 1937–1938 г.). Избрание Рассела является определенным водоразделом между Аристотелевским обществом «раннего» и «зрелого» периода, отличительной особенностью которого становится удельный рост публикаций философов, которых принято считать сторонниками нового «аналитического» направления. Во-вторых, Рассел, будучи уже известным к этому времени исследователем, становясь «итогом трансформации» британской интеллектуальной жизни [1. С. 921], постепенно становится одной из центростремительных сил, вокруг которой происходит перегруппировка сторонников и противников, чья интеллектуальная работа уже вынуждена испытывать влияние той представляемой им тематической и проблемной области. В-третьих, анализ публикационной активности Аристотелевского общества даст более точную историко-философскую картину образа британской философии первой трети XX в., избегая упрощенных дихотомий «британский идеализм/аналитическая философия». Например, у Рудольфа Метца в большом обзорном труде «Сто лет британской философии» те авторы, которых мы сейчас можем причислить к классикам аналитической философии, оказываются в совершенно неожиданном соседстве: например, Дж.Э. Мур, Б. Рассел относятся к «Новому реализму», наряду с идеалистами С. Александером и А. Юингом [2]. Поэтому картина британской интеллектуальной жизни нуждается в определенном историко-философском прояснении.

В рецензии Н.А. Блохиной на сборник научных статей «Аналитическая философия: история интерпретаций» под редакцией А. Престона приводится ряд проблем, на которые выборочно можно обратить внимание. А. Престон указывает, что «аналитическая философия не представляет собой единой интеллектуальной традиции, поскольку лишена „фундаментальных соглашений“ или „фундаментальных принципов“» [3. С. 162], а С. Лапойнт говорит о том, что «традиционалистский подход», связывающий происхождение аналитической философии с логическим и лингвистическим анализом, не способен «объяснить исторически расширявшееся предметное поле современной АФ, охватившей большинство сфер философии вообще – в том числе метафизику, философию сознания, этику и т.д.» [Там же. С. 164]. Вывод С. Лапойнт, о том, что «АФ представляет собой не одну, а много традиций» [Там же. С. 168], может показаться и спорным, но вполне уверенно можно утверждать, что множество философских традиций, в контексте которых формировалась аналитическая философия, и являлось той средой, где мы можем обнаружить по крайней мере причины современного расширяющегося

предметного поля и в метафизике, и в философии сознания, и в этике и т.д. В этом смысле положения сетевого анализа, предложенные Р. Коллинзом, могут выступить продуктивным методологическим подходом для решения этих проблем. Анализ интеллектуальных сетей в философской традиции может стать исходным пунктом для более взвешенной историко-философской реконструкции философского процесса как такового.

Сначала обратим внимание на фигуры интеллектуального «ядра», или классиков аналитической философии, – Дж.Э. Мура и Б. Рассела. В дальнейшем, если брать за отрезок двадцатилетний период с 1901 по 1920 г., то здесь может возникнуть следующая задача, а именно выяснение роста упоминаемости публикаций Б. Рассела и Дж.Э. Мура в виде встречной критики и последующей рецепции их взглядов. Эта задача требует отдельного решения, но уже при поверхностном взгляде на количественный рост статей аналитической традиции, особенно с 1911 г., бросается в глаза крайне широкое разнообразие тем и дискуссий, которые ее окружали.

Период творчества Дж.Э. Мура и Б. Рассела с 1901 по 1910 г. в истории Аристотелевского общества можно охарактеризовать как период условно «слабой» рецепции идей классиков аналитической философии. Дж.Э. Мур и Б. Рассел, часто участвуя в заседаниях Общества, довольно редко там публиковались. Б. Рассел чаще публиковался в *Mind*. В 1901 г. в статьях участников Аристотелевского общества, например, о Б. Расселе нет упоминаний даже в виде ссылок. С 1901 по 1905 г. упоминается только Дж.Э. Мур. В этом смысле высказывание Б. Рассела, что Дж.Э. Мур «возглавил восстание» против идеализма, а Б. Рассел «последовал за ним» [4. С. 155], в этом смысле совершенно верно. Более подробный отклик на творчество Дж.Э. Мура в этот период впервые можно обнаружить в статье Эмили Джонс об этике Г. Сиджвика, где она критически рассматривает взгляды Дж.Э. Мура в «Принципах этики», уже опубликованной на тот момент¹. В 1905 г. также Дж. Соломон посвятил статью разбору «Принципов этики»².

В основном творчество Дж.Э. Мура упоминается в том числе Г. Уилдоном Карром, Ш. Ходжсоном, Г. Рашдэллом, Дж. Доузом Хиксом в ответ на его публикации, посвященные эмпиризму и идеализму. Сам Дж.Э. Мур публикуется в этот период в Аристотелевском обществе в 1902³, в 1903⁴ и в 1909 гг. Только в 1909 г. Дж. Доуз Хикс в том же сборнике публикует большой почти шестидесятистраничный отклик на статью Дж.Э. Мура «Предмет психологии»⁵.

С 1901 по 1904 г. Б. Рассел, как уже указывали выше, не упоминается в трудах Аристотелевского общества. В свою очередь, творчество Б. Рассела в Трудях Аристотелевского общества впервые анализируется только в 1905 г.

¹ Jones E.E.C. Professor Sidgwick's Ethics // Proceedings of the Aristotelian Society, 1903–1904, New Series, Vol. 4 (1903–1904). P. 32–52.

² Solomon J. Is the Conception of “Good” Undefinable? // Proceedings of the Aristotelian Society, 1905–1906, New Series, Vol. 6 (1905–1906), P. 128–140.

³ Moore G.E. Experience and Empiricism // Proceedings of the Aristotelian Society, 1902–1903, New Series, Vol. 3 (1902–1903). P. 80–95.

⁴ Moore G.E. Kant's Idealism // Proceedings of the Aristotelian Society, 1903–1904, New Series, Vol. 4 (1903–1904). P. 127–140.

⁵ Dawes Hicks G. Mr. G.E. Moore on “The Subject-Matter of Psychology” // Proceedings of the Aristotelian Society, 1909–1910, New Series, Vol. 10 (1909–1910). P. 232–288.

Т. Перси Нунном относительно расселовских «Принципов математики»¹. С 1905 по 1909 г. идут только упоминания Б. Рассела в виде эпизодических ссылок в трудах разных авторов (например, Э. Джонс, Т. Перси Нунн, Дж. Росс и др.)². Большим откликом на его творчество можно считать работу С. Уотерлоу «Некоторые философские импликации логической теории математики Рассела», в которой он, в частности, указывает, что, несмотря на то, что «Принципы математики» опубликованы уже достаточно давно, английская философия обошла ее заслуженное признание и никаким образом систематически не исследовала³. Тем самым еще раз можно подтвердить ранее выдвинутый тезис [5] о том, что период до 1910 г. включительно можно обозначить как «ранний» период истории Аристотелевского общества и как «ранний» период аналитической философии и ее «слабой» рецепции в Аристотелевском обществе.

В целом с 1901 по 1920 г. в Трудах Аристотелевского общества можно обнаружить сравнительно небольшое количество трудов Б. Рассела по сравнению с Mind. Прежде всего, это статьи, посвященные «знанию-знакомству» и «знанию-описанию», об универсалиях, о понятии причины, о пропозициях⁴. Куда большую активность в период в Аристотелевском обществе с 1910 г. проявлял Дж.Э. Мур, в меньшей степени публикуясь, в большей – участвуя в симпозиумах общества⁵.

¹ *Percy Nunn T.* The Aims and Achievements of Scientific Method // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1905–1906, New Series, Vol. 6 (1905–1906). P. 141–182.

² *Constance Jones E.E.* Logic and Identity in Difference // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1906–1907, New Series, Vol. 7 (1906–1907). P. 81–92; *Percy Nunn T.* On Causal Explanation // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1906–1907, New Series, Vol. 7 (1906–1907). P. 50–80; *Shearman A.T.* Intuition // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1906–1907, New Series, Vol. 7 (1906–1907). P. 158–197.

³ *Waterlow S.* Some Philosophical Implications of Mr. Bertrand Russell's Logical Theory of Mathematics // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1909–1910, New Series, Vol. 10 (1909–1910). P. 132–188.

⁴ *Russell B.* Knowledge by Acquaintance and Knowledge by Description // *Proceedings of the Aristotelian Society*, New Series. 1910–1911, Vol. 11. P. 108–128; *Russell B.* On the Relations of Universals and Particulars // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1911–1912, New Series, Vol. 12 (1911–1912). P. 1–24; *Russell B.* On the Notion of Cause // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1912–1913, New Series, Vol. 13 (1912–1913). P. 1–26; *Russell B.* On Propositions: What They Are and How They Mean // *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplementary Volumes, 1919, Vol. 2, Problems of Science and Philosophy (1919). P. 1–43.

⁵ *Moore G.E., Stout G.F.* Symposium: The Status of Sense-Data // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1913–1914, New Series, Vol. 14 (1913–1914). P. 355–406; *Edgell B., Bartlett F.C., Moore G.E., Wildon Carr H.* Symposium: The Implications of Recognition // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1915–1916, New Series, Vol. 16 (1915–1916). P. 179–233; *Moore G.E., Johnson W.E., Dawes Hicks G., Smith J.A., Ward J.* Symposium: Are the Materials of Sense Affections of the Mind? // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1916–1917, New Series, Vol. 17 (1916–1917). P. 418–458; *Moore G.E.* The Conception of Reality // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1917–1918, New Series, Vol. 18 (1917–1918). P. 101–120; *Dawes Hicks G., Moore G.E., Edgell B., Broad C.D.* Symposium: Is There “Knowledge by Acquaintance”? // *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplementary Volumes, 1919, Vol. 2, Problems of Science and Philosophy (1919). P. 159–220; *Moore G.E.* The Presidential Address: Some Judgments of Perception // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1918–1919, New Series, Vol. 19 (1918–1919). P. 1–29; *Moore G.E.* External and Internal Relations // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1919–1920, New Series, Vol. 20 (1919–1920). P. 40–62; *Laird J., Moore G.E., Broad C.D., Dawes Hicks G.* Symposium: The Character of Cognitive Acts // *Proceedings of the Aristotelian Society*, 1920–1921, New Series, Vol. 21 (1920–1921). P. 123–160; *Moore G.E., Stout G.F., Dawes Hicks G.* Symposium: Are the Characteristics of Particular Things Universal or Particular? // *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplementary Volumes, 1923, Vol. 3, Relativity, Logic, and Mysticism (1923). P. 95–128; *Dawes Hicks G., Price H.H., Moore G.E., Stebbing L.S.* Symposium: The Nature of Sensible Appearances // *Proceedings of the Aristotelian Society*, Supplementary Volumes, 1926, Vol. 6, Methods of Analysis (1926). P. 142–205.

В 1911 г. Б. Рассел был избран президентом Аристотелевского общества. Как раз с 1911 г. качественно и количественно растет число публикаций, посвященных творчеству как Б. Рассела, так и Дж.Э. Мура. Около двадцати работ представляют собой анализ и критику творчества Б. Рассела уже по многим вопросам, которые он затрагивает и в своих довольно немногочисленных публикациях Аристотелевского общества, и в публикациях за его пределами. Именно с этого периода начинается уже явная конкуренция классиков аналитической философии в Аристотелевском обществе со своими старшими современниками. Поэтому вряд ли можно согласиться, что статья «Опровержение идеализма» Дж.Э. Мура, написанная им в 1903 г., по выражению Г. Кюнга, нанесла «идеализму сокрушительный удар». На страницах журнала *Mind* первый отклик на «Опровержение идеализма» появился только в 1905 г.¹ Продолжением критики «Опровержения идеализма» стала статья Дж. Маккензи в 1906 г.² Настоящая идейная конкуренция начинается с 1911 г., судя по росту участия Дж.Э. Мура в симпозиумах Аристотелевского общества и росту их цитируемости с Б. Расселом.

На проведенные с участием Дж.Э. Мура симпозиумы как на важный акт интерактивного характера в деятельности исследователей того времени нужно обратить более пристальное внимание. Интерес на содержании таких коллективных интеллектуальных ритуалов, как симпозиумы, семинары и записанные дискуссии, более чем обоснован. Предметная область симпозиумов, где принимал участие Дж.Э. Мур, была достаточно ограниченной и посвящена вопросам гносеологического характера: чувственные данные, аффекты, познавательные акты, знание по описанию и т.д. Однако в обсуждении этих вопросов можно обнаружить преемственность поколений. Если обратить внимание на состав участников, то Дж.Э. Мур находится посередине между своими старшими (Г. Доуз-Хикс, Б. Эдгелл, Г. Уилдон-Карр, У. Джонсон) и младшими (Г. Прайс, С. Стеббинг, Ч. Броуд, Дж. Лэрд) современниками.

Поэтому является продуктивным и перспективным анализ творчества этих второстепенных с точки зрения истории философии фигур, с которыми Дж.Э. Мур вступал в полемику на вышеназванных тематических симпозиумах. Г. Доуз-Хикс, Б. Эдгелл, Г. Уилдон-Карр, У. Джонсон и др. были либо ровесниками, либо «старшими» современниками Дж.Э. Мура и Б. Рассела, тем самым являясь к этому моменту уже сложившимися исследователями. Исследования Г. Доуза-Хикса были посвящены неокантианству, немецкому идеализму, философии истории, философии А. Мейнонга, философии и психологии восприятия. Творчество У. Джонсона было посвящено экономике, логике, математике, тригонометрии. Г. Уилдон-Карр специализировался на классической традиции – философии Спинозы и Лейбница, изучал философию Б. Кроче, А. Бергсона, занимался проблемами психофизиологического параллелизма, критиковал британский идеализм Ф. Брэдли, посвятил ряд работ принципу относительности А. Эйнштейна в его отношении в философии. Б. Эджелл, первая женщина-президент Аристотелевского общества и первая профессор психологии в Великобритании, занималась проблемами медицин-

¹ Strong C.A. Has Mr. Moore Refuted Idealism? // *Mind*, New Series, Vol. 14, № 54 (Apr., 1905). P. 174–189.

² Mackenzie J.S. The New Realism and the Old Idealism // *Mind*, New Series, Vol. 15, № 59 (Jul., 1906). P. 308–328.

ской этики, проблемой памяти (например, в дискуссии с С. Александером), исследованиями психологического развития Ж. Пиаже.

В свою очередь, остальные участники – Г. Прайс, С. Стеббинг, Ч. Броуд, Дж. Лэрд и др. были уже «младшими». Отсюда вряд ли является совпадением то, что перечисленные «младшие» современники Дж.Э. Мура оказались впоследствии отнесены к традиции именно аналитической философии¹. В то время как «старшие» либо представляли параллельные философские направления, либо находились в явной оппозиции тому же Б. Расселу и Дж.Э. Муру.

«Младшие» современники Дж.Э. Мура уже имели к этому времени собственный исследовательский опыт. К примеру, ряд ранних философских работ С. Стеббинг были посвящены философии А. Бергсона и прагматизму, а Дж. Лэрду были интересны история британской философии, метафизика и проблемы этики. Как раз тематические интересы подобных авторов вполне возможно и являются одной из причин того образа современной аналитической философии как направления, по выражению С. Лайпонт, представляющего «множество традиций». Если даже наличие этих «традиций» не будет показано, то в лучшем случае хотя бы будет сделана попытка объяснения многообразного тематического и проблемного поля в современной аналитической философии.

С точки зрения историко-философского осмысления исследование взглядов философского окружения классиков крайне важно для реконструкции аналитической философии, необходимой для ее саморефлексии. В идеале нужно выяснить и то, кто из современников Дж.Э. Мура и Б. Рассела, будучи «второстепенными фигурами» (Р. Коллинз), стал проводником их взглядов и своего рода агентом влияния и какова та предметная область, что их интересовала. В то же время и соперничающие фигуры так или иначе могли повлиять на содержание и уточнение аргументации. Об эволюции взглядов классиков написано достаточно ввиду того, что акцентируется внимание на индивидуальном, а не социальном коллективном уровне. Вклад неизвестных героев философского дискурса в идейное наследие классиков часто остается неисследованным. Хотя и попытки в этом направлении предпринимаются. Например, вышедшее исследование Марии ван дер Шар «Дж.Ф. Стаут и психологические истоки аналитической философии»². В этом смысле история аналитической философии еще ждет своей реализации.

Список источников

1. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуально-го изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.

2. *A Hundred Years of British Philosophy*. By Dr. Rudolf Metz. / Translated by Professor J.W. Harvey, M.A., Professor T.E. Jessop, M.A. and Henry Sturt, M.A. Edited by J.H. Muirhead, LL.D., F.B.A. Library of Philosophy. London : George Allen & Unwin, Ltd. ; New York : The Macmillan Company, 1938. P. 828. DOI: 10.1017/s0031819100011165

3. Блохина Н.А. Аналитическая философия в поисках самоопределения // Философский журнал. 2019. Т. 12, № 1. С. 159–170. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-159-170>

4. *Пассмор Дж. Сто лет философии* / пер. с англ. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 496.

¹ Об этом указывает Дж. Пассмор. См.: *Пассмор Дж. Сто лет философии* : пер. с англ. М. : Прогресс-Традиция, 1998. 496 с.

² *Schaar M. van der G.F. Stout and the Psychological Origins of Analytic Philosophy*. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2013. 188 p.

5. Юрьев Р.А. История Аристотелевского общества раннего периода: возникновение и предпосылки развития // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 2. С. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-95-101

References

1. Collins, R. (2002) *Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya* [Sociology of Philosophies. Global Theory of Intellectual Change]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf.
2. Metz, R. (1938) *A Hundred Years of British Philosophy*. London: George Allen & Unwin, Ltd.; New York: The Macmillan Company. p. 828. DOI: 10.1017/s0031819100011165
3. Blokhina, N.A. (2019) Analiticheskaya filosofiya v poiskakh samoopredeleniya [Analytical Philosophy in Search of Self-Determination]. *Filosofskiy zhurnal*. 12(1). pp. 159–170. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2019-12-1-159-170>
4. Passmore J. (1998) *Sto let filosofii* [One Hundred Years of Philosophy]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya. p. 496.
5. Yuriev, R.A. (2022) Istoriya Aristotelevskogo obshchestva rannego perioda: vzniknovenie i predposylki razvitiya [History of the Aristotelian Society of the Early Period: Origins and Preconditions of Development]. *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. 7(2). pp. 95–101. DOI: 10.25206/2542-0488-2022-7-2-95-101

Сведения об авторе:

Юрьев Р.А. – кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yuriev2003@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yuriev R.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yuriev2003@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.03.2023;
одобрена после рецензирования 02.04.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 02.03.2023;
approved after reviewing 02.04.2023; accepted for publication 23.06.2023*

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 179.7

doi: 10.17223/1998863X/73/7

БИОЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КОНТРАКТА УЛИССА (НА ПРИМЕРЕ ПРЕВЕНЦИИ СУИЦИДА)

Алексей Владимирович Антипов

Институт философии РАН, Москва, Россия, nelson02@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются соглашения Улисса как способ соблюдения принципа уважения автономии суицидента. Соглашения Улисса исследуются как часть завещаний на случай недееспособности. Выделяются аргументы в пользу использования соглашения, а также анализируются его концептуальные и практические недостатки.

Ключевые слова: биоэтика, этика, соглашение Улисса, завещания на случай недееспособности, уважение автономии

Для цитирования: Антипов А.В. Биоэтические аспекты контракта Улисса (на примере превенции суицида) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 71–78. doi: 10.17223/1998863X/73/7

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Original article

BIOETHICAL ASPECTS OF THE ULYSSES CONTRACT (ON THE EXAMPLE OF SUICIDE PREVENTION)

Aleksei V. Antipov

*Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation,
nelson02@yandex.ru*

Abstract. This article examines the bioethical principle of respect for autonomy and its ethical connotations in the context of living wills. Living wills are part of advance care planning. They enable the patient to cooperate with the physician, together with him to choose tactics of behavior in situations of mental disorder exacerbation. The context for consideration is suicide prevention which focuses on the monitoring, detection and prevention of suicides. In psychiatry and suicidology such living wills are called Ulysses contracts. The Ulysses contract is considered and analyzed in this article as an implementation of the principle of respect for suicidal autonomy. To conduct the analysis, the strengths and weaknesses of the agreement are highlighted. The strengths of the contract

and the arguments made in defense of its use are: lack of free will (mental illness leads to disruption of neurobiological processes); self-paternalism (imposing obligations on oneself and rejection of the paternalistic physician-patient model); protection of the interests of the authentic self (highlighting the authentic interests of the individual, which consist of preservation and continuation of life, as well as control over it); lack of decision competence (mental disorder leads to an inability to make rational and autonomous decisions); practical solution in an emergency situation (the contract allows for the use of an action plan already approved and pre-approved by the patient in a critical situation). Conceptual and practical disadvantages are distinguished. Conceptual disadvantages are self-paternalism, which leads to paradox, as the desires of the self in the past prevail over the self in the present, and the focus of the contract on limitation in the potential future, thereby proving to be a warning of possible behavior. Practical disadvantages include the use of coercion to enter into the contract, the ability to manipulate and influence the patient, and excessive expectations on the part of physicians that lead to a shifting of responsibility. The article concludes that the Ulysses contract has value for autonomy compliance, but it can only be used in the narrow context of suicide due to mental disorders.

Keywords: bioethics, ethics, Ulysses contract, wills of incapacity, respect for autonomy

For citation: Antipov, A.V. (2023) Bioethical aspects of the Ulysses contract (on the example of suicide prevention). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 71–78. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/7

Завещания на случай недееспособности (living will) являются одним из способов включения пациента в процесс принятия решений относительно своего дальнейшего благополучия. Будучи частью мер по расширенному планированию медицинского ухода (advance care planning), завещания на случай недееспособности позволяют пациентам делиться своими целями, ценностями и предпочтениями, которые будут учитываться в процедуре будущего медицинского ухода [1. Р. 9]. Данный концепт выстраивается на предположении, что человек с диагностированным психическим расстройством в момент, не подверженный влиянию болезни, заключает соглашение, по которому в случае наступления недееспособности врач наделяется правом осуществлять вмешательство в лечение пациента, поскольку дано предварительное согласие в виде завещания на случай недееспособности. Однако использование такого рода концепта может входить в определенные противоречия с этическими нормами и биоэтическими принципами, а соглашение не избавляет от практических затруднений. Рассмотрим его на примере суицидологии и превенции суицида, выделим аргументы, приводимые в пользу завещаний на случай недееспособности, а также сильные и слабые стороны его заключения с точки зрения этики и биоэтического принципа уважения автономии.

Одним из способов приложения такого рода завещаний является использование их для превенции суицида. Изучая сложный феномен самоубийства, суицидология крайне осторожно относилась к репрессивной терапии самоубийств, практикуемой психиатрией, но много размышляла о других вариантах предотвращения суицида. Под превенцией суицида понимается система мер, направленных на выявление потенциальных суицидентов и вмешательство (прерывание) самоубийства. Вариантом, при котором помощь суициденту осуществляется с учетом его автономии, выступает практика завещаний на случай недееспособности (living will). Они обозначают механизм, существующий в виде документально удостоверенного желания, с помощью которого индивид предвидит воздействие психического заболевания в определенной

фазе на способность мыслить и на готовность принять помощь и пытается защититься от него посредством вступления в соглашение. Предположим, что человек опасается, что в случае наступления острой фазы депрессии он может покончить с собой, и тогда удостоверяет, что при наступлении подобного состояния он просит медиков вмешаться и защитить его от вероятного суицида. Необходимо также отметить, что подобные соглашения используются не только в обращении с теми, кто высказывает желание закончить свою жизнь, но также с пациентами, проявляющими другое деструктивное поведение [2], которое связано с расстройствами питания, аддиктивным поведением и т.д.

В психиатрии и суицидологии соглашение между врачом и пациентом, в котором пациент, опасаясь принятия неверных решений под влиянием болезни, указывает, «что должно быть сделано в случае, когда пациент проявляет суицидальные мысли или поведение» [3. Р. 130], называется соглашением (или контрактом) Улисса. Его название происходит от латинизированного варианта имени Одиссей, который приказал своим спутникам привязать себя к мачте, чтобы не попасть под чары сирен. Предполагается, что так же, как и Улисс, человек, опасаясь собственного деструктивного поведения в результате расстройства в дальнейшем, сковывает себя обязательствами и определенным планом действий, на которые предварительно соглашается.

Соглашение направлено на усиление самоконтроля пациента, который накладывает на себя определенные обязательства, тем самым принимая активное участие в своем лечении и признавая, что он заинтересован приложить силы и энергию для выздоровления. Как указывают исследователи применения соглашения, «соглашение Улисса также имеют обозначение как „психиатрическая воля“ и „добровольное обязывающее соглашение“, но все они обозначают один феномен, при котором заключается упреждающее соглашение о лечении и содержании, и оно должно выполняться при определенных условиях, указанных в контракте» [4. Р. 696].

Четыре принципа биоэтики («не навреди», «делай благо», «принцип уважения автономии пациента» и «принцип справедливости»), предлагаемые Бичампом и Чилдрессом [5], фундируют возможности вмешательства в жизнь и процесс излечения пациента. Для соглашения Улисса наибольшее значение имеет принцип уважения автономии, поскольку именно об ограничении разрушительных намерений и способности выбирать курс действий идет речь.

В связи с принципом уважения автономии выделяются следующие аргументы для подтверждения необходимости использования соглашения Улисса: 1) недостаток свободной воли, 2) самопатернализм, 3) аргумент подлинного «я» (выражение подлинных интересов). Также указываются аргументы, имеющие значение для этики в ее консеквенциалистском понимании: 4) отсутствие компетентности в принятии решений, 5) практическое решение в чрезвычайных ситуациях [6]. Первый блок аргументов поднимает метафизические вопросы, которые мы назовем метафизическими аргументами, в то время как второй сосредоточен на этическом содержании. Раскроем каждый из блоков конкретнее.

Метафизические аргументы выстраиваются на ставших классическими философских проблемах: свободы воли, соотношения целого и части, аутен-

тичности. Метафизические аргументы порождают дискуссии о концептуальных различиях в системе принимаемых взглядов. Они важны для прояснения качеств явления, поэтому нуждаются в прояснении. Аргумент *недостатка свободной воли* основывается на предпосылке, что поведение человека контролируется нейробиологическими процессами, а психическое расстройство приводит к сбою в их работе, поэтому в момент обострения расстройства человек теряет свою способность быть автономным, и вмешательство, предусмотренное заключенным ранее соглашением, обосновано. Этот аргумент является частью другой, более общей проблемы, связанной с нейробиологическими исследованиями: является ли наше поведение детерминированным деятельностью нейронов? Нейроэтика отвечает на этот вопрос положительно, что позволяет в рамках нейроэтических исследований искать физиологические основания ментальных состояний, свободы, ответственности и вины [6], тем самым возвращаясь к вопросу о свободе воли. Аргумент *самопатернализма* состоит в том, что человек, заключающий соглашение Улисса, отказывается от патерналистской модели врач–пациент, поскольку принимает непосредственное участие в обсуждении и утверждении плана действий на случай его недееспособности. Вместо этого он утверждает модель, которая может быть признана самопатерналистской. Решения, принимаемые здоровым «я», довлеют над решениями «я» в момент кризиса, а заключенное соглашение определяет план действий, который может совершаться над «я» в состоянии кризиса и который был санкционирован здоровым «я». В защиту использования соглашения Улисса также выдвигается аргумент *подлинного «я»*, который означает ситуацию использования соглашения для закрепления подлинных интересов личности, связанных с излечением и нанесением вреда себе и окружающим. Предполагается, что, вступая в соглашение, человек действует в лучших собственных интересах и старается минимизировать деструктивные проявления своего будущего поведения. Другим интересом подлинного «я» можно выделить сохранение контроля над собственной жизнью. Путем заключения соглашения повышается способность человека планировать свою жизнь в долгосрочной перспективе, потому что часть своей жизни, в которой может происходить приступ деструктивного поведения, перестает быть тем, за что этот человек несет персональную ответственность. Он разделяет ответственность с врачом, заключив с ним соглашение, а врач принимает на себя обязательство совершить действия, необходимые для ограничения деструктивного поведения пациента.

Этические аргументы, в отличие от метафизических, сосредоточены на практической стороне применения, межличностном взаимодействии врача и пациента и на проблеме ответственности. Аргумент *отсутствия компетентности в принятии решений* выстраивается на представлении о невозможности принимать осознанные, автономные и рациональные решения в момент обострения психического расстройства. В данном случае соглашение Улисса позволяет человеку в момент обладания способностью мыслить здраво определить свои желания, перспективы и интересы, зафиксировать их, чтобы в момент обострения врач мог действовать в соответствии с закрепленными желаниями. Наиболее важным в этическом понимании является последний аргумент, который состоит в использовании соглашения Улисса для *практического решения в чрезвычайных ситуациях*. Так, в соглашении опре-

деляются действия, которые необходимо совершить в обозначенных случаях, но в их определении участвует сам пациент, поэтому при наступлении кризиса алгоритм, обсужденный и принятый при активном участии пациента, не выглядит угрожающим и легче принимаем. С точки зрения последствий соглашения Улисса позволяет в момент наступления кризиса врачу предпринять необходимые действия по сохранению жизни пациента от суицидальных устремлений, поскольку имеется предварительно одобренный план действий. В данном случае проявляется одна из сильных сторон соглашения: это лишь временная потеря свободы, потому что соглашение действует только в то определенное время, когда у человека наблюдается обострение расстройства и нет необходимости в долгосрочном ограничении.

Необходимо также обратить внимание на проблемы и слабые места, с которыми сталкивается применение концепта. Практические недостатки соглашений Улисса состоят в использовании принуждения для вступления в соглашение и перераспределении ответственности, перекладывании ее на пациента. Принуждение к заключению подобного соглашения может быть результатом недобросовестной деятельности врача. Человек, оказывающийся в трудной ситуации, более того, если постулируется недостаток свободной воли, не всегда способен рационально оценивать и противостоять давлению, которое на него оказывается. Тогда не может быть никакого автономного действия, и об уважении автономии речи тоже не идет. Вторая практическая слабость состоит в том, что соглашение, с одной стороны, приводит к слишком большим ожиданиям со стороны врачей [7. Р. 364], что может быть чревато перекладыванием ответственности. Врач, следящий за здоровьем человека, после вступления последнего в соглашение ослабляет свое внимание, надеясь на сознательность пациента в выполнении условий соглашения. С другой стороны, прижизненное завещание означает, по сути, бесконечную веру человека в добропорядочность врача и делегирование ему прав распоряжаться жизнью автора завещания, а это, в свою очередь, приводит к неограниченному патернализму, от которого соглашение призвано избавиться, заменяя его самопатернализмом.

Относительно аргументации выделяются следующие проблемные точки. Аргумент свободы воли наталкивается на то препятствие, что невозможно утверждать, что и в момент заключения соглашения человек обладал своей автономией, что, в логике аргумента, должно отказывать в легитимации вмешательству, предусмотренному соглашением. В случае аргумента самопатернализма может быть показано, что такая модель также не свободна полностью от классического патернализма: в момент необходимости вмешательства врачу может понадобиться совершить действия, которые строго не регламентированы или не внесены в соглашение, но сам факт его заключения будет свидетельствовать о готовности человека принимать помощь. Поэтому патерналистская модель врач–пациент потенциально возвращается в отдаленной перспективе. В случае аргумента самопатернализма одним из концептуальных затруднений является то, что самопатернализмом названа ситуация превалирования прошлых закрепленных предпочтений над желаниями человека в настоящем [8. Р. 48]. Проблемность этого положения состоит в том, что по логике соглашения необходимо придерживаться только ранее закрепленных договоренностей, в то время как желания человека в данный момент

ставятся под сомнение. Таким образом, здоровое «я» довлеет над больным (или тем, которое считается в данный момент больным) «я». Но что делать, если человек желает разорвать ранее сформулированное прижизненное завещание? Насколько факт заболевания лишает его автономии отменить решение, принятое в прошлом? Аргументирование предварительно заключенным соглашением также выглядит не всегда корректным: положения, закрепленные в нем, могут не отвечать коренным интересам личности или подлинного «я». Тогда запускаются механизмы, посредством которых «контракты Улисса» об обязательном уходе могут быть истолкованы как незаконные в тех случаях, когда считается, что пациент обладает способностью принимать решения» [9. Р. 84]. Так, поскольку оно оспаривается, соглашение перестает быть и быстрым практическим решением в чрезвычайных ситуациях. Положение о подлинном «я» наталкивается на те же затруднения, что и аргумент самопатернализма: обоснование того, что предыдущие установления имеют большую силу, чем последующие, основано только на предпосылке, что в интересах личности (и подлинного «я») сохранять свою жизнь как можно дольше. Но в некоторых случаях это может быть не так: эвтаназия и ассистированное самоубийство представляют собой кейсы, в которых от жизни, наполненной невыносимыми страданиями и характеризующейся радикальным снижением ее качества, возможно отказаться [10]. Аргумент об отсутствии компетенции не согласуется с тем фактом, что не все психические расстройства способны оказывать негативное влияние на когнитивные способности и мышление [11], поэтому тезис о невозможности принимать решения в момент обострения течения расстройства выглядит по меньшей мере спорно.

Концептуальным недостатком соглашения Улисса является его направленность в возможное будущее и предупреждение возможного поведения, что роднит завещания на случай недееспособности с группой практических решений, направленных на предотвращение событий в будущем, таких как превенция потенциальных преступлений. Поведение, которое человек может осуществлять или нет, не всегда является основанием для его ограничения. Самостоятельное окончание жизни не является преддetermined исходом жизни человека с определенным психическим расстройством, а потому не представляет собой вариант поведения, который необходимо ограничивать. В случае с суицидентами направленность на возможное будущее, принципиально не детерминированное текущим состоянием, выступает основанием и для критики всей системы превенции суицида с либертарианских позиций [12], поскольку предупреждение возможного поведения в будущем ограничивает потенциальные возможности личности для реализации себя. Однако вопрос остается в том, может ли деструктивное поведение, направленное на себя, а не на других (хотя суицид оказывает косвенное влияние на окружение суицидента, но прямо на него не нацелен), считаться реализацией себя.

Соглашения Улисса, направленные на предотвращение суицидального поведения, не лишены своих практических (давление и чрезмерные ожидания со стороны врачей) и концептуальных недостатков (самопатернализм и предупреждение возможного поведения). Однако стоит признать, что аргументы, приводимые в защиту использования практики завещаний на случай недееспособности, показывают, что соглашения Улисса могут иметь эвристический потенциал использования для работы с суицидентами при соблюдении

принципа уважения автономии. Соглашение Улисса ведет к увеличению сферы автономии, поскольку человек принимает ответственное и обоснованное решение о том, что в его жизни существуют определенные проблемы, требующие помощи. Утверждается, что такие контракты являются уважением автономии пациента посредством того, что врач предлагает определенный курс лечения, и пациент вместе с врачом приходят к соглашению о плане действий по достижению излечения [13. Р. 1215]. Так, ограничивая собственную автономию в определенном спектре действий, человек получает возможность контролировать свою жизнь в долгосрочной перспективе, строить планы на будущее и ставить цели. Это позволяет увидеть за человеком, обладающим психическим расстройством и суицидальными наклонностями, не только его стремление самостоятельно закончить свою жизнь, стигму самоубийцы, но полноценную личность, чьи желания и интересы необходимо уважать даже в спасении его от собственных деструктивных интенций. Но важно помнить, что соглашения Улисса имеют узкий потенциал действий. Практика завещаний на случай недееспособности может предотвращать суициды, вызванные медицинскими причинами, такими, как психиатрическое расстройство, но она не может быть применима к другим причинам, появления которых невозможно заранее предсказать, и необходим комплекс превентивных мер, состоящих не только в медикаментозном и терапевтическом воздействии, но и в социальном и межличностном контексте.

Список источников

1. David D., McMahan R.D., Sudore R.L. Living Wills: One Part of the Advance Care Planning Puzzle // Journal of the American Geriatrics Society. 2019. Vol. 67, № 1. P. 9–10. DOI: <https://doi.org/10.1111/jgs.15688>
2. Volk M.L., Lieber S.R., Kim S.Y. et al. Patient Contracts in Clinical Practice // Lancet. 2012. 379(9810). DOI: 10.1016/S0140-6736(11)60170-0 URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3232314/> (accessed: 30.08.2021).
3. Cholbi M. Suicide: the philosophical dimensions. Broadview guides to philosophy. 2011. 191 p.
4. Lundahl A., Helgesson G., Juth N. Against Ulysses contracts for patients with borderline personality disorder // Med Health Care and Philos. 2020. 23. P. 695–703. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11019-020-09967-y>
5. Beauchamp T., Childress J. Principles of biomedical ethics. Oxford : Oxford University Press, 1989.
6. Neuroethics: Anticipating the future / eds. J. Illes, S. Hossain. Oxford University Press, 2017. 672 p.
7. Garvey K.A., Penn J.V. et al. Contracting for Safety With Patients: Clinical Practice and Forensic Implications // The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law. 2009. Vol. 37, № 3. P. 363–370.
8. Macklin A. Bound to Freedom: The Ulysses Contract and the Psychiatric Will // University of Toronto Faculty of Law Review. 1987. Vol. 45, № 1. P. 37–68.
9. Lundahl A., Helgesson G., Juth N. Ulysses contracts regarding compulsory care for patients with borderline personality syndrome // Clinical Ethics. 2017. Vol. 12, № 2. P. 82–85. DOI: 10.1177/1477750916682623
10. Benatar D. Suicide: A Qualified Defense // The Metaphysics and Ethics of Death. Oxford University Press, 2013. P. 222–245.
11. Hubbeling D. Decision-making capacity should not be decisive in emergencies // Medicine, Health Care and Philosophy. 2014. Vol. 17, № 2. P. 229–238.
12. Szasz T. Self-Ownership or Suicide Prevention? // The Freeman, March 2004. URL: <https://fee.org/articles/self-ownership-or-suicide-prevention/> (accessed: 30.08.2021).

13. Lieber S.R., Kim S.Y., Volk M.L. Power and control: contracts and the patient-physician relationship // International journal of clinical practice. 2011. Vol. 65, № 12. P. 1214–1217. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1742-1241.2011.02762.x>

References

1. David, D., McMahan, R.D. & Sudore, R.L. (2019) Living Wills: One Part of the Advance Care Planning Puzzle. *Journal of the American Geriatrics Society*. 67(1). pp. 9–10. DOI: <https://doi.org/10.1111/jgs.15688>
2. Volk, M.L., Lieber, S.R., Kim, S.Y. et al. (2012) Patient Contracts in Clinical Practice. *Lancet*. 379(9810). DOI: 10.1016/S0140-6736(11)60170-0 [Online] Available from: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3232314/> (Accessed: 30th August 2021).
3. Cholbi, M. (2011) *Suicide: the philosophical dimensions*. Broadway Press.
4. Lundahl, A., Helgesson, G. & Juth, N. (2020) Against Ulysses contracts for patients with borderline personality disorder. *Med Health Care and Philos.* 23. pp. 695–703. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11019-020-09967-y>
5. Beauchamp, T. & Childress, J. (1989) *Principles of Biomedical Ethics*. Oxford: Oxford University Press.
6. Illes, J. & Hossain, S. (eds) (2017) *Neuroethics: Anticipating the Future*. Oxford University Press.
7. Garvey, K.A., Penn, J.V. et al. (2009) Contracting for Safety with Patients: Clinical Practice and Forensic Implications. *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 37(3). pp. 363–370.
8. Macklin, A. (1987) Bound to Freedom: The Ulysses Contract and the Psychiatric Will. *University of Toronto Faculty of Law Review*. 45(1). pp. 37–68.
9. Lundahl, A., Helgesson, G. & Juth, N. (2017) Ulysses contracts regarding compulsory care for patients with borderline personality syndrome. *Clinical Ethics*. 12(2). pp. 82–85. DOI: 10.1177/1477750916682623
10. Benatar, D. (2013) Suicide: A Qualified Defense. In: Taylor, J.S. (ed.) *The Metaphysics and Ethics of Death*. Oxford University Press. pp. 222–245.
11. Hubbeling, D. (2014) Decision-making capacity should not be decisive in emergencies. *Medicine, Health Care and Philosophy*. 17(2). pp. 229–238.
12. Szasz, T. (2004) Self-Ownership or Suicide Prevention? *The Freeman*. [Online] Available from: <https://fee.org/articles/self-ownership-or-suicide-prevention/> (Accessed: 30th August 2021).
13. Lieber, S.R., Kim, S.Y. & Volk, M.L. (2011) Power and control: contracts and the patient-physician relationship. *International Journal of Clinical Practice*. 65(12). pp. 1214–1217. DOI: 10.1111/j.1742-1241.2011.02762.x

Сведения об авторе:

Антипов А.В. – кандидат философских наук, научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии РАН (Москва, Россия). E-mail: nelson02@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Антипов А.В. – Cand. Sci. (Philosophy), research fellow, Department of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: nelson02@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2021;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 01.09.2021;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.17223/1998863X/73/8

ДИАЛЕКТИКА СТАНОВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЛИЧНОСТИ В ТУВИНСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ МОДЕРНИЗАЦИИ И ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аяс Анатольевич Данчай-оол

*Красноярский государственный медицинский университет имени профессора
В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России, Красноярск, Россия, dayas@inbox.ru*

Аннотация. В статье проведен анализ раскрытия феномена личности в тувинской культуре. Обнаруживается отсутствие онтологических и антропологических основ для естественного формирования данного феномена в тувинской культуре. Подчеркивается необходимость методологически полного анализа понимания человека в традиционных культурах, что позволит глубже понимать проявления человека, а также сформировать более эффективное развитие культурно-исторических традиций в перспективе.

Ключевые слова: традиционная культура, личность, тувинская культура, глобализация, модернизация

Для цитирования: Данчай-оол А.А. Диалектика становления феномена личности в тувинской культуре под воздействием модернизации и глобализации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 79–90. doi: 10.17223/1998863X/73/8

Original article

DIALECTICS OF THE FORMATION OF THE PHENOMENON OF PERSONALITY IN TUVAN CULTURE UNDER THE INFLUENCE OF MODERNIZATION AND GLOBALIZATION

Ayas A. Danchay-ool

Krasnoyarsk State Medical University, Krasnoyarsk, Russian Federation, dayas@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the development of the phenomenon of personality in Tuvan culture, which is one of the many manifestations of contradictory and multilevel processes of modernization and globalization. The dialogical development of Tuvan culture leads to the synthesis of many cultural phenomena that form the modern existence of Tuvan culture. The absence of ontological and anthropological foundations for the natural formation of this phenomenon in Tuvan culture is revealed. The author reveals the inconsistency of the universal application of the concepts of European-rational philosophy to the analysis of the understanding of a person formed in specific conditions. The study showed that traditional cultures did not form and did not use universally rational thinking, which did not lead to the formation of a subject-object dichotomy in worldview and cognition. The reason for this phenomenon is syncretism, as well as a lack of analytical separation of aspects of human existence. The author infers that in traditional cultures there is no analogue of the word “personality”, which is created in the cosmic-logical analysis of being, spread in the ancient philosophical tradition and Christian-theological philosophy. As a result, the subject-subject model of interaction forms a special moral model, which is only superficially revealed in cultures other than European. In modern times, the phenomenon of personality is necessarily

formed in Tuvan culture, which changes the mechanisms of socialization and initiation. There are new meanings in the self-identification of Tuvans. Modernization brings to Tuvan culture the substantialism of the European worldview, and globalization unifies the development of cultural and historical tradition. The need for a methodologically complete analysis of the understanding of man in traditional cultures is emphasized, which will allow a deeper understanding of human manifestations, as well as form a more effective development of cultural and historical traditions in the future.

Keywords: tradition, traditional culture, personality, Tuvan culture, worldview, anthropology, globalization, modernization

For citation: Danchay-ool, A.A. (2023) Dialectics of the formation of the phenomenon of personality in tuvan culture under the influence of modernization and globalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 79–90. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/8

Введение

Тувинская культура, являясь одним из уникальных примеров сохранения живой традиции, с начала XX в. претерпела множество трансформаций. Изменение материальной культуры, исчезновение из повседневности традиционных предметов быта, изменение лексики, возникновение новой картины мира кардинально меняют синкретизм онтологической, гносеологической и аксиологической систем традиционной тувинской культуры. Прежде всего это проявляется в изменении акцентов в понимании природы, общества и человека. Фундаментальные понятия человека, размытые в многообразии духовного мира архаичных и локальных культур, трансформируются в более четкие, рационализированные и систематизированные феномены. В условиях модернизации и глобализации традиционные культуры обнаруживаются в более слабой позиции к универсальной глобализированной культуре в плане перспектив дальнейшего развития. Это вызывает тревогу у представителей этих культур и исследователей, направляющих свой научный взор на проблему сохранения культурного многообразия в будущем.

В связи с масштабными изменениями в современном мире актуальной является задача поиска новых смыслов в понимании человека в локальных культурах. Это позволит очертить вектор развития традиционной культуры, в том числе традиционной тувинской культуры, в современных условиях. Для решения поставленной задачи необходимо исследовать сложный и противоречивый феномен личности в современной тувинской культуре, который определяет собой социальную полноту бытия человека. Качественный анализ развертывания новой интерпретации человека в современной тувинской культуре требует тщательного раскрытия последовательного формирования условий становления феномена личности в европейской мировоззренческой системе.

Методы

Следует очертить контуры методологии, которая позволит выявить глубину и многообразие форм человеческого бытия в древних традициях, сохранившихся вплоть до наших дней. Когда мы обращаемся к проблеме человека, то наиболее объективной и уместной выглядит философская антропология, которая стремится к целостному пониманию человека в его конкретном бы-

тии, во всем комплексе его взаимосвязи с культурой, обществом, государством, природой. Для анализа тувинской культурно-исторической традиции применяется концепция диалога культур М.М. Бахтина, В.С. Библера. Благодаря методологии диалога культур возможно выделить феномен конкретной культуры, а также выявить структуру взаимосвязи различных культурно-исторических традиций, так как они не ограничены какими-либо рамками в этой концепции. В этом векторе культуры обнаруживаются в системе живого и динамичного процесса сосуществования, взаимопроникновения и взаимодействия. Кроме того, необходимо уточнить, что в качестве традиционных культур в данном исследовании подразумеваются культурно-исторические традиции, сохранившие онтологические, гносеологические, аксиологические архетипы в условиях изменений и трансформаций. В таком ракурсе в наши дни начинает выделяться новый комплекс современной тувинской культуры, который является естественным результатом развития традиционной тувинской культурно-исторической традиции.

Литературный обзор

Проблема личности не выявляется в научных исследованиях, посвященных тувинской культуре, в связи с тем, что в тувиноведении традиционно ведущими были этнография и социология [1]. Философско-антропологическая тематика, частью которой является проблема личности, не являлась острой, так как необходимо было анализировать насущные феномены, возникающие в ходе развития тувинской культурно-исторической традиции. Попыткой ответа на вопросы бытия человека и его феноменов в традиционной и современной тувинской культуре являются исследования противоречий антропологии [2], влияния модернизации и глобализации [3] и интерпретации религиозных понятий [4]. Частью этого комплекса исследований является данная работа.

А.С. Обухов провел анализ условий формирования личности в традиционной культуре, но в его монографии не раскрываются определение и сущность понятия «личность». В то же время очень ценным является уточнение о традиционной культуре: «...здесь „я“ практически растворено в „мы“ и основным способом мотивации действий является ссылка на „закон предков“» [5. С. 217].

Этнопедагогические аспекты формирования человека в тувинской культуре раскрыты в монографии К.Б. Салчака, Л.П. Салчак [6. С. 167]. Духовные основы картины мира тувинской культуры раскрыты в трудах А.К. Кужугет [7] и О.М. Хомушку [8]. Фундаментальное значение для исследований тувинской культуры имеют труды Ч.К. Ламажаа [9], посвященные процессам адаптации тувинской культуры к современным условиям и формированию новых культурных феноменов.

Анализ формирования личности в китайской культуре с выделением двух типов личности (индивидуально-ориентированный и социально ориентированный) осуществлен К.С. Yang [10]. Также данный автор указывает на трансформацию формирования личности по западному (американскому) типу и на необходимость разработки аутентичной методологии в исследованиях феномена личности. О модели личности в филиппинской культуре писал А.Т. Church [11], им были развиты методы кросскультурного иссле-

дования и осуществлен анализ зависимости структуры личности от системы социальных взаимодействий и культуры [12]. М. Ravshanova указывает на отсутствие близких терминов для понимания человека и личности в японской культуре [13]. Даже в европейской культурной традиции ставился вопрос о действительности феномена личности и обнаружении параллелей с буддистской философией [14]. В условиях предельной интенсификации социальных взаимоотношений и кардинальной трансформации человека происходит и размытие сущности личности [15]. Но проявление в тувинской культуре постнеклассической проблематики является предметом другого исследования.

Результаты и обсуждение

В первую очередь нужно отметить, что в тувинском языке отсутствует аналог слова «личность» [16], что выявляет действительные отличия в понимании человека и структуры его проявлений во взаимодействии с обществом в тувинской культуре и европейской. Онтология традиционной тувинской культуры не обладала фундаментом для формирования понятия «личность», что создает определенные противоречия в понимании этого феномена в современной тувинской культуре [3]. Однако при этом с необходимостью мы должны обнаружить черты возникновения феномена личности в современной тувинской культуре. Аутентичной концепции личности тувинская культура выработать не могла, так как отсутствовала такая проблема. Поэтому современные тувинцы создают для себя ранее не существовавшие формы бытия, которые становятся синтезом различных традиций.

Тувинский язык является языком тюркской группы [17], что означает необходимость наличия сходных слов в культурах других тюркских народов. Как мы указывали, в тувинском языке в качестве перевода слова «личность» приводится слово «кижи», означающее человека. Оно перекликается почти со всеми тюркскими языками (но в русско-татарском и русско-башкирском словарях в переводе слова «личность» после «кеше» приводится слово «шэхес» [18. С. 154], что является закономерным в условиях проникновения арабско-мусульманских понятий). С другой стороны, нужно отметить, что словарный запас тувинского языка много веков обогащался монгольскими словами, но в монгольском языке также для обозначения личности используется слово, обратно переводящееся как «человек» (в русско-монгольском словаре приводится слово «хүн») [19. С. 188]. То есть в словарях тувинского, бурятского, монгольского языков нет четкого аналога слова «личность», в качестве перевода приводится слово, обозначающее человека.

Синтез множества концептов человека различных исторических эпох сформировал противоречивый комплекс понимания человека в тувинской культуре, который до модернизации в начале XX в. являлся результатом синкретичного мировоззрения, содержащим органично вплетенные друг в друга понимания природы, мира, общества. Этот момент поднимает вопрос о правомерности постановки такой проблемы в тувинской культуре, но нам необходимо отметить, что тувинская культура трансформируется и впитывает в себя категориальную систему западного мировоззрения. Эти изменения в понятийном аппарате пока не выработаны, но определенные феномены, присущие европейской цивилизации, в современной тувинской культуре уже обна-

руживаются. Примером новых феноменов в тувинской культуре является наличие в ценностной системе тувинцев «собственного я» [20].

Попытка аналитического вычленения конструкторов в понимании личности в традиционной тувинской культуре создает необходимость исследования всей онтологии и гносеологии тувинской культуры. В таком случае снова обнаруживается традиционная картина мира тувинцев, в которой мы видим синкретичное бытие человека в природе, выявляющее тождество человека и мира [21. С. 49]. При этом социальная структура формируется и развивается внутри этого тождества. В результате человек в традиционной культуре «растворен в природе», обнаруживается ситуация «паннатурализма» в картине мира, в котором природа обуславливает не только материальное, но и идеальное. Такое положение человека создавало познавательный процесс в традиционной тувинской культуре на основе созерцательности [22]. Субъект-объектная дихотомия, субстанциальность мышления и рефлексивность в традиционной тувинской культуре отсутствовали до модернизации в первой половине XX в. Поэтому в ней не может быть диалектического единства субъекта и объекта, который создает фундамент понятия личности. Но в условиях модернизации и глобализации под влиянием запроса человека на самоидентификацию формируется потребность в своей личности. Однако же противоречия архаичного природосообразного мышления и модернизированного рационально-критического мышления не позволяют сформировать целостный образ своей личности. Если же удастся его сформировать, то с необходимостью это создает искаженное понимание ценностей и феноменов традиционной культуры, о чем субъект такого действия должен рефлексировать.

Европейская антропология выстраивается на комплексном и субстанциальном понимании личности как главном проявлении человека. При этом основополагающим понятием для личности является бытие, которое раскрывается в понимании существования как феномене, заключающем в себе существование для другого. То есть взаимоотношение с другим субъектом является основанием факта существования человека, и тем более полноценного проявления его субъекта, что означает раскрытие его личности. Личность как понятие раскрывается только в структуре субъект-субъектных отношений, на что указывает определение в словаре как о носителе каких-нибудь свойств [23. С. 330]. Соответственно, этот аспект приводит нас к мысли, что мышление, которое оперирует понятием личности, изначально формируется в структуре «субъект-объект», что охарактеризовывает мышление как активный процесс. Данная антропология формируется в античной мысли и полностью раскрывается в средневековой христианской философии. В дальнейшем она становится основой глобализированной культуры, стремящейся к формированию универсальной парадигмы познания человека и мира. В итоге в современном европейском понимании личность – это целостный субстанциальный субъект, который обнаруживает свое внутреннее духовное единство с культурно-исторической традицией, социумом, Абсолютом, обладающим самостоятельностью и активностью.

Причины формирования феномена личности нужно искать в последовательном формировании космически-логической онтологии в европейской мысли. В античной философии выявляется субъект человека в познании, мир в такой системе является объектом. В хаосе бытия активным познанием со-

здается космос, наполненный внутренней необходимостью логоса. Этот универсальный в своем предмете аппарат познания основан на древнегреческой пайдеей [24. С. 386], которая синтезирует социально-культурно-этические аспекты системы взаимодействия человека и социума. Вдобавок, согласно общепринятой точке зрения, в философии Платона взгляд на личность основан на дихотомии души и тела [25. Р. 31], а, как известно, концепция души становится залогом выработки концепции триединства Бога в христианстве и сущностью, связывающей Бога, человека и общество. Также в античной философии Аристотелем формулируется энтелехия как рационально осмысленная внутренняя сущность души, стремящаяся логически осмыслить космос, из которого последовательно формулируется «Логос», что, собственно, и очертило особенности европейского взгляда на личность и человека. Поэтому личность в европейской культуре является атомарной и субстанциальной. При этом диалектика ограниченности и греховности человека формирует уникальность его бытия. Не зря аутентичные традиционные культуры не выработали идей монотеизма, так как это требует абсолютной картины мира, объединяющей все феномены и процессы сущего в едином историческом процессе. Активная гносеология автоматически включает в объект новые пределы известного мира, создается понятие Вселенной. В традиционной культуре границы мира очерчены локальностью культурно-исторической традиции, изначально нет претензии на включение в картину мира всей Вселенной, отсутствует всеобщий историзм мышления. Таким образом, мы должны еще раз подчеркнуть, что архаичные традиционные культуры оперировали своей локальностью как всем миром. Все, что не входит в эту локальность и ценностную систему, не обладает характеристикой «этого мира», выводится за пределы познаваемого.

В то же время в других культурах синкретичность во взглядах человека и растворенность его в космосе не позволяют аналитически разделить сущность человеческой личности на составляющие. То есть в традиционных культурах анимизм не разделяет душу (сознание) и тело. Тем более, что при исследовании духовного мира в языческой картине мира обнаруживается отсутствие каких-либо трансцендентальных сущностей. Все субъекты натуралистического космоса являются реальными и за пределы этой реальности не выходят. Как мы определили выше, в тувинской культуре человек не является субстанцией в европейском понимании. Хотя субстанциалистские концепции личности формировались в индийской философии и в буддийских школах [26. С. 12], но в тувинской культуре они не проявились, что объясняется недостаточным проникновением категориальной системы буддизма в стихийное мировоззрение тувинцев [27. С. 95]. Важно еще и то, что понятие «личность» в европейской мысли и философских взглядах в Китае имеет совершенно иные «идейно-теоретические обоснования и культурно-исторические предпосылки» [28. С. 10]. В русско-английском словаре приводятся такие переводы к слову «человек»: *man, person, individual, human being, creature* [29. С. 982]. В приведенных синонимах ярко проявляется акцент на индивидуализме в понимании человека – человек (мужчина), личность, индивид, «бытие человека», существо. В монгольской традиционной культуре, которая близка тувинской культуре (как и другой восточной), четко выявляются культы земли, возвышенностей, воды, предков [30], но нет культа человека,

как он проявлен в европейской культуре. Источник и конец бытия человека в традиционной культуре мыслится в русле природы, он не имеет автономности по отношению к ней. Такая ситуация обнаруживается вследствие отсутствия субъект-объектной дихотомии.

Если мы исходим из гипотезы об отсутствии в тувинской культуре понятия, аналогичного личности, то возникает вопрос: «Как в традиционной тувинской культуре мыслится духовная связь людей друг с другом и космосом?». Логично наличие иной системы взаимодействия людей друг с другом и обществом. Как отмечает А.К. Кужугет, «в традиционном обществе человек не ощущает себя конкретной личностью, не отделяет себя от общества, взаимодействует с объектами природы в составе определенного коллектива» [7. С. 24]. Субстанциализм европейского мировоззрения в такой ситуации не применим, тогда происходит дальнейшее конструирование картины мира на основании живой природы, но здесь она становится тотальной, Абсолютом. Таким образом, духовное единство тувинцев формируется в системе органичной связи с богатейшей природой, которая по своей глубине подобна бесконечному космосу и позволяет только созерцательно восхищаться ее красотой. Такой идеал выстраивает нравственную модель взаимодействия с природой и с другими людьми.

В современном мире понятие «личность» связано с социализацией как переходом в самостоятельную жизнь. В ходе исторического процесса с учетом природно-климатических условий этот переход в различных народах осуществлялся в различном возрасте. С актуальной правовой точки зрения это достижение совершеннолетия. Но в традиционных обществах этот возраст не был четко регламентирован, определялся исходя из готовности самостоятельного ведения натурального хозяйства. Формирование феномена личности в тувинской культуре проявляется в изменении процесса социализации. Это является причиной становления личности в современном европейском варианте, что означает кардинальное переоформление социальной структуры и социального взаимодействия. Последовательно меняется этика, которая ранее основывалась на синкретичном природосообразном мировоззрении, а в современности ориентирована на ценности гуманизма, который зарождается и формируется в европейской традиции.

Важной сутью обрядов инициации в традиционных обществах являлась гармонизация духовного и телесного развития молодого человека. В архаичных культурах четко выделяется система «перерождений» человека в жизнедеятельности, которая заключается в идее перехода из одного состояния в другое, из одного мира в другой. Становление человека в тувинской культуре направлено на его максимальную адаптацию к существующим природно-климатическим условиям. Внутренний духовный мир выстраивался исходя из этой цели, а не стремления к единению с Богом, который является абсолютным благом. Согласно О.М. Хомушку [31], в шаманизме постулируется множественность человеческого сознания, позволяющая одновременно пребывать в разных мирах. Инициация традиционной культуры противоречит определенной идее стабильности субстанциальной человеческой личности в современной культуре. С точки зрения рациональной парадигмы культурно-историческая традиция народа основана на его нации, этносе, коллективном субъекте, социальности, культуре, языке, духовности, религии.

Концепция развития заключена в европейском мировоззрении в том смысле, что рассматривает человека несовершенным, который стремится к своему полноценному состоянию (в Боге, в совершенстве, в знании, в состоятельности, в удовлетворенности жизнью, в счастье). В традиционной культуре само бытие является полным и целостным, поэтому не нуждается в становлении и развитии, следовательно, человек тоже. Это само собой отбрасывает необходимость его развития и становления как полноценной личности. Данный аспект и становится основой степенности традиционной культуры, так как она не подгоняется временем (которое в европейском и городском мировоззрении всегда ограничено ввиду эсхатологизма). Европейское телеологическое восприятие времени создает антропологический характер мировоззрения и, соответственно, создает антропоцентризм.

В наши дни инициация как становление полноценного члена социума растворяется в системе социальных связей, так как посттрадиционное общество является сложнейшей системой, в которой структура выявляется не только на вертикальных и горизонтальных уровнях, но и на уровнях сознания, удовлетворенности, эмпатии и т.д. При этом с точки зрения традиционного общества жизнь современного человека редуцирована и проста, потому что включает в себе максимально упрощенный механизм взаимодействия человека и природы. В традиционной культуре человек самоидентифицировал себя с обществом и религиозно-духовной системой [32. С. 20]. Само мышление в традиционной культуре синкретично природе, содержит в себе черты антропоморфизма, но не исчерпывается им. Личность в классическом понимании раскрывается только в рефлексии, которой мы не обнаружим в традиционной культуре. Нравственность в традиционной культуре основана на внешних по отношению к человеку законах природы, что, с другой стороны, диалектически формирует и его субъект.

Заключение

Таким образом, мы обнаруживаем, что феномен личности в европейской культурной традиции и мировоззрении развивается в системе всеобъемлющего религиозно-этического комплекса. Такая система отсутствует в других культурах, так как они не вырабатывают универсальной картины мира, ориентируясь только на конкретные условия своего существования. При этом в процессе диалога культур в модернизации представители неевропейских культур вынуждены менять качественное содержание социализации и раскрывать свой субъект в новой понятийной и категориальной системе. Необходимо подчеркнуть наличие условий для формирования уникальных феноменов в современной тувинской культуре, которые на данный момент не обнаруживаются исследователями. Устойчивое существование культурных паттернов в тувинской культуре неоспоримо, но в диалоге западного и восточного, традиционного и инновационного они начинают трансформироваться в новых аспектах понимания человека. Культурное бытие современных тувинцев синтезирует в себе множество разнородных и гетерогенных феноменов. Дальнейшее исследование развертывания в современной тувинской культуре новых и не свойственных ей феноменов позволит выявить сущность обозначенных противоречий в условиях модернизации и глобализации, а также применять в педагогической и научной практике полученные результаты.

Список литературы

1. Ламажаа Ч.К. Тезаурусный подход к анализу тувинской культуры // Новые исследования Тувы. 2012. № 1. С. 25–46.
2. Данчай-оол А.А., Даваа Е.К. Антропологические проблемы традиционной культуры (на примере тувинской культуры) // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3 (95). С. 51–57.
3. Монгуш С.О., Данчай-оол А.А. Трансформация тувинской культуры в процессах модернизации и глобализации // Общество: философия, история, культура. 2022. № 7 (99). С. 29–35.
4. Данчай-оол А.А., Адыгбай Ч.О. Развитие религиозных верований тувинцев в условиях глобализации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8, № 3. С. 106–115.
5. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М. : Прометей МП У, 2006. 352 с. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/371968570.pdf> (дата обращения: 23.10.2022).
6. Салчак К.Б., Салчак Л.П. Развитие тувинской народной педагогики. Кызыл : Ин-т развития национальной школы, 2016. 228 с. URL: <http://irnsh.ru/wp-content/uploads/2016/11/Salchak-K.B.i-dr.-Razvitie-tuvinskooy-narodnoy-pedagogiki.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).
7. Кужугет А.К. Духовная культура тувинцев: структура и трансформация. 2-е изд., доп. Красноярск : Офсет, 2016. 320 с.
8. Хомушку О.М. Религия в истории культуры тувинцев / Рос. акад. наук. Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М. : Наука, 1998. 177 с.
9. Ламажаа Ч.К. Национальный характер тувинцев. М. ; СПб. : Нестор-История, 2018. 240 с.
10. Yang K.S. Indigenous personality research // Indigenous and cultural psychology. Springer, Boston, MA. 2006. P. 285–314. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/0-387-28662-4_13 (дата обращения: 05.09.2022).
11. Church A.T. Personality research in a non-Western culture: The Philippines // Psychological Bulletin. 1987. Т. 102, № 2. P. 272. URL: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0033-2909.102.2.272> (дата обращения: 04.04.2022).
12. Church A.T. Current controversies in the study of personality across cultures // Social and Personality Psychology Compass. 2008. Т. 2, № 5. P. 1930–1951. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1751-9004.2008.00132.x> (дата обращения: 15.05.2022).
13. Ravshanova M. Problem of the concept of personality and person in japanese culture // Universiteti xabarlari. 2019. № 1/1. P. 109–112. URL: [https://science.nuu.uz/admin/pdf/Uzmu-11-2019\(2-bolim\).pdf#page=107](https://science.nuu.uz/admin/pdf/Uzmu-11-2019(2-bolim).pdf#page=107) (дата обращения: 19.07.2022).
14. Уланов М.С. Основные категории буддийской культуры в контексте компаративистики // Каспийский регион: Политика, экономика, культура. 2014. № 2 (39). С. 286–293.
15. Кудашов В.И. Постсекулярность как проявление современного кризиса гуманизма // Секулярный век: вызовы цивилизации : материалы нац. науч. конф., посвященной Всемирному дню философии, Красноярск, 18 ноября 2021 года. Красноярск : Красноярский гос. аграр. ун-т, 2021. С. 56–57.
16. Данчай-оол А.А., Монгуш С.О. Перспективы развития педагогических идей тувинской культуры в эпоху глобализации // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 5. С. 138–142.
17. Бичелдей К.А. 80 лет тувинской письменности: становление, развитие, перспективы // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. С. 210–219.
18. Дмитриев Н.К. Личность // Русско-татарский словарь : в 4 т. / гл. ред. Н.К. Дмитриев; Акад. наук СССР. Казан. филиал. Ин-т языка, литературы и истории. Т. 2 : И–О / ред. коллегия: Р.С. Газизов и др. Казань : Таткнигоиздат. Ред. науч.-техн. лит., 1956. 447 с.
19. Кручкин Ю. Личность // Большой современный русско-монгольский – монгольско-русский словарь. М. : АСТ : Восток–Запад, 2006. 924 с.
20. Татарова С.П. Ценностные ориентации населения Республики Тыва (по материалам опроса жителей сел и городов) // Новые исследования Тувы. 2016. № 1. С. 20–34.
21. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири : Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова ; отв. ред. И.Н. Гемуев ; АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 241 с.
22. Ламажаа Ч.К. К вопросу о национальном характере народов Центральной Азии // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 3. С. 99–108.

23. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Личность // Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ Технологии, 2003. С. 330.
24. Штомпель О.М. Пайдейя // Человек и общество: Культурология : словарь-справочник / под ред. О.М. Штомпеля. Ростов н/Д : Феникс, 1996. 544 с.
25. Villaroja A.F.M., Enaya B.P., Fernandez E.C. Introduction to the Philosophy of the Human Person. Davao City : ALETHEIA Printing and Publishing House, 2020. 103 p. URL: https://www.researchgate.net/publication/346581893_Introduction_to_the_Philosophy_of_the_Human_Person (дата обращения: 26.07.2022).
26. Нестеркин С.П. Личность в сотериологии буддизма махаяны: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита : Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2011. 48 с.
27. Донгак В.С. Этническая идентичность тувинцев : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2003. 183 с.
28. Степанова Л.М. Личность в философских традициях Китая: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Улан-Удэ : Бурят. гос. ун-т, 2010. 24 с.
29. Мюллер В.К. Большой англо-русский и русско-английский словарь. 200 000 слов и выражений. М. : Эксмо, 2007. 1008 с.
30. Баасансүрэн Наранбаатар. Картина мира в монгольской традиционной культуре // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2016. Т. 22, № 4 (154). С. 221–226.
31. Khomushku O.M. Shamanism as a worldview basis of Ethnocultural traditions of the peoples of the Sayan-Altai in present-day society // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 94–99.
32. Рогозина О.Л. Культурно-онтологические основания современного европейского этнонационализма: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб. : СПб. гос. ун-т, 2013. 31 с.

References

1. Lamazhaa, Ch.K. (2012) Tezaurusnyy podkhod k analizu tuvinskoy kul'tury [A thesaurus approach to the analysis of Tuvan culture]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 25–46.
2. Danchay-ool, A.A. & Davaa, E.K. (2022) Antropologicheskie problemy traditsionnoy kul'tury (na primere tuvinskoy kul'tury) [Anthropological problems of traditional culture (on the example of Tuvan culture)]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 3(95). pp. 51–57.
3. Mongush, S.O. & Danchay-ool, A.A. (2022) Transformatsiya tuvinskoy kul'tury v protsessakh modernizatsii i globalizatsii [Transformation of Tuvan culture in the processes of modernization and globalization]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 7(99). pp. 29–35.
4. Danchay-ool, A.A. & Adygbay, Ch.O. (2022) Razvitie religioznykh verovaniy tuvintsev v usloviyakh globalizatsii [Development of religious beliefs of Tuvans in the context of globalization]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya*. 8(3). pp. 106–115.
5. Obukhov, A.S. (2006) *Psikhologiya lichnosti v kontekste realiy traditsionnoy kul'tury* [Psychology of Personality in the Context of the Realities of Traditional Culture]. Moscow: Prometei MPSU.
6. Salchak, K.B. & Salchak, L.P. (2016) *Razvitie tuvinskoy narodnoy pedagogiki* [The Development of Tuvan Folk Pedagogy]. Kyzyl: Institute of Development of the National School. [Online] Available from: <http://irnsh.ru/wp-content/uploads/2016/11/Salchak-K.B.i-dr.-Razvitie-tuvinskoy-narodnoy-pedagogiki.pdf> (Accessed: 15th June 2022).
7. Kuzhuget, A.K. (2016) *Dukhovnaya kul'tura tuvintsev: struktura i transformatsiya* [Spiritual Culture of Tuvans: Structure and Transformation]. 2nd ed. Krasnoyarsk: Ofset.
8. Khomushku, O.M. (1998) *Religiya v istorii kul'tury tuvintsev* [Religion in the history of Tuvan culture]. Moscow: Nauka.
9. Lamazhaa, Ch.K. (2018) *Natsional'nyy kharakter tuvintsev* [National character of Tuvans]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
10. Yang, K.S. (2006) Indigenous personality research. In: Uichol Kim, Kuo-Shu Yang & Kwang-Kuo Hwang. (eds) *Indigenous and cultural psychology*. Springer, Boston, MA. pp. 285–314.
11. Church, A.T. (1987) Personality research in a non-Western culture. *The Philippines. Psychological Bulletin*. 102(2). pp. 272. [Online] Available from: <https://psycnet.apa.org/doiLanding?doi=10.1037%2F0033-2909.102.2.272> (Accessed: 4th April 2022).
12. Church, A.T. (2008) Current controversies in the study of personality across cultures. *Social and Personality Psychology Compass*. 2(5). pp. 1930–1951. [Online] Available from: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1751-9004.2008.00132.x> (Accessed: 15th May 2022).

13. Ravshanova, M. (2019) Problem of the concept of personality and person in Japanese culture. *Universiteti xabarlari*. 1/1. pp. 109–112. [Online] Available from: [https://science.nuu.uz/admin/pdf/Uzmu-11-2019\(2-bolim\).pdf#page=107](https://science.nuu.uz/admin/pdf/Uzmu-11-2019(2-bolim).pdf#page=107) (Accessed: 19th July 2022).
14. Ulanov, M.S. (2014) Osnovnye kategorii buddiyskoy kul'tury v kontekste komparativistiki [The main categories of Buddhist culture in the context of comparative studies]. *Kaspiyskiy region: Politika, ekonomika, kul'tura*. 2(39). pp. 286–293.
15. Kudashov, V.I. (2021) Postsekulyarnost' kak proyavlenie sovremennogo krizisa gumanizma [Postsecularity as a Manifestation of the Modern Crisis of Humanism]. *Sekulyarnyy vek: vyzovy tsivilizatsii* [Secular Age: Challenges of Civilization]. Proc. of the Conference. Krasnoyarsk. November 18, 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University. pp. 56–57.
16. Danchay-ool, A.A. & Mongush, S.O. (2020) Perspektivy razvitiya pedagogicheskikh idey tuvinskoy kul'tury v epokhu globalizatsii [Prospects for the development of pedagogical ideas of Tuvan culture in the era of globalization]. *Manuskript*. 13(5). pp. 138–142.
17. Bicheldey, K.A. (2010) 80 let tuvinskoy pis'mennosti: stanovlenie, razvitie, perspektivy [80 years of Tuvan writing: formation, development, prospects]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 4. pp. 210–219.
18. (1956) Lichnost' [Personality]. In: Dmitriev, N.K. (ed.) *Russko-tatarskiy slovar'* [Russian-Tatar Dictionary]. Vol. 2. Kazan: Tatknigoizdat.
19. Kruchkin, Yu. (2006) Lichnost' [Personality]. In: *Bol'shoy sovremennyy russko-mongol'skiy – mongol'sko-russkiy slovar'* [Large Modern Russian-Mongolian – Mongolian-Russian Dictionary]. Moscow: AST: Vostok–Zapad.
20. Tatarova, S.P. (2016) Tsennostnye orientatsii naseleniya Respubliki Tyva (po materialam oprosa zhitel'ey sel i gorodov) [Value orientations of the population of the Republic of Tyva (based on a survey of residents of villages and cities)]. *Novye issledovaniya Tuvy*. 1. pp. 20–34.
21. Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri: Chelovek. Obshchestvo* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia: Man. Society]. Novosibirsk: Nauka.
22. Lamazhaa, Ch.K. (2013) K voprosu o natsional'nom kharaktere narodov Tsentral'noy Azii [On the national character of the peoples of Central Asia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 3. pp. 99–108.
23. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2003) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: ITI Tekhnologii. pp. 330.
24. Shtompel, O.M. (1996) Paydeyya [Paideia]. In: Shtompel, O.M. (ed.) *Chelovek i obshchestvo: Kul'turologiya* [Man and Society: Culturology]. Rostov on Don: Feniks.
25. Villaroya, A.F.M., Enaya, B.P. & Fernandez, E.C. (2020) *Introduction to the Philosophy of the Human Person*. Davao City: ALETHEIA Printing and Publishing House. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/346581893_Introduction_to_the_Philosophy_of_the_Human_Person (Accessed: 26th July 2022).
26. Nesterkin, S.P. (2011) *Lichnost' v soteriologii buddizma makhayany* [Personality in the soteriology of Mahayana Buddhism]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Chita: Transbaikal State University.
27. Dongak, V.S. (2003) *Etnicheskaya identichnost' tuvintsev* [Ethnic identity of Tuvans]. Sociology Cand. Diss. St. Petersburg.
28. Stepanova, L.M. (2010) *Lichnost' v filosofskikh traditsiyakh Kitaya* [Personality in the philosophical traditions of China]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. Ulan-Ude: Buryat State University.
29. Myuller, V.K. (2007) *Bol'shoy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar'* [Large English-Russian and Russian-English Dictionary]. Moscow: Eksmo.
30. Baasansuren Naranbaatar. (2016) Kartina mira v mongol'skoy traditsionnoy kul'ture [The picture of the world in the Mongolian traditional culture]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 4(154). pp. 221–226.
31. Khomushku, O.M. (2010) Shamanism as a worldview basis of Ethnocultural traditions of the peoples of the Sayan-Altai in present-day society. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki*. 1. pp. 94–99.
32. Rogozina, O.L. (2013) *Kul'turno-ontologicheskie osnovaniya sovremennogo evropeyskogo etnonatsionalizma* [Cultural and ontological foundations of modern European ethnonationalism]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Сведения об авторе:

Данчай-оол А.А. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет

имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России (Красноярск, Россия).
E-mail: dayas@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Danchay-ool A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy and Social and Humanitarian Sciences, Krasnoyarsk State Medical University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: dayas@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья
УДК 316.752.4
doi: 10.17223/1998863X/73/9

ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА С РИТОРИКОЙ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ВРАЖДЫ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Владимир Иванович Красиков

*Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва,
Россия, KrasVladIv@gmail.com*

Аннотации. В статье дается исследовательский обзор отечественной и зарубежной литературы, посвященной анализу онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в социальных сетях. В первой части статьи выявляются факторы, приведшие к появлению социальных сетей и новых форм онлайн-объединений в них. Во второй части описаны основные типы онлайн-групп с риторикой вражды, представленные в анализе российских и западных исследователей.

Ключевые слова: социальные сети, онлайн-сообщества с риторикой политизированной вражды

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>

Для цитирования: Красиков В.И. Онлайн-сообщества с риторикой политизированной вражды в социальных сетях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 91–107. doi: 10.17223/1998863X/73/9

Original article

ONLINE COMMUNITIES WITH THE RHETORIC OF POLITICIZED HOSTILITY ON SOCIAL MEDIA

Vladimir I. Krasikov

All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation, KrasVladIv@gmail.com

Abstract. The article reviews Russian and foreign literature on online communities with the rhetoric of politicized hostility on social networks. In the first part of the article, the author identifies the factors that led to the formation of social networks and new forms of online associations in them. This is a consequence of shifts in the organization of implementation and support of web resources. The author highlights the fact that social networks are built on other forms of content creation and management where simple members can interact, communicate and share their narratives together. This means that ordinary users in social networks are moving from the roles of consumers and passive observers to the roles of content creators. Users participate, interact and co-create their communities and their online lives within them. This had far-reaching consequences for the processes of self-organization of online communities in social networks, creating the basis for their autonomy, self-sufficiency and radicalization. In the second part, the author described the main types of online groups with hostile rhetoric presented in the analysis of Russian and Western researchers. To do this, he used an appropriate search and analysis methodology. First, he performed an Internet search through the databases of articles of some scientific journals of publishers, namely: Springer (<https://link.springer.com/>), Taylor & Francis (<https://www.tandfonline.com/>), Routledge (<https://www.routledge.com/>), Sage (<https://journals.sagepub.com/>), Wiley (<https://onlinelibrary.wiley.com/>), Nature (<https://www.nature.com/>), and CyberLeninka (<https://cyberleninka.ru/article/>). He

searched a specially selected thesaurus among articles from the last decade and selected several dozen relevant articles, mainly of the recent years of publication, which then grouped under the appropriate general headings. According to their content, the author conducted a discourse analysis, namely: the frequency of falling of certain types of politicized online groups into the focus of research interest; new latest trends and options in the development of the traditional political spectrum (right, left, religious radicals, etc.); the specifics of the use of social networks and their impact on changes in online communities themselves.

Keywords: social networks, online communities with rhetoric of politicized hostility

Acknowledgments: The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. 23-28-00080, <https://rscf.ru/project/23-28-00080/>

For citation: Krasikov, V.I. (2023) Online communities with the rhetoric of politicized hostility on social media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 91–107. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/9

Введение

Интернет создал виртуальный ландшафт с собственными анклавами и местами скопления людей, которые могут участвовать в формировании онлайн-сообществ. От ранних научных обменов до цифровых игровых платформ и социальных сетей (далее – соцсети) участники онлайн-сообществ вырабатывают нормы надлежащего поведения и практики, которые соответствуют онлайн-платформе, на которой проводится обсуждение, а также формальным и неформальным нормам сообщества.

Все бы было ничего: новые технологии – новые реальности – новые формы общности людей; прогресс неумолим, и его не остановить. Однако как социум не представим без разнообразия входящих в него субкультур со своими иными, нежели доминирующие, нормами – с разными степенями асоциальности или даже девиантности, так и социум сетевой начал интенсивно формировать виртуальные аналоги. Причем степень интенсивности формирования и степень влияния на социоматериальный мир оказались шокирующе внезапными (например, роль соцсетей в «цветных» революциях и прокси-войнах). В итоге появился новый объект для междисциплинарного анализа, обозначение которого и вынесено в заголовок данной статьи.

Эта работа, предлагаемая вниманию коллег и заинтересованных читателей, ставит своей задачей ответить на ряд вопросов, способных обеспечить концептуальное прояснение: обстоятельств возникновения подобных онлайн-сообществ, каузальных контекстов их разнообразия, специфики их «мировоззренческой начинки». Речь идет о следующих вопросах.

Какие особенности организации соцсетей ответственны за формирование новых, онлайн-форм, радикализма?

Какие основные типы онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды выявляются в современной научной литературе: отечественной и зарубежной?

Влияние специфики организации соцсетей на рост радикализма в них

Что понимается под соцсетями в киберпространстве? Специалисты определяют их в виде интерактивных веб-сайтов с множеством пользователей, которые же и наполняют их своим контентом. Они являются сегодня

одними из важнейших средств коммуникации, опосредованной через компьютеры и мировую сеть. Это интернет-сервисы, дающие пользователям возможности публикации персональных и прочих данных на своих страницах, упрощающие общение и обмен информацией [1. С. 4].

Соцсети взяли мощный старт в первом десятилетии XXI в., когда триумфально, друг за другом, прошеествовали LinkedIn (декабрь 2002); Myspace (август 2003), Facebook (февраль 2004), YouTube (февраль 2005), Twitter (март 2006), Одноклассники (март 2006), ВКонтакте (октябрь 2006), WeChat (январь 2011) и др. Они, собственно, и дали более самодостаточную и насыщенную жизнь сетевым сообществам, которые ранее обозначились так сказать, просто в интернете.

Далее произошло изменение подхода к организации, реализации и поддержке Web-ресурсов: прежняя система Web 1.0, ориентированная на профессиональное создание контента, была во многом дополнена Web 2.0, которая стала активно насыщаться контентом пользователей и в этом плане стала информационно более разносторонней и сопряженной с интенсификацией коммуникации пользователей. Это и приводит к формированию множества отчетливых сетевых идентичностей – и в «большом» интернете, и особенно в соцсетях [2. С. 96].

Итак, соцсети построены на иных формах управления контентом, когда простые их участники могут взаимодействовать, общаться и совместно делиться своими нарративами. В этом смысле рост использования соцсетей знаменует переход от потребителей и пассивных наблюдателей к создателям контента: пользователи участвуют, взаимодействуют и совместно создают сообщества и свою онлайн-жизнь в них [3].

Эти обстоятельства, казалось бы, поддерживали романтическую иллюзию 1990-х гг. прошлого века, время младости интернета, когда думали, что благодаря своей исходной архитектуре Всемирная сеть – место обретения людьми долгожданной свободы, духовной по крайней мере. Ведь сами пользователи синхронизируют усилия в создании своего творческого контента, соответствующего именно их ожиданиям. Вот как раз это-то и оказалось мышеловкой с бесплатным сыром. Равно как подвела и интернет-архитектура.

Устойчивость иерархических отношений власти в цифровой коммуникативной среде (Web 1.0) никуда не делась. Архитектура киберпространства на глобальном уровне по-прежнему базируется на своих относительно немногочисленных *центральных* узлах, которые производят новый контент, контролируют информационные потоки, определяют мировоззренческую, политическую и новостную повестку. Это новостные агентства, наиболее влиятельные блогеры и некоторые сообщества соцсетей. Число же *периферийных* узлов всегда заведомо больше, хотя и состоят они также из агентств, блогеров и сообществ, правда, рангом поменьше: и по статусу в Сети, и по влиятельности в ней. Имманентно цифровое неравенство в том, что периферия вынуждена лишь пользоваться в большинстве случаев контентом, созданным на уровне центральных узлов интернет-коммуникации.

Однако изменения, привнесенные Web 2.0, «добавившие свободы» на периферийном уровне, имели далеко идущие последствия для процессов са-

моорганизации онлайн-сообществ в соцсетях, создав основания для их автономии, самодостаточности и ... *радикализации*.

Действительно, с одной стороны, возникает невиданная диверсификация киберпространства – в основном, так сказать, на местном уровне. Совместный дизайн, простота использования и (относительно) низкая стоимость новых цифровых технологий (смартфонов, соцсетей) привели к важному сдвигу, когда гораздо большее число участников вносит свой вклад в коммуникацию, тем самым делая свои взгляды или свое понимание самих себя потенциально видимыми гораздо большему кругу других. Этот сдвиг также привел к стиранию границы между производителями медиа и его потребителями, превратив всех нас в «просьюмеров» или «продюсеров» [4].

Но это же разнообразие идет рука об руку с большей фрагментацией, сегрегацией и поляризацией в соцсетях – как следствием сдвигов в организации, реализации и поддержке Web-ресурсов.

Хорошо известно, что люди склонны выбирать информацию, которая соответствует их собственным убеждениям, и образуют группы единомышленников. Они также склонны оценивать аргументы, подтверждающие их мнение, как более сильные и убедительные. Соцсети, по-видимому, усиливают эту предвзятость подтверждения и отбора, что приводит к образованию так называемых «эхо-камер» (мнения подкрепляются как подтверждением, так и противоречием). Эти «камеры» или «пузыри» были усилены, вероятно, политико-экономическими решениями, такими как изменения в алгоритме Facebook, делающими акцент на публикации «друзей», а не публикации издателей и информационных агентств [5].

До бума в соцсетях традиционные СМИ, выступавшие в качестве централизованных посредников, уравнивали эту тенденцию к избирательному воздействию. Какого бы личного мнения ни придерживались люди, они смотрели примерно одни и те же телешоу, читали один и тот же набор газет. Показательно, что фактор, который часто упоминается как центральный в развитии репертуара крайних религиозных или же политических сект, – это их попытки ограничить доступ своих членов к средствам массовой информации, а тут сама эволюция компьютерных коммуникаций осуществила подобный же «эксперимент» [6].

Внутри новых онлайн-сообществ идут, однако, все те же закономерные процессы социоформирования, как и в самой «внешней» социальной действительности (офлайн): создание коллективной идентичности, поддержание границ и установление иерархий. Правда, со своей онлайн-спецификой.

Поддержание границ, как правило, является основным компонентом онлайн-сообществ, которые создаются пользователями, взаимодействующими в рамках неявных или явных иерархий, согласно формальным и неформальным правилам поведения. Цифровые платформы многих онлайн-сообществ обеспечивают структуру с помощью постоянных или полупостоянных профилей пользователей, систем рейтинга, связанных с отдельными учетными записями пользователей, инструментов модерации, которые позволяют вмешиваться, когда действия пользователей нарушают онлайн-нормы.

Социальные иерархии могут включать формальные должности, такие как модераторы, которые могут подвергать цензуре сообщения и блокировать пользователей за оскорбительные материалы, или же неформальные должно-

сти, такие как статусы давнего члена сообщества, лидера мнений, которым другие подчиняются во время разногласий. Поддержание границ также происходит в интерактивном режиме посредством обсуждения и аргументации с целью риторического построения и упрочения символических границ сообществ.

Технологии соцсетей несколько видоизменили и процессы создания, сохранения и развития *коллективной идентичности*, устанавливающей когнитивную, моральную и эмоциональную связь индивида с сообществом. Веб-сайт служит здесь онлайн-центром активности, способствуя идентификации движения и солидарности среди его пользователей [7, 8].

Основные типы онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в соцсетях, выявляемые в современной научной литературе

Предварительно уведомим читателя о смысле некоторых используемых терминов. Мы говорим о «политизированной», а не «политической» вражде, акцентируя то важное обстоятельство, что речь идет не о традиционных агентах политического процесса (партии, лидеры и пр.), где целью и его форматом является политическая власть. Исследуемые онлайн-сообщества не имеют целей прямой политической борьбы и желаний стать участниками непосредственной политической жизни. Но они если не субъективно, то объективно причастны к политике потому, что имеют явную ориентацию на *социальное сопротивление* как активное противостояние доминирующим в обществе взглядам, ценностям и порядкам. Потому мы и говорим о «политизированном» характере их враждебной по отношению к каким-либо группам риторики.

Наше исследование, представленное здесь, было ограничено задачей краткого обзора основных тенденций современной научной литературы, отечественной и зарубежной, в анализе радикальных онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды в социальных сетях. Подобная задача и определила соответствующую методологию поиска и анализа.

Сначала мы осуществили интернет-поиск по базам статей в линейках научных журналов издательств: Springer (<https://link.springer.com/>), Taylor & Francis (<https://www.tandfonline.com/>), Routledge ([routledge.com](https://www.routledge.com/)), Sage (<https://journals.sagepub.com/>), Wiley (<https://onlinelibrary.wiley.com/>), Nature (<https://www.nature.com/>), а также в КиберЛенинке (<https://cyberleninka.ru/article>). Поиск шел по специально подобранному тезаурусу среди статей предшествующего десятилетия. Было отобрано нескольких десятков релевантных статей, в основном последних лет издания, которые были сгруппированы по соответствующим общим рубрикам. По их содержанию был проведен дискурс-анализ на предмет: частотности попадания тех или иных типов политизированных онлайн-групп в фокус исследовательского интереса, новых последних тенденций и вариантов в развитии традиционного политического спектра (правые, левые, религиозные радикалы и пр.), специфики использования социальных сетей и их влияния на изменения самих онлайн-сообществ. Итоги этого всего мы представляем далее.

Пальму первенства во внимании и количестве литературы, посвященной им – и у нас, и за рубежом, безусловно, держат *радикальные онлайн-сообщества правого политического спектра*.

Действовать в качестве правого революционера в условиях западной демократии – непростая задача. Государственные репрессии высоки. Внешняя и финансовая поддержка низкая. А ваши идеи публично заклеены. Что же делать? Как ответ на это в радикальном правом движении на Западе в 2000-х и начале 2010-х гг. произошел стратегический сдвиг – от стратегии насилия к попыткам изменить образ мышления людей. Согласно новым правым мыслителям¹, современные процессы радикальной индивидуализации и, одновременно, омассовления, десакрализации и глобализации, подпитываемые господствующей леворадикальной идеологией, приводят к размыванию коллективной идентичности, порождают настроения пустоты, аномии и нигилизма. Новые правые намерены повернуть вспять эти процессы, предложить радикальное обновление народов. Это было названо «метapolитикой», и ее суть в том, что политические идеи должны сначала быть закреплены в культурной, интеллектуальной и общественной сферах, прежде чем реальные революционные изменения смогут материализоваться [10].

Соответственно, за последние годы произошел сдвиг субкультурного стиля от изначально брутальной и жестокой субкультуры скинхедов к новому стилистическому выражению, часто называемому «идентаризмом»², нацеленному на то, чтобы его считали более цивилизованным и утонченным, но достаточно радикальным, чтобы привлекать молодых [11]. Проще говоря, метapolитические активисты заменили бомбы книгами и интернетом.

Идентаристы, еще в ходу такие словосочетания, как «альт-райт», «альт-лайт», широко используют и соцсети. Если ранее распространение революционной пропаганды и вербовка в интернете были жестко ограничены национальными надзорными органами, то сегодня ограничения в значительной степени сняты – особенностями функционирования соцсетей. И для движений, которые являются маргинальными по определению и чьи потенциальные последователи широко распространены в разных регионах, такие новые возможности – на вес золота [12].

Западные исследователи занимаются и анализом более широкой медиа-экологии, в рамках которой генерируются и передаются крайне правые идеи, включая роль цифровых технологий и средств массовой информации, таких как онлайн-форумы [13, 14] и платформы соцсетей [15, 16]. Изучаются особенности групповой валидации и маркеры групповой идентичности правых онлайн-групп [17], идеологическое обучение в радикальных онлайн-сообществах, наличие организованной педагогики [18].

Исследования правых онлайн-групп в отечественной литературе – еще довольно новая тема в отличие от крайне представительной традиции анализа мировоззрения и политической практики российских правых в социальных реалиях (офлайн). Однако еще в 2008 г. А.Г. Кузьмин констатировал, что правый интернет в России – это уже устоявшаяся реальность, хотя и виртуальная. Причем количество правых сайтов было в 2 раза больше, чем всех других всевозможных политических спектров [19. С. 81]. И реальной практи-

¹ Аллен де Бенуа, Гийом Фэй, Джаред Тейлор, Александр Дугин, Грег Джонсон, Ричард Спенсер, Дэниел Фриберг и др. [9].

² Как следует из этимологии термина, в основе полагается этническая идентичность, рассматриваемая в свете традиционных европейских ценностей, таких как традиции, религия и семья. Предполагается иммунизация от радикально-левых либеральных идей и цивилизационно-культурных инвазий мигрантов.

ки их исследования почти не было. Подобная ситуация сохранялась долгое время, хотя можно было встретить довольно частые упоминания в названиях статей по анализу радикальных групп таких слов, как «интернет», «социальные медиа», «киберпространство» и т.п. Однако в большинстве своем там ограничивались разбором идеологием правых и общими констатациями их распространенности также и в Рунете, без конкретного анализа онлайн-сообществ.

Однако в последние годы ситуация меняется в позитивную сторону. Так, томскими исследователями разрабатываются технологии качественных социологических методов и технологий автоматического анализа текстов российских онлайн-радикалов, в том числе и правозэкстремистских онлайн-групп [20, 21]. В 2016 г. было проведено масштабное исследование этих групп в социальной сети «ВКонтакте» и выявлена структура констелляции их 3 278 онлайн-групп (на то время их стержнем было онлайн-объединение «Русский национализм»), прослежена их последующая история, связанная с масштабной политикой блокировок их со стороны российского государства и перетеканием их участников на схожие сайты, но с более нейтральным контентом исторического, культурного, воинского и т.п. содержания [22, 23]. Есть и другие исследования, но более общего характера [24].

Социологическое преимущество конкретности анализа соцсетей (прежде всего, «ВКонтакте»), но есть и исследования по «YouTube» и др.) оборачивается малым вниманием к необходимым содержательным классификациям. Так, недавнее исследование говорит, что в современном правом онлайн-движении можно условно выделить «западническое», идентифицирующее себя с интернациональным нацизмом, и, так сказать, «почвенническое», более акцентирующее идею русской этнической самобытности [25. С. 152]. Есть уже работы, анализирующие онлайн-опыты молодых правых радикалов (идентаристов) в США и Великобритании [26, 27], но не отечественные опыты. Между тем в 2017 г. уже появилось и крепнет движение «Идентаристы России» [28]. Развить эту тему призваны последующие исследования.

Объектами политизированной риторики отечественных правых групп выступают как «враги» внутренние: кавказцы, мигранты, «пятая колонна»; так и «враги» внешние: «гейропейцы», «пендосы», международная власть евреев и леволиберальная идеология.

Второе место по вниманию со стороны ученых занимают *радикальные онлайн-сообщества религиозной направленности*.

Количество западных исследований религиозного экстремизма лавинообразно выросло [29] как с момента знаменитого теракта в США, так еще в большей степени с появлением в 2013 г. так называемого «Исламского государства» (Исламское государство Ирака и Сирии [ИГИЛ])¹, которое заработало свою международную репутацию не в последнюю очередь благодаря искусному использованию различных медиа и соцсетей для пропаганды насильственного джихада. Приложения для обмена сообщениями, такие как Telegram или WhatsApp, и соцсети, включая Facebook, YouTube, Ask.FM и JustPaste.It, использовались для пропаганды, видео и обмена фотографиями, результатом чего стало широкое проникновение джихадистов в соцсети [30].

¹ Запрещены в РФ.

10 лет назад Twitter была самой популярной из соцсетей ИГИЛ, благодаря чему джихадистский экстремизм в то время достиг своего пика [31].

Подобный же бум можно было наблюдать и в отечественных разработках, тема была действительно горячей. И здесь до сих пор мы можем найти незатухающий контур исследований, направленный в том числе и на анализ онлайн-активности джихадистов [32]. В отношении именно последней отмечаются новомодные веяния, проникающие в Россию, как и в случае с идентристами, из западных онлайн-пространств. Это так называемая субкультура «*jihadi cool*» или, как ее иногда называют, «исламизм постиндустриальной эпохи». Аскетичный стиль истовой веры немногих со строгим следованием исламским канонам сменяется массовой модой на джихадистскую атрибутику в одежде и поведении, не требующей скрупулезного выполнения обрядов [33. С. 679–680].

Большинство имеющихся на территории России нетрадиционных религиозных объединений (псевдохристианских, нью-эйдж-религий, сект восточного происхождения и т.п.) подчеркнуто стремятся избегать политических кейсов в своей деятельности, в том числе, особо, в онлайн-пространстве. Однако есть и исключения, о чем свидетельствуют работы отечественных исследователей. Некоторые религиозные онлайн-объединения явственно апеллируют к необходимости радикального насильственного изменения социума в соответствии со своим дуалистичным и ненавистническим пониманием российских порядков [34]. Это воинственный антисемитизм некоторых псевдоправославных онлайн-сообществ (к примеру, группа схиигумена Сергея Романова [35]) и радикально-антихристианский неонацистский дискурс некоторых неоязыческих онлайн-сообществ [36, 37].

Политизированная риторика джихадистских групп направлена против многочисленных врагов ислама («крестоносцев», светских мусульманских режимов) и любых вредных нововведений. Антисемитизм реализуется в живописаниях вездесущего врага: «Хабад Любавич», управляющей Россией и остальным миром; «цифровых кознях» мирового заговора Сиона. Неоязычники видят своих ненавистников в авраамических религиях и неарийских этнических и культурных конкурентах славянской цивилизации.

На порядки менее внушителен сектор исследований онлайн-представленности *групп радикально левацкой направленности*. Может, это объяснимо отчасти известной идеологической близостью и имплицитными симпатиями леволиберальных интеллектуалов – и у нас, и за рубежом – к антифашистским убеждениям, пусть, временами, и с насильственным перехлестом.

Также причиной малого количества исследований левых радикалов является и их явный упадок в Европе после 1989 г. Он проявляется как в маргинализации, так и в раздробленности радикального левого движения. Начались и «мутации», а по сути размывание идентичности новых радикальных левых, проявляющееся в социал-популизме, союзах с антиглобализмом, экодвижениями и радикальным феминизмом [38].

Однако новую жизнь Антифа начала после митинга сторонников превосходства белой расы Unite the Right в Шарлоттсвилле, штат Вирджиния, в августе 2017 г. Вообще избрание Д. Трампа президентом вдохнуло новую жизнь в радикализм – и левый, и правый. Антифа широчайшим и активнейшим образом использует соцсети для организации и радикализации людей [39].

Так, в свободном доступе в интернете своего рода координационный и агитационный листок «Как создать антифашистскую группу (в Великобритании)» [40], из которого мы узнаем, что в Англии 18 групп-сайтов автора листка «Антифашистской сети» и 61 сайт других антифашистских групп в стране. Далее подробные инструкции: от занятий боевыми искусствами до организации цифрового активизма.

В отечественной исследовательской литературе работ, посвященных анализу в основном идеологических составляющих левого радикализма, немного [41–44]. Их онлайн активность в социальных сетях рассматривается в основном в сравнении с правыми, не выступая в качестве самостоятельного объекта [23, 45, 46].

Если не считать ортодоксально-коммунистических групп, чей состав далеко не молодежный, то именно Антифа и у нас в настоящее время выступает консолидирующей формой для групп левого спектра: анархистов, экозащитников, веганов, пацифистов и прочих радикальных гуманистов. Сюда же добавляются представители молодежных субкультур панков, хардкор, рэперов и пр. Это немногочисленные группы от нескольких десятков человек в региональных центрах до нескольких сотен в столицах, состав преимущественно молодежный (20–30 лет), представляет собой нецентрированные организации с большим влиянием отмеченных выше субкультур и разношерстной идеологией [47. С. 98–99].

Объекты политизированной риторики Антифа: «фашисты» и их ненавистнический по отношению к расам и этносам дискурс. «Фашисты» – это как исторический нацизм, так и современные его формы, в том числе и русский «имперский» этнонационализм. Часто любые жестокость и насилие интерпретируются как «латентный фашизм», негативно их отношение к современному российскому государству, которое рассматривается как «репрессивное».

Другие фигуранты наших рассуждений представляют собой, по сути, либо производное, либо «пристыжь» правого и левого секторов политических движений. Мы имеем в виду *гендерный экстремизм*, который имеет местами явно политизированный контекст своего существования.

Речь идет о группах в западных соцсетях, озабоченных дискриминацией мужчин и засильем феминистского активизма. Речь идет о так называемой маносфере, онлайн-сообществах, слабо объединенных антифеминистским мировоззрением, которые подражают движениям «за освобождение мужчин» 1970-х гг. Однако они все же активно погружены в основном в проблематику «противостояния полов», сближаясь временами с правыми и националистами, но оставаясь все же в целом мало политизированным явлением [48–50]. Аналогичная приличная по охвату маносфера существует и в наших социальных сетях. Она исследуется в основном в сопоставлении с феминистским радикальным дискурсом [51–53].

Слабой политизации маносферы противостоит вполне зрелая, оформившаяся и на Западе, и у нас радикальная политизированная риторика лесбийского феминизма. Исследователи отмечают, что в соцсети «ВКонтакте» можно встретить тысячи малых и средних лесбийских феминистских сообществ. Саморепрезентация лесбийских феминисток в основном связана с проблемами агрессии, насилия и социальных проблем. Исключительной чертой лес-

бийского феминистского движения является концентрация на правах гомосексуальных женщин и попытка полностью изолировать себя от трансгендеров и гетеросексуальных женщин, разработка утопии нового идеального лесбийского государства и создание «материальных» лесбийских феминистских пространств [54–57].

Объекты политизированной враждебной риторики здесь: мужская эксплуатация, и поддерживающее ее российское государство, политика и право. Социальные сети и интернет-дискурс – питательная среда этих онлайн-сообществ, к тому же она обеспечивает связь с «идеологическим мегаполисом» – США и тамошними соратницами.

Причина политизации радикального феминизма в том, что в союзе с левыми либеральными радикалами и ЛБГТ они, по сути, контролируют всю мировую политическую повестку в виде гегемонии неолиберализма и глобализма [58].

Основные выводы

В большом количестве исследовательских источников подчеркивается, что в последнее десятилетие произошла настоящая революция в глобальной коммуникации – в виде взрывообразного роста соцсетей. Налицо альтернативное развитие информационной сферы и онлайн-сообществ, адаптированных к конкретным интересам их пользователей, лишенных редакционной практики и целостности традиционных СМИ. Произошла диверсификация киберпространства в многочисленных его ранее просто периферийных сегментах, структурно подчиненных центрам. Все это ведет к невиданной фрагментации, сегрегации и поляризации самих соцсетей. Влияние на формирование новых онлайн-форм, радикализма сообществ единомышленников в соцсетях и заключается в том, что они приобретают закрытый от внешнего мира и возможной критики самодовлеющий характер (эхо-камеры, «пузыри») и вследствие этого имеют более эффективные, в сравнении с офлайном, механизмы групповой сплоченности.

Частотность анализа радикальных онлайн-групп распределилась следующим образом. Пальму первенства во внимании и количестве литературы, посвященной им – и у нас, и за рубежом, безусловно, держат радикальные онлайн-сообщества правого политического спектра. В последнее время здесь наличествует идеологический сдвиг от изначально брутальной и жестокой субкультуры скинхедов к новому стилистическому выражению, самоидентифицируемому как «идентаризм».

На втором месте по вниманию со стороны ученых занимают радикальные онлайн-сообщества религиозной направленности. Традиционалистский консервативный спектр джихадистских групп дополняется в последнее время субкультурой «jihad cool» или, как ее иногда называют, «исламизмом пост-индустриальной эпохи». Наши исследователи отмечают также воинственный антисемитизм некоторых псевдоправославных онлайн-сообществ и радикально-антихристианский неонацистский дискурс некоторых неоязыческих онлайн-сообществ.

На порядка менее внушителен сектор исследований онлайн-представленности групп радикально левацкой направленности. Если не считать малочисленных ортодоксально-коммунистических объединений, чей состав уже

далеко не молодежный, то именно Антифа у нас, как и за рубежом, выступает консолидирующей формой для групп левого спектра: анархистов, экозащитников, веганов, пацифистов и прочих радикальных гуманистов.

Другие фигуранты наших рассуждений представляют собой, по сути, либо производное, либо «пристыжь» правого и левого секторов политических движений. Мы имеем в виду гендерный экстремизм, который имеет местами явно политизированный контекст своего существования. И здесь отличим российский лесбийский феминизм с его ненавистническим антимаскулинизмом и отрицанием «патриархатного государства».

Выявление основных тенденций в изучении особенностей онлайн-сообществ с риторикой политизированной вражды может послужить важным ориентиром и методологическим подспорьем для последующих эмпирических и теоретических исследований отечественных социальных сетей на предмет нынешней реальной представленности выделенных типов онлайн-групп, актуальности их мировоззренческих тем, политических целей и ценностных мотиваций.

Список источников

1. Кориунов А.В. Исследование структуры сообществ пользователей в графах онлайн-социальных сетей : дис. ... канд. физ.-мат. наук. М. : Ин-т систем. программирования РАН. 2015. 134 с.
2. Морозова Е. и др. Фронтис сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 2. С. 83–97.
3. Wahlström M., Törnberg A. Social Media Mechanisms for Right-Wing Political Violence in the 21st Century: Discursive Opportunities, Group Dynamics, and Co-Ordination // Terrorism and Political Violence. 2021. № 33 (4). P. 766–787. DOI: 10.1080/09546553.2019.1586676
4. Mihelj S., Jiménez-Martínez C. Digital nationalism: Understanding the role of digital media in the rise of 'new' nationalism // Nations and Nationalism. 2021. № 27. P. 331–346. <https://doi.org/10.1111/nana.12685>
5. Cardenal A.S. et al. Digital technologies and selective exposure: How choice and filter bubbles shape news media exposure // The International Journal of Press/Politics. 2019. № 24. P. 465–486. <https://doi.org/10.1177/1940161219862988>
6. Farrell J. Politics: Echo chambers and false certainty // Nature Climate Change. 2015. № 5. P. 719–720. <https://www.nature.com/articles/nclimate2732>
7. Rafail P., Freitas I. Grievance Articulation and Community Reactions in the Men's Rights Movement Online // Social Media + Society. 2019. № 5 (2). <https://doi.org/10.1177/2056305119841387>
8. Jarvis L. Critical terrorism studies and the far-right: beyond problems and solutions? // Critical Studies on Terrorism. 2022. № 15 (1). P. 13–37. DOI: 10.1080/17539153.2021.2017484
9. Ravndal J.A. From Bombs to Books, and Back Again? Mapping Strategies of Right-Wing Revolutionary Resistance // Studies in Conflict & Terrorism. Published online: 05 Apr 2021. DOI: 10.1080/1057610X.2021.1907897
10. Hart A. Right-Wing Waves: Applying the Four Waves Theory to Transnational and Transhistorical Right-Wing Threat Trends // Terrorism and Political Violence. 2023. 35:1. P. 1–16. doi: <https://doi.org/10.1080/09546553.2020.1856818>
11. Ahmed Y., Lynch O. Terrorism Studies and the Far Right // The State of Play, Studies in Conflict & Terrorism. 2021. DOI: 10.1080/1057610X.2021.1956063
12. Zúquete J.P. The Identitarians: The Movement against Globalism and Islam in Europe. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2018. 484 p.
13. Scrivens R. et al. Examining the Developmental Pathways of Online Posting Behavior in Violent Right-Wing Extremist Forums // Terrorism and Political Violence. 2022. 34:8. P. 1721–1738. <https://doi.org/10.1080/09546553.2020.1833862>
14. Schwemmer C. The Limited Influence of Right-Wing Movements on Social Media User Engagement // Social Media + Society. 2021. № 7 (3). <https://doi.org/10.1177/20563051211041650>
15. Marcks H., Pawelz J. From Myths of Victimhood to Fantasies of Violence: How Far-Right Narratives of Imperilment Work // Terrorism and Political Violence. 2022. 34:7. P. 1415–1432. DOI: 10.1080/09546553.2020.1788544

16. Gaudette T. et al. The Role of the Internet in Facilitating Violent Extremism: Insights from Former Right-Wing Extremists // *Terrorism and Political Violence*. 2022. 34:7. P. 1339–1356. DOI: 10.1080/09546553.2020.1784147
17. Bliuc A.-M. et al. Collective identity changes in far-right online communities: The role of offline intergroup conflict // *New Media & Society*. 2019. № 21 (8). P. 1770–1786. <https://doi.org/10.1177/1461444819831779>
18. Lee B., Kim Knott K. Fascist aspirants: Fascist Forge and ideological learning in the extreme-right online milieu // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2022. № 14 (3). P. 216–240. DOI: 10.1080/19434472.2020.1850842
19. Кузьмин А.Г. «Правый» интернет в России: специфика развития и проблемы противодействия // *Политекс*. 2008. Т. 4, № 3. С. 74–96.
20. Карпова А.Ю. и др. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019. № 52. С. 138–146.
21. Кузнецов С.А. и др. Автоматизированное обнаружение перекрестных связей пользователей ультраправых сообществ в социальной сети // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2021. № 59. С. 156–166.
22. Барышев А.А., Каптур В.В. Правый экстремизм и официальная политика: конфигурация взаимоотношений в условиях постидеологии и интернета // *Вестник Удмурдского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2021. Т. 5, вып. 2. С. 131–144. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-2-131-144>
23. Каптур В.В. и др. Способы репрезентации радикального контента в условиях государственной антиэкстремистской цензуры на материале социальной сети «ВКонтакте» // *Вестник Удмурдского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2022. Т. 6, вып. 1. С. 7–18. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2022-6-1-7-18>
24. Ушкин С.Г., Сапон Н.В. Протестные группы в социальной сети «ВКонтакте»: кластеризация пользователей и их типологические особенности // *Научный результат. Социология и управление*. 2022. Т. 8, № 2. С. 97–111. DOI:10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8
25. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Мигрирующие концепты правого радикализма в аттитюдах студенческой молодежи Дона // *Политическая наука*. 2018. № 4. С. 146–178. DOI: 10.31249/poln/2018.04.08
26. Бурмистрова Е.С., Чуприкова А.А. Крайне правые политические силы США и Великобритании: в поисках ответов на угрозы национальной идентичности // *Вестник Удмурдского университета*. 2019. Т. 3, вып. 3. С. 339–351.
27. Сизачев М., Ильин А. Дискурсы нового национализма в Европейском союзе // *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020. С. 71–77.
28. Великая Россия. Идентарист. URL: <https://vk.com/identarist> (дата обращения: 09.03.2023).
29. Farooqui J.F., Kaushik A. Growing up as a Muslim youth in an age of Islamophobia: A systematic review of literature // *Cont. Islam*. 2022. № 16. P. 65–88. <https://doi.org/10.1007/s11562-022-00482-w>
30. Pearson E. Online as the New Frontline: Affect, Gender, and ISIS-Take-Down on Social Media // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2018. № 41 (11). P. 850–874. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1352280
31. Berger J.M., Morgan J. The ISIS Twitter Census Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter. Analysis Paper (The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. March 2015). URL: <https://protect-us.mimecast.com/s/oXA1BRUx6Rxesv?domain=brookings.edu> https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/isis_twitter_census_berger_morgan.pdf (дата обращения: 09.03.2023).
32. Барышев А.А. и др. Российские салафитские онлайн-сообщества: текстуальные и визуальные аспекты дискурса и транслируемые медиаобразы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 65. С. 192–212. DOI: 10.17223/1998863X/65/18
33. Демиденко С.В. и др. Феномен исламизма постиндустриального времени на территории Российской Федерации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2022. Т. 24, № 4. С. 665–685. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685>
34. Излученко Т.В. Структурно-функциональные особенности религиозной экстремистской деятельности: между иерархичностью и сетевизацией // *Logos et Praxis*. 2022. Т. 21, № 2. С. 33–42. DOI: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2022.2.4>

35. Андрюшин А. Отношение к цифровому в контексте антисемитских взглядов радикальных православных сообществ (на материале групп, поддерживающих Сергея Романова) // Цифровая иудаика: исследование еврейских общин в онлайн-пространстве. М., 2022. С. 171–187. https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2022_iudaika.pdf
36. Туликун Р.В. Стратегия противодействия современному неоязычеству в РФ: миссионерский взгляд // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. 2022. № 1. С. 6–23.
37. Кахута И.О. Радикализм современных неоязыческих течений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70), № 2. С. 145–155.
38. March L., Mudde C. What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation // *Comp Eur Polit.* 2005. № 3. P. 23–49. <https://doi.org/10.1057/palgrave.ccp.6110052>
39. Lenihan E.A Classification of Antifa Twitter accounts based on social network mapping and linguistic analysis // *Soc. Netw. Anal. Min.* 2022. № 12. <https://doi.org/10.1007/s13278-021-00847-8>
40. Anti-Fascist Network. Independent & grassroots groups fighting fascism around the UK. URL: <https://antifascistnetwork.org/how-to-set-up-an-anti-fascist-group/> (дата обращения: 09.03.2023).
41. Кнэхт Н.П. Идеология и практика леворадикального движения как проекция постмодернизма // Политическая наука. 2003. № 4. С. 92–108.
42. Беликов С.В. Антифа. Молодежный экстремизм в России. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
43. Сергеев С.А. Левые радикалы в российской провинции: движение «Антифа» // Политес. 2013. Т. 9, № 1. С. 38–50.
44. Дьорич М. Идеологические и коммуникационные аспекты современного ультралевого экстремизма и терроризма // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 53. С. 189–213.
45. Голев Н.Д., Шанина А.В. Обыденный политический дискурс на сайтах Рунета с фашистским и антифашистским содержанием (сопоставительное лингвистическое исследование) // Политическая лингвистика. 2013. № 2 (44). С. 178–185.
46. Каптур В.В. и др. Репрезентация радикальных сообществ в российских социальных медиа: специфика контента и индекс активности // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 133–143.
47. Кузьмин А.Г., Морозов П.Д. Субкультура Антифа как социально-политический феномен: опыт изучения в г. Сыктывкаре // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2016. № 1 (25). С. 97–103.
48. Hopton K., Langer S. «Kick the XX out of your life»: An analysis of the manosphere's discursive constructions of gender on Twitter // *Feminism & Psychology.* 2022. № 32 (1). P. 3–22. <https://doi.org/10.1177/09593535211033461>
49. Ging D. Alphas, Betas, and Incels: Theorizing the masculinities of the manosphere // *Men and Masculinities.* 2019. № 22 (4). P. 638–657. <https://doi.org/10.1177/1097184X17706401>
50. Van Valkenburgh S.P. Digesting the Red Pill: Masculinity and neoliberalism in the manosphere // *Men and Masculinities.* 2018. <https://doi.org/10.1177/1097184X18816118>
51. Слышкин Г.Г. и др. Радикальный феминный и маскулинный медиадискурс в аспекте лингвобезопасности // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). С. 53–60. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60>
52. Иванов А.В., Козлов В.Е. Социокультурные аспекты гендерного конфликта в радикальных сетевых сообществах Рунета (по материалам полевого исследования) // Казанский педагогический журнал. 2021. № 4. С. 264–270.
53. Красиков В.И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4, № 3. С. 235–244. DOI: <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244>
54. Mikhaylova O.R., Gradoselskaya G.V. Radical Self-Representation in a Hostile Setting: Discursive Strategies of the Russian Lesbian Feminist Movement // *Social Media+Society.* 2021. № 7 (1). <https://doi.org/10.1177/2056305121989253>
55. Semykina K. The media's construction of LGBT pride parades in Russia // *The Journal of Social Policy Studies.* 2019. № 17 (2). P. 281–292.
56. Онегина Е.В. Конфликты и солидарности ЛГБТК сцены в Санкт-Петербурге // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 179–192. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.08>
57. Browne K., Ferreira E. Lesbian geographies: Gender, place and power. Routledge, 2016.

58. Olsson Gardell E.K. et al. The Evolving Security Landscape: Citizens' Perceptions of Feminism as an Emerging Security Threat // Eur J. Secur Res. 2022. № 7. P. 67–86. <https://doi.org/10.1007/s41125-021-00078-0>

References

1. Korshunov, A.V. (2015) *Issledovanie struktury soobshchestv pol'zovateley v grafakh onlaynovykh sotsial'nykh setey* [Study of the Structure of User Communities in the Graphs of Online Social Networks]. Physics and Mathematics Cand. Diss. Moscow: Institute of Systems Programming of the Russian Academy of Sciences.
2. Morozova, E. et al. (2016) Frontir setevogo obshchestva [The Frontier of the Network Society]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 60(2). pp. 83–97.
3. Wahlström, M. & Törnberg, A. (2021) Social Media Mechanisms for Right-wing Political Violence in the 21st Century: Discursive Opportunities, Group Dynamics, and Co-Ordination. *Terrorism and Political Violence*. 33(4). pp. 766–787. DOI: 10.1080/09546553.2019.1586676
4. Mihelj, S. & Jiménez-Martínez, C. (2021) Digital Nationalism: Understanding the Role of Digital Media in the Rise of 'New' Nationalism. *Nations and Nationalism*. 27. pp. 331–346. DOI: 10.1111/nana.12685
5. Cardenal, A.S. et al. (2019) Digital Technologies and Selective Exposure: How Choice and Filter Bubbles Shape News Media Exposure. *The International Journal of Press/Politics*. 24. pp. 465–486. DOI: 10.1177/1940161219862988
6. Farrell, J. (2015) Politics: Echo Chambers and False Certainty. *Nature Climate Change*. 5. pp. 719–720.
7. Rafail, P. & Freitas, I. (2019) Grievance Articulation and Community Reactions in the Men's Rights Movement Online. *Social Media+Society*. 5(2). DOI: 10.1177/2056305119841387
8. Jarvis, L. (2022) Critical Terrorism Studies and the Far-right: Beyond Problems and Solutions? *Critical Studies on Terrorism*. 15(1). pp. 13–37. DOI: 10.1080/17539153.2021.2017484
9. Ravndal, J.A. (2021) From Bombs to Books, and Back Again? Mapping Strategies of Right-wing Revolutionary Resistance. *Studies in Conflict & Terrorism*. 5th April 2021. DOI: 10.1080/1057610X.2021.1907897
10. Hart, A. (2023) Right-wing Waves: Applying the Four Waves Theory to Transnational and Transhistorical Right-wing Threat Trends. *Terrorism and Political Violence*. 35(1). pp. 1–16. DOI: 10.1080/09546553.2020.1856818
11. Ahmed, Y. & Lynch, O. (2021) Terrorism Studies and the Far Right. *The State of Play. Studies in Conflict & Terrorism*. DOI: 10.1080/1057610X.2021.1956063
12. Zúquete, J.P. (2018) *The Identitarians: The Movement against Globalism and Islam in Europe*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.
13. Scrivens, R. et al. (2022) Examining the Developmental Pathways of Online Posting Behavior in Violent Right-wing Extremist Forums. *Terrorism and Political Violence*. 34(8). pp. 1721–1738. DOI: 10.1080/09546553.2020.1833862
14. Schwemmer, C. (2021) The Limited Influence of Right-wing Movements on Social Media User Engagement. *Social Media+Society*. 7(3). DOI: 10.1177/20563051211041650
15. Marcks, H. & Pawelz, J. (2022) From Myths of Victimhood to Fantasies of Violence: How Far-right Narratives of Imperilment Work. *Terrorism and Political Violence*. 34(7). pp. 1415–1432. DOI: 10.1080/09546553.2020.1788544
16. Gaudette, T. et al. (2022) The Role of the Internet in Facilitating Violent Extremism: Insights from Former Right-wing Extremists. *Terrorism and Political Violence*. 34(7). pp. 1339–1356. DOI: 10.1080/09546553.2020.1784147
17. Bliuc, A.-M. et al. (2019) Collective Identity Changes in Far-right online Communities: The Role of Offline Intergroup Conflict. *New Media & Society*. 21(8). pp. 1770–1786. DOI: 10.1177/1461444819831779
18. Lee, B. & Kim, K. (2022) Fascist Aspirants: Fascist Forge and Ideological Learning in the Extreme-right Online Milieu. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 14(3). pp. 216–240. DOI: 10.1080/19434472.2020.1850842
19. Kuzmin, A.G. (2008) "Pravyy" Internet v Rossii: spetsifika razvitiya i problemy protivo-deystviya ["Right" Internet in Russia: Specifics of Development and Problems of Countermeasures]. *Politeks*. 4(3). pp. 74–96.
20. Karpova, A.Yu. et al. (2019) New technologies for identifying far-right extremist communities in social media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya*.

Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 52. pp. 138–146. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/52/14

21. Kuznetsov, S.A. et al. (2021) Automated detection of ultra-right communities' cross-links in a social network. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 59. pp. 156–166. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/59/15

22. Baryshev, A.A. & Kashpur, V.V. (2021) Pravye ekstremizm i ofitsial'naya politika: konfiguratsii vzaimootnosheniy v usloviyakh postideologii i interneta [Right-wing Extremism and Official Politics: Changes in Relationships in the Conditions of Post-Ideology and the Internet]. *Vestn. Udm. un-ta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 5(2). pp. 131–144. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-2-131-144

23. Kashpur, V.V. et al. (2022) Sposoby reprezentatsii radikal'nogo kontenta v usloviyakh gosudarstvennoy antiextremistской tsenzury na materiale sotsial'noy seti “VKontakte” [Ways of Representation of Radical Content in the Conditions of State Anti-Extremist Censorship on the Material of the VKontakte Social Network]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya.* 6(1). pp. 7–18. DOI: 10.35634/2587-9030-2022-6-1-7-18

24. Ushkin, S.G. & Sapon, N.V. (2022) Protestnye gruppy v sotsial'noy seti “VKontakte”: klasterizatsiya pol'zovateley i ikh tipologicheskie osobennosti [Protest Groups in the Social Network “VKontakte”: Clustering of Users and their Typological Features]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie.* 8(2). pp. 97–111. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-2-0-8

25. Potseluev, S.P. & Konstantinov M.S. (2018) Migriruyushchie kontsepty pravogo radikalizma v attityudakh studencheskoy molodezhi Dona [Migrating Concepts of Right-wing Radicalism in the Attitudes of Don Students]. *Politicheskaya nauka.* 4. pp. 146–178. DOI: 10.31249/poln/2018.04.08

26. Burmistrova, E.S. & Chuprikova, A.A. (2019) Krayne pravye politicheskie sily SSHa i Veliko-britanii: v poiskakh otvetov na ugrozy natsional'noy identichnosti [Far-right Political Forces in the US and UK: in Search of Answers to Threats to National Identity]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta.* 3(3). pp. 339–351.

27. Sigachev, M. & Ilin, A. (2020) Diskursy novogo natsionalizma v Evropeyskom soyuze [Discourses of New Nationalism in the European Union]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN.* 1. pp. 71–77.

28. Anon. (n.d.) *Velikaya Rossiya | Identartist* [Great Russia | Identist]. [Online] Available from: <https://vk.com/identartist> (Accessed: 15th March 2023).

29. Farooqui, J.F. & Kaushik, A. (2022) Growing up as a Muslim Youth in an Age of Islamophobia: A Systematic Review of Literature. *Cont. Islam.* 6. pp. 65–88. DOI: 10.1007/s11562-022-00482-w

30. Pearson, E. (2018) Online as the New Frontline: Affect, Gender, and ISIS-Take-Down on Social Media. *Studies in Conflict & Terrorism.* 41(11). pp. 850–874. DOI: 10.1080/1057610X.2017.1352280

31. Berger, J.M. & Morgan, J. (2015) *The ISIS Twitter Census Defining and Describing the Population of ISIS Supporters on Twitter.* Analysis Paper (The Brookings Project on U.S. Relations with the Islamic World. March 2015). [Online] Available from: <https://protect-us.mimecast.com/s/oXA1BRUx6Rxesv?domain=brookings.edu> https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/isis_twitter_census_berger_morgan.pdf (Accessed: 15th March 2023).

32. Baryshev, A.A. et al. (2022) Russian Salafi Online Communities: Textual and Visual Aspects of Discourse and Broadcast Media Images. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science.* 65. pp. 192–212. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863H/65/18

33. Demidenko, C.V. et al. (2022) The Phenomenon of Post-industrial Islamism on the Territory of the Russian Federation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya.* 24(4). pp. 665–685. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-4-665-685

34. Izluchenko, T.V. (2022) Strukturno-funktsional'nye osobennosti religioznoy ekstremist-skoй deyatelnosti: mezhdru ierarkhichnost'yu i setevizatsiey [Structural and Functional Features of Religious Extremist Activity: between Hierarchy and Networkization]. *Logos et Praxis.* 21(2). pp. 33–42. DOI: 10.15688/lp.jvolu.2022.2.4

35. Andryushin, A. (2022) Otnoshenie k tsifrovomu v kontekste antisemitskikh vzglyadov radikal'nykh pravoslavnykh soobshchestv (na materiale grupp, podderzhivayushchikh Sergiya Romanova) [Attitude to Digital in the Context of Anti-Semitic Views of Radical Orthodox Communities (on the Material of Groups Supporting Sergiy Romanov)]. In: Dushakova, I. & Kaspina, M. (eds) *Tsifrovaya iudaika: issledovanie evreyskikh obshchin v onlayn-prostranstve* [Digital Judaica: A study of Jewish online communities]. Moscow: HSE. pp. 171–187.

36. Tupikin, R.V. (2022) Strategiya protivodeystviya sovremennomu neoyazychestvu v RF: missionerskiy vzglyad [Strategy to Counter Modern Neo-paganism in the Russian Federation: a Missionary View]. *Teologicheskiy vestnik Smolenskoj pravoslavnoy dukhovnoy seminarii*. 1. pp. 6–23.
37. Kakhuta, I.O. (2018) Radikalizm sovremennykh neoyazycheskikh techeniy [Radicalism of Modern Neo-pagan Movements]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya*. 4(70) 2. pp. 145–155.
38. March, L. & Mudde, C. (2005) What's Left of the Radical Left? The European Radical Left After 1989: Decline and Mutation. *Comparative European Politics*. 3. pp. 23–49. DOI: 10.1057/palgrave.cep.6110052
39. Lenihan, E.A. (2022) Classification of Antifa Twitter Accounts Based on Social Network Mapping and Linguistic Analysis. *Social Network Analysis and Mining*. 12. DOI: 10.1007/s13278-021-00847-8
40. Antifascistnetwork.org. (n.d.) *Anti-Fascist Network. Independent & grassroots groups fighting fascism around the UK*. [Online] Available from: <https://antifascistnetwork.org/how-to-set-up-an-anti-fascist-group/> (Accessed: 16th March 2023).
41. Knekht, N.P. (2003) Ideologiya i praktika levoradikal'nogo dvizheniya kak proektsiya postmodernizma [Ideology and Practice of the Rleft Movement as a Projection of Postmodernism]. *Politicheskaya nauka*. 4. pp. 92–108.
42. Belikov, S.V. (2012) *Antifa. Molodezhnyy ekstremizm v Rossii* [Antifa. Youth Extremism in Russia]. Moscow: Algoritm.
43. Sergeev, S.A. (2013) Levye radikaly v rossiyskoy provintsii: dvizhenie “Antifa” [Left Radicals in the Russian Provinces: The Antifa Movement]. *Politeks*. 9(1). pp. 38–50.
44. Djorich, M. (2015) Ideologicheskie i kommunikatsionnye aspekty sovremennogo ul'tralevo ego ekstremizma i terrorizma [Ideological and Communication Aspects of Modern Ultra-left Extremism and Terrorism]. *Gosudarstvennoe upravlenie*. 53. pp. 189–213.
45. Golev, N.D. & Shanina, A.V. (2013) Obyednenny politicheskii diskurs na saytakh Runeta s fashistskim i antifashistskim soderzhaniiem (sopostavitel'noe lingvisticheskoe issledovanie) [Ordinary Political Discourse on Runet Websites with Fascist and Anti-Fascist Content (Comparative Linguistic Study)]. *Politicheskaya lingvistika*. 2(44). pp. 178–185.
46. Kashpur, V.V. et al. (2021) Representation of Radical Communities in Russian Social Media: Content Specificity and Activity Index. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 467. pp. 133–143. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/467/17
47. Kuzmin, A.G. & Morozov, P.D. (2016) Subkul'tura Antifa kak sotsial'no-politicheskii fenomen: opyt izucheniya v g. Syktyvkare [Subculture Antifa as a Socio-political Phenomenon: The Experience of Studying in Syktyvkare]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 1(25). pp. 97–103.
48. Hopton, K. & Langer S. (2022) Kick the XX out of Your Life: An Analysis of the Manosphere's Discursive Constructions of Gender on Twitter. *Feminism & Psychology*. 32(1). pp. 3–22. DOI: 10.1177/09593535211033461
49. Ging, D. (2019) Alphas, Betas, and Incels: Theorizing the Masculinities of the Manosphere. *Men and Masculinities*. 22(4). pp. 638–657. DOI: 10.1177/1097184X17706401
50. Van Valkenburgh, S.P. (2018) Digesting the Red Pill: Masculinity and Neoliberalism in the Manosphere. *Men and Masculinities*. 24(1). DOI: 10.1177/1097184X18816118
51. Slyshkin, G.G. et al. (2022) Radikal'nyy feminizmy i maskulinnyy mediadiskurs v aspekte lingvobezopasnosti [Radical Feminine and Masculine Media Discourse in the Aspect of Linguistic Safety]. *Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik*. 2(29). pp. 53–60. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-53-60
52. Ivanov, A.V. & Kozlov, V.E. (2021) Sotsiokul'turnye aspekty gendernogo konflikta v radikal'nykh setevykh soobshchestvakh Runeta (po materialam polevogo issledovaniya) [Sociocultural Aspects of Gender Conflict in Radical Online Communities of Runet (Based on Field Research Materials)]. *Kazanskiy pedagogicheskii zhurnal*. 4. pp. 264–270.
53. Krasikov, V.I. (2020) Gendernaya nenavist' v Runete: maskulisty i radfemki [Gender Hatred in Runet: Masculinists and Radfems]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 4(3). pp. 235–244. DOI: 10.21603/2542-1840-2020-4-3-235-244
54. Mikhaylova, O.R. & Gradoselskaya, G.V. (2021) Radical Self-Representation in a Hostile Setting: Discursive Strategies of the Russian Lesbian Feminist Movement. *Social Media+Society*. 7(1). DOI: 10.1177/2056305121989253
55. Semykina, K. (2019) The Media's Construction of LGBT Pride Parades in Russia. *The Journal of Social Policy Studies*. 17(2). pp. 281–292.

56. Onegina, E.V. (2019) Konflikty i solidarnosti LGBTK stseny v Sankt-Peterburge [Conflicts and Solidarity of the LGBTQ Scene in St. Petersburg]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 179–192. DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.08

57. Browne, K. & Ferreira, E. (2016) *Lesbian Geographies: Gender, Place and Power*. Routledge.

58. Olsson Gardell, E.K. et al. (2022) The Evolving Security Landscape: Citizens' Perceptions of Feminism as an Emerging Security Threat. *European Journal for Security Research*. 7. pp. 67–86. DOI: 10.1007/s41125-021-00078-0

Сведения об авторе:

Красиков В.И. – доктор философских наук, профессор; главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Krasikov V.I. – Dr. Sci. (Philosophy), professor, chief research fellow, Research Center of the All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation). E-mail: KrasVladIv@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023;

одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023

The article was submitted 16.03.2023;

approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Научная статья

УДК 316.77

doi: 10.17223/1998863X/73/10

СОВРЕМЕННЫЙ ПУБЛИЧНЫЙ ДИСКУРС И САМОЦЕНзуРА

Татьяна Викторовна Лягошина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
lyagoshina.tatiana@gmail.com*

Аннотация. В статье проанализированы особенности современного публичного дискурса, цифрового информационного пространства, медиапространства, дано определение и рассмотрены основные виды самоцензуры, практикуемые авторами в поле современного публичного дискурса. Показаны более широкий спектр причин и эффектов самоцензуры, чем традиционно принято считать, а также важная социальная и коммуникативная роль, которую играет рассматриваемый феномен на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: самоцензура, публичный дискурс, медиапространство, цифровое информационное пространство, коммуникация

Для цитирования: Лягошина Т.В. Современный публичный дискурс и самоцензура // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 108–120. doi: 10.17223/1998863X/73/10

Original article

MODERN PUBLIC DISCOURSE AND SELF-CENSORSHIP

Tatiana V. Lyagoshina

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, lyagoshina.tatiana@gmail.com

Abstract. Public discourse is a sphere of active social interaction, self-expression of individuals and social groups, cultural and scientific exchange, public discussion on the most pressing issues of society (including global ones) and also, especially since its transition to a modern, technologized media space, a sphere of the development of the struggle for power, for influence on the mass consciousness and, ultimately, for various kinds of resources. This important role of the social phenomenon determines the increased attention of researchers to its various aspects. One of the most studied aspects is public discourse as an instrument of power exercised through its manipulative, misinforming, discriminatory potentials and censorship. The latter is traditionally considered the most abusing negative and anti-democratic manifestation of power in the field of public discourse. However, censorship, for all its universality and prevalence in all spheres of human activity reflected in the mass media, and in any socio-economic system (those in power have always used and will use this tool), still loses its former scale and influence due to the peculiarities of modern media spaces: mass, global access to the Internet and the possibility of a free and instant publication of messages provide a bypass of the obstacles of official control (at least temporarily) and a sufficient audience. Even in countries where unprecedented efforts are being made to control Internet content, unauthorized throw-ins of taboo information into the public domain regularly occur. At the same time, the fact that external censorship is being replaced by self-censorship of authors (addressers) deserves interest. What is the manifestation of self-censorship? Is it only about the fear of various kinds of sanctions? This research shows that not only, and often not so much about it. Along with obvious and potentially negative effects, self-censorship also has significant positive ones, namely: it promotes social regulation “from the inside” – ensures conflict-free interaction, reduces psycho-emotional

tension, interrupts the spread of fakes, thereby making communication more efficient and safer. Obviously, the mentioned features of authors' self-censorship in the field of modern public discourse are important for a peaceful and productive public life and, therefore, should be the subject of further interdisciplinary research.

Keywords: self-censorship, public discourse, media space, digital information space, communication

For citation: Lyagoshina, T.V. (2023) Modern public discourse and self-censorship. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 108–120. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/10

Изучение современного публичного дискурса, с одной стороны, необходимым образом опирается на философские, лингвистические и социологические исследования предшествующих эпох, а с другой – вынуждает нас искать иные подходы к его анализу и интерпретации, так как изменения в общественном устройстве, особенно в его информационной и коммуникационной сферах, слишком велики и значительны, чтобы не потребовать смены подходов и фокуса внимания.

В XX в. в сфере социогуманитарных наук превалировала критическая теория, берущая начало в трудах К. Маркса, затем Франкфуртской школы и позже получившая оригинальное развитие в исследованиях таких философов, как М. Фуко, Ж. Бодрийяр и др. При всем многообразии направленности и содержания критических проектов, каждый из них так или иначе обыгрывал темы господства и подчинения, политических / идеологических манипуляций, социальной несправедливости и дискриминации, в том числе в области создания и распространения информации / знаний.

Критическая теория нашла отражение и в работах, посвященных философии языка, социолингвистике и теории дискурса. Так, Фуко в своей лекции «Порядок и дискурс» [1] отмечает: «Дискурс ведь – что и показал нам психоанализ – это не просто то, что проявляет (или прячет) желание, он также и то, что является объектом желания; и точно так же дискурс – а этому не перестает учить нас история – это не просто то, через что являют себя миру битвы и системы подчинения, но и то, ради чего сражаются, то, чем сражаются, власть, которой стремятся завладеть».

Каким образом дискурсы воспроизводят власть, а также злоупотребление ею, в том числе через механизмы цензуры и когнитивных манипуляций, подробно исследовали основоположники направления критического дискурс-анализа (КДА) британский социолингвист Норман Фейрклаф [2], его голландский коллега Тен Ван Дейк [3] и австрийский лингвист-дискурсолог Рут Водак [4].

В самом деле до конца XX в. формирование публичного дискурса и контроль над ним почти всецело находились в руках политических и финансовых элит. Соответственно, последние имели практически безраздельное влияние на массовую аудиторию, выступая то в роли информационных «пастырей», то в роли информационных «тюремщиков». Текущий же век ознаменовался относительной медийной «демократизацией»: задавать тон и направление развития публичного дискурса (по крайней мере, на некоторое время) может любой человек, который обучен грамоте и имеет доступ в интернет (сегодня такие люди составляют 62,5% мирового населения, по данным

Глобального ежегодного отчета об интернете и социальных сетях Digital-2022 [5]).

Сегодня мы наблюдаем, как вследствие технологических и социокультурных трансформаций, характеризующих информационную эпоху, властные механизмы дискурса, одним из которых всегда являлась цензура, перестали эксклюзивно принадлежать структурам и институтам, облеченным властью в традиционном ее понимании. К тому же контроль и цензурирование лавинообразно растущего объема текстовых и иных информационных материалов, а также программных средств для их генерации и публикации (в том числе с помощью искусственного интеллекта и «Больших языковых моделей», например, ChatGPT от OpenAI), технически затруднены.

Ситуация выглядит таковой, словно наконец-то право на свободу слова, закрепленное в конституциях большинства государств, обретает свое истинное воплощение: даже если на одной из интернет-платформ сообщения начинают подвергаться цензуре, всегда находится другая, допускающая практически безграничную свободу словесного самовыражения. Если и на последней вдруг начинают работать некие идеологические / политические или религиозные «фильтры» и отбор, то и тогда автор, приложив определенные усилия, может подобрать дружественный или, по крайней мере, нейтральный хостинг для своих материалов.

Однако следует отметить, что цензура, если смотреть на проблему не глазами приверженцев КДА, полагающих ее исключительно инструментом подавления и дискриминации, во все времена играла не только негативную роль, но и позитивную – регламентирующую, устанавливая определенные ценностные ориентиры и границы общественных норм, тем самым консолидируя общество, не допуская экстремистского или попросту неразумного, деструктивного поведения как индивидов, так и социальных групп / сообществ.

Принимая во внимание упомянутые трансформации медиaprостранства и публичного дискурса, попробуем ответить на следующие вопросы: утрачивает ли свою роль и «силу» цензура и возможно ли чем-то заменить / возместить ее позитивную социальную функцию. Как показывают наблюдения, в отношении к индивидуальному творчеству (даже если автор причисляет себя к некоей группе) в современном публичном дискурсе цензура не исчезает, – она реструктурируется и по большей части преобразуется в самоцензуру, при этом по-прежнему выступая в качестве элемента системы управления сознанием и поведением индивидов и / или социальных групп – адресатов того или иного сообщения. Самоцензура понимается в данной статье как акт намеренного и добровольного неразглашения / утаивания информации от адресатов вопреки отсутствию внешнего принуждения к этому или каких-либо формальных препятствий для полного ее раскрытия.

Интересную перспективу в рассмотрении феномена самоцензуры задают размышления Мишеля Фуко, являясь своего рода переходной, промежуточной позицией между его же последователями (апологетами КДА) и нашим сегодняшним пониманием сути перемен, происходящих в области реализации и интерпретации современного публичного дискурса. В своей лекции «Порядок дискурса» Фуко [6] предложил оригинальную интерпретацию дискурсивных процессов и факторов, их регулирующих: «...Но что уж такого

опасного и гибельного в том факте, что люди разговаривают и что их дискурсы бесконечно множатся? В чем тут опасность?.. Я полагаю, что в любом обществе производство дискурса одновременно контролируется, подвергается селекции, организуется и перераспределяется с помощью некоторого числа процедур, функция которых – нейтрализовать его властные полномочия и связанные с ним опасности, обуздать непредсказуемость его события...».

Далее он переходит к описанию и экспликации процедур «контроля и отграничения», уделяя особое внимание так называемым «внутренним процедурам»: такие процедуры служат цели самоуправления и упорядочивания дискурса, и особая роль здесь отводится автору и осознанию им необходимости работать в рамках дисциплины, доктрины или научной школы: «...Дисциплина – это принцип контроля над производством дискурса. Она устанавливает для него границы благодаря игре идентичности, формой которой является постоянная реактуализация правил», «...Либо вы должны следовать установленной системе в своей работе, либо будете из нее исключены» [6]. Также Фуко указывает на важность ритуалов и правил «дискурсивных сообществ» – кто, о чем и как имеет право говорить, если причисляет себя данному сообществу: «...На этот раз, стало быть, речь идет о прореживании говорящих субъектов: в порядок дискурса никогда не вступит тот, кто не удовлетворяет определенным требованиям или же с самого начала не имеет на это права» [Там же]. Особой ролью в контроле над дискурсом Фуко наделяет автора, подчеркивая его ориентированность на себя, свое миропонимание и мироощущение «в моменте». Такой автор не хочет и не должен соизмерять свои личные принципы самовыражения с чьей-либо потребностью в полной информированности, достоверности и тем более откровенности со стороны автора.

Еще одна из внутренних процедур, по Фуко, вероятно, сегодня не самая очевидная, но все же имеющая место, – речевое поведение в соответствии с социальным статусом и, в частности, отражение социальной стратификации в системе образования: «Сколько бы ни утверждалось, что образование по неотъемлемому праву является средством, открывающим для любого индивида в обществе, подобном нашему, доступ к дискурсу любого типа, – хорошо известно, что в своем распределении, в том, что оно позволяет и чего не допускает, образование следует курсом, который характеризуется дистанциями, оппозициями и социальными битвами. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов – со всеми знаниями и силами, которые они за собой влекут» [Там же].

В итоге Фуко приходит к мысли, подводящей и нас к выводу об имманентной сущности и неискоренимости самоцензуры человека социального: «Все происходит так, как если бы запреты, запруды, пороги и пределы располагались таким образом, чтобы хоть частично овладеть стремительным разрастанием дискурса, чтобы его изобилие было избавлено от своей наиболее опасной части и чтобы его беспорядок был организован в соответствии с фигурами, позволяющими избежать чего-то самого неконтролируемого».

Фуко считает, что человеческое общество страдает логофобией – страхом перед высказываемым / сказанным, страхом «перед лицом этого грандиозного, нескончаемого и необузданного бурления дискурса» [Там же]. В этом смысле самоцензура-логофобия может быть противопоставлена парресии –

еще одному типу речевого поведения, изучению которого Фуко уделил много внимания, где под парресией понимается «свободная речь», или предельная откровенность и прямота высказывающегося, «когда оглашение истины считается долгом», даже на грани риска для собственной жизни: «...Когда философ критикует тирана, когда гражданин критикует большинство, когда ученик критикует своего учителя, они, вполне возможно, применяют паррессию». При этом французский философ отмечает, что такая «свободная речь» может пониматься как в позитивном ключе (например, в качестве конструктивной критики), так и в негативном, уничижительном – как «произнесение вслух всего, что приходит в голову, без разбора... болтовня» [7].

Исследования феномена самоцензуры как такового начались во второй половине XX в. По сравнению с работами по изучению цензуры их не так много, и большинство из них сосредоточено вокруг доминирующего, нередко политически окрашенного тезиса: самоцензура – это негативное социальное явление, антидемократический процесс, снижающий доступность информации и затрудняющий самовыражение [8; 9. Р. 21; 10. С. 21]. Однако такой взгляд на самоцензуру представляется нам ограниченным и не учитывающим целый ряд положений социо- и психолингвистического характера, влияющих на принятие авторами решений по поводу выбора лексики, стиля, объема и прочих характеристик создаваемых и публикуемых ими сообщений.

При исследовании явления самоцензуры мы применили дискурсивно-исторический подход Р. Водак [11], который заключается в объединении текстуального и контекстуального анализов. При этом контекст понимается как сложный феномен, состоящий из нескольких уровней: лингвистического, интертекстуального, интердискурсивного, экстралингвистического, социально-политического и исторического. Были проанализированы с социально-философской точки зрения возможные причины и следствия самоцензуры на современном этапе развития медиапространства и публичного дискурса как с точки зрения авторов, так и с точки зрения потенциальных аудиторий. Для целей этой работы были рассмотрены феномены современного медиапространства, цифровой общественности (цифровой публики) и публичного дискурса, синхронически изучены текстовые материалы независимых авторов, размещенные в свободном доступе в социальных сетях («Телеграм», «ВКонтакте», «ТенЧат» и др.) и диахронически – статьи публицистического характера, связанные с описанием событий ряда военных конфликтов XX в. [12–16].

Интернет давно превратился из исключительно технического средства для узкоспециальной связи в социальную программу с «открытым кодом», предназначенную для взаимодействия между различными акторами и контекстами. Цифровое пространство представляет собой пространство так называемых социальных сетей – групп людей (цифровой общественности / публики), связанных друг с другом посредством информационных технологий. Причем цифровое пространство (или его части) легко трансформируется, – оно флюидно, высокоадапбельно и может создаваться под определенные цели. Цифровая общественность посредством технологических платформ социальных сетей формирует и распространяет разного рода знания. Это своего рода глобальный «эпистемополис». Цифровая общественность – по историческим меркам сравнительно новая социальная сущность, но ее влияние на современные социальные процессы трудно переоценить, что отражено в много-

численных исследованиях [17, 18]. Цифровое социальное пространство сложно и, соответственно, дает более сложную, смешанную концепцию современной общественности. Каково качество знаний / сведений, зарождающихся и передающихся в цифровом пространстве, и можно ли им доверять всецело – основные вопросы, которыми сегодня задаются многие участники и исследователи цифрового пространства.

Цифровое пространство трансформирует определения дискурса и публичного дискурса, а также представления о частном и публичном, локальном и глобальном, реальном и вымышленном, истинном и ложном. При этом, судя по социологическим опросам [19], современная публика, при всей ее информационной «всеядности», относится с недоверием к любой информации, к любой риторике, фигурирующей в интернете, и даже рассматривает их как серьезную угрозу как благополучию отдельного человека, так и общественному порядку.

Развитие информационных технологий, когда они практически «сливаются» с человеческим сознанием, приводит к возникновению коллективной (общей / общественной) «цифровой памяти», хотят того люди или нет. Степень влияния интернет-коммуникаций на социальные процессы в реальном обществе велика, если не сказать определяющая. Фактически авторы сообщений являются агентами социальных изменений, и большинство это осознает [20]. При этом многие сегодня выступают против бесконтрольного роста и распространения информационных технологий, так как воспринимают их в качестве угрозы личной, в том числе финансовой безопасности [21].

Отметим также, что современные коммуникационные и информационные технологии не только предоставляют любому человеку новые возможности для самовыражения, они бросают ему вызов «двойного суда»: властных (специальных, надзорных) структур и всей цифровой публики. В этой связи совершенно естественным образом возникает потребность в защите личных границ и обеспечении личной безопасности в самом широком понимании последней. Очевидно, что постепенно публичный дискурс должен эволюционировать в более социально экологичный и самоцензура будет являться одним из путей достижения этой цели.

Любой дискурс и в особенности публичный дискурс – это лингвокультурный материал, отражающий эпоху целиком – со всеми ее смыслами и актуальными задачами, определяющими тематику, способы самовыражения авторов, коммуникативные табу и т.п. Лингвистический анализ современного публичного дискурса в интернете показывает, что его языком является преимущественно обыденный язык. Даже материалы, касающиеся специфических, профессиональных тем (медицина, политика, наука и др.) все чаще оформляются обыденным языком в свободном, варьирующем стиле. Обыденный язык, как это известно из многочисленных социолингвистических исследований, с одной стороны, адаптируется к социальным изменениям (культурным, экономическим, политическим), а с другой – сам служит инструментом для приспособления человека к изменяющимся условиям социальной среды и даже инструментом ее (ре)конструирования. Перефразируя известное выражение Н. Арутюновой [22], можно сказать, что современный публичный дискурс – это речь, погруженная в современную жизнь, которая стала основой для зарождения следующих социолингвистических феноме-

нов: сосуществование множества индивидуальных, авторских риторик; нео-пиджинизация / нео-креолизация; кризис вербального текста; замена цензуры самоцензурой.

Современный публичный дискурс является отражением современного общества, вбирая в себя и перерабатывая все его специфические черты: глобализацию, цифровизацию, медиатизацию, мультимодальную гибридизацию, всеобщее ускорение, фактоидность, ультимативную направленность на полную реализацию всевозможных прав и свобод и др. К тому же, как отмечает в своей работе филолог Е. Панова [23], сегодня в публичном дискурсе доминирует авторский ракурс, авторское, индивидуальное сознание. При этом наблюдаемое устремление к индивидуализации (множество уникальных авторов) одновременно сопровождается кросскультурной, глобализирующей коммуникацией (общее, единое медиапространство).

Одним из примеров вариативности публичного дискурса является регулируемая степень его публичности: от максимальной, когда доступ к авторскому материалу открыт любому интернет-пользователю, до ограниченной узким кругом избранных адресатов, где ограничивающими фильтрами могут выступать пол, возраст, социальное положение, политические или культурные предпочтения и др. Степень публичности напрямую отражает степень охвата потенциальной аудитории, и чем она выше, тем, соответственно, выше вероятность ответных социальных действий (в том числе массовых). Этот, по сути количественный, а не смысловой параметр также является предметом для проявления самоцензуры авторов.

Дополнительным соображением в отношении современного медиапространства интернета и соответствующего публичного дискурса становится признание в нем своего рода «электронного веча» – пространства без реального места, без реальных людей, представляющего общество в его идеальном виде («утопия» – по М. Фуко [24]), и оно – результат циркулирующих в нем риторик. Тексты в интернете стремительно «отрываются» от авторов, передаются, трансформируются (в том числе семантически), объединяются с текстами других авторов – публичная сфера глобальной сети поглощает и деперсонализует их. Еще Ю. Хабермас [25], например, отмечал сублимацию индивида перед регулирующей функцией публичной сферы: «При переплетении публичной и частной сферы не только политические власти берут на себя определенные функции... но и наоборот, общественные силы теперь берут на себя политические функции». На этом фоне попытки самоцензуры могут показаться тщетными, ибо открытость и универсальная подверженность авторских текстов выраженному трансформирующему воздействию современного медиапространства очевидны и не вызывают сомнения. Вместе с тем мы наблюдаем тенденцию к интенсификации авторами процессов самоцензурирования.

Еще в 1948 г. в рамках статьи 19 Всеобщей декларации прав человека было закреплено (и поддержано большинством национальных правительств) право на свободу убеждений и на свободное их выражение. С тех пор цензура в масс-медиа, хотя и не исчезнув полностью, значительно ослабила свои позиции, а идея свободы слова продолжила укрепляться. В связи с этим особый интерес представляет изучение причин, способствующих появлению и рас-

пространению самоцензуры: что заставляет современного человека добровольно ограничивать свое вербальное самовыражение.

Анализ результатов анонимных опросов, посвященных самоцензуре и проведенных в разные годы как международными, так и национальными государственными и частными институтами [26–28], а также статей и выступлений блогеров (интернет-пользователей, ведущих собственный канал, сайт или страницу в соцсетях) позволяет выделить несколько наиболее распространенных причин этого явления:

- боязнь попасть под какие-либо санкции (утратить свободу, пострадать физически или морально) в связи с неверной интерпретацией текста адресатом / адресатами или в связи с изменением соответствующих законодательных положений («то, о чем можно было говорить вчера, завтра может стать запрещенным по закону»);

- боязнь репутационных издержек (свободное вербальное самовыражение того или иного вида может восприниматься положительно в бытийной культурной среде, но считаться неприемлемым для человека, вовлеченного в определенные виды государственной или коммерческой деятельности);

- отказ от публикации, если предполагается минимальный положительный отклик аудитории («мало лайков») и / или высоковероятный отрицательный («много дислайков») (ситуации, описываемые на английском языке как low likability и high dislikability), что может транслироваться в проблемы с монетизацией контента либо вызывать выраженный психоэмоциональный дискомфорт;

- нежелание причинить вред третьей стороне (в том числе, например, лишить удовольствия через преждевременное раскрытие информации – эффект спойлера);

- из чувства солидарности с группой («коллективная доблесть» и боязнь быть от нее отлученным) с целью защиты своих убеждений / веры, когда «все средства хороши», в том числе сокрытие информации либо публикация лишь «выгодной» или «красивой» ее части.

Независимо от причины самоцензура может принимать разные виды, самыми распространенными из которых являются:

- полный отказ от публикации идеи / мнения / рассуждения;

- замена в публикации некоторых (конвенционально или индивидуально табуированных) слов / имен другими;

- вместо выражения собственных идей / мнений / рассуждений – ссылки на сторонние информационные ресурсы, где они эксплицитно представлены другими людьми (нередко в другом контексте);

- использование для передачи своих идей / мнений / рассуждений невербальных / нетекстовых коммуникативных модальностей (различные готовые культурные артефакты: мемы, различная символика, видео / кино-цитаты и т.п.).

Большинство исследователей феномена самоцензуры связывают его появление и широкое распространение с повсеместным нарастанием тоталитарных, антидемократических тенденций в обществе. При этом считается, что самоцензура приводит исключительно к негативным эффектам, среди которых чаще всего упоминают: дистресс самоцензоров, обеднение общественной дискуссии, снижение доступности информации и свободы самовыражения [29, 30].

Исходя из проведенного анализа, мы предлагаем посмотреть на феномен самоцензуры с других позиций. Для этого вспомним, что в конституциях некоторых государств наряду с декларацией гарантий свободы мысли и слова, а также запрета цензуры содержатся положения, закрепляющие неправомерность принуждения кого бы то ни было к выражению своих мнений и убеждений [31]. Такие положения, наряду с принятием идеи о серьезной психологической и когнитивной трансформации человека и общества в процессе перехода из информационной эпохи в пост-информационную, могут стать ключевыми для понимания феномена самоцензуры во всей его полноте, призывая дополнить список вышеперечисленных причин необходимостью сохранения авторами приватности / интактности «своего мира», а также необходимостью соблюдения правил речевой коммуникации, сформулированных, в частности, П. Грайсом (принцип кооперации) [32], Дж. Личем (принцип вежливости) [33], Р. Лакофф (этика коммуникации) [34] и / или необходимостью «сохранения лица» (теория вежливости Брауна–Левинсона) [35].

Заключение

Практика самоцензуры, осуществляемая авторами в поле современного публичного дискурса, может быть рассмотрена, с одной стороны, как замещение цензуры, а именно как естественный рост процессов саморегуляции в отсутствие, при недостатке или неадекватности внешнего контроля. С другой стороны, в ситуации тотальной информационной «проницаемости», снижения возможностей защиты частной информации и глобального нарастания социальной напряженности самоцензура способствует социальному урегулированию «изнутри».

К тому же нельзя сбрасывать со счетов особенности индивидуального творческого процесса, актуальные для любого времени, когда автор осознанно и автономно принимает решение о качественном и количественном выборе лингвистических и иных средств для передачи своих идей и оформления своего произведения, что лаконично и точно иллюстрируется замечанием Ю. Лотмана в его «Семиосфере»: «...Нельзя, однако, упускать из виду, что не только понимание, но и непонимание является необходимым и полезным условием коммуникации. Текст абсолютно понятный есть вместе с тем и текст абсолютно бесполезный» [36. С. 220].

Очевидно, что рассмотрение самоцензуры как однозначно негативного, антидемократического явления не корректно и в целом не диалектично. Вероятно, такая позиция связана с исторически сложившимся негативным представлением о любой цензуре, когда само это понятие практически приравнивается к лишению свободы – одной из основных человеческих ценностей. Однако для правильного понимания природы и особенностей феномена самоцензуры необходимо четко разделять, избегая подмены и смешивания, два этих понятия: цензура (внешний контроль) и самоцензура (независимые, непринужденные самоконтроль и самопроявление).

Таким образом, мы делаем вывод, что с общефилософских позиций, а также с позиций социо- и психолингвистики самоцензура является естественным проявлением как коммуникативной компетенции, так и творческого начала в человеке и играет важную роль в современном обществе и, помимо определенных негативных (когда ограничение самовыражения вызвано

страхом, т.е. по сути ожиданием цензуры, осуждения и санкций), оказывает и позитивные эффекты, а именно – помогает сделать коммуникацию (так же, как и любое другое реальное взаимодействие на основе такой коммуникации) и в целом жизнь стремительно трансформирующегося общества более мирными и продуктивными.

Список источников

1. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности: сборник / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М. : Магистериум : Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.
2. Fairclough N. Language and Power. London : Routledge, 2015. 264 p.
3. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. Е.А. Кожемякин, Е.В. Переверзев, А.М. Амагов. 2-е изд. М. : УРСС: Книжный дом «Либриком», 2015. 352 с.
4. Wodak R. Critical linguistics and critical discourse analysis // Discursive pragmatics / eds. J. Zienkowski, J. Östman, J. Verschueren. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Pub. Co., 2011. P. 50–70.
5. Digital 2022: Global overview report / We are social Analytics. 2022. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>
6. Фуко М. Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности : сборник / сост., пер. с фр., коммент. и послесл. С. Табачниковой. М. : Магистериум : Изд. дом «Касталь», 1996. 446 с.
7. Фуко М. Речь и истина. Лекции о парресии (1982–1983) / пер. с фр. Д. Кралечкиной ; под науч. ред. М. Маяцкого. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020. 384 с.
8. Schimpfössl E., Yablokov I., Zeveleva O., Fedirko T., Bajomi-Lazar, P. (2020). Self-censorship narrated: Journalism in Central and Eastern Europe // European Journal of Communication. Vol. 35 (1). P. 3–11. URL <https://doi.org/10.1177/0267323119897801>
9. Journalists under pressure – Unwarranted interference, fear and self-censorship in Europe (2017), Council of Europe, 2017. Council of Europe Publishing F-67075 Strasbourg Cedex. Printed at the Council of Europe. URL: <https://book.coe.int/en/human-rights-and-democracy/7284-journalists-under-pressure-unwarranted-interference-fear-and-self-censorship-in-europe.html>
10. Гавриш А., Желтухина М. Цензура и самоцензура в современном политическом медиадискурсе США и России: сопоставительный лингвокультурологический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 16–27.
11. Wodak R. The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis. 2nd ed. London : Sage, 2009. P. 63–94.
12. Abdel Jawad. S. The Arab and Palestinian narratives of the 1948 war // ed. R. Rotberg. Israeli and Palestinian narratives of conflict – History's double helix. Indiana, Bloomington and Indianapolis : Indiana University Press, 2006. P. 72–114.
13. Ben-Ze'ev E. Imposed silences and self-censorship: Palmach soldiers remember 1948 / eds. E. Ben-Ze'ev, R. Ginio, J. Winter. Shadows of war – A social history of silence in the twentieth century. Cambridge : Cambridge University Press, 2010. P. 181–196.
14. De Baets A. Censorship of historical thought: A world guide, 1945–2000. Westport, CT : Greenwood Press, 2002.
15. Broz S. Good people in evil times. Portraits of complicity and resistance in the Bosnian War. New York : Other Press, 2004.
16. Branche R., House J. Silences on state violence during Algerian war of Independence: France and Algeria, 1962–2007 / eds. E. Ben-Ze'ev, R. Ginio, J. Winter. Shadows of war: A social history of silence in the twentieth century. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.
17. Patricia G. Lange, Publicly Private and Privately Public: Social Networking on YouTube // Journal of Computer-Mediated Communication. 2007. Vol. 13, Issue 1. P. 361–380, URL: <https://doi.org/10.1111/j.1083-6101.2007.00400.x>
18. Barron Nancy, Sibylle Gruber. Responsible Knowledge Workers: Rhetoric, Media, and the Third Environment // The International Journal of Technology, Knowledge, and Society. 2007. № 7 (2). P. 153–166. DOI:10.18848/1832-3669/CGP/v07i02/56202
19. Опрос ВЦИОМ «Доверие СМИ в России». 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii>

20. Ong Walter J. Eading, Technology, and the Nature of Man: An Interpretation // The Yearbook of English Studies. 1980. Vol. 10. P. 132–49. JSTOR. URL: <https://doi.org/10.2307/3506938>
21. Brooke C.G. Lingua fracta: Toward a Rhetoric of New Media. Michigan University. Hampton Press, 2009.
22. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 136–137.
23. Панова Е.Ю. Риторизация современного медиапространства как фактор релевантности проблемы риторического кода в медиадискурсе // Медиалингвистика. 2019. Т. 6, № 4. С. 484–493.
24. Foucault M., Jay Miskowiec. Of other Spaces // Diacritics. 1986. Vol. 16, № 1. P. 22–27. JSTOR. URL: <https://doi.org/10.2307/464648>
25. Habermas J. et al. The Public Sphere: An Encyclopedia Article (1964) // New German Critique. 1974. № 3. P. 49–55. JSTOR. URL <https://doi.org/10.2307/487737>
26. Keren Sharvit et al. Self-Censorship Orientation: Scale Development, Correlates and Outcomes // Journal of Social and Political Psychology. 2018. Vol. 6 (2). P. 331–363 doi:10.5964/jsp.p.v6i2.859
27. UK Public Research – Online Privacy Big Brother Watch. URL: <https://www.bigbrotherwatch.org.uk/wp-content/uploads/2015/03/Big-Brother-Watch-Polling-Results.pdf>
28. Hayes A. F. Exploring the forms of self-censorship: On the spiral of silence and the use of opinion expression avoidance strategies // Journal of Communication, 2007. № 57. P. 785–802. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.2007.00368.x>
29. Gibson J. Keeping Your Mouth Shut: Spiraling Self-Censorship in the United States // SSRN Elsevier, 2021. URL: <https://ssrn.com/abstract=3647099>
30. Bar-Tal D. Self-Censorship as a Socio-Political-Psychological Phenomenon: Conception and Research // Advances in Political Psychology. 2017. Vol. 38, Suppl. 1. P. 37–65.
31. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Гарант: информ.-правовое обеспечение. Конституция РФ. Электрон. дан. М., 2022. URL: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>
32. Logic and Conversation / eds. P. Cole, J.L. Morgan. Syntax and Semantics. Vol. 3, Speech Acts. New York : Academic Press, 1975. P. 41–58.
33. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London ; New York : Longman, 1983. 250 p.
34. Lakoff G. Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. The Essential Guide for Progressives. Chelsea Green Publishing; First Edition, 2004. 144 p.
35. Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 364 p.
36. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 703 с.

References

1. Foucault, M. (1996) *Volja k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal.
2. Fairclough, N. (2015) *Language and Power*. London: Routledge.
3. Van Dijk, T. (2015) *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatov. Moscow: Librikom.
4. Wodak, R. (2011) Critical linguistics and critical discourse analysis. In: Zienkowski, J., Östman, J. & Verschueren, J. (eds) *Discursive Pragmatics*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Pub. Co. pp. 50–70.
5. Kemp, S. (2022) *Digital 2022: Global overview report*. [Online] Available from: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report>
6. Foucault, M. (1996) *Volja k istine: Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality]. Translated from French by S. Tabachnikova. Moscow: Kastal.
7. Foucault, M. (2022) *Rech' i istina. Lektsii o parresii (1982–1983)*. Translated from French by D. Kravchukin. Moscow: Delo.
8. Schimpfössl, E., Yablokov, I., Zeveleva, O., Fedirko, T. & Bajomi-Lazar, P. (2020). Self-censorship narrated: Journalism in Central and Eastern Europe. *European Journal of Communication*. 35(1). pp. 3–11. DOI: 10.1177/0267323119897801

9. Council of Europe. (2017) *Journalists under pressure – Unwarranted interference, fear and self-censorship in Europe*. [Online] Available from: <https://book.coe.int/en/human-rights-and-democracy/7284-journalists-under-pressure-unwarranted-interference-fear-and-self-censorship-in-europe.html>
10. Gavrish, A. (2021) Censorship and self-censorship in the modern political media discourse of the USA and Russia: a comparative linguoculturological aspect. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki – Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2. pp. 16–27. (In Russian). DOI: 10.29025/2079-6021-2021-2-16-27
11. Wodak, R. (2009) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage.
12. Abdel Jawad, S. (2006) The Arab and Palestinian narratives of the 1948 war. In: Rotberg, R. (ed.) *Israeli and Palestinian narratives of conflict – History's double helix*. Indiana, Bloomington and Indianapolis: Indiana University. pp. 72–114.
13. Ben-Ze'ev, E. (2010) Imposed silences and self-censorship: Palmach soldiers remember 1948. In: Ben-Ze'ev, E., Ginio, R. & Winter, J. (ed.) *Shadows of War – A Social History of Silence in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University.
14. De Baets, A. (2002) *Censorship of historical thought: A world guide, 1945–2000*. Westport, CT: Greenwood Press.
15. Broz, S. (2004) *Good People in Evil Times. Portraits of Complicity and Resistance in the Bosnian War*. New York: Other Press.
16. Branche, R. & House, J. (2010) Silences on state violence during Algerian war of Independence: France and Algeria, 1962–2007. In: Ben-Ze'ev, E., Ruth Ginio, R. & Winter, J. (eds.) *Shadows of War: A Social History of Silence in the Twentieth Century*. Cambridge: Cambridge University.
17. Lange, P.G. (2007) Publicly Private and Privately Public: Social Networking on YouTube. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 13(1). pp. 361–380. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2007.00400.x
18. Gruber, B., Gruber, N. & Gruber, S. (2007) Responsible Knowledge Workers: Rhetoric, Media, and the Third Environment. *The International Journal of Technology, Knowledge, and Society*. 7(2). pp. 153–166. DOI: 10.18848/1832-3669/CGP/v07i02/56202.
19. VTsIOM (2023) *Doverie SMI v Rossii* [Trust in Media in Russia]. [Online] Available from: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-smi-v-rossii>
20. Ong, W.J. (1980) Reading, Technology, and the Nature of Man: An Interpretation. *The Yearbook of English Studies*. 10. pp. 132–149. DOI: 10.2307/3506938 (Accessed: 3rd April 2023).
21. Brooke, C.G. (2009) *Lingua fracta: Toward a Rhetoric of New Media*. Hampton Press.
22. Arutyunova, N.D. (2002) Diskurs. Rech' [Discourse. Speech]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Bolshaya rossiyanskaya entsiklopediya. pp. 136–137.
23. Panova, E.Yu. (2019) Ritorizatsiya sovremennogo mediaprostranstva kak faktor relevantnosti problemy ritoricheskogo koda v mediadiskurse [Rhetorization of modern media space as a factor of relevance of the problem of rhetorical code in media discourse]. *Medialingvistika – Media Linguistics*. 6(4). pp. 484–493.
24. Miskowiec, F., Miskowiec M. & Miskowiec, J. (1986) Of other Spaces. *Diacritics*. 16(1). pp. 22–27. DOI: 10.2307/464648. (Accessed: 3rd April 2023).
25. Habermas, J., Lennox, S. & Lennox, F. (1974) The Public Sphere: An Encyclopedia Article. *New German Critique*. 3. pp. 49–55. DOI: 10.2307/487737 (Accessed: 3rd April 2023).
26. Keren, S. et al. (2018) Self-Censorship Orientation: Scale Development, Correlates and Outcomes. *Journal of Social and Political Psychology*. 6(2). pp. 331–363. DOI: 10.5964/jssp.v6i2.859
27. UK. (2015) *UK Public Research. Online Privacy Big Brother Watch*. [Online] Available from: <https://www.bigbrotherwatch.org.uk/wp-content/uploads/2015/03/Big-Brother-Watch-Polling-Results.pdf>
28. Hayes, A.F. (2007) Exploring the forms of self-censorship: On the spiral of silence and the use of opinion expression avoidance strategies. *Journal of Communication*. 57. pp. 785–802. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2007.00368.x
29. Gibson, J. (2021) *Keeping Your Mouth Shut: Spiraling Self-Censorship in the United States*. [Online] Available from: <https://ssrn.com/abstract=3647099>
30. Bar-Tal, D. (2017) Self-Censorship as a Socio-Political-Psychological Phenomenon: Conception and Research. *Advances in Political Psychology*. 38(1). pp. 37–65.
31. The Russian Federation. (2022) *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: primyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020* [The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020]. [Online] Available from: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm>

32. Grice, H.P. (1975) Logic and Conversation. In: Cole, P. & Morgan, J.L. (eds) *Syntax and Semantics*. Vol. 3. New York: Academic Press. pp. 41–58.
33. Leech, G.N. (1983) *Principles of Pragmatics*. New York: Longman.
34. Lakoff, G. (2004) *Don't Think of an Elephant! Know Your Values and Frame the Debate. The Essential Guide for Progressives*. Chelsea: Chelsea Green.
35. Brown, P. & Levinson, S. (1987) *Politeness: some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University.
36. Lotman, Yu.M. (2001) *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg: Iskustvo-SPb.

Сведения об авторе:

Лягошина Т.В. – аспирант кафедры истории философии и логики философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Lyagoshina T.V. – postgraduate student, Department of History of Philosophy and Logic, Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lyagoshina.tatiana@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.04.2023;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 20.04.2023;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 101

doi: 10.17223/1998863X/73/11

ОБЩИЙ МИР ЗЕМНОГО В КОНТЕКСТЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Анна Александровна Медникова

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
adjika.anna@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые точки экологического поворота: переход от модернизма к постмодернизму и далее – к постгуманизму. Проходя данные этапы, экология сменила свои основания. Эпоха постгуманизма отказывается и от антропоцентричности, и от природы, стремясь выделить основание для создания общего мира людей и нелюдей – Земное. В статье анализируется концепт Б. Латура, который выстраивает постгуманистическую экологию, стремящуюся онтологически уравнивать всех существ, принимая как основу равенства причастность Земле.

Ключевые слова: экология, природа, человек, Земное, Латур

Для цитирования: Медникова А.А. Общий мир Земного в контексте экологического поворота // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 121–130. doi: 10.17223/1998863X/73/11

Original article

THE COMMON WORLD OF THE EARTHLY IN THE CONTEXT OF THE ECOLOGICAL TURN

Anna A. Mednikova

Moscow State University, Moscow, Russia, adjika.anna@gmail.com

Abstract. The ecological turn implies a movement from modernism to postmodernism and further to posthumanism. Each of the identified stages has its own reasons. Modernism has anthropocentrism, postmodernism has biocentrism. Posthumanism refuses both, since nature has ceased to be a reliable foundation due to its anthropological nature. Posthumanism, in search of a common foundation for the whole world, that is, humans and non-humans, is looking for what could unite heterogeneous actors into a common world. This article examines Latour's concept of the "bicameral" system, which has divided nature and society, politics and science, humans and non-humans. Latour seeks a foundation that can become common to all actors, splicing together our divided world. Latour proposes the "earthly" as such a foundation. This term eludes the binary oppositions dividing the world into two camps. Based on the chosen foundation, Latour refuses humanism in ecology, since posthumanistic ecology refuses the postmodernist maxim of "care for nature". From now on, ecology requires the expansion of the very concept of the human, which should be extended to other actors, which will allow us to remove any center. Therefore, the modern philosophy of ecology refuses any centrality. Posthumanism as "post-" overcomes apocalyptic thinking and the idea of the "end of history" and therefore reconsiders the view of the catastrophe. Turning to the problem of environmental crises, Latour finds the reason for these processes in the lack of objectivity. Despite the aspirations of the New Age for progress, description and study of nature, it turned out that this was not enough, and people even in this movement found themselves in the darkness of their own subjectivity. The ecological crisis revealed a crisis of objectivity. However, Latour does not recognize the evasive nature of man, but calls

to obey the logic of the object, to build a clear economic system in which natural and artificial are no longer distinguishable. Latour sees the revival of objectivity in the creation of a common world – a true democracy that establishes the coexistence of people and non-humans. The author criticizes the possibility of such a union, since the union of bodies in space is not a society. Latour's model as a representative of posthumanistic thinking turns out to be reinforced by modernism in relation to nature, since it not only rationalizes nature and tries to subdue it, but also erases the boundaries that preserved the image of nature, as a result of which the natural can disappear under the onslaught of technology.

Keywords: ecology, nature, human, earthly, Latour

For citation: Mednikova, A.A. (2023) The common world of the earthly in the context of the ecological turn. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 121–130. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/11

XX в. провозгласил экологический поворот: переход к постмодерну от модерна [1]. Переход совершался плавно и начался с лозунгов «жить в согласии с Природой» [2. С. 100]. Постмодерн критикует антропоцентризм христианства и воинственные начинания Беркли «подчинить природу», внутринаучное разделение, которое привело к различению наук о природе и наук о культуре. На смену приходит биоцентризм постмодерна: экологический императив выше и важнее моральных. Биоцентризм полагает, что нужно изменить отношения между человеком и окружающей средой. Человек экологический должен непрерывно склеивать природу и культуру, природу и общество, создавая целостную систему. Философская антропология как наука появляется в виде проектов [3–6], которые стараются срастить природу и культуру посредством человека. В итоге эти проекты концентрировались на настойчивом желании объяснить человека с помощью двух начал и подчеркнуть идею преодоления человеком природы, поскольку он занимает наивысшее положение в иерархии природного, в котором «выпадает» из этой иерархии, преодолевая границу. Культура, однако, объясняется как непротиворечивое продолжение природы двумя способами. Или культура является результатом постепенного развития природы (это положение отстаивал еще Кант [7]). Или культура понимается как видоспецифическая деятельность человека, одного из животных среди других.

Начало экологического поворота характеризуется глобалистикой и футурологией: попыткой выстроить математические модели развития общества и влияния общества на планету. Например, Римский клуб занимается демографическими проблемами, Моисеев разрабатывает концепцию «ядерной зимы», Циолковский создает модель человека-автотрофа, Чижевский изучает корреляцию между солнечной активностью и социально-историческими процессами Земли.

Постмодернизм прорастает интересом к природе и экологии, поскольку проникается апокалипсичной идеей «конца истории» вопреки прогрессивизму и «поиску нового» эпохи модерна. Джанни Ваттимо в книге «Конец модерна: нигилизм и герменевтика культуры постмодерна» пишет об этой черте постмодернизма: «Если бы это был просто вопрос осознания – или предположения – представления исторической новизны, составляющей новую, иную фигуру в феноменологии духа, тогда бы постмодерн позиционировался в линии собственно модерна, поскольку последний управляется категориями „новизны“ и „преодоления“. Все, однако, меняется, если мы видим в постмо-

дерне не что-то новое в сравнении с модерном, а упразднение самой категории нового, т.е. опыт „конца истории“, а не начало иного этапа собственно истории» (цит. по: [8. С. 113]).

Постмодерн не идет вперед и не заявляет о сильной фигуре человека. Наоборот, заявляется его немощь и ограниченность, зависимость от сущего и от природы в частности. На первый план выходит экзистенциал заботы о себе и других. Хайдеггер пишет: «В отношении к сущему, которое не есть сам человек, он уже застаёт сущее как нечто его обуславливающее и определяющее, господином которого он в принципе, при любой культуре и технике, не сможет стать никогда. Будучи зависимым от другого сущего, он одновременно является в принципе невластным над сущим, которое есть он сам» [9. С. 105]. В этих текстах уже случается переход: приходит понимание, что сам по себе человек не может стать господином, пока не расстанется с собственной бытийственностью.

Постмодернисты еще не знали о своей антропологичности. Об этом им позже поведают постгуманисты. Модель человека экологического эпохи постмодерна предполагала, что человек – это исключение из правила природы. Если раньше он пользовался правами, то теперь должен взять ответственность и обременить себя заботой о природе в ситуации экологического кризиса. На пьедестал наук всходит экология, все остальные ей подчинены и с ней соотносятся. Техногенные цивилизации должны отказаться от технического отношения к миру, поскольку это создает угрозу в первую очередь для самого человека: «замещение естественных элементов среды обитания человека искусственными ведет к необратимой деградации естественных элементов окружающей природы, которые являются жизненно важными для самого человека» [10. С. 4].

Постгуманисты выяснили, что постмодернисты не столь экологичны, как кажется: подвох в самой Природе, которая оказалась последним островком антропологичности, что, по мнению постгуманистов, совсем не экологично. Потому лишние слои лукавицы – природу – снимают как ненужную более шелуху. Постгуманизм является следующей ступенькой движения от модернизма к постмодернизму. Ф. Феррандо называет его «вторым поколением постмодернизма, которое ведет к окончательной деконструкции человека, осуществляемой благодаря теоретической ревизии „специзма“, т.е. привилегии некоторых видов перед другими» [8. С. 25].

Расширение человеческого

Вопросы экологии зависят от положения человека. Относительно него выстраивается два дискурса. Или она будет антропоцентричной, или «чистой». Латур пишет: «Вот уже лет сто кипят дебаты о том, требуют ли вопросы природы отказаться от антропоцентризма или, наоборот, человек должен оставаться стержнем нашего мировоззрения: можно подумать, что мы стоим перед выбором между двумя экологиями – более чистой и более „гуманистичной“. Очевидно, что не может быть никакой другой политики, кроме политики человечества и его блага! На самом деле под вопросом всегда было не назначение политики, а *форма и состав человечества*» [11. С. 147].

Постгуманизм не пытается явно избавиться от человека, но расширить наше понимание человеческого. Приобщить к человеческому остальных ак-

торов. У человека отбирают человечность, лишая его вообще какой-либо специфики. Человечностью надо делиться. Зачем? Чтобы в который раз переопределить понятия, а также поставить иные цели: для новых людей – новые требования.

Латур пишет: «Новый Климатический Режим заставляет подвергнуть пересмотру не центральное место, а его состав, характер присутствия, облик и, наконец, предназначение. Если все эти характеристики человека меняются, то меняются и его *интересы*... Сегодня ситуация меняется, так как климатический кризис вывел *обе стороны* – понятие причины и понятие человеческого – за их привычные пределы» [11. С. 148]. Путь чистой экологии – это не выбор между двумя центрами: или природа, или человек. Чистая экология – это экология без центра, где нет ни человека, ни природы. «...возможно, пришло время говорить не о людях, а о земных (Earthbound), заострив внимание на упорствующих в этимологии слова *humain*¹ корнях *humus*² и *compost*³ (слово „земное“ хорошо тем, что не отсылает ни к роду, ни к виду). Слово „Мы – земные среди земных“ и „Мы – люди в природе“ намечают *две очень разные политики*, вскормленные разной землей» [Там же. С. 148–149].

To modernize or to ecologize? That is the question⁴

Латур, подобно Гамлету, задается этим вопросом [12. С. 208]. Модернизация призвала к движению вперед, развитию, прогрессу и науке, приоритету разума, который разделяет факты и ценности. Модерн живет со своей темной стороной – предчувствием апокалипсиса и конца жизни людей и природы, подстегивая самих себя этими видениями. «Можно задаться вопросом о связи между преступлениями и катастрофами этого наконец завершившегося века с его суицидальной и апокалиптической концепцией. По правде говоря, люди модерна всегда хотели своей собственной гибели, уничтожения их собственного *oikos*. Они желают отнюдь не гибели природы, а своей собственной» [Там же. С. 319].

Постгуманизм преодолел эту идею: «У нашей истории нет конца. Конец истории – это стрела модерна, без нее он был невозможен. Ведь постепенное становление *космоса* не имеет конца. Поэтому политической экологии не стоит бояться Апокалипсиса: она возвращается домой, к *ойкосу*, к другим заурядным существам, к самому обыденному существованию» [Там же. С. 212]. Конец истории – антропологическая проблема. Латур не рассматривает вопрос о том, каким будет человек. В общем, это более не важно. На первый план выходит существование. Однако процесс реформирования запустила антропология: она призвала расширить свои границы. «Антропологическая наука выступила в качестве заведующего протоколом, чтобы научить людей модерна входить в контакт со всеми остальными» [Там же. С. 231]. Вместо работы с уже данными сущностями и утверждения одной-единственной природы и множества культур антропология, по мысли Латура, должна стать экспериментальной и мультинатуралистичной. Это значит учи-

¹ Человеческое, человек.

² Земля, почва.

³ Компост.

⁴ Модернизировать или экологизировать? Вот в чем вопрос.

тивать все голоса, особенно нелюдей. Как их учитывать? Это могут сделать ученые: например, машины разговаривают с нами на своем коде.

Постгуманизм отказывается от апокалиптичности. Это значит, что Смерть Бога и конец истории поставлены на удержание.

Экологический кризис: недостаток объективности

Экологический кризис эпохи постмодерна связывали с дисгармонией, нарушением баланса: «...цивилизация является тем мостиком, который соединяет искусственное и естественное, то, что от природы, и то, что от человека. Если такое соединение не сбалансировано, то возникают экологические проблемы» [10].

Экологический кризис, по версии Б. Латура, – это не вина технического отношения человека, а недостаточная объективность. Экологический кризис состоит в том, что мы разделили мир на 2 отделенных мира, или 2 комнаты, как выражается Б. Латур. Первая область – это чистая природа, которая является носителем истины, достичь которой пытается человек. Вторая область – область людей, политики, социума. Ученые перемещаются из одной комнаты в другую. Подобное восприятие мира приводит к созданию приглашенных объектов. Б. Латур, создавая политическую экологию, намерен нарушить такую конструкцию мира. Почему? Потому, что природа управляет и определяет социальную жизнь исподтишка и не может войти в полные владения, так как она не использует, а подавляет политику. А следует перейти к новому шагу: проводить политику природы, т.е. открыто заявить о своей позиции.

Латур считает, что экологический кризис – это кризис объективности. Дело не в каких-то определенных процессах или событиях, связанных с природой. «Как только мы переключим свое внимание на реальные экологические кризисы, то сразу поймем, что они предстают совсем не как кризисы, связанные с „природой“. Они, скорее, предстают в виде *кризисов объективности*, как если бы новые предметы, которые мы совместно производим, не умещались в прокрустово ложе двухпалатной политической системы, а традиционным „лысым объектам“ отныне противопоставлялись „лохматые“ или всклокоченные объекты, которыми активисты усыпают свой путь» [12. С. 29].

Что мешает экологии и объективности? Экологический кризис связан с чрезмерной субъективностью. Нужно выбирать или объективность (а значит, экологичность) или субъективность. Латур идет за объектами. Почему? Они оказались еще более интересными, чем полагал Аристотель. Объекты завораживают Латура: они оказались не такими, как мы считали, не «лысыми», как говорит Латур. Теперь эра «всклокоченных» объектов, т.е. таких, которые таинственны; они что-то прячут в карманах. Теперь эра рискованных соединений; этот мир не обжит, не привычен. Нам стоит его исследовать более тщательно и не надеяться на пощаду.

Что может помочь нам стать более объективными? Проект политической экологии Латура. Он пишет: «Мы считаем, что куда продуктивнее было бы рассматривать новый подъем политической экологии как то, что, напротив, *положит конец* господству инфернальной пары политики и природы, чтобы посредством множества инноваций, которые еще только предстоит внедрить, заменить ее на новое понятие общественной жизни в едином коллективе»

[12. С. 42]. Создание единого коллектива, общего мира – вот путь, предлагаемый Латуром.

Общий мир

Естественное теряет свои прерогативы. Больше никто не пытается спасти природу. Язык Латура, несмотря на его попытки отказаться от модернизма и антропоцентричности, указывает на разделение мира относительно человека (люди / нелюди), а также продолжение идеи воспроизводства природы как техники, поскольку природные объекты создаются и учреждаются решением коллектива. Наука должна соотноситься с потребностями остальных людей, а не предоставлять общественности созданные сущности. Следовательно, наука (и то, что некогда было природой) должна подчиниться выгодам социума.

Латур привлекает в свой лучший общий мир не только политиков и ученых, но и моралистов с экономистами. Последние нужны, чтобы рассчитать работу этого общего мира. Расчет предполагает, что заранее все участники определены, а человек рассчитан как машина, так же как и остальные существа.

Латур выстраивает философию общего мира, но не плюрализма. Плюрализмом защищались от тоталитаризма. Но плюрализм – значит обман, по мнению Латура: я делаю вид, но знаю, что твоей реальности не существует. Латур стремится унифицировать реальность. Общий мир должен по возможности учесть различные установки, а лишние отбросить. «Обращаясь к плюралистической демократии, хотели избежать тоталитаризма в единственной и наспех описанной вселенной, которая при этом не оставляла времени для развертывания различных миров и не предлагала общему миру средств для объединения. Почему плюрализмом называется лицемерное уважение к убеждениям, которым мы отказываем в реальности?» [12. С. 201].

Прежняя система предполагала, что природа уже существует, а люди занимаются выстраиванием социального мира, который держится не на материале, но на мнениях. Латур настаивает на том, что общий мир – это результат создания общего дома, где нет ничего предзаданного, в том числе и природы. Экологичность подразумевает создание общего дома для людей и нелюдей. Внимание смещается: фокус теперь не на идеях, мыслях, эмоциях или мнениях, а создании цивилизации, пространства сожительства друг с другом. Латур предлагает нам сегодня начать обживать Землю. Но как поступить, если она давно уже обжита, по крайней мере в Европе, Америке и отчасти в Азии?

Коллектив: путь к власти

Латур продолжает биологизм Ницше. Обживать территорию снова – значит проявлять волю к власти, волю по захвату сущего. Как по-новому осуществлять этот захват? Посредством химеричности коллектива.

Латур предлагает следующее разделение мира. Есть вещи, которые мы используем, – это коллектив. Есть вещи, которые мы не используем, – это окружающая среда. Нет никаких запретов на переход: если будет нужно, внешние вещи мы одомашним, т.е. впишем в коллектив. Что делает Латур? Дает возможность использовать ради цели или интереса то, что вошло в коллектив, т.е. людей и нелюдей. Коллектив фиксирует участие, а не добровольное согласие. Свобода, по мнению Латура, – результат существования кол-

лектива: «...перед нами откроется совершенно новый аспект человечности и, вместо того чтобы существовать отдельно, люди смогут использовать целую сеть нелюдей, без которых о свободе не может быть и речи» [12. С. 62]. Коллектив нужен сегодня человеку, поскольку только в соединении с вещами он может получить полную власть. Латур предлагает создать химеру: «люди и нелюди, если они больше не находятся в состоянии гражданской войны, могут изменить свои свойства и послужить материалом для создания коллектива» [Там же. С. 80]. Власть требует химеричности от человека, слияния с более сильными, с более властными – с вещами. Стремление к власти принуждает человека соединяться с сущим, совершенствуя собственную биологическую силу.

Если цель – создание единого коллектива, то Латуру приходится отказаться от того, что только человек соотносится со свободой, а мир детерминирован. Латур пишет: «Если мы хотим, чтобы коллектив мог собраться, то достаточно отделить понятие внешней реальности от понятия непреложной необходимости, чтобы равномерно распределять власть между всеми „гражданами“, являются ли они людьми или нелюдьми. Поэтому для нас понятие внешней реальности будет ассоциироваться скорее с *неожиданностью и событием*, чем с „наличным бытием“ военной традиции, неоспоримым присутствием *matters of fact*» [Там же. С. 99–100]. Латур распыляет свободу на вещи, ассоциируя это понятие с неожиданностью. Вещи не подчиняются полностью законам, мир не часовой механизм. Возможны разные варианты развития событий. Свобода, как и речь, становится особенностью мира вообще. Человек – один из носителей, интериоризирующих эти способности.

Латур совершает подмену. Выстраиванием отношений он называет физические контакты, но отношения базируются на чувстве, на эмоции, на мысли, на видении. Отношения между объектами – это не отношения. Невозможно создать общество из людей и нелюдей, поскольку общество – это не совокупность тел в пространстве, а единение во времени.

Демократия – форма власти

Демократия и погоня за общим миром вынуждают создавать коллектив: «...если мы хотим в оставшейся части этой книги наметить контуры новых демократических учреждений, то, начиная с этого момента, мы должны иметь в своем распоряжении множество ассоциаций людей и нелюдей, при том что их *собрание* как раз и является задачей коллектива» [Там же. С. 52]. Демократия сегодня распространяет свое влияние на науку, т.е. учитывает голоса нелюдей. Как осуществляется демократия с вещами? Подобно тому, как от лица народа говорит политик, от лица вещей выступает официальный представитель – ученый. Но этого недостаточно. Политическая экология стремится к тому, чтобы дать голос вещам. Латур говорит, повторяя за Серром, как можно это сделать: «На самом деле Земля разговаривает с нами в понятиях сил, отношений и взаимодействий, и этого достаточно, чтобы составить договор» [Там же. С. 298].

Возрождение природы: договор – основа демократии

Несмотря на такой явный призыв отказаться от природы, получается обратное. Мы все больше и больше приковываем свое внимание к ней. Серр,

например, пишет, что только теперь природа является нам, тогда как раньше людей интересовали социальные и политические процессы, вращающиеся вокруг человека. «Наша культура ненавидит окружающий мир. А ведь здесь – топь поглощает дерущихся; там – драчуну угрожает река: земля, воды и климат, этот немой мир, безмолвные вещи, когда-либо помещенные там в качестве декорации обычных представлений, все то, что никогда и никого не интересовало, вдруг, безо всякого предупреждения, встает на пути наших темных делишек. И тогда в нашей культуре, которая всегда рождала лишь локальные, неясные и довольно поверхностные идеи, возникает природа. В давние времена локальная – та река или то болото, а теперь глобальная – вся планета Земля» [13. С. 30].

История больше не заключена в локальной борьбе между субъектами. Теперь найден новый враг. Нечто неуловимое, неизвестное и ужасное – экологические катастрофы – грозящее исчезновением враждующим сторонам. Человеческий мир преломился перед природой. «Неужели история останавливает свой бег, завидев природу? Вот так Земля стала нашим общим врагом» [Там же. С. 42]. Поскольку история состоит из войн, т.е. узаконенного договором насилия, Серр предлагает создать договор с природой, т.е. начать регулировать насилие, оказываемое человеком по отношению к природе.

Что происходит с природой и человеком? С одной стороны, природа – новый враг. С другой – природа и человек перестают быть разъединенными величинами, проникаясь друг другом. История больше не прерогатива человека. Историю имеют океан, касатка, грибы и дождевой червь. Природа, в свою очередь, перестает быть тождественной себе, претерпевая влияние исторических событий, постоянно трансформируясь. Они не являются больше двумя соперниками. Как пишет Серр, «глобальная история проникает в природу, а глобальная природа проникает в историю – и для философии это что-то доселе невиданное» [Там же. С. 33].

Проникновение в философию природы означает, что базовым понятием становится «жизнь» – общая цель для всех земных существ. Латур пишет: «Возможно, пришла пора отказаться от слова „экология“, сохранив его лишь для обозначения научной сферы. В реальности же важны лишь вопросы мест для жизни в согласии или конфликте с другими земными, имеющими те же цели, что и мы. Для обозначения этих мест для жизни должно подойти прилагательное политическое, с учетом расширения смысла термина полис, который долгое время понимался слишком узко» [Там же. С. 154]. Полис объединяет всех земных, для которых основанием общности является территория. Какова цель всех земных? Жизнь, продолжение рода, порождение, а не производство. Философия экологичной жизни, в свою очередь, следует за делезианством, аккумулировавшим философию Спинозы и Ницше.

Заключение

Экологический поворот оказался возвращением к модерну, его «мягкой версией». Кратковременные идеи постмодерна: забота о природе и ее сохранение, отказ от научности – были оставлены. Постгуманизм пахнет модернизмом, возвращаясь к фигуре ученого, к природе и изучению видов, а также абсолютным равнодушием к субъективности человека. Кроме того, если мо-

дери не осознавал пагубности своего насилия, то постгуманизм решил стать откровенным убийцей в отношении природы.

Список источников

1. Моисеева Н.А., Сороковикова В.И. Экологический поворот в системе научного знания // Право и практика. 2019. С. 263–267.
2. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М. : Языки русской культуры, 2000. 224 с.
3. Кассирер Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры // Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. М. : Прогресс, 1988. С. 3–30.
4. Шелер М. Положение человека в Космосе // Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. М. : Прогресс, 1988. С. 31–95.
5. Плеснер Х. Ступени органического и человек // Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. М. : Прогресс, 1988. С. 96–151.
6. Гелен А. О систематике антропологии // Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. М. : Прогресс, 1988. С. 152–201.
7. Кант И. Идея истории во всемирно-гражданском плане // Сочинения : в 6 т. М. : Мысль, 1966. Т. 6. С. 5–25.
8. Феррандо Ф. Философский постгуманизм / пер. с англ. Д. Кралечкина. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 360 с.
9. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / пер. с нем. О.В. Никифорова. М. : Логос, 1997. 176 с.
10. Гиренок Ф.И. Экология. Цивилизация. Ноосфера. М. : Наука, 1987. 184 с.
11. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. А. Шестакова. СПб. : Изд-во Европейского университета в СПб., 2019. 202 с.
12. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / пер. Е. Блинова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
13. Сепп М. Договор с природой / пер. с англ. С.Б. Рындина. СПб. : Изд-во Европейского университета в СПб., 2022. 222 с.

References

1. Moiseeva, N.A. & Sorokovikova, V.I. (2019) *Ekologicheskii povorot v sisteme nauchnogo znaniya* [Ecological turn in the system of scientific knowledge]. *Pravo i praktika*. 1. pp. 263–267
2. Moiseev, N.N. (2000) *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The Fate of Civilization. The Path of the Mind]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
3. Cassirer, E. (1988) *Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury* [An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. Moscow: Progress.
4. Sheler, M. (1988) *Polozhenie cheloveka v Kosmose* [The position of man in space]. In: Cassirer, E. (ed.) *Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury* [An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. Moscow: Progress. pp. 31–95.
5. Plesner, H. (1988) *Stupeni organicheskogo i chelovek* [Levels of Organic Life and the Human]. In: Cassirer, E. (ed.) *Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury* [An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. Moscow: Progress. pp. 96–151.
6. Gelen, A. (1988) *O sistematike antropologii* [About the systematics of anthropology]. In: Cassirer, E. (ed.) *Opyt o cheloveke: vvedenie v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury* [An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture]. Moscow: Progress. pp. 152–201.
7. Kant, I. (1966) *Sochineniya* [Works]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Mysl'.
8. Ferrando, F. (2022) *Filosofskiy postgumanizm* [Philosophical Posthumanism]. Translated from English by D. Kralechkin. Moscow: HSE.
9. Heidegger, M. (1997) *Kant i problema metafiziki* [Kant and the Problem of Metaphysics]. Translated from German by O.V. Nikiforov. Moscow: Logos.
10. Girenok, F.I. (1987) *Ekologiya. Tsivilizatsiya. Noosfera* [Ecology. Civilization. Noosphere]. Moscow: Nauka.
11. Latour, B. (2019) *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientatsii* [Where to land? Experience of Political Orientation] Translated from French by A. Shestakov. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.

12. Latour, B. (2018) *Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of nature. How to instill democracy in the sciences]. Translated from French by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem.

13. Serres, M. (2022) *Dogovor s prirodoy* [Contract with Nature]. Translated from English by S.B. Ryndina. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.

Сведения об авторе:

Медникова А.А. – аспирант, младший научный сотрудник кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: adjika.anna@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Mednikova A.A. – postgraduate student, junior research fellow, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: adjika.anna@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.11.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 02.11.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 7.011.4

doi: 10.17223/1998863X/73/12

ИСКУССТВО КАК ПРОИЗВОДСТВО ЖИЗНИ

Екатерина Васильевна Старикова

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия, katstr00@gmail.com

Аннотация. Статья предлагает исследовать идеи производственного искусства 1920-х как основополагающие в споре о соотношении искусства и жизни. Оспаривается тезис о том, что искусству следует мыслить себя изолированно от жизни, социальных отношений или политики и пребывать автономно. Предлагается вслед за идеологами Пролеткульта говорить об искусстве как о социальной инженерии и утилитаристских проектах. Социальные теории русского авангарда – идеи Б. Арватова и С. Третьякова – оказываются ресурсом для современных социальных теорий.

Ключевые слова: производственное искусство, автономия искусства, Б. Арватов, Н. Третьяков, социология искусства

Для цитирования: Старикова Е.В. Искусство как производство жизни // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 131–140. doi: 10.17223/1998863X/73/12

Original article

ART AS THE PRODUCTION OF LIFE

Ekaterina V. Starikova

University of Tyumen, Tyumen, Russia, katstr00@gmail.com

Abstract. The construction of the social is one of the main themes of the figures of the Russian avant-garde of the 1920s. Boris Arvatov, in his articles on Productivist art, speaks of the chaos of the social, which must be overcome through total engineering. Arvatov shows that in a chaotic society even creativity turns out to be a false trick – the bourgeois artist is doomed to reproduce the aesthetics of bourgeois culture based on inequality and exploitation. The artist, according to Arvatov, must be an engineer of the social, must overcome the framework of bourgeois aesthetics. Sergei Tretyakov speaks of the need for a utilitarian transformation: social utilitarianism instead of aesthetics of the social. The social requires total organization, which is possible through involvement in the collective practices of social construction. Hence the critique of individualism as a unit derived from bourgeois culture. Social construction requires not private strategies of evasion and emancipation, but collective practices of interdependence. Art should cease to think of its trajectory as autonomous from the political and the social. The artist can be a political actor.

Keywords: Productivist art, autonomy of art, Boris Arvatov, Sergei Tretyakov, sociology of art

For citation: Starikova, E.V. (2023) Art as the production of life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 131–140. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/12

Мы все больше занимаемся искусством, и все меньше – политикой и социальной сферой. Вернее, то, чем мы занимаемся, мы охотнее называем искусством, чем политикой. Даже политическое искусство – все еще искусство,

а не политика. Причем если такое искусство критикуют, то не по причине его недостаточного политического влияния, но по причине того, что оно «заигрывает» с повесткой, а не стремится лаконично присутствовать в своей автономности.

Уход от жизни, от политики – очень популярная модель самоидентификации в современном обществе. Так возникает, например, фигура художника, который, столкнувшись с социальным насилием, исключает себя из социального. Искусство становится прибежищем исключенных, параллельной реальностью, не связанной с жизнью. Недаром одно из требований, предъявляемых к искусству, состоит в том, чтобы оно было значимым само по себе и вневременным. Но эта исключенность и независимость вынужденная и иллюзорная, поскольку жизнь представляет собой скорее клубок переплетенных нитей множества жизней, чем автономные и индивидуализированные треки. Насилие, столкнувшись с которым, мы прячемся в скорлупу или раковину мнимой автономии, никуда не исчезает и продолжает оказывать свое разрушительное действие на общество. Именно поэтому важным становится как разговор о социальном насилии, так и активное участие в социальной жизни и в политике.

Может ли искусство осознанно влиять на изменение условий жизни, а художник – быть инженером социального? Может ли искусство быть не просто политическим, но самой политикой как формой управления жизнью?

Осмыслением художественных практик в их преломлении к практикам социальным и политическим занимались деятели авангарда в 1920-е гг. Очень подробно об этом пишет Борис Арватов в своих статьях, посвященных производственному искусству.

Арватов – искусствовед, один из идеологов ЛЕФа, социолог искусства. 1920-е гг. очень мало подсвечены в истории и социологии искусства; кроме того, исследователи склонны произвольно объединять всех авторов этого периода как представителей «раннесоветского авангарда» [1. С. 151]. Как отмечает Игорь Чубаров, при этом недостаточно внимания уделяется авторам как участникам «широкого художественно-политического движения, занимавшегося созданием материальной и духовной культуры в небывалых для истории искусства масштабах новой Советской страны» [Там же].

Мы знаем про русский авангард, но затрудняемся назвать его основных акторов. Арватова как искусствоведа и идеолога производственного искусства искусствоведы или едва знают, или некритично используют готовые интерпретации предшественников. «В постсоветском искусствознании термин „вульгарная социология“ регулярно используется в отношении любой советской социологии искусства» [2]. Согласно исследовательнице Александре Новоженовой, это приводит к искусственной неразличности, идеологическому объединению всех разнообразных авторов и практик советской социологии искусства 1920-х гг. Несмотря на принципиальную коллективность практик этого периода, нельзя не выделять различные подходы и течения. Стоит также отметить, что сам термин «вульгарная социология» говорит нам о том, насколько недооцененной является социальная сфера и насколько переоцененной – сфера искусства.

Производственное искусство не вписывается в идеологемы традиционного понимания искусства как пространства эстетического и индивидуально-

го творчества. Этим оно и ценно для нас сегодня – критикой буржуазной эстетики и проактивной заботой о коллективных социальных практиках жизнестроительства. В этом смысле с точки зрения искусствознания это маргинальная форма искусства. Однако недостаточно определять производственников как маргиналов художественного творчества. Производственное искусство подсвечивает классовый характер буржуазного искусства, его обусловленность социальным неравенством и эксплуатацией, производящими художника-затворника, не участвующего в жизни общества. Искусство в буржуазной культуре – процесс параллельный жизни и политике, это замкнутый на самом себе мир художника-одиночки, не способного социализироваться.

Однако искусство и жизнь – это не противопоставленные друг другу процессы. Искусство – это часть жизни, и как часть жизни оно должно сознательно влиять на жизнь и изменять ее. Это и должно быть задачей художника – влиять на выстраивание жизни. Арватов критикует буржуазную культуру, в которой художник выдвинут на «задворки» жизни – он не может активно и сознательно участвовать в ее изменении. Ему достается участь непризнанного гения, «странного» творческого человека, который «из себя самого» производит гениальные идеи. С точки зрения Арватова, так быть не должно: художник должен быть инженером социального и влиять на то, как его выстраивать.

Буржуазное искусство, понимаемое через эстетику, существует в обществе, где есть неравенство. Искусство как эстетика способно лишь лакировать буржуазную культуру, создавать оазисы творчества. Но это нормализация неравенства и формирование ложных оппозиций, например между творческим трудом и производством, искусством и жизнью. Мы склонны понимать под искусством эстетизирующую деятельность, дистанцированную от жизни. Вместо этого определения Арватов предлагает говорить об искусстве как о коллективном творчестве, возможном только в новом, организованном обществе, освобожденном от традиционных отношений господства. Эта революция в художественном творчестве, выводящая искусство из тупика станковизма, стала возможной вследствие Октябрьской революции, отменяющей прежние настройки общества. Причем революция в искусстве совершается не ради искусства, но ради жизнестроительства, в котором художники теперь могут принять участие. «Для левых вхождение искусства в производство есть средство не спасения искусства, не эстетизации вещей, а улучшения самого производства» [3. С. 118]. Тогда искусство, с точки зрения Арватова, становится современным – индустриальным и урбанистическим. Художник становится современным, не отвергая техническое как «убивающее» творчество, но используя технику, становясь технологом жизненных процессов. Так возникает «органическая» связь искусства с производством – искусство растворяется в жизни, из искусственного становится органическим. Чистое искусство на такое не способно.

Для того чтобы творчество стало возможным, нужна правильная социальная и политическая организация общества, нужна эгалитарность, а не элитарность, коллективные, а не аскетические практики.

Буржуазную эстетику Арватов называет классовой с ее канонами красоты как набора привилегированных форм и материалов. Принимая этот канон,

художник вступает в абьюзивные отношения как с заказчиком, так и с формой и материалами. «...художественное производство руководилось теперь не социально-техническими задачами, а задачами социально-идеологическими» [3. С. 40].

Эти нездоровые отношения с вещами, извращения, которые отменяют саму вещьность вещи и превращают ее в объект, «спрятанный под стеклом» [Там же. С. 41], приятный только глазу маньяка. «Появляется мебель, на которую нельзя удобно сесть без риска сломать ее; костюм, который мешает двигаться; пол, по которому неприятно ходить...» [Там же. С. 42]. «...быт свелся к этикету, к парадному церемониалу, – это была форма ради формы, роскошь ради роскоши, голое зрительное наслаждение, своего рода эстетический разврат» [Там же. С. 46]. «Искусство стало сплошным издевательством над смыслом и целью производства» [Там же. С. 51].

Вопросы строительства быта волнуют Арватова особым образом – для него организация пролетарского быта идет в связке с эволюцией производства и созданием новой культуры. Нормализация быта означает его организацию: «...если художники перестанут украшать или изображать быт, и – начнут его строить» [Там же. С. 147]. Становление пролетарской культуры возможно не через идеологизмы, но через возвращение вещи ее вещественности, т.е. через эволюцию материальной культуры. Человек здесь формируется не только идеологически, но и материально, через эволюцию быта и существование как управление вещами. Культура материальна, настаивает Арватов, во всяком случае именно такой ей следует быть осознанно, в этом путь к пролетарской культуре, преодолевающей разрыв между людьми и вещами. Для Арватова вещи обладают своей агентностью, это не пассивная материальность: «Вещь стала чем-то действующим, активным, сотруднически связанным с человеческой практикой» [4. С. 81].

Так осуществляется переход от вещного идеализма к социальной значимости вещи, от маркера статуса и роскоши – к утилитаризму. Происходит своего рода освобождение вещей от их вынужденной изоляции и от буржуазного извращенного потребления, вещи возвращается ее агентность, быт эволюционирует через активность вещи.

Эволюция быта означает также то, что он перестает быть частным и становится общественным. «Отопление, освещение, канализация, архитектурное строительство» [Там же. С. 80] – все это уже не частные вопросы и проблемы отдельного индивида, которые он всегда был вынужден решать ограниченно, своими ресурсами. Иными словами, быт эволюционирует, минимизируясь и устраняясь. В идеале все бытовые вопросы нужно решить общественным способом и общественным масштабом и ресурсами. Именно поэтому быт не статичен и не законсервирован, вернее, таким он не может быть в пролетарской культуре. Быт подвижен, изменчив, что в конечном итоге должно способствовать его преодолению как индивидуальной проблемы.

Искусство ради искусства, как «бред сумасшедшего», – нет необходимости в чистом искусстве в обществе, где у художника есть доступ к социальному конструированию, участию в жизни. Арватов не возлагает всю вину на художника, он показывает, что в неорганизованном обществе мы не способны заниматься художественным творчеством. Поэтому то замещающее, суррогатное творчество, которым занимается художник в стихийно и хаотично

сформированной буржуазной культуре, – это вынужденный шаг, к которому его подталкивает социальное, не давая при этом возможности социализации.

Это важный момент – люди есть социальные существа, но находиться в обществе не означает одновременно социализироваться. Иными словами, если общество не создает инфраструктуру для социализации, это означает, что общество иерархизировано и архаизировано, в нем не заложены возможности для развития. Поэтому индивидуальные траектории возможны только как отклоняющиеся от социального насилия. В то время как инфраструктура должна минимизировать это насилие, а не требовать выполнить то же, но ресурсами самого индивида.

Речь не о политическом искусстве – здесь все еще искусство стоит в стороне от политики, даже называя себя политическим. Искусство появляется и исчезает только в связке с политикой и жизнью. Искусство, существующее само по себе, чистое искусство, нежизнеспособно. Жизнеспособное искусство, согласно Арватову, органично сливается с жизнью и тем самым живет. Искусство растворяется в жизни в прямом смысле – оно исчезает как искусство. У него нет никакой особой роли вне решения конкретных жизненных проблем.

Художник – это практик революции производства и быта. Это человек революции в том смысле, что он выбирает не стихийность готового мира, но строительство нового. Художник как инженер революции, оформитель нового видения.

Искусствоведы привычно возвеличивают художников, изучая их биографию и творческое становление. Арватов предлагает изучать в художественных институциях не биографии художников, но художественные приемы. Тогда становится возможно чему-то научить в отсутствие пиетета перед гениями. Одно дело изучать творчество гениев, до которых не дотянуться, другое дело – экстрактировать приемы художественной работы конкретного художника и научить с ними работать в художественных институциях нового типа. Уважение остается, пиетет уходит. Появляется возможность обучаться и обучать – когда появляются художественные приемы и коллективы художников в пику художнику-одиночке. В пику критикуемого Арватовым индивидуализма появляется коллективное творчество, тем самым уходит также проблема непризнанности художника, поскольку он не замыкается в своем изолированном мире творчества, но производит творчество совместно с другими. Теперь у него есть ресурсы и доступ к средствам изменения реальности. Он уже не противопоставляет себя жизни и не исключает свое творчество из нее. Напротив, теперь его творчество является частью сознательного проектирования и строительства жизни.

Речь идет о целой организационной культуре. Жизнь не организована, стихийна и сложилась спонтанным образом. В этом смысле мы не знаем, как жить правильно, то, как мы живем, – это неправильная жизнь. Но увидеть это можно только изнутри тектонических сдвигов культуры, смены парадигмы, матрицы, пересборки социального, появления новых акторов, включения их в число новых акторов. Нужно пересобрать жизнь заново, и здесь любые мелочи достойны того, чтобы их исправлять и улучшать. Как раз то, что мы считаем неким естественным положением дел, тем, что не требует особого внимания, – как раз на это нужно обращать свое внимание и смотреть, что в этом не так. «Каждый

человек должен уметь квалифицированно ходить, говорить, устраивать вокруг себя мир вещей с их качественными свойствами» [З. С. 140]. Задача – организовать повседневную жизнь в мелочах и максимально заменить ее сознательной художественной организацией. Это позволит художественно проектировать социальное, совмещая эти две кажущиеся разъединенными сферы.

В буржуазной культуре такой художник невозможен, поскольку у него нет доступа к инфраструктуре. Он может быть только одиночкой, уклоняющейся от насилия индивидуально, без доступа к коллективным решениям обеспечения безопасности.

Развитие общества связано с техническим прогрессом: «...всякий формальный прогресс есть функция от прогресса технического» [Там же. С. 49], – поэтому в критике технического как разрушительного для творчества Арватов видит непонимание того, что разрушительным для творчества является не сама машина, а «ее капиталистическое использование» [Там же. С. 31].

1920-е гг. – это научная организация труда, идеи Тейлора и Форда приходят в молодое советское государство, где они переосмысливаются критически. Арватов также говорит о научной организации художественного труда в художественных политехникумах, где будет совершенно иной подход к педагогике. Предлагая организовать художественный труд научным образом, Арватов не соблазняется рационализацией и экономизацией как новым фетишем. Также научная организация художественного труда не означает привязки художника к работе исключительно на заводе.

Те формы, через которые оказывается возможным буржуазное искусство, например станковая живопись, становятся для Арватова предметом критики. В новом современном, технически обеспеченном искусстве нет места станковизму с его рамочностью буржуазной эстетики; «не даром она нуждается в рамке!» [Там же. С. 87] – подмечает Арватов за станковой картиной, изолированной от реальной жизни. Музеи и галереи – это как «усыпальницы» искусства, где концентрируются тени, иллюзии и суррогаты. Станковизм, согласно Арватову, никак не может быть пролетарским искусством, это производная форма буржуазного общества. «Станковая картина могла выжить только в таком обществе, в котором никакое организованное творчество внутри жизни было невозможно» [Там же. С. 90]. Основная проблема со станковой живописью кроется в ее крайнем индивидуализме, это не коллективное творчество, не большие производственные задачи, не амбициозные проекты, связанные с перестройкой социума, это не политика. Все, на что способна станковая картина, – проявление личности художника. Но это весьма спорная форма презентации. Более того, сами по себе мы ничего собой не представляем, чтобы стать чем-то, нужно коллаборировать. Станковому художнику незачем коллаборировать, если он понимает искусство индивидуалистически. Но это не искусство, а скорее арт-терапия и досуг. Отсюда требование нового, современного, пролетарского искусства. Искусство не должно уходить от жизни, чтобы не приходилось заниматься компенсаторной деятельностью – арт-практиками, замещающими участие в реальной жизни и в политике. В итоге жизнеспособно только коллективное творчество, индивидуальная форма нежизнеспособна.

Арватову удастся показать, что в хаотичном и извращенном обществе человека не спасает даже творчество. Само творчество становится извраще-

нием, производным от общественных настроек. Индивидуальный трек не освобождает, но дает иллюзию освобождения в «чистом искусстве», вне политики. Эскапизм оказывается идеологической ловушкой, препятствующей нашему активному участию в политике, главная цель которой – создавать инфраструктуру, блокирующую насилие и тем самым производить социальным образом этического индивида. Отсюда становится понятна недостаточность любого частичного решения, например, проблема экономизма в том, что мы не можем решить вопрос насилия и эксплуатации, выдвигая только экономические требования: повышение оплаты труда, учет неучтенного труда, социальные пособия. Все это лишь частичные и частные решения проблемы, возможно, облегчающие жизнь конкретных индивидов, но не решающие саму проблему. Экономизм, как и станковизм, – все это производные буржуазной культуры, которые в конечном итоге ее легитимируют, при этом создавая видимость нон-конформизма как ухода от жизни и от политики.

Сергей Третьяков – поэт, деятель ЛЕФа, основатель фактографии как включенной документалистики, как и Арватов, призывает активно участвовать в строительстве и производстве жизни. Это жизнестроительство, согласно Третьякову, возможно исключительно с опорой на технический прогресс и медиа-революцию. Октябрьская революция производит революционность жизни в целом – революция в медиа также одно из ее следствий. Медиа-революция создает условия для нового искусства, технологизированного и социально ориентированного. У Третьякова, как и у Арватова, есть понимание того, что любой прогресс неотделим от технического прогресса. В этом смысле создавать прогрессивное общество возможно только на технической основе. Страх перед техникой был неведом деятелям авангарда, наоборот, с ней были связаны основные надежды на новый человеко-мерный мир. Этот новый мир возможен через новую производственную оптику, которая заменит потребительскую оптику старого мира. «На потребительском восприятии мира основано все старое искусство» [5. С. 20]. Вместо потребления жизни Третьяков предлагает активную включенность в ее организацию.

Включенность возможна через коллективные практики – так, Третьяков критикует навязываемый литературой индивидуализм. Индивидуализм героя-одиночки должен быть преодолен, «бумажный» человек литературы, погруженный в свои переживания, должен уступить место живому человеку, включенному в общественные отношения. Отсюда перенос интереса с самого человека к вещи – Третьяков пишет «Биографию вещи» [6] как возможность переключиться с психологизма и индивидуализма на социальные взаимодействия. «Вместо того чтобы пропускать все события и явления через психику одного героя, сводя, таким образом, многообразие всех социальных действий к одному субъективному взгляду, целью антиBildungsroman'a Третьякова стала попытка радикально популистского жеста, нацеленного на документализацию коллектива через отслеживание круговорота вещей в социальном теле более объемных масштабов» [7].

Третьяков предлагает утилизировать эстетическое – подчинить жизнь принципу утилитарности. Так, говоря о праздновании десятилетия Октября, Третьяков отменяет чисто эстетическую сторону празднования. «Принцип утилитарности заключается в том, чтобы украшательский прием, рассчитанный исключительно на день праздника, по возможности, заменить приемом

утилитарным и несколько более долговечным» [8]. Вместо эстетизации и лакировки жизни в праздники он предлагает трудовые состязания, демонстрацию новых форм производства, медийное сопровождение и погружение в праздничную атмосферу. Так достигается эффект вовлеченности и активности вместо пассивного наблюдения эстетического. Жизнь возможно строить, а не только эстетски и отстраненно наблюдать.

Производственное искусство гораздо ближе к производству, чем к искусству, как существующему автономно и самодостаточно. Заслуга деятелей авангарда в том, что они показывают иллюзорность любой автономии. Автономность вводит в заблуждение своей кажущейся самодостаточностью. Но искусство и политика вовсе не взаимоисключающие вещи. «Искусство обладает собственным политическим измерением и имманентными критериями «художественности», которые не являются ни чисто эстетическими, ни узкополитическими. Ибо они происходят не из политического дискурса, и вообще не из дискурса, а следуют из политических задач искусства как социального опыта труда, эксплуатации и насилия, которому в той или иной мере, по факту жизни в обществе оказывается причастен любой художник» [1. С. 62]. Этот факт жизни в обществе оказывается единственным значимым фактом. Какие факты – такая и фактография: мы причастны к общественной жизни в любом случае. Ни искусство, ни политика не являются автономными сферами. Однако почему сознательно мы стремимся только к аутсайдерству и маргинальности, а не к продуманной общественной жизни? Искусство – это часть жизни, а значит, художнику следует сознательно участвовать в жизнестроительстве и производстве социального.

Французская исследовательница Катрин Малабу – вполне в духе производственников – говорит о сознании мозга как о его сознательном производстве [9]. Открытие в нейробиологии пластичности мозга оказывается политически востребованным. Пластичность амбивалентна: это и социальная адаптивность, и сопротивление социальному, «взрыв». Согласно Малабу, мы не только адаптируемся к социальным условиям, но и способны изменять эти условия: нельзя приспосабливаться к чему угодно. Именно в этом состоит подлинная пластичность: не только производство мозга, но и производство социального.

При этом социальное требует от нас не пластичности с ее двойственностью, но лишь гибкости – как возможности встраиваться, а не строить. Стоит отметить, что даже встраиваясь, мы не перестаем быть маргиналами: общество не дает нам возможности встроиться безболезненно, оно нас отторгает. Отсюда ощущение прекарности как невозможности встроиться и перестать быть исключенными – говоря словами Малабу, мы настолько гибки, что можем встроиться, не встраиваясь. По-настоящему встроиться в социальное можно только перестраивая его. По сути, Малабу предлагает быть политически ответственными, а не политически исключенными.

Вслед за производственным искусством мы хотим актуализировать необходимость жизнестроительства, участия в социальном и политическом. Мы не можем заниматься только частными, индивидуальными проектами и частной эмансипацией. Наше нежелание участвовать в политике, наша независимость от государства – это производные от буржуазной культуры, производящей индивидов как маргиналов. Мы хотели бы, но никак не можем

социализироваться. Поэтому мы делаем вид, что нам это и не нужно. Как бы мы себя не называли – свободными художниками, независимыми исследователями, нонконформистами – мы все не свободны, мы зависимы. В этом смысле нам вообще не стоит эмансипироваться от других, но, напротив, солидаризироваться с ними, объединяться – например, откликнуться на предложение Бруно Латура [10] и обнаружить себя в отношениях зависимости. Латур противопоставляет систему производства с ее экономизацией, индивидуализмом и идеологизированной свободой системе порождения с ее сложными сетями зависимостей и конфликтов. Строительство социального возможно не как простая иерархическая схема, но как серии практик и сложные взаимодействия.

Отсюда задача современного искусства, которую необходимо актуализировать в настоящем, вдохновившись призывом апологетов производственного искусства, – производить жизнь художественным образом, но не ради искусства, а ради самой жизни. Искусство сейчас способно помочь сформулировать новую парадигму жизнестроительства не через нарративы прогресса или экспансии, но через указание на прекарность всех живых существ, на шаткость самой жизни и необходимость ее совместного конструирования. Таким образом, искусство и оказывается в связке с политикой – как с заботливым управлением жизнью.

Список источников

1. Чубаров И.М. Коллективная чувственность: теории и практики левого авангарда. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 344 с.
2. Новоженова А. От социологического детерминизма к классовому идеалу. Советская социология искусства 1920-х годов. URL: <https://socofpower.ranepa.ru/upload/iblock/936/07%20-%20%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (дата обращения: 10.10.2022).
3. Арватов Б. Искусство и производство : сб. статей. М. : V-A-C press, 2018. 184 с.
4. Арватов Б. Быт и культура вещи // Альманах пролеткульта. М., 1925. С. 75–82.
5. Третьяков С. Сквозь непротертые очки // Новый ЛЕФ. М., 1928. С. 20–24.
6. Третьяков С. Биография вещи. URL: <https://lit.wikireading.ru/30455> (дата обращения: 19.11.2022).
7. Фор Д. Третьяков: факт. URL: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/dfore/files/fore_tretiakov_fakt.pdf (дата обращения: 24.12.2022).
8. Третьяков С. Как десятилетить. URL: <https://www.ruthenia.ru/sovlit/j/3237.html> (дата обращения: 20.11.2022).
9. Малабу К. Что нам делать с нашим мозгом? М. : V-A-C Press, 2019. 112 с.
10. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации. СПб. : Изд-во Европейского университета в СПб., 2019. 202 с.

References

1. Chubarov, I.M. (2014) *Kollektivnaya chuvstvennost': teorii i praktiki levogo avangarda* [Collective Sensuality: Theories and Practices of the Left Vanguard]. Moscow: HSE.
2. Novozhenova, A. (2014) *Ot sotsiologicheskogo determinizma k klassovomu idealu*. Sovetskaya sotsiologiya iskusstva 1920-kh godov [From sociological determinism to the class ideal. Soviet sociology of art in the 1920s]. *Sotsiologiya Vlasti – Sociology of Power*. 4. [Online] Available from: <https://socofpower.ranepa.ru/upload/iblock/936/07%20-%20%D0%9D%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf> (Accessed: 10th October 2022)
3. Arvatov, B. (2018) *Iskusstvo i proizvodstvo* [Art and Production]. Moscow: V-A-C.
4. Arvatov, B. (1925) *Byt i kul'tura veshchi* [Life and Culture of Things]. In: *Al'manakh proletkul'ta*. Moscow: [s.n.]. pp. 75–82.

5. Tretyakov, S. (1928) Skvoz' neprotertye ochki [Through Unclean Glasses]. In: *Novyy LEF*. Moscow: [s.n.], pp. 20–24.
6. Tretyakov, S. (n.d.) *Biografiya veshchi* [The Biography of the Object]. [Online] Available from: <https://lit.wikireading.ru/30455> (Accessed: 19th November 2022).
7. Fore, D. (n.d) *Tretyakov: fakt*. [Tretyakov: fact]. [Online] Available from: https://scholar.princeton.edu/sites/default/files/dfore/files/fore_tretyakov_fakt.pdf (Accessed: 24th December 2022).
8. Tretyakov, S. (n.d) *Kak desyatiletit'* [How to Make Decades]. [Online] Available from: <https://www.ruthenia.ru/sovlit/j/3237.html> (Accessed: 20th November 2022).
9. Malabu, K. (2019) *Chto nam delat' s nashim mozgom?* [What should we do with our brain?]/ Translated from French by K. Sarkisova. Moscow: V-A-C.
10. Latour, B. (2019) *Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientatsii* [Where to land? Experience of Political Orientation] Translated from French by A. Shestakov. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.

Сведения об авторе:

Старикова Е.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: katstr00@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Starikova E.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor at the Department of Philosophy, Institute of Social Sciences and Humanities, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: katstr00@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 29.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 29.12.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 215

doi: 10.17223/1998863X/73/13

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ В ПОЛЕМИКЕ О ЖЕНСКОМ СВЯЩЕНСТВЕ

Екатерина Борисовна Хитрук

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
lubomudreg@gmail.com*

Аннотация. В данной статье исследуются концепции половых различий, развитые в трудах Павла Евдокимова (концепция «различия харизм») и Фомы Хопко (концепция различных «образов сущестования»). Особое внимание уделяется анализу религиозно-философских истоков фундаментального положения о возможности рассмотрения мужского и женского начал в человеке как образов Второй и Третьей Ипостасей Троицы (Сына Божия и Духа Святого соответственно).

Ключевые слова: женское священство, рукоположение женщин, христианское богословие, религиозная философия, концепция сверхполового, мужское и женское в Божестве

Для цитирования: Хитрук Е.Б. Религиозно-философские истоки антропологической аргументации в полемике о женском священстве // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 141–155. doi: 10.17223/1998863X/73/13

Original article

RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL ORIGINS OF ANTHROPOLOGICAL ARGUMENTATION IN THE CONTROVERSY ON WOMEN'S PRIESTHOOD

Ekaterina B. Khitruk

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, lubomudreg@gmail.com

Abstract. This article examines the anthropological argumentation in the controversy about female priesthood proposed in the works of two Orthodox theologians – Pavel (Paul) Evdokimov and Thomas Hopko. Both thinkers insist that the ordination of women in the Eastern Christian tradition is unacceptable, since the difference between the sexes are image of the difference between the Second and Third Hypostases of the Divine Trinity. The mission of priesthood goes back to the Second Hypostasis – the Son of God – the High Priest Jesus Christ, and, consequently, only men are called to implement it because their sex (as a special male “charisma” in Evdokimov’s conception or as a special “mode of being” in Hopko’s conception) is closely connected with the Second Person of the Trinity. The author of this article emphasizes that this kind of understanding of the sexual differences in the anthropological perspective is not typical for the Christian tradition and, most likely, is borrowed by theologians from some single and original source. The article formulates the assumption that such a source is the concept of “supersexual differences”, developed in the work of the famous Russian religious philosopher and theologian Sergei Bulgakov. It was Bulgakov who, at the beginning of the 20th century, developed the idea of the presence in God of male and female principles, which are not sex, but represent its ontological

fundamental principle. Sex in humanity (masculinity/femininity), from his point of view, is closely connected with the suprasexual principle in humanity (male/female), which, in turn, represents various “images of hypostasis” (male/female) in God himself. In this way, Bulgakov explains the relation of sexual difference to the image of God in man and the painful split of sex in the world after the fall. The article concludes that it is problematic to correlate this concept with the fundamental provisions of Christian theology, while emphasizing the importance of this approach as an original religious and philosophical approach to solving the problem of sex conceptualization in Christian anthropology.

Keywords: female priesthood, ordination of women, Christian theology, religious philosophy, concept of suprasexual, male and female in Godhead

For citation: Khitruk, E.B. (2023) Religious and philosophical origins of anthropological argumentation in the controversy on women’s priesthood. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 141–155. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/13

Господи, мать моя, Ты собираешь Своих
цыплят под крылья. Ныне Твой мертвый цыпленок
прячется под ними, ибо Твоя мягкость утешает
напуганных, сладчайший аромат Твой оживляет
отчаявшихся, тепло Твое возрождает мертвых,
а прикосновение – оправдывает грешных.

Ансельм Кентерберийский¹.

В данной статье предпринят анализ антропологической аргументации в полемике о женском священстве, разработанной в трудах Павла Евдокимова и о. Фомы Хопко. Автор предполагает обосновать тезис о том, что фундаментальное положение концепций обоих богословов о возможности трактовки половых различий как прообразующих различия Второй и Третьей Ипостасей Троицы заимствовано из учения о «сверхполовых различиях» Сергея Николаевича Булгакова и имеет религиозно-философские истоки.

Влияние феминистского движения на самосознание христианских церквей

Вопрос о сути половых различий и, прежде всего, о женской природе и призвании в течение большей части интеллектуальной истории человечества оставался в тени дуалистических представлений об устройстве мира и человека [2]. Только со второй половины XIX столетия благодаря отчаянным усилиям суфражистского движения половой вопрос выходит на передний план интеллектуальных дискуссий, в результате чего постепенно формируется теоретический феминизм [3] и все многообразие академических дисциплин, имеющих в теоретическом феминизме свои глубокие корни (women’s studies, men’s studies, boyhood studies, girlhood studies и др.). Для христианской церкви «женский вопрос» на протяжении большей части ее истории рассматривался как вопрос второстепенный, а со времени формирования серьезной светской дискуссии на эту тему – по большей части как вопрос внешний.

Феминистская ревизия истории философии и истории религии тем временем ставила под вопрос те аспекты христианской доктрины и церковной

¹ Цит. по: Дементьев Л.И. Женские образы Бога в трудах Отцов Церкви и других христианских писателей до XIX века // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 1. [1. С. 156].

практики, которые ранее позиционировались как само собой разумеющиеся, например, «мужской образ» Бога как Отца, употребление местоимений мужского рода в описании Божественной реальности, исключительное право мужчин на управление церковными общинами и толкование Священного Писания и др. На основании этих и подобных доводов феминистские критики христианства характеризовали его как религию, которая «все еще остается «мужской религией», поддерживающей стереотипы, дискриминирующие женщин» [4. С. 69–70].

Постепенное распространение идей о важности женской эмансипации, о несправедливости традиционных стереотипов о женском поле, закрепленных в том числе и в христианских традициях, способствовало проникновению «внешнего» женского вопроса в сами христианские общины, поскольку влияло на христианок, которые, осознав ценность равноправия не только в светской, но и в религиозной жизни, начали претендовать на сотрудничество в церковных делах – процессе принятия решений, духовной жизни, богословской работе, руководстве общиной [5. С. 289]. Под воздействием этих изменений в Западной Европе и Северной Америке христианские общины постепенно меняют и саму церковную практику.

С 50-х гг. XX столетия в евангелических церквях Германии, а с 70-х гг. – в англиканских церквях начинает практиковаться рукоположение женщин в сан священника, что позиционируется как освобождение церквей от прежних дискриминирующих убеждений и практик. Женский вопрос из «внешнего» по отношению к христианству вопроса становится «внутренним». И хотя не все исповедания решаются на практику рукоположения женщин, перед всеми встает вопрос о необходимости грамотного богословского обоснования собственной позиции «за» или «против» возможности женского священства. Даже представители тех конфессий, которые безапелляционно занимают позицию «против» (католичество и православие), сталкиваются с необходимостью формулировки грамотного ответа на вопрос «Почему?». Как справедливо указывает епископ Диоклийский Каллист (Уэр), «если женское священство абсолютно невозможно, если женщина и рукоположение – понятия несовместимые, то этому должно существовать простое объяснение» [6. С. 65]. Но такого «простого» объяснения в арсенале христианского богословия не находится в готовом виде. Вопрос о соотношении половой принадлежности и священнического призвания не был до этого времени серьезно проработан в христианской антропологии. Этот факт начинает рассматриваться христианскими богословами, с одной стороны, как серьезное упущение, а с другой – как замечательный повод к серьезной творческой работе по уяснению и уточнению одного из важнейших аспектов христианской антропологии – представления о половой дихотомии и ее отношении к сущности человека, с одной стороны, и социальному служению – с другой. Проблема женского священства становится для христиан во второй половине XX столетия тем вызовом времени, на который внимательные последователи Христа не могут не отреагировать. И «вне всякого сомнения, – замечает протоиерей Иоанн Мейендорф, – Церковь нуждается в богословии для разрешения сегодняшних проблем, а не повторения старых решений проблем прошлого» [7. С. 222].

Аргументы в полемике о возможности рукоположения женщин в священный сан, используемые во второй половине XX – начале XXI в., имеют

различный характер и истоки. За отсутствием, как уже было отмечено выше, готовой концепции пола в рамках христианской антропологии и, тем более, способов соотнесения такой концепции с вопросом о женском священстве, поскольку никогда ранее данный вопрос не ставился с такой остротой, богословы обращаются к Священному Писанию и Преданию в поисках определенного ответа на вопрос о совместимости / несовместимости женской природы и священнического призвания.

Такого рода аргументы заслуживают специального внимания и исследовательского интереса, однако в данной статье будет предпринята попытка проследить религиозно-философские истоки антропологического типа аргументации. К антропологическому типу можно отнести такие аргументы, которые апеллируют не к Священному Писанию и Священному Преданию как таковым (при том, что их авторитет в рамках христианского богословия сомнению не подвергается), но к определенному представлению о сущности половой дифференциации в антропологической перспективе. Формулировка антропологических аргументов требует от богословов определенной творческой дерзости, т.е. такого взгляда на христианское учение о человеке, согласно которому оно к XX–XXI столетиям от Рождества Христова все еще не может считаться окончательно сформулированным и не требующим дополнений. Такой взгляд вполне согласуется с христианским вероучением, если иметь в виду, что христианство как таковое не является теорией и теоретическая составляющая представляет собой лишь одну из граней существования на земле «тела Христова» (Еф. 1: 22–23). «Церковь – живой организм, – отмечает Никита Струве, – и ткани ее постоянно обновляются. Думать, что все в Церкви было дано разом и в готовом виде, есть недомыслие. Обновление бывает двоякого рода. Через расчистку от поздних, неоправданных наслоений, как очищают икону от копоти. И через творчество, что в Церкви равносильно святости» [8. С. 269].

В данной статье будут рассмотрены две попытки такого «творческого жививания» в опыт Церкви с целью формулировки сущности половых различий и соответствующих им призваний в перспективе восточно-христианской антропологии. Первая из этих попыток принадлежит русскому православному богослову, жившему во Франции, Павлу Евдокимову, а вторая – американскому православному священнику и богослову о. Фоме Хопко.

Концепция «различия харизм» Павла Евдокимова

Павел Николаевич Евдокимов в своих трудах указывает на то, что христианская трактовка человека восходит к святоотеческой традиции, в которой при некотором разнообразии позиций можно выявить общую антропологическую перспективу. Эта перспектива, прежде всего, связана с описанием человека как образа и подобия Божия, что, однако, не следует трактовать субстанциальным способом. Образ Божий, – рассуждает Павел Николаевич, – «не вложен в нас как часть нашего существа, а весь человек в целом создан, изваян по «образу Божьему». Первое выражение образа Божьего состоит в иерархической структуре человека, в центре которой – духовная жизнь... Этот образ состоит в том, что совокупность человеческого существа сосредоточена вокруг духовного начала и что человеку свойственно превосходить, перерастать себя, чтобы ввергнуться в бесконечный океан Божественной при-

роды и там найти успокоение от своей тоски» [9. С. 61–62]. В определенном смысле Бог, создавая природный мир, накладывает на него свидетельство о его Создателе. На весь мир. Но в первую очередь, конечно, это свидетельство проявляется в человеке. «Истина природы, – пишет П.Н. Евдокимов, – в том, что она есть сверхприрода, и это „сверх“ означает: богообразна и богоносна. Именно в своей сущности человек отчеканен по образу Божьему, и именно эта онтологическая богообразность объясняет то, что Благодать „естественна“ для природы, так же как природа сообразна Благодати» [Там же. С. 67].

В своем естественном состоянии, предшествовавшем грехопадению, такая богообразность человека была залогом дальнейшего постепенного обожения. Однако в результате грехопадения эта «естественная» связь природы и благодати нарушается, и только боговоплощение вновь дает надежду на восстановление разорванной связи. Такая трактовка природы как сверхприроды и человека как сверхчеловека дает Павлу Евдокимову возможность описывать природу и человека в определенном смысле как сочетание сущности и харизмы, т.е. сущности и дара благодати. «Человек создан как причастник природы Бога, – пишет Павел Николаевич, – а Бог в Воплощении причастен человеческой природе. Богосообразности человека соответствует человечество Бога. Образ Божий в человеке – это тот третий, постоянно присутствующий момент, который объективно обуславливает Боговоплощение, онтологическую возможность общения между двумя мирами. Христос является совершенным человеком лишь потому, что его человеческая природа „естественно“ находится в общении с Божественной природой, с совершенным Богом. Само собой разумеется, что „естественно“ не означает „натурализма“; Божественное не естественно человеческому, между ними зияние, непроходимая пропасть, и лишь участие Божественного в качестве дара может ее преодолеть. Это – харизмы Бога... В глубине самого себя человек видит присутствие Божье в Его образе, более близком человеку, чем человек – сам по себе; парадоксальным образом Божественное более человеческо, чем чисто человеческое, так как это последнее является лишь абстракцией» [Там же. С. 67–68]. Так впервые в описании богообразности человека оформляется понятие харизмы, являющееся ключевым для описания сущности полов и их различного призвания в теории Павла Евдокимова.

Итак, человек сотворен как образ и подобие Божие (иными словами, как сочетание природы человека и Божественной благодати, харизмы), с одной стороны, и, с другой – как единство мужского и женского, как единосущие взаимодополняющих начал в человеческом существе [Там же. С. 135–136]. Павел Николаевич рассматривает единосущность мужского и женского начал как основание того, что первая человеческая семья была призвана «отражать Божественное общение в человеческом общении» [Там же. С. 138]. Будучи иконой Троицыного Бога, человек должен был являть собой образ общения Лиц Святой Троицы в общении мужчины и женщины. То есть как и человек в целом, так и разделение на мужское и женское в нем имеют и природный, и благодатный (харизматический) аспекты, а следовательно, имеет смысл рассуждение о различных, но взаимодополняющих мужской и женской харизмах. «Мужское и женское начала антиномичны, – пишет П. Евдокимов. – Это значит, что в естественном порядке они несовместимы. Они проявляют себя как дополнительные только в порядке Благодати, во Христе. В этом все значение

таинства брака. Нужно уточнить смысл дополнительности, чтобы предотвратить неверные решения. Мужское и женское по причине своей неповторимости исключают всякий общий знаменатель, который позволил бы им устремиться к осуществлению невозможного синтеза [9. С. 242]. Эта антиномичность является плодом грехопадения и в полной мере может быть преодолена благодатью с помощью сообщаемых Богом в качестве даров мужской и женской харизм. «Призыв к совершенству относится ко всем, но он предполагает разнообразие даров и служений» [Там же. С. 250]. Суть этого разнообразия описывается П. Евдокимовым с использованием классических бинарных оппозиций, относящих мужское начало к внешнему, абстрактному, субъектному, а женское – к внутреннему, интуитивному, объектному, инаковому опыту: «Мужчина выходит за границы своего существа; его харизма – стремление к экспансии, расширению – заставляет его смотреть за пределы самого себя. Он стремится к усилению всех своих энергий, которые обеспечивают ему распространение в мир; он превращает космос в свое внешнее тело, чтобы достигнуть максимума своей мощи, которой он наполняет мир, утверждая себя в качестве хозяина и господина» [Там же. С. 250]. Мужчина призван владычествовать над землей, трансцендируя себя, в то время как женщина дается ему в качестве помощницы в этом нелегком деле, вдохновляющей его на подвиги, согласные с его харизмой, и восполняющей его прорывающую границы силу своей способностью охранять эти границы и воспроизводить жизнь. Роль женщины сопоставима с ролью зеркала, которое открывает человеку его самого и тем самым способствует его совершенствованию. «Интуитивное восприятие конкретного и живого, в противоположность всякой абстракции, указывает в женщине на дар прямого проникновения в существование другого. Это – способность непосредственно, помимо рефлексии, постигать неуловимое в человеческой личности. Благодаря этой способности она „помогает“ мужчине понять самого себя и осуществить смысл своего собственного существа; она исполняет его, расшифровывая его судьбу. Именно через женщину мужчина легче всего становится тем, чем он должен быть» [Там же. С. 251].

Таинственным образом мужская и женская харизмы образуют связь с Сыном Божиим и Святым Духом соответственно. Из этого П. Евдокимов делает вывод о том, что священство является частью мужской харизмы и призванными к нему могут быть только мужчины. Харизма мужчин сближает их с Первосвященником Христом, в то время как призванная являть Духа Святого женщина самой своей природой (т.е. не специальной деятельностью, а самим своим естеством) призвана служить Богу и мужчине. «Священство, – продолжает П. Евдокимов, – функция мужчины-свидетеля. Епископ свидетельствует подлинность таинств и обладает властью их совершать; его харизма – блюсти чистоту предания и заниматься пастырской деятельностью. Служение женщины не в исполнении каких-то функций, но в самой *ее природе*» [6. С. 22]. Используя священную энергию, мужчина «пронзает плоть этого мира» и захватывает сокровище Царства, которое есть «святость естества», воплощаемая женщиной [Там же]. Стремясь обрести доступ к священнической деятельности, таким образом женщина «предает себя», претендуя на чужую харизму и не исполняя своей.

Большая ошибка, с точки зрения Павла Евдокимова, заключается в том, чтобы рассматривать невозможность рукоположения женщин в священники

как упущение и недостаток, как ущемление их естественных прав. На самом же деле женщина должна проникнуться важностью своего собственного призвания, основанного на «естественной» связи ее со Святым Духом, животворящим Утешителем, и предстать «в облике Евы-жизни, сохраняющей, оживляющей, защищающей каждую частицу мужского творения» [6. С. 22]. Всякое подозрение в дискриминации, принижении женской роли в отношении мужской снимается в рамках такого подхода апелляцией к связи мужского и женского рода с ипостасями Божественной Троицы. Как нет и не может быть дискриминации между Лицами Святой Троицы, так, соответственно, и не может быть ее в применении к различным призваниям полов, прообразующим собой как раз такое внутрибожественное различие. Таким образом, «в различии харизм и служений осуществляется единый Христос» [10. С. 235].

Основным проблемным элементом данной концепции, использующейся П. Евдокимовым для опровержения возможности рукоположения женщин в священники (помимо ключевого для этой концепции соотнесения мужского и женского с Ипостасями Божественной Троицы, об этом речь пойдет далее), является само понятие харизмы, которое используется в теории П. Евдокимова нетрадиционным для христианского вероучения способом и корректность применения которого в антропологической перспективе для описания Божиих дарований, сообщаемых, условно выражаясь, целым группам или родам людей, может быть оспорена. Дело в том, что понятие харизмы как божественного дара традиционно употреблялось в христианской традиции применительно к личности человека и ни в коем случае не применительно к группе людей или разновидности человеческой природы. Как отмечает французская исследовательница вопроса о женском священстве Элизабет Бер-Сижель, дары благодати в Церкви распределяются не в соответствии с типами и родами людей, но относятся, прежде всего, к личности, получающей от Бога особый дар. «Это распределение, как учит апостол Павел, определяется харизмами, которые – возможно, по-разному окрашенные соответственно полу – суть дары Бога личности с целью созидания сообщества людей» [11. С. 200]. Таким образом, харизма в христианской традиции обозначает особый дар Бога определенной личности, а следовательно, теоретически невозможной является ситуация, в которой женщине, ощущающей личное призвание к священническому служению, может быть отказано в рукоположении на основании того, что группа (или род) людей, к которым она относится (женщины), не может иметь такого призвания.

Концепция различных «образов существования»

о. Фомы Хопко

Американский православный богослов о. Фома Хопко также обращается к основам христианской антропологии для объяснения сути различия полов. Различие мужского и женского в человеческой природе не является случайным, но имеет прямое отношение к самой глубине человеческого естества, а именно: к образу и подобию Божию. «Бог сотворил человека мужчиной и женщиной, – пишет о. Фома в своем фундаментальном труде «Основы православия», – поэтому наличие двух полов является неотъемлемым качеством человеческой природы, сотворенной по образу Божию» [12. С. 233]. Смысл этого различия в человеческой природе связывается Ф. Хопко с прообразова-

нием различия в Божественной Троице. Ф. Хопко использует понятие «образа существования» для того, чтобы прояснить возможность проведения такой аналогии: «Различие между полами есть особый драгоценный дар, не сводимый лишь к физическому или биологическому устройству, они – как бы два различных „образа существования“ в одном человечестве, так же, как, например, можно сказать, что Сын и Святой Дух – различные „образы существования“, вместе с Богом Отцом, единого Бога. Можно еще сказать, что разница между полами – в их различном призвании. По образу Христа, Нового Адама, и Церкви – мужчина и женщина призваны быть отцом и матерью „всего живущего“, всего мироздания, тем самым и воплощая изначальную волю Божью о творении» [12. С. 233].

Если последняя аналогия между различием полов и союзом Христа и Церкви является традиционной для христианства, то первая, возводящая различие полов к различию ипостасей Троицы, выглядит в высшей степени проблематично, поскольку базируется на сопоставлении безличного различия полов, с одной стороны, и личного различия между Ипостасями Троицы – с другой. Тем не менее о. Фома продолжает рассуждать в таком ключе о различии полов, подчеркивая, что мужчина и женщина призваны к гармоничному сосуществованию, которое не связано с подчинением одного другому именно потому, что прообразует собой сосуществование друг с другом лиц Божественной Троицы. При этом иерархия, возникающая при традиционном распределении половых ролей, вполне уместна и не подвергает сомнению равенство полов, поскольку в Боге также присутствует иерархия между совершенно равными друг другу Лицами Троицы: «Даже в Боге существует „иерархия“, что означает порядок, в котором Божественные Личности находятся по отношению друг ко другу, к человеку и к миру: только один Отец есть „источник Божества“, Сын является выражением Отца и „подчинен Ему“, Святой Дух является „третьим“ Лицом, исполняющим волю Отца и Сына. Но все три Божественных Лица совершенно равны. Троичная жизнь Бога должна служить божественным примером для жизни мужчины и женщины в мире» [Ibid. С. 234]. Важным уточнением является то обстоятельство, что аналогия между мужским и женским, с одной стороны, и Лицами Святой Троицы – с другой, не является абстрактной, но вполне конкретной, поскольку возможно, с точки зрения о. Фомы, провести соответствие между Адамом (мужчиной) и Сыном Божиим, а также между Евой (женщиной) и Духом Святым [13. Р. 106]. «Это означает, – рассуждает о. Фома, – что так же как Сын и Святой Дух не являются одним и тем же и не взаимозаменяемы в своих уникальных формах общей божественности, так и мужчина и женщина не являются одним и тем же и не взаимозаменяемы в уникальных формах их общей человечности» [Ibid. Р. 107].

Поскольку формы существования мужчин и женщин являются, таким образом, разными и не взаимозаменяемыми, то необходимо прояснить, в чем именно они заключаются, в чем выражаются их уникальные образы существования. В этом аспекте рассуждения о. Фомы Хопко не отличаются особой оригинальностью, поскольку так же, как и в учении Павла Евдокимова, воспроизводят ряд классических бинарных оппозиций, применяемых к мужчинам и женщинам, на основании учения о сотворении жены как помощницы своего мужа. «Женщины созданы и призваны быть мужскими „помощницами“ в слу-

жении самоотверженной любви, – пишет о. Фома. – Они должны быть „покорны“ мужской любви и служению и как таковые способствовать им и наделять их силой подобно тому, как Дух Святой... дает способность и силу самому Христу „исполнить“ Его божественное служение среди Его созданий» [13. Р. 111]. Быть помощником и исполнять, таким образом, свое служение, настаивает о. Фома, в христианском смысле совсем не унижительно, сам Бог в своем кенотическом самоистощании становится служителем человечества, не теряя при этом своего Божественного величия и не унижаясь. Женщины должны быть покорны мужчинам, как мужчины покорны Христу и как Христос покорен Богу Отцу. Эта женская покорность не должна рассматриваться как пассивность, поскольку нет и не может быть пассивности в Духе Святом.

Эта глубокая связь мужской и женской природ с Богом Словом и Святым Духом соответственно, с точки зрения о. Фомы, объясняет, почему именно мужчины могут быть священниками. Своим священническим служением они как бы являют миру образ Великого Первосвященника Иисуса Христа. Для этой важной миссии не имеют особого значения индивидуальные особенности или личные дары (харизмы) определенного мужчины, первостепенная роль принадлежит самой его мужской природе, благодаря которой он может являть образ Христа. Священство, – пишет о. Фома, – «не является одним из особых служений членов церковной общины. Скорее оно является священным проявлением служения Христа в Церкви и ради Церкви, в котором коренятся, исполняются, подтверждаются и оцениваются все личные и частные служения членов Церкви» [Ibid. Р. 119].

Таким образом, женское священство является, по убеждению о. Ф. Хопко, изначально противоречивым и недопустимым в церкви феноменом, нарушающим сакраментальную взаимодополнительность мужского и женского начал. Прообразуя собой Духа Святого, женщина должна осуществлять в полноте церковной жизни собственное предназначение, не разрывая иконическую гармонию претензией на исполнение роли, не доступной ей по самой ее природе, независимо от индивидуальных особенностей и личного призвания. «„Иконой“ Духа, – настаивает о. Фома, – является церковь. А личным выражением и „иконой“ Духа в церкви является Дева Мария. Это является основанием, на мой взгляд, для теологической и духовной ассоциации Духа Святого с женским началом в порядке творения, точно также есть основания ассоциировать мужское начало с Иисусом Христом, Сыном и Словом» [Ibid. Р. 188].

Интересным фактом, ставящим под вопрос данные рассуждения о. Фомы, является литургическая символика, в которой существуют некоторые отличия между православием и католицизмом. Как отмечает епископ Каллист Уэр, «при освящении Даров в римском обряде священник по всеобщему убеждению представляет Христа народу, а в византийском обряде священник предстательствует от имени народа перед Христом... Словом, во время важнейшего священнического молитвословия – чтения евхаристического канона – в православном понимании служащий не представляет собой икону Христа» [6. С. 77–78]. Иначе говоря, рассуждения о. Фомы Хопко имеют смысл в контексте католического представления о священстве, но не распространяются на восточно-христианское толкование.

Итак, при некоторых различиях концепции пола, разработанные в трудах Павла Евдокимова и о. Фомы Хопко, имеют и совершенно определенное

сходство, а именно: тенденцию сопоставления женского начала в человеке со Святым Духом, а мужского начала – с Сыном Божиим. Конкретные детали такого сопоставления имеют свою специфику (концепция «харизмы» у П. Евдокимова и концепция «образа существования» у о. Фомы Хопко), но общность самого подхода сомнений не вызывает. При этом такая постановка вопроса не является традиционной для христианского богословия, которому скорее свойственно проводить аналогию между отношениями Христа и Церкви, с одной стороны, и отношениями мужчины и женщины – с другой, чем сопоставлять половую дихотомию с различиями Божественных Ипостасей¹. Не является ли такой нетипичный подход к описанию смысла половых различий в человеке следствием того обстоятельства, что оба богослова черпали вдохновение в некоем едином и достаточно самобытном источнике?

Автор данной статьи предполагает, что таким источником для формирования антропологической аргументации в полемике о женском священстве необходимо признать концепцию сверхполовых различий, разработанную в трудах российского философа и богослова Сергея Николаевича Булгакова.

С.Н. Булгаков оказал серьезное влияние на религиозную философию и богословие XX столетия, а формирование представления о взаимосвязи мужского и женского начал с Ипостасями Божественной Троицы в качестве элемента христианской антропологии является одним из примеров данного влияния. Никита Струве характеризует Сергея Булгакова как «религиозного гения» XX в., вдохновившего своими трудами целое поколение богословов: «Этот человек, проживший много разных жизней. Он приехал в эмиграцию в возрасте 52 лет и, дожив до 74, за какие-то 20 лет „перепахал“ все поле богословия. И даже те богословы, которые не разделяли его основные интенции, так или иначе, зависели от него» [8. С. 302]. Без сомнения, одним из таких богословов являлся российский эмигрант во Франции, ученик о. Сергия Павел Николаевич Евдокимов, которого Э. Бер-Сижель называет духовным наследником «пророческой русской религиозной философии», стремившимся осуществить ее синтез со святоотеческим богословием [11. С. 10–11]. Нити, связывающие американского православного богослова о. Фому Хопко с работами С. Булгакова, гораздо сложнее эксплицировать, но не вызывает сомнения сам факт знакомства о. Фомы с трудами Сергея Николаевича [Там же. С. 51].

Концепция пола в трудах С.Н. Булгакова

Сергей Николаевич Булгаков видел в разделении полов одну из важнейших тайн человеческой природы, неразрывно связанную с полнотой образа Божия [14. С. 254]. Как и все человеческое существо в целом, разделение полов обретает трагический характер в результате катастрофы грехопадения. То, что было создано для осуществления полноты человеческой жизни, оказывается связано с разобщением и дисгармонией, несет на себе «печать трагической безысходности и антиномической боли» [14. С. 257–258].

Однако искажение пола в результате грехопадения не уничтожает, с точки зрения философа, того фундаментального значения, которое было заложе-

¹ Еф. 5: 25–27 «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною посредством слова; чтобы представить ее Себе славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна».

но в разделение полов в акте творения. Священное сосуществует с падшим, продуцируя определенную проблему пола, боль пола в жизни каждого человека: «Болит древо жизни в сердцевине пола и здесь нет вполне торжествующих победителей» [14. С. 260]. Чтобы описать эту двойственность полового начала, С.Н. Булгаков настаивает на необходимости различения двух измерений половой дихотомии – мужественное / женственное и мужское / женское. Первая пара выражает пол в обычном представлении, в то время как вторая является некой онтологической первоосновой первой (сверхполовое начало в человеке). Мужское и женское выражают изначальный замысел Божий о человеке и человечестве, поскольку иконически прообразуют собой «мужское и женское в Божестве» [15. С. 337]. С помощью такого различения С.Н. Булгаков пытается обозначить как глубинную связь пола (мужского и женского) с полнотой образа Божия в человеке, так и наличное болезненное состояние половой жизни после грехопадения (мужественное и женственное). «Итак, – заключает С.Н. Булгаков, – мужское и женское начало в человеке имеет отношение к образу Божию и его полноте: оно указывает на присутствие в Божестве не только мужской (Сына), но и женской ипостаси, что косвенным образом подтверждает женскую ипостась Духа Святого» [Там же. С. 368].

Как уже неоднократно было указано выше, такой ход рассуждений является оригинальным и совсем нетипичным, с точки зрения классической христианской антропологии. Кроме того, данное рассуждение имеет не только собственно антропологические, но и далеко идущие триадологические, христологические и мариологические последствия, что делает его в высшей степени проблематичным с богословской точки зрения.

В триадологическом контексте концепция сверхполового начала в человеке утверждает наличие мужского и женского начал в Боге, что не имеет оснований ни в Священном Писании, ни в Священном Предании. Сам С.Н. Булгаков понимал, что такие размышления, мягко выражаясь, расходятся с христианской доктриной и тем не менее настаивал на том, что такая трактовка возможна и даже в определенной степени необходима. При этом нужно постоянно иметь в виду, что мужское и женское ни в человеке, ни в Боге не представляют собой пол. В человеке это сверхполовое начало, а в Боге – это некий «образ ипостасности», отличающий между собой Сына Божия и Духа Святого: «Поэтому есть внеполовое, – пишет Сергей Николаевич, – или сверхполовое, различие мужского и женского, которое введено самим откровением в учение о Св. Троице¹, именно в учение о Сыне, притом явно воплотившимся в мужской пол и тем [установившим] проявившим Свою Ипостасную Природу в отношении к Мужскому началу. И если это есть – а оно уже есть – Мужское начало в Божестве, почему так теряться и упираться перед признанием Женского?» [Там же. С. 392].

В христологическом контексте рассуждения С.Н. Булгакова апеллируют к обоснованности «мужской природы» Бога Слова самим фактом воплощения Его в человека мужского пола: «Воплотившийся Господь Иисус Христос был пола мужеска, соответственно свойству Второй Ипостаси» [Там же. С. 360].

¹ Здесь имеется в виду, что откровение уже повествует о Сыне в недрах Святой Троицы, тем самым утверждая, с точки зрения С.Н. Булгакова, мужскую природу Бога Слова. Таким образом, С.Н. Булгаков рассматривает положение о наличии мужского начала в Боге как «твердый церковный догмат» [2. С. 393], каковым оно, разумеется, не является.

В мариологическом контексте же С.Н. Булгаков настаивает на особом отношении Святого Духа к Богородице как проявлении Его женской природы: «Женская [стихия] природа Третьей Ипостаси проявляется в том, что избранным сосудом своим Она имеет женское существо – Приснодеву, а также и все дальнейшие излияния ее совершаются в отношении к Церкви как Душе мира и обращены к женской стихии человеческого духа» [15. С. 360].

Оценить, с точки зрения христианского вероучения, идею Сергея Николаевича о наличии в Боге мужского и женского начал достаточно проблематично. С одной стороны, рассуждения о мужском и женском в Божестве выглядят настолько нетрадиционно, что кажутся противоречащими фундаментальным положениям христианской триадологии. Однако, с другой стороны, если заменить категории «мужского» и «женского» на понятие «образа ипостасности», которое иногда употребляет С.Н. Булгаков как синоним мужского и женского начал в Боге (подчеркивая тем самым то, что мужское и женское не являются полом, но лишь его онтологической первоосновой), то отношение к данным рассуждениям может измениться. Дело в том, что святоотеческая традиция содержит представление об «образе бытия» Лиц Святой Троицы или их «ипостасных свойствах» как о тех, условно выражаясь, признаках, которые отличают Божественные Ипостаси друг от друга. Так, например, свт. Василий Великий в «Словах подвижнических» рассуждает об «отличительных признаках» Божественных Ипостасей – «Отечестве, Сыновстве и Святыне»: «Веруем и исповедуем так, что каждое имя ясно отличает у нас свойство Именуемого и непременно о каждом из Именуемых благочестиво умопредставляются преимущественные некоторые свойства: Отец умопредставляется с свойством Отца, Сын – с свойством Сына, Святой Дух – с особенным свойством...» [16. С. 40]. Более того, проведение аналогии между ипостасными свойствами Лиц Божественной Троицы и различиями в первозданной человеческой семье также присутствует в трудах святых отцов. Например, преп. Иоанн Дамаскин в «Точном изложении православной веры» рассуждает следующим образом: «Ибо хотя и Дух Святой исходит от Отца, но исходит не по образу рождения, но по образу исхождения. Это – иной образ происхождения, и непостижимый, и неведомый, подобно тому, как и Адам, который – не рожден, ибо он – создание Божие, и Сиф, который – рожден, ибо он – сын Адама, и Ева, которая вышла из ребра Адамова, ибо она не была рождена, различаются друг от друга не по природе, ибо они суть люди, но по образу происхождения [17. С. 61]. Случайным ли фактом в таком контексте является соответствие изведения жены (женского) исхождению Святого Духа и рождение Сифа (мужского) рождению Сына Божиего? Но даже если такая связь не является случайной, из нее можно заключить только о близости (аналогичности) способов происхождения в Божественной Троице и первозданной семье, но невозможно сделать вывод о том, что женское как таковое прообразует ипостасное свойство Святого Духа, а мужское как таковое ипостасное свойство Сына Божия. Так, например, знаменитый православный богослов Владимир Лосский критически оценивал идею С.Н. Булгакова об аналогии между мужским и женским в человечестве и мужским и женским в Божестве, называя ее «произвольной» и даже «чудовищной». «Что же, – писал он, – воплощение Слова и сошествие Духа определяется свойствами пола, зависит от них? Опять мысль, оперирующая поспешными син-

тезами и неспособная к различиям, смешивает личность с природой, забывая, что пол относится вообще только к природе, и переносит (хотя бы и „аналогически“) мужской пол, т.е. свойство человеческой природы Второго Адама, на Вторую Ипостась Святой Троицы... Если можно назвать Божию Матерь Духоносицей, Духоносной Девой, как это делал, кажется, еп. Игнатий Брянчанинов, то нельзя забывать при этом, что в еще большей мере и прежде всего Духоносным является Сам Богочеловек Иисус Христос. Противопоставлять Ему Божию Матерь как Духоносицу просто невозможно [18. С. 39]. Справедливости ради следует уточнить, что критика В.Н. Лосского исходит из представления о том, что С.Н. Булгаков проводит аналогию между мужским и женским полом, с одной стороны, и различиями Второй и Третьей Ипостаси – с другой, грубо смешивая при этом природное (пол) и ипостасное (личность). В то время как на самом деле С.Н. Булгаков проводит аналогию между ипостасными свойствами («образы бытия», «образы ипостасности») в человечестве и в Божестве, называя их «мужским» и «женским» и отличая от мужского и женского пола.

В любом случае на примере разбора идей С.Н. Булгакова В.Н. Лосским можно убедиться в том, насколько данные идеи выглядят оригинально (мягко выражаясь) для традиционной христианской антропологии. Без сомнения, концепция С.Н. Булгакова представляет собой самобытную, хотя и проблематичную попытку решения «полового вопроса» в контексте христианского богословия и как таковая заимствуется (в модернизированном виде) Павлом Евдокимовым и Фомой Хопко для разрешения вопроса о возможности рукоположения женщин в священники во второй половине XX столетия.

Можно предположить, что востребованность данной концепции половых различий связана с тем обстоятельством, что аналогия между мужским началом в человеке и Сыном Божиим, а также между женским началом и Духом Святым представляет собой уникальный способ разрешения того глубинного противоречия, которое лежит в основании вопроса о женском священстве. Дело в том, что в течение всей истории христианства в нем сложным образом сосуществовали друг с другом представление о равенстве полов во Христе¹, с одной стороны, и представление о неизбежной иерархии между полами² – с другой. Если иерархия полов имела объяснение в аналогии отношений Христа и церкви (Еф. 5: 25–27), то равенство полов не имело определенной традиции обоснования, хотя и являлось, безусловно, важной частью христианской доктрины, повествующей о пути спасения для всех людей (как мужчин, так и женщин). Возможно, рассуждения о соотносимости различия полов с различиями Божественных Ипостасей нашли такой отклик в богословии XX в. именно потому, что представляют собой важную попытку обоснования принципиального равенства полов при серьезных различиях в их социальных ролях. Такой подход позволяет, с одной стороны, оставить в неизменном виде христианские традиции (в том числе традицию рукоположения мужчин), а с другой стороны, избежать обвинений в дискриминации женщин в церкви.

¹ «Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал. 3:28).

² «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф. 5:33). «Жены ваши в церквах да молчат, ибо не позволено им говорить, а быть в подчинении, как и закон говорит» (1 Кор. 14:34). «Жены, повинуйтесь мужьям вашим» (Колос. 3:18).

Так же, как невозможно назвать положение Святого Духа в Троице ущемленным, невозможно, согласно анализируемой концепции, назвать таким положение женщины в обществе и церкви.

Подводя итог, нужно отметить, что концепция пола, разработанная в философии С.Н. Булгакова и развитая в дальнейшем в трудах П.Н. Евдокимова и о. Ф. Хопко, является заслуживающей серьезного внимания религиозно-философской попыткой сформулировать четкое представление о значении половых различий в контексте христианской антропологии. То, что эта концепция является проблематичной и вызывает целый ряд вопросов богословского плана, является феноменом положительным, поскольку продуцирует живую дискуссию, а следовательно, дальнейшее творческое развитие христианской антропологии.

Список источников

1. Дементьев Л.И. Женские образы Бога в трудах Отцов Церкви и других христианских писателей до XIX века // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 1. С. 151–162.
2. Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии / Введение в гендерные исследования : учеб. пособие. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2001. Ч. I. С. 390–426.
3. Хитрук Е.Б., Худышкина М.А. Экзистенциально-философские предпосылки теории западного феминизма (на примере философских идей Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 373. С. 84–87.
4. Степанянц М. Образ женщины в религиозном сознании: прошлое, настоящее, будущее // Феминизм: Восток. Запад. Россия. М. : Наука : Изд. фирма «Восточная литература», 1993. С. 66–75.
5. Гурьева К.А. Христианский феминизм: истоки и современность // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15, № 3. С. 285–293.
6. Бер-Сижель Э. Епископ Диоклийский Каллист (Уэр). Рукоположение женщин в Православной церкви. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2000.
7. Мейендорф Иоанн. Живое предание. СПб. : РХГИ, 1997.
8. Струве Н. Православие и культура. М. : Русский путь, 2000.
9. Евдокимов П. Женщина и спасение мира. О благодатных дарах мужчины и женщины. Минск : Лучи Софии, 2009.
10. Евдокимов П. Православие. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002.
11. Бер-Сижель Э. Служение женщины в Церкви. М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2002.
12. Хопко Ф. Основы православия. Нью-Йорк : R.B.R., 1989.
13. *Women and the priesthood*. Edited by Thomas Hopko. Crestwood, New York : St. Vladimir's seminary press, 1983.
14. Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. М. : Республика, 1994.
15. Булгаков С.Н.: религиозно-философский путь / науч. ред. А.П. Козырев; сост. М.А. Васильева, А.П. Козырев. М. : Русский путь, 2003.
16. Василий Великий. Слова подвижнические. М. : Изд-во Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2001.
17. Дамаскин Иоанн, преп. Точное изложение православной веры. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2003.
18. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М. : Центр «СЭИ», 1991.

References

1. Dementiev, L.I. (2022) Female images of God in the works of Church Fathers and other Christian writers before the 19th century. *Voprosy teologii – Issues of Theology*. 4(1). pp. 151–162. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu28.2022.108
2. Zherebkin, S. (2001) *Gendernaya problematika v filosofii* [Gender issues in philosophy]. In: Zherebkin, S. (ed.) *Vvedenie v zhendernye issledovaniya* [Introduction to Gender Studies]. Vol. 1. St. Petersburg: Aleteyya. pp. 390–426.

3. Khitruk, Ye.B. & Khudyshkina, M.A. (2013) Existential and philosophical background of the theory of Western feminism (by philosophical ideas of J.-P. Sartre and S. de Beauvoir). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 373. pp. 84–87. (In Russian).
4. Stepanyants, M.T. (1993) *Obraz zhenshchiny v religioznom soznanii: proshloe, nastoyashchee, budushchee* [The image of a woman in religious consciousness: past, present, future]. In: Stepanyants, M.T. (ed.) *Feminizm: Vostok. Zapad. Rossiya* [Feminism: Vostok. Zapad. Rossiya]. Moscow: Nauka, Vostochnaya literature. pp. 66–75.
5. Gurieva, K. A. (2014) *Khristianskiy feminizm: istoki i sovremennost'* [Christian Feminism: The History and Modern Time]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii*. 15(3). pp. 285–293.
6. Behr-Sigel, E. (2000) *Episkop Diokliyskiy Kallist (Uer). Rukopolozhenie zhenshchin v Pravoslavnoy tserkvi* [Bishop Kallistos of Diokleia (Ware). Ordination of women in the Orthodox Church]. Moscow: St. Apostle Andrew Biblical Theological Institute.
7. Mejdendorf, I. (1997) *Zhivoe predanie* [Living Tradition]. St. Petersburg: Russian Christian Institute for the Humanities.
8. Struve, N. (2000) *Pravoslaviye i kul'tura* [Orthodoxy and Culture.] Moscow: Russkiy put'.
9. Evdokimov, P. (2009) *Zhenshchina i spasenie mira. O blagodatnykh darakh muzhchiny i zhenshchiny* [Woman and the Salvation of the World. About the Grace-Filled Gifts of a Man and a Woman]. Minsk: Luchi Sofii.
10. Evdokimov, P. (2002) *Pravoslaviye* [Orthodoxy]. Moscow: Biblejsko-bogoslovskiy institut sv. apostola Andreyana. (In Russian).
11. Ber-Sizhel', E'. (2002) *Sluzhenie zhenshchin v Tserkvi*. [Women's ministry in the Church] Moscow: St. Apostle Andrew Biblical Theological Institute.
12. Hopko, F. (1989) *Osnovy pravoslaviya* [The Orthodoxy. An Elementary Handbook of the Orthodox Church]. New York: R.B.R.
13. Hopko, T. (ed.) (1983) *Women and the Priesthood*. Crestwood, New York: St. Vladimir's Seminary.
14. Bulgakov, S.N. (1994) *Svet Nevecherniy: Sozertsaniya i umozreniya* [Non-Evening Light: Contemplation and Speculation]. Moscow: Respublika.
15. Kozyrev, A.P. (ed.) (2003) *Bulgakov S.N.: religiozno-filosofskiy put'* [Sergey N. Bulgakov: A Religious and Philosophical Path]. Moscow: Russkiy put'.
16. Basil of Caesarea. (2001) *Slova podvizhnicheskoye* [Ascetic words]. Moscow: Moscow Compound of the Holy Trinity Sergius Lavra.
17. John of Damascus. (2003) *Tochnoe izlozhenie pravoslavnoy very* [An Exposition of the Orthodox Faith]. Moscow: Sretensky Monastery.
18. Losskiy, V.N. (1991) *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi. Dogmaticheskoe bogosloviye* [The Mystical Theology of the Eastern Church. Dogmatic Theology]. Moscow: SEI.

Сведения об авторе:

Хитрук Е.Б. – доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, теории познания и социальной философии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: lubomudreg@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Khitruk E.B., Dr. Sci. (Philosophy), professor of the Department of Ontology, Theory of Knowledge and Social Philosophy, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lubomudreg@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023;
одобрена после рецензирования 18.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 18.04.2023;
approved after reviewing 18.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Original article
УДК 141.32
doi: 10.17223/1998863X/73/14

THE IDEAS OF COMMUNICATIVE PHILOSOPHY IN SOLVING THE CRISES OF THE MODERN SOCIO-CULTURAL SPACE

Anisa A. Atik¹, Anna A. Konoplyova²,
Natalia V. Chudina-Shmidt³,
Svetlana V. Kucherenko⁴

^{1, 4} *Department of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Yalta, Russian Federation*

^{2, 3} *Crimea Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Simferopol, Russian Federation*

¹ ORCID 0000-0002-6768-8685, anisatun@mail.ru

² akonopleva@mvd.ru

³ frog-79@mail.ru

⁴ ORCID 0000-0003-4916-3938, kusvet07@mail.ru

Abstract. The article considers some phenomena of the modern socio-cultural space from the standpoint of the discursive system of communicative philosophy. Of particular relevance to this study is the thought that the second half of the 20th century states the fact of the transition of the social system to a new level of social development, which can no longer act as post-industrial, but declares itself as informational. It is quite natural then to consider all the problematic aspects of the development and transformation of the socio-cultural space with methods, techniques and platforms related to the ideas developed in communicative philosophy. The article analyzes the impact of the axiological component on the consideration of such phenomena as value and value-based orientations, tolerance, identity, including Ego-identity, extremity, which, having anthropological roots, further lead to their own expression through a certain form of personality activity in society. The article concludes that, in order to minimize destructive and aggressive forms of social action, it is necessary to focus on the values of Dialogue and the “Other” in this dialogue, on authenticity as an opportunity to be oneself and to realize individual meaning, on a dynamic balance between “pleasant” and “meaningful”.

Keywords: society, communicative philosophy, value, tolerance, identity, ego identity, extreme behavior

For citation: Atik, A.A., Konoplyova, A.A., Chudina-Shmidt, N.V. & Kucherenko, S.V. (2023) The ideas of communicative philosophy in solving the crises of the modern socio-cultural space. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 73. pp. 156–173. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/14

Научная статья

ИДЕИ КОММУНИКАТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ В РАЗРЕШЕНИИ КРИЗИСОВ СОВРЕМЕННОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Аниса Ахмедовна Атик¹, Анна Алексеевна Коноплева²,
Наталья Витальевна Чудина-Шмидт³,
Светлана Валериевна Кучеренко⁴

^{1, 4} Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Ялта, Россия

^{2, 3} Крымский филиал Краснодарского университета Министерства внутренних дел
Российской Федерации, Симферополь, Россия

¹ anisatun@mail.ru

² akonopleva@mvd.ru

³ frog-79@mail.ru

⁴ kusvet07@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению явлений современного социокультурного пространства с позиций дискурсивной системы коммуникативной философии. В статье анализируется влияние аксиологического компонента на рассмотрение таких явлений, как ценности и ценностные ориентации, толерантность, идентичность, в том числе Эго-идентичность, экстремальность, которые, имея антропологические корни, в дальнейшем приводят к собственному самовыражению через определенную форму активности личности в обществе. Делается вывод о том, что для минимизации деструктивных и агрессивных форм социального действия необходимо сосредоточиться на ценностях диалога и «Другого» в этом диалоге; на подлинности как возможности быть самим собой и реализовать индивидуальный смысл; на динамическом балансе между «приятным» и «значимым».

Ключевые слова: общество, коммуникативная философия, ценности, толерантность, идентичность, Эго-идентичность, экстремальное поведение

Для цитирования: Atik A.A., Konoplyova A.A., Chudina-Shmidt N.V., Kucherenko S.V. The ideas of communicative philosophy in solving the crises of the modern socio-cultural space // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 156–173. doi: 10.17223/1998863X/73/14

1. Introduction

Understanding of the processes and phenomena that emerge or become relevant in the 21st century leads to the idea that the present era may rightfully be considered as the age of communication. This is confirmed not only by the intensification of interactions aimed at establishing contacts at different levels, but also by the increasing diversity of communication methods, techniques and platforms for their implementation. As any phenomenon, the intensification of communication development has both positive and negative features that emphasize its ambivalence.

On the one hand, it is stated that the world is compressed and united in a single communicative space despite of language and geographical barriers; on the other hand, conflicts that modern civilization is not yet capable of dealing with are intensifying.

In this regard, in the current realities, the consideration of communication and the problems determined by it should be comprehensive. The best way to understand communication lays in the aspect of philosophical analysis, which gives an opportunity for a comprehensive study of multifaceted processes and phenomena, and a thorough characteristic of communication. It also provides researchers with theoretical developments that allow them to respond flexibly to different kinds of changes caused by the rapid complexity of communication, thereby forming a powerful intellectual potential.

That is why the emergence of communicative philosophical studies of Jürgen Habermas [1], Karl-Otto Apel [2], Vittorio Hösle [3], and other philosophers is quite justified in the 20th century.

Today, taking as a basis the ideas of Habermas, communicative philosophy is becoming one of the most popular areas, including a whole range of current social problems in its research interest. Considering the importance of today's communication in human's social activity, we think its research must necessarily be accompanied by the development of axiological grounds for its implementation. However, the problem of modern society and the individual as an integral part of it is that communication, on the contrary, loses its value-based foundations, which leads to the loss of the semantic foundations of existence. At the same time, the value-based approach contributes to the formation of the worldview foundation, giving communication a socially useful meaning. The presence of value criteria in communication processes would lead to improving the utility of communication, which is expressed in the defining of strategies for civilizational development.

2. Axiological aspect of communicative philosophy

2.1. The axiological component of communicative philosophy according to Habermas

The axiological component of communicative philosophy determines value as a basis of sign-oriented communication, or "language game" of several participants, which allows us to find out the meaning of statements according to Habermas [1]. The way to understand what is being said, according to the author, is to participate in a communicative action, "language game", which is characterized by the current language situation between the speaker and the listener, where the former carries out the statement and the thought of what he or she says [1. P. 39].

Regarding the first and second persons, Apel made a remarkable statement. From his point of view, "speech has a twofold relationship <...> one is for the listeners for whom it means something, another to the things about which the speaker intends to convince the listeners" [2. P. 242].

According to Habermas [1. P. 42], participants in communication, expressing statements, or understanding what is said (opinion, statement, intention, feelings), invariably have to accept a performative attitude. This attitude involves alternating the positions of the third person.

At the same time, according to the philosopher, in addition to the third person, there are two more previous ones that have their own attitudes. The first person has an expressive attitude, and the second a rule-forming one.

Performative attitude makes it possible for the participants of the "language game" to focus on statements that express significance claims in relation to the

truth, normative correctness, and truthfulness of the statement. In this regard, the speaker in the “language game” is in a state of waiting for acceptance or rejection of the listener. These statements cause a critical assessment from the listener. The speaker, on the other hand, aims to convince the listener to reach a rationally motivated consensus with his/her statements.

It is also worth noting that, in the “language game” of two persons, in relation to each other’s statements, there are value judgments.

The axiological content of the “language game” consists of several components, one of which concerns the first two persons, their alternating positions of the speaker and the listener. These persons, communicating with each other, have original values in relation to the subject of the conversation. However, being involved in the “game”, the first and second participants do not realize the values on which they make statements.

The second axiological component of communication is a third person, who is in relation to the first two persons in a state of mediation. This third person, being partly away from the first two persons, performs an important objectification task. A third participant of communication objectifies statements between the first and second persons in accordance with the principle of statements’ claims for significance, truth, value. In this regard, a third person in a certain sense “chooses” from the statements of two people such statements that could become significant, valuable for the rest of the participants of the “game”. Such statements “selected” by a third person become a reference point for two “game” persons to which they either agree (and this becomes a consensus for all individuals as a conventional value), or the “selection” of statements by a third person continues.

Thus, the performative attitude of a third person is related to the existence and non-existence of values to a certain extent. The first and second participants of the “language game” do not realize the values on which their statements are based as this communication appears to be often emotional and has deep involvement. A third person, being a third part, is not directly in a value-emotive situation; s/he is guided by reason and, being in a state of “searching”, s/he objectifies value statements between the first and second participants.

It is also important to note that the position of a third person is consistent with the role of science, which, according to Habermas [1], must be unbiased to facts and events and, without having an emotional “colouring”, must objectify values themselves. Based on the scientist’s statement, any science that objectifies facts must consider the methodological consequences associated with the fact that the scientist, as an interpreter, assumes the role of a participant in communication processes. These consequences threaten the independence from the context and the value neutrality that seems to be a necessary condition for the objectivity of theoretical knowledge.

Habermas [Ibid. P. 80] cites the example of ethics and science, where personal, emotional experiences are transformed into judgments that, similar to a third-person performative attitude, are impartial and universal. These statements include judgments about the “genuine value”, “genuine colour”, “authentic shape” of an object, before anyone attributes the shape to it, colour or value based on direct experience alone.

Thus, the performance attitude of a third person, reflected in science, is impartial, detached from personal emotional experience. Its judgments are

universalized, which means that we are talking here about idealization, where statements about “genuine value” will not necessarily coincide with individual’s views on values.

Habermas [1. P. 71] in his concept comprehends the positions of the first and second persons, and, considering that the communication between them can be emotional, he comes to the idea of the possibility of resentment between them, which causes insult and latent hostility. In these circumstances, the performative attitude of a third person, according to the scientist, can eliminate the phenomenon of resentment.

For actions that violate the inviolability of the person, their culprit or, at least, a third person may apologize. As soon as the victim accepts the apology, his or her initial outrage will not escalate into resentment. The objectifying attitude of an indifferent observer abolishes the communication roles of the first and second persons and blocks the realm of moral phenomena in general. The attitude of a third person leads to the disappearance of this area of phenomena.

Thus, Habermas [Ibid. P. 73] indicates a third person as an intermediary who may apologize on behalf of one of the participants of the communication, in which the resentment arises. In the context presented, a third person blocks the area of moral phenomena thus, to a certain extent, “de-axiologizes” the subject of the dispute that caused this kind of communication.

According to Habermas [Ibid. P. 75–76], indignation and hostility are directed against a certain person who is damaging our integrity, but the moral character of this outrage is not due to a disruption of the interaction between two individuals. Rather, it is a matter of sinning against a fundamental normative expectation, which is significant not only for the “I” and “Other”, but also for all members of the social group, and, in the case of strict moral standards, for all sane persons in general. In this regard, Habermas points out that the performative attitude of a third person is able to “extinguish” resentment between persons. Also, it can create conditions for resentment by taking part in the establishing of social and moral norms, overstepping which, individuals experience a sense of hostility or shame. Moral norm is a super personal expectation, equally present for both participants. They are conventional because once individuals agreed with them, not without the participation of a third person.

Sensual reactions directed in certain situations against individuals are connected with no personal protest against the violation of general behavioural expectations or norms, that is, they have a moral character. Only the claim to universal importance gives a certain interest, will, or norm the dignity of moral standing.

The philosopher in his concept shows the mechanism of forming such attitudes, which would have claims to universal importance and the dignity of moral standing, which will be discussed below.

According to Habermas [Ibid. P. 92], communicative actions are those interactions in which their participants agree and coordinate their action plans; in these interactions, the agreement reached in a particular case is measured by the intersubjective recognition of claims to significance. The processes of mutual understanding take place in an explicit language form, in which the actors, talking about something with each other, put forward claims to significance by their speech actions, namely, claims of truth, correctness and truthfulness of their

statements whether they refer to anything in the objective world, or to anything in common in the social world, or to anything in their own subjective world.

New communication technologies cause the growth and complexity of interpersonal and intergroup interactions, leading to a clash of different life values and traditions. Conflict situations can be overcome by applying a system of communicative actions based on tolerance. This would be a special strategy of interaction aimed at preserving multiculturalism and contributing to the development of a constructive interaction at different levels.

In this regard, it is worth noting that the concept of communicative action developed by Habermas [1. P. 80] was able to go beyond its abstract understanding and become a new model of socio-cultural consciousness [4. P. 18]. In the context of Habermas' communicative theory, tolerance is designed to protect a multicultural society and its diversity, as well as to form trusting relationships between the subjects of society.

2.2. The phenomenon of tolerance from the standpoint of communicative philosophy

For centuries, many philosophers and scientists dedicated their works to the research of the phenomenon of tolerance. In antiquity, it is referred to as patience, which eventually takes on a religious aspect and is defined as toleration. However, in the new era, it takes on a new legal aspect. John Locke was one of the first to distinguish between civil rights and religious affiliation: "Neither individual, no church, not even the state can have any right to encroach on each other's civil rights" [5. P. 158].

The modern understanding of tolerance is connected, first of all, with respect for another culture. It becomes the subject of study of many disciplines: philosophy, political science, sociology, pedagogy.

In the first half of the 20th century, sociology has this approach to the study of communication processes as an understanding sociology that considers the phenomenon of communication based on one's own or someone else's experience. Representatives of this approach believed that communication resulted in a mutual understanding of its subjects.

According to Habermas' theory of communicative action, human communication is considered as "individual action plans", which, as the researcher notes, "determine the actual need for mutual understanding, which must be met in the course of interpretive work" [1. P. 201].

In this regard, Habermas identifies three main components of "communicative action" [Ibid. P. 50]: first, it is the opposition of cognitive mind to the object of knowledge which was discussed earlier, the second is the multi-stage nature of the world and society, and, finally, the subordination of social processes to the schemes of human communication.

A person is intelligent and always focused on achieving, preserving and updating concepts which coordinate the plans and actions of a person and are regulated and changed in the course of communication.

Based on this, communication can be understood as the process of transmitting certain information, the purpose of which is to establish constructive interaction and mutual understanding. "Communication takes place where and

when this mutual understanding is in principle achievable” [6. P. 213], notes the Russian philosopher and researcher in the theory of knowledge Petr Grechko.

Communication, accompanied by tolerance, is one of the ways to overcome conflicts and a prerequisite for creating constructive communication.

Studies of the history of tolerance ideas show that the need for it arises when society is aware of the necessity to prevent aggression and misunderstanding resulting from cross-cultural and inter-ethnic conflicts.

Such conflicts, according to various researchers, arise for many reasons. Some researchers believe that conflict is an inevitable part of human life, and others believe that conflicts arise as a result of social changes in society. The American researcher Lewis Coser defines conflict as “a struggle for values or status privileges, for power and for scarce resources that the opposing sides want to possess; another related goal is to neutralize and eliminate their opponent” [7. P. 96]. Thus, according to the researcher, conflict is the most important element of social interaction. Most often, conflicts occur between interdependent actors: the greater the dependence between the actors, the more often conflicts occur. However, not all conflicts can be resolved through tolerance. For instance, Aleksandr Pertsev characterizes tolerance as an intermediate stage on the way from conflict to mutual understanding and effective interaction [8. P. 5].

In our time, tolerance is seen as openness and understanding of the diversity of cultures, as well as respect for differences. So, it is about a dialogue of cultures and values.

Dialogue is a necessary element of the emergence and development of tolerance. The perception of a different point of view in the process of communication is an opportunity for personal growth. Tolerance, therefore, includes a predisposition to dialogue, which is considered as an integral factor of human communication based on the adherence to certain principles.

The search for new methods of tolerance research has become particularly relevant in connection with the growing international conflicts, problems of terrorism and crime which increase tension in interpersonal and intergroup relations.

The development of a culture of tolerant behaviour and dialogue should be considered as the main method of solving the problem of intercultural and interethnic communication.

2.3. Influence of ideas of communicative philosophy on the consideration of the phenomenon of extremity

However, the most relevant and problematic now is the emergence and growth of extremity as a manifestation of the modern socio-cultural space. Within the framework of communicative philosophy, it gets a chance for its own research and gives researchers the opportunity to consider ways out of it. We should note here that since the end of the 20th century there has been a rapid growth of events, phenomena and various types of human activity, which are manifested in reaching extreme (boundary) positions, both in views and ideas, and in actions as well.

Of particular research interest is the consideration of the ideas of external extreme behaviour from the standpoint of internal factors of a person, which are based on the physiological structure. The latter, in turn, is based on biochemical processes, which are particularly influenced by external socio-cultural conditions

of existence. It is the interaction and interdependence of human existence within several – physical, mental and social – worlds that lead to the need to consider this phenomenon comprehensively in all possible modes of their interaction. Back in the 20th century, Ulrich Beck [9] speaks about the formation of a new society – a society with an increased risk factor and, as you know, every society should conform to a certain type of a person. It is worth assuming that today there is a formation of a new anthropological type, that is, a person who will conform to the new social order, who Natalia Chudina called “Homo extremality” [10. P. 99–104].

3. Identity and communicative philosophy

3.1. Analysis of identity by Hösle

The modern philosopher Hösle [3], whose ideas correlate with communicative philosophy, turns to the analysis of identity and states the meaning-forming role of values in the process of its formation. The process of identity itself is built by the philosopher in two planes: along the line of the relationship of consciousness and body, and in the implementation of interaction with others. The body is the expression of a person's thoughts, it forms a person as an individual, and sometimes provides even more information than verbal systems. At the same time, the philosopher states the fact of bodily variability, in spite of which the process of recognition occurs. Even with the loss of some part of the body, the identity is still realized. The difficulty in this case will be experienced rather by the perceiver, but the individual may not develop an identity crisis. Teleological behaviour, in the process of which a reconciliation of the physical and mental conditions occurs, is an important factor in the identity formation. Finding a goal, according to Hösle [Ibid.], provides not only the satisfaction of bodily needs, but it can also be directed, for example, to the “intellectual” desire. The identity crisis at the physiological level is exacerbated during the period of biological changes when transformations in an individual become a reason for experiences not by themselves, but when they entail the need to fit new values into an already established habitual system.

For the philosopher, identity can be real or formal. If formal identity is characteristic of absolutely all objects (including inanimate nature), the real one presupposes the most important process of “preserving form under the influence of time”. Forms are multiple and constantly in a state of struggle. Formal identity is determined by the space that the object occupies, while real identity is inconceivable without a mental act. The continuation of real identity is carried out with the help of memory, which retains information, prolongs the period of its existence in another mental act. As an example, the philosopher cites the products of creativity that preserve memory.

Hösle [Ibid.] identifies two sources of identity formation: the “I”, associated with the “Self”, and the “social Self”, focused on the result of building relationships in society. Noting the mandatory normative nature of identity formation, the created image of the “Self” should not contradict social norms, which otherwise leads to illegal behaviour. An individual can acquire a sense of “dignity” only by adhering to universal values devoid of selfish interest. At the same time, idealization of the individual is of key importance for the optimization of identity. This idealization is able to reveal the potential of an individual both by society and by him-/herself.

According to the philosopher, the established system of images about an individual is referred to as the “social Self”. At the same time, identity implies the consideration of the “social Self” not only in a period of positive social evaluation, but also when the opinion of respected persons for an individual is critical. Perception of disapproval, according to Höfle, is the most important condition for identity. This problem is applicable in modern conditions of communication that occurs through public communication channels and virtual systems. The development of the so-called “hating” is viewed as an extreme degree of a critical attitude towards a public person and his/her activity. By contemporaries, hating is regarded as an essential condition for the recognition of certain individual’s achievements, his/her establishment in society. This recognition is based on emphasizing unique characteristics and is often perceived as an indicator of celebrity, and a sign of the success of a public person according to the principle “no matter what they write, the main thing is they write”.

However, relying on Höfle’s ideas [3], it still becomes obvious that this phenomenon does not contribute to the formation of identity that contradicts to the stereotype of consumer society. Firstly, in the case of hating, the basis of non-constructive criticism is hatred, which, according to the philosopher, has the status of a weak sacrificial position of hater, who is dependent on the actions of the object of his/her hatred. Secondly, haters are mostly strangers; therefore, they are unlikely to enjoy credibility. Thirdly, it is necessary to analyse the attitude of the criticized person to the subject of public criticism. It is appropriate to talk about the formation of identification only if the individual perceives the criticized features as his/her own and not as alienated from his/her own self, which is quite real in the conditions of total image building. Accordingly, the effectiveness of communication as a means of identification depends on the desire to look at one’s own real social positions and is also determined by the credibility of the critic for the object of criticism, in case if their values coincidence.

Thus, communication that is effective for the formation of individual identity is able to build up only if values of two individuals coincide. Höfle resorts to using the dialectical method and notes that “people are attracted to each other only because they are different; and only understanding each other allows them to decide whether they should avoid each other or even fight” [Ibid.].

As for collective identity, its definition takes place with the involvement of public institutions. The most complex unit in this vein, according to Höfle, is culture. Values, along with categories, symbols and languages, give a culture a holistic character and ensure compliance with reality. Normative and descriptive images become the basis for the formation of identity at the cultural level. Identification occurs through the formation of a dual image of one culture in another. On the other hand, the attempt to separate oneself from another social unit is also important, without it the identity would not be complete.

Also, values in Höfle’s philosophy [Ibid.] can act as a factor aggravating the identity crisis in case if they cause feelings of frustration and connect in the individual’s mind with loved ones who instilled or shared them. Thus, the crisis of identity is accompanied by alienation from the former authoritative persons. Modern researchers (S.K. Bondyrev, A.V. Nikitin, E.P. Savrutskaya, S.V. Ustinkin) have also found that values of individual consciousness are influenced by globalization and new communication technologies [11].

According to Höhle, the deepest identity crisis is associated with changes in axiological discourse. An individual experiences the most serious condition when s/he is in the position of denying the normative nature of interaction. The impossibility of recognizing the deviation is associated with the fact that the crisis is already oppositional to the norm. In this regard, the fact of making a mistake is not recognized either, since the individual “freed himself from the thought of the objective difference between error and truth” [3].

The “denial of accepted values” makes communication extremely difficult.

In addition to the rejection of values, to determine the form of participation in the implementation of these values remains problematic. Höhle notes talent as one of the most difficult problems of identity, since neither the individual, nor the society in which s/he is included, has the necessary supply of categories for the full socially useful realization of special abilities. That is why the philosopher brings us to the idea that other people can not only contribute to the formation of identity, but also threaten it. These threats include either authoritative persons expressing contempt for an individual who forms an identity, or geniuses who “cast a shadow on the search for identity of ordinary mortals”, undermining traditional values.

Frustration as a basis for an identity crisis can be caused not only by people, but also by the models of communication. Belief in values is determined by belief in people who embody them. Therefore, undermining belief in value is fraught with the destruction of belief in people. The most acute cause of the collapse of identity is the destruction of love. In such circumstances, the crisis is most severe.

Identity crisis itself has significant consequences. In his reasoning, Höhle encounters a paradox: “Identity crisis often causes regression to more archaic and primitive values” [Ibid.]. Rejection of “self” does not eliminate the need for it, which results in a return to earlier structures. This explains the effectiveness of the use at this stage of totalitarian ideologies, which against the background of the “regulatory vacuum” are seen as more useful and in demand: “they are lured by the promise of unity that has been destroyed by a crisis of collective identity, and which remains to be the subject of a passion”. Systems of norm become an important element of communicative philosophy, which is aimed at establishing certain rules of communication. The legitimization of the communicative process at various levels of social relations is ensured by the norms of law and morality.

In this regard, the philosopher calls on government officials to focus on building an identity based on positive values. This means that an identity formed on the basis of the denial of any moral norms or values (for example, those that existed before), or resulted from disappointment in something, will certainly develop hatred, which is dangerous because the thoughts of the hated “continue to dominate the thoughts of the hater”. Thus, the formation of identity becomes impossible.

In conclusion, Höhle [Ibid.] emphasizes the idea of the difficulty of searching for identity outside of society, which is the only condition of an interaction between the “Self” and the “social Self”. Relying on the Hegelian law of double negation, the philosopher points out that, in order to acquire new moral orientations, it is necessary to simultaneously distance oneself from traditional values and recognize their merits, and to overcome the crisis of identity it's important to develop creativity and awareness of the moral superiority of others.

Thus, according to V. Höfle [3], values are an integral part of communication, which ensure the formation of identity. They become a supra-individual factor, preserving the personal connotation and at the same time reaching the objective level.

3.2. Identity in psychology

The most developed concept of identity is the concept of Erik Erikson [12]. According to him, identity is a sense of self-identity, self-truth, participation in the world and other people. Among the Russian psychologists who touch upon the issues of identity is Oleg Lukyanov. He defines identity as a conscious belonging to a certain category of people, which becomes changeable and uncertain, “fluid” in an era of social change [13].

Erikson considered identity as a process concentrated in the essence of a person and culture, to which this individual belongs [12. P. 340]. In fact, identity is a certain form of correspondence between a person and a culture. In further works of the author, it began to include such meanings as “to be an independent person”; “to have a consistency of character”; “to be capable of solidarity with the ideas of the group”; “to be in tune with your body”; “to feel comfortable with who and what you are”. The author understands identity both as a conscious sense of the uniqueness of an individual (originality), as an unconscious striving for the continuity of life experience, and solidarity with the ideals of the group.

We can thus infer that the concept of identity is used in two senses. Firstly, identity is defined as a subjective feeling of the equality and integrity of one’s personality, which arises spontaneously, unexpectedly, as recognition of one’s essence. Secondly, identity is understood as a result of the experience and awareness of one’s belonging to a particular social group by opposing the existence of other groups.

As a meta-concept, identity embraces both ontology and reflection, but, at the same time, scientific research requires a specification of this concept since the analysis of its content raises, according to R.B. Sapozhnikova [14], a number of serious problems.

Lidia Schneider, analysing modern research on identity, identifies three main contents of the concept of “identity”:

- integrity of the individual as its integrative property;
- the degree to which a person corresponds to a group, gender, ethnicity, gender or other categories;
- the self, the authenticity of the individual [15. P. 5].

Another way of defining identity is due to the dialectical nature of the concept itself and is associated with the use of the method of antinomies. In this case, the content of the concept is revealed by antinomy pairs: constancy – change, identity – difference, external – internal, non-fusion – inseparability.

In general, two contexts can be distinguished that determine the content of identity: the context of comparison, which determines the degree of compliance, and the context of development, which determines the persistence of change.

In the latter case, it is assumed that identity is flexible enough to tolerate change, maintaining the continuity of experience. In other words, the conditions that define identity are relative and to a greater extent presuppose the presence of stable relations or connections that provide psychological continuity and integrity of the individual.

Alan Waterman [16] believes that identity is associated with a person's clear self-determination, which includes the choice of goals, values and beliefs that a person follows in his or her life. If goals, values and beliefs can be defined as elements of identity, according to Waterman, then professional goals, values and beliefs can be considered as elements of professional identity. Values, including those related to professional life, have been studied by Svetlana Kucherenko [17] earlier, and a scheme for constructing a personality typology based on the structural features of the value-semantic sphere has been proposed. To study those values, one can apply a problem interview, content and narrative analysis, a free and directed colour-associative experiment. Waterman examines identity in the relationship between procedural and substantive aspects. Firstly, the process of the formation and existence of identity encompasses the means by which a person identifies, evaluates and selects values, goals and beliefs which will later become elements of his/her identity. Secondly, identity cannot be examined without considering the meaningful specifics of the goals, values and beliefs that a person chooses. Many researchers question the possibility of the existence of identity. For instance, in a work by Peter Berger and Thomas Luckmann [18], identity is opposed to mental integrity. The authors believe that in modern society, identity is open to any external influence; therefore, there is a situation of "rejection of identity" in order to preserve the integrity of the individual. Erwing Goffman [19] drew attention to the fact that, when acquiring identity, a person is forced to solve the most difficult question of how one can balance between two illusions – the ordinariness and the uniqueness of his/her own personality. For Goffman, the problem of identity is the problem of the possibility of its existence in general. In post-non-classical methodology, the multiplicity and ambiguity of the "Self" is considered as a necessary property and the condition for the development of a mature personality in circumstances of instability, diversity, temporal plurality of the modern world. A synergistic approach to the study of personality identity determines the development of identity problems in a broader context: from socio-cultural attitudes to theoretical and cognitive preferences, and the search for meaning in language and with the help of language. Consciousness as a process and result of awareness, including self-awareness, can be represented as a closed circuit with a "Self-image" through which the impulse of the "pure" Self periodically runs: the moment the impulse crosses the point of closure is the moment of conscious "grasping" of oneself and the world, that is, of identity. We can say that, in such a model, consciousness has a pulsating, virtual nature.

At the same time, the dynamics of identity consists in a new self-reference, which may differ from the previous one, that is, a personality change occurs.

3.3. The existential approach to the study of identity

The existential approach to the study of identity reveals it as a way to solve existential problems. For example, Erikson [12] justified that the achievement of identity is impossible without the emergence of basic meanings of development, such as "Hope", "Care", "Wisdom", "Love" etc. In other words, identity is defined as a way of life in terms of relationships with other people and solving existential problems, that is, as the achievement of a certain existential position opposing despair. This existential position presupposes a delimiting and at the same time

participatory attitude towards the world and other people, and its implementation requires the following conditions:

- delimiting oneself from the rest of the world;
- assignment (correlation with own experience);
- the ability to fit into the social context, get used to it.

In this aspect of analysis, according to Alfried *Längle*, the process of achieving identity is determined by fundamental existential motivations:

- the ability to be present in this world, to find protection, space and support, to accept the conditions and opportunities that exist (support);

- fullness of emotional life, the ability to experience sorrow and sadness when something valuable and important is lost, the ability to enjoy life (value of life);

- the ability to be oneself – to find oneself, to live life deeply and harmoniously (ignoring one's "Self", neglecting its interests causes a state of emptiness and loss – authenticity);

- the opportunity to open up to one's future, to act, to devote oneself to meaning (to discover one's life context – meaning) [20. P. 11–12].

Thus, existential analysis reveals the content of identity as the formation of self-worth and authenticity through interaction with the outside world by solving existential problems (presence in the world, fullness of emotional life, the ability to be oneself and realize oneself in life).

So, identity is a multidimensional process of human formation, which can be described with the help of instant awareness of oneself in the world; this process is described in the categories of freedom, responsibility, choice, self-determination, self-organization, personalization. Schneider [15] connects the concept of identity and self-determination. The generative mechanisms of identity are processes of identification and alienation.

In the context of systemic anthropological psychology, "identity is not something that one can obtain once in the act of identification and then reuse" the result of this act as some completed product, ready to be employed as an evaluation basis. However, this is not something that must be constantly restored, reproduced anew, in a word, re-implemented. "Formation is a progressive complication of open systems and at the same time a way of their existence" [21. P. 335]. In other words, professional identity is a mental phenomenon that exists in the process of endless professional development. It is impossible to form or develop a professional identity, it is in the process of constant formation, that is, it is an integral evaluation of the state of the self-development process. Thus, professional identity is an integral evaluation of a person's own process of professional self-development.

The timeliness of the transition of possibility into reality and reality into the desired being determines the success of identity formation [Ibid. P. 336], that is, how successfully the individual's capabilities are realized in professional activities and how professional expectations are met. In other words, professional identity is formed due to the fact that a person realizes his/her own capabilities in a given profession in specific conditions. This aspect is situational and depends on the living conditions and socio-cultural environment in which the person manifests, seeks and finds his/her place. For empirical diagnostics of this manifestation of professional identity, it is advisable to apply the event-based approach of Aleksandr Kronik [22] and the method of causometry.

Thus, identity can be distinguished as a result and as a process of identification (according to Erikson), a process and a result of choosing one of many other identities. The basis of the modern understanding of identity is the relationship “Self – Other”, that is, identity by its nature is dialogical – it is born, it changes and it manifests itself in dialogue with other people.

If we compare the understanding of identity by Erikson with the existential analysis of Längle, then we get such a space of coordinates between the axes “Self” – “Other” and “pleasantly” – “meaningful” (Fig. 1).

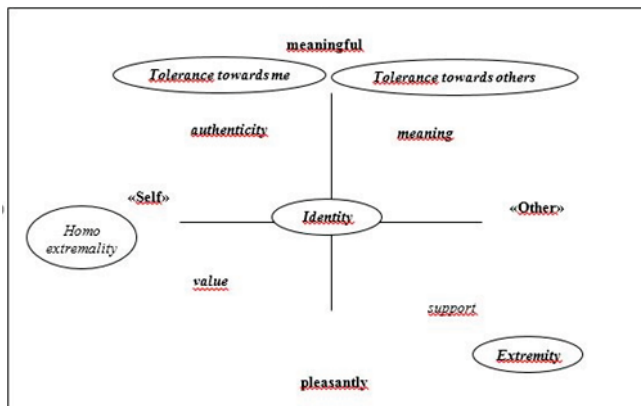

Fig. 1. Existential coordinate space between axes “Self” – “Other” and “pleasantly” – “meaningful” according to Frankl and Längle [20]

As you can see from Figure 1, the categories “Other” and “pleasantly” form support (“when the Other is pleasant, it will be possible to rely on him”), “Self” and “pleasantly” form value (“I am pleasant to myself, I am valuable, I like myself”), “Self” and “meaningful” authenticity (“I carry individual meanings, I understand who I am and what constitutes my originality”); “Other” and “meaningful” meaning (“what I do for the Other makes sense and this sense is important to me”). In all situations of “unpleasant” and “not meaningful”, we are dealing with negative manifestations of identity, which are the opposite of existential fullness or the realization of existential needs in the life of each individual person.

4. Conclusion

Thus, as reality shows, if the world of the future is a world of extreme manifestations, then a person will also be extreme. Only one thing is not yet clearly visible: what vector of direction of a person’s actions will still be there in the new social system, because being in the world of extreme manifestations means that a person still does not go beyond the boundaries of the evaluative perception of the world. In this connection, it is worth deciding on the vector of the possible action of such a person, which will go from extremely positive, constructive, creative to extremely negative in the form of deconstruction – up to complete destruction. The main question in this aspect is the question of what the human action of the future will be. And here the leading place belongs to the whole system of the value-oriented basis of society because being in the world of value-based attitude to the surrounding reality means that a person him- or herself forms one’s own ideas,

thoughts and actions. It occurs in accordance with value-based orientations so that a person's belonging to a particular civilization and nation affects his/her vision of a particular situation. It is in this context that we find the importance of communicative philosophy which gives rise to a certain level of identity and, accordingly, a certain behavioural stereotype.

Thus, we should note that at the present stage of the society's development, the most significant and leading role is played by the problem of communication, which is being developed within communicative philosophy.

Identity in this understanding is considered as a process or as a result, a product of communication. The process of communication between "Self" and "Other" can be "pleasant", thus it will be possible to rely on the "Other"; if it is not pleasant, then the "Self" will not have support in such a world. "Self" can be "pleasant", be valuable ("I am pleasant to myself, I am valuable, I like myself") or be unpleasant, undesirable and invaluable. Such a person will easily sacrifice him- or herself and the life of other people will not be of value to him/her, since his/her own "Self" is the measure of all things. If "Self" is "meaningful", it testifies to authenticity ("I carry individual meanings, I understand who I am and what constitutes my originality"), if it is not meaningful, then I do not know who I am and what I want in life. I can realize my own meaning only in relation to the "Other" ("What I do for the Other makes sense and this sense is important to me"), if there is no "Other" or s/he does not understand what s/he needs, then my realization is impossible, but destruction is possible. We examined the existential conditions and risks of the formation of personality identity in the modern world.

A person living in an extreme world, a contemporary person, faces the fact that the formation of his/her identity occurs through interaction with the outside world by solving existential tasks: presence in the world (support in life), completeness of emotional life (value of life), the ability to be oneself (authenticity) and realization of oneself in life (the realization of individual meaning).

Thus, today's transformational processes trigger the mechanism of destruction of the world of the past and begin to shape the world of the future. These processes and mechanisms are quite complex and conflicting, they are multifaceted and multidimensional, they affect all spheres of life of the social system, their influence extends to the entire socio-cultural space as a whole and to each individual in particular. And if we want to preserve our world and ourselves, then we need to use the values of communicative philosophy to overcome the crises that exist today. First of all, we are talking about accepting the importance of the values of Dialogue and the "Other" in this dialogue; authenticity as an opportunity to be oneself and to realize individual meaning; dynamic balance between "pleasantly" and "meaningful".

References

1. Habermas, J. (2000) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral consciousness and communicative action]. Translated from English by D.V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka.
2. Ape, K.-O. (2001) *Transformatsiya filosofii* [Philosophy transformation]. Translated from German. Moscow: Logos.
3. Hösle, V. (1994) Crisis of individual and collective identity. *Problems of Philosophy*. 10. pp. 112–123. (In Russian). [Online] Available from: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000647/index.shtml>

4. Furs, V.N. (2000) *Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa* [Jurgen Habermas's Philosophy of Unfinished Modern]. Minsk: Ekonom-press.
5. Locke, J. (1988) *Trudy* [Works]. Vol. 3. Moscow: Mysl.
6. Grechko, P.K. (2006) *Razlichiya: ot terpeniya k kul'ture tolerantnosti* [Differences: from patience to a culture of tolerance]. Moscow: RUDN University.
7. Coser, L. (2000) *Funktsii sotsial'nogo konflikta* [The Functions of Social Conflict]. Translated from English. Moscow: Ideya-Press.
8. Pertsev, A.V. (2002) *Zhiznennaya strategiya tolerantnosti: problemy razvitiya v Rossii i na Zapade* [The life strategy of tolerance: the problem of development in Russia and in the West]. Yekaterinburg: Ural Federal University.
9. Beck, U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k novoy sovremennosti* [Risk Society. Towards a New Modernity]. Translated from English. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Chudina, N.V. (2014) Homo Extremality –Man of the 21st century. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Nauchnyy zhurnal. Seriya "Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sotsiologiya"*. 27(66). pp. 99–104. (In Russian).
11. Bondyreva, S.K., Nikitin A.V., Savrutsкая E.P. & Ustinkin, S.V. (2021) Problematic field of communicative practices under globalization: linguistic aspect. *Rev. EntreLinguas, Araraquara*. 7(2). DOI: 10.29051/el.v7iesp.2.15155
12. Erikson, E.H. (1956) The concept of ego identity. *American Psychoanalytic Association*. 4. pp. 56–121.
13. Lukyanov, O.V. (2008) *Problema formirovaniya identichnosti v epokhu sotsial'nykh izmeneniy* [The problem of identity formation in the era of social change]. Tomsk: Tomsk State University.
14. Sapozhnikova, R.B. (2005) Analysis of the concept of "identity": theoretical and methodological foundations". *Vestnik TGPU – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 1. pp. 13–17. (in Russian). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-identichnost-teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovaniya>.
15. Schneider, L.B. (2001) *Professional'naya identichnost'* [Professional Identity]. Moscow: MOSU.
16. Waterman, A.S. (1982) Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research. *Developmental Psychology*. 18(3). pp. 341–358. DOI: 10.1037/0012-1649.18.3.341
17. Kucherenko, S.V. (2018) Features of the value-semantic sphere of students: typology of personality. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 58(1). pp. 331–335. (In Russian). DOI: 10.24412/FemKesn5ICU.
18. Berger, P.L. & Luckmann, T. (1966) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. Translated from English by E.L. Rutkevich. Moscow: Medium.
19. Goffman, I. (2000) *Znakomstvo s drugimi v povsednevnoy zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Translated from German by A.D. Kovalev. Moscow: KANON-Press-TS.
20. Längle, A. (2001) Existential Analysis – Finding Accord with Life. *Moskovskiy psikhoterapevticheskiy zhurnal*. 1(28). pp. 5–23. (In Russian).
21. Klochko, V.E. (2009) Personal identity and the problem of human stability in a changing world: a systemic-anthropological perspective. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Bulletin*. 324. pp. 333–336. (In Russian).
22. Kronik, A.A. (2003) *Kauzometriya: metody samopoznaniya, psikhodiagnostiki i psikhoterapii v psikhologii zhiznennogo puti* [Causometry: Methods of Self-Knowledge, Psychodiagnostics and Psychotherapy in Life Path Psychology]. Moscow: Smysl.

Список источников

1. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. Д.В. Складнев. СПб. : Наука, 2000. 277 с.
2. Апель К.-О. Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М. : Логос, 2001. 344 с.
3. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112–123 // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000647/index.shtml> (дата обращения: 15.04.2020).
4. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск : Экономпресс, 2000. 224 с.

5. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1988. Т. 3. С. 137–405.
6. Гречко П.К. Различия: от терпимости к культуре толерантности. М., 2006. 415 с.
7. Козер Л. Функции социального конфликта. М. : Идея-Пресс, 2000. 205 с.
8. Перцев А.В. Жизненная стратегия толерантности: проблема становления в России и на Западе. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. 253 с.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
10. Чудина Н.В. Homo Extremality – человек XXI века // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27, № 1–2 (66). С. 99–104.
11. Bondyreva S.K., Nikitin, A.V., Savrutsкая, E.P., Ustinkin, S.V. Problematic field of communicative practices under globalization: linguistic aspect // Rev. EntreLinguas, Araraquara. 2021. Vol. 7, № esp. 2, e021029. doi: <https://doi.org/10.29051/el.v7iesp.2.15155>
12. Erikson E.H. The concept of ego identity // Amer. Psychoanal. Assn. 1956. № 4. P. 56–121.
13. Лукьянов О.В. Проблема становления идентичности в эпоху социальных изменений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 212 с.
14. Сапожникова Р.Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-ponyatiya-identichnost-teoreticheskie-i-metodologicheskie-osnovaniya> (дата обращения: 20.04.2021).
15. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность. М. : МОСУ, 2001. 272 с.
16. Waterman A.S. Identity development from adolescence to adulthood: An extension of theory and a review of research // Developmental Psychology. 1982. 18(3). P. 341–358. DOI: 10.1037/0012-1649.18.3.341
17. Кучеренко С.В. Особенности ценностно-смысловой сферы студентов: типология личности // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 58-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tsennostno-smyslovoy-sfery-studentov-tipologiya-lichnosti> (дата обращения: 27.06.2022).
18. Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge. 1966 (1995). Moscow: Medium.
19. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2000. 304 с. (Малая серия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра фундаментальной социологии»).
20. Лэнгле А. Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1 (28). С. 5–23.
21. Ключко В.Е., Лукьянов О.В. Личностная идентичность и проблема устойчивости человека в меняющемся мире: системно-антропологический ракурс // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 333–336.
22. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия: Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М. : Смысл, 2003. 284 с.

Information about the authors:

Atik A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russian Federation). E-mail: anisatun@mail.ru

Konoplyova A.A. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Crimea Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Simferopol, Russian Federation). E-mail: akonopleva@mvd.ru

Chudina-Shmidt N.V. – Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Department of Humanities and Socio-Economic Sciences, Crimea Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Simferopol, Russian Federation). E-mail: frog-79@mail.ru

Kucherenko S.V. – Cand. Sci. (Psychology), associate professor, Department of Psychology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russian Federation). E-mail: kusvet07@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Сведения об авторах:

Аттик А.А. – кандидат философских наук, доцент Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия). ORCID 0000-0002-6768-8685. E-mail: anisatun@mail.ru

Коноплева А.А. – кандидат философских наук, доцент Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Симферополь, Россия). E-mail: akonopleva@mvd.ru

Чудина-Шмидт Н.В. – кандидат философских наук, доцент Крымского филиала Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Симферополь, Россия). E-mail: frog-79@mail.ru

Кучеренко С.В. – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (Ялта, Россия); ORCID 0000-0003-4916-3938. E-mail: kusvet07@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 21.06.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 314.373
doi: 10.17223/1998863X/73/15

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ЗАНЯТОСТИ

Полина Евгеньевна Акулова¹, Наталья Владимировна Тонких²

^{1,2} ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»,
Екатеринбург, Россия

¹ polina.ackulowa@yandex.ru

² tonkihnv@usue.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между цифровой занятостью родителей и рождаемостью (количеством детей); изучались различия в уровне благополучия у респондентов, использующих и не использующих интернет в рабочих целях. Работа выполнена на материалах RLMS-HSE. Выявлено, что среднее количество детей до 18 лет у респондентов, использующих в работе интернет, статистически значимо выше, чем у респондентов, не использующих интернет. Удовлетворенность жизнью, работой и материальным положением у применяющих интернет в работе тоже выше. Предложены рекомендации по развитию статистического инструментария для измерения цифровой занятости, сформулированы направления для дальнейших исследований.

Ключевые слова: цифровизация занятости, интернет, рождаемость, благополучие, удовлетворенность жизнью

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00614 «Исследование влияния цифровой занятости на рождаемость и родительское благополучие», <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

Для цитирования: Акулова П.Е., Тонких Н.В. Социально-демографические эффекты цифровизации занятости // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 174–185. doi: 10.17223/1998863X/73/15

SOCIOLOGY

Original article

SOCIO-DEMOGRAPHIC EFFECTS OF EMPLOYMENT DIGITALIZATION

Polina E. Akulova¹, Natalia V. Tonkikh²

^{1,2} Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russian Federation

¹ polina.ackulowa@yandex.ru

² tonkihnv@usue.ru

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between parents' digital employment and fertility (number of children). The authors analyzed differences in the level of well-being among respondents who use and do not use the Internet for work

purposes. The aim of the study is to confirm or refute the presence of socio-demographic effects of employment digitalization. The object of the study is the employed population of reproductive age in Russia. The study focuses on the specifics of reproductive behavior and self-assessment of well-being, depending on the level of employment digitalization. The work was done on the materials of RLMS-HSE. Some hypotheses were tested: the level of digital employment is growing; the proportion of the respondents who used the Internet for work has been increasing annually over the past 10 years; the average number of children per respondent using the Internet in their work is higher than the average number of children per respondent who does not use the Internet for work; the average number of children under 18 per respondent using the Internet in their work is higher than the average number of children under 18 per respondent who does not use the Internet for work; people who use the Internet in their work-related activities have higher level of satisfaction with life, financial situation and job than those who do not use the Internet at work. The authors found that the average number of children under 18 among the respondents who use the Internet in their work is statistically significantly higher than among the respondents who do not use the Internet. Satisfaction with life, job and financial situation among those who use the Internet in their work is also higher. Recommendations for the development of statistical tools for measuring digital employment are proposed; directions for further research are formulated.

Keywords: employment digitalization, Internet, fertility, well-being, life satisfaction

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00614, <https://rscf.ru/project/22-18-00614/>

For citation: Akulova, P.E. & Tonkikh, N.V. (2023) Socio-demographic effects of employment digitalization. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 174–185. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/15

Массовая цифровизация всех областей нашей жизни, включая рынок труда, ускоренные и простимулированные пандемией и последовавшим за ней экономическим кризисом, оказали серьезное воздействие на способы и методы выполнения работы, характеристики рабочих мест, уровень оплаты труда, требования к работникам и социально-демографические характеристики самих работников. Изучение и анализ изменений, произошедших в поведенческих реакциях работников, эффектов, которые оказали эти социально-экономические процессы на решения работников относительно их репродуктивного поведения, родительства в целом, являются важными задачами в контексте выработки общей политики занятости, реализации мер социально-экономической поддержки населения.

Субъективная ценность работы и личной жизни, а также удовлетворенность работой и жизнью в целом тоже представляют собой важные области для анализа и исследования в свете экономических и социальных потрясений, вызванных пандемией, изменениями на рынке труда, цифровизацией занятости и сложной геополитической обстановкой [1. С. 7; 2. С. 43]. Мы являемся свидетелями того, как стремительный перевод занятости и профессий в цифровые форматы трансформировал рынок труда, изменил его параметры [3. С. 130; 4. С. 157].

В контексте непрерывных изменений международные организации уделяют особое внимание регулированию и измерению разных аспектов цифровой/удаленной занятости [5–7].

Актуальность проблематики подтверждается еще и тем фактом, что исходя из результатов опросов и социологических замеров [8] уже сейчас наблюдается желание молодого поколения сохранить дистанционный формат работы [9. С. 72; 10. С. 15; 11]. Одна из причин такого выбора – стремление

молодежи к гармоничному совмещению родительского труда и занятости. Основными факторами, влияющими на решения молодых людей относительно выбора удаленной занятости, являются снижение временных и денежных затрат на дорогу до работы, снижение моральных и материальных затрат по уходу за детьми, увеличение времени, проведенного в кругу семьи [12. С. 38–39; 13. С. 163; 14]. Масштабное распространение форм гибкой цифровой занятости может повлиять на решения женщин относительно времени выхода из декрета: уменьшить необходимость досрочно выходить из декретного отпуска в связи с нуждаемостью в дополнительном доходе, снизить риски от потери квалификации и длительного прерывания карьеры [15. С. 125].

Ранее российскими исследователями уже проводился анализ факторов, влияющих на выбор женщинами количества детей и решения относительно рождения еще одного ребенка, в том числе при условии удаленной работы [16–18]. Качество женской удаленной занятости и ее характеристики также находятся в сфере внимания исследователей, так как женская удаленная занятость претерпела в пандемию значительные изменения [19–21].

Репрезентативные данные Росстата демонстрируют наличие связи между количеством у женщины детей и уровнем ее вовлечения в занятость [22].

В статье И.Е. Калабихиной [23. С. 101] анализируется влияние наличия доступа и использования в работе высокоскоростного интернета на принятие решения о рождении ребенка среди женщин репродуктивного возраста. В цитируемой статье делается вывод, что доступ к высокоскоростному интернету положительно влияет на рождаемость, особенно для женщин среднего и старшего репродуктивного возраста, преимущественно со средним и высшим профессиональным образованием, в большей степени на рождение вторых и последующих детей. Данное явление объясняется тем, что для женщины возможность работать удаленно позволяет лучше сбалансировать семейные и профессиональные обязанности.

Таким образом, есть основания утверждать, что внедрение и масштабирование различных форматов цифровой занятости может оказывать влияние на социально-демографические характеристики работников, их поведенческие установки, мотивацию к тем или иным семейным решениям.

Цель нашего исследования – подтвердить или опровергнуть наличие социально-демографических эффектов цифровизации занятости. Объект исследования: занятое население России в репродуктивном возрасте. Предмет исследования: специфика репродуктивного поведения и самооценки уровня благополучия в зависимости от уровня цифровизации занятости.

Методология и гипотезы исследования

Само понятие «цифровая занятость» относится к относительно новым социально-экономическим явлениям. Ее сущность и ключевые дефиниции находятся в стадии развития и становления. Контент-анализ специальной литературы и результаты авторского экспертного опроса ведущих экономистов и социологов позволили сформулировать следующую авторскую позицию. Цифровая занятость – трудовая деятельность, предполагающая использование информационно-коммуникационных технологий и инструментов при выполнении основных трудовых функций в течение рабочего дня (разработчики ИТ-технологий и специалисты, интенсивно использующие ИКТ при вы-

полнении работы: IT-специалисты, программисты, дизайнеры, онлайн-консультанты, тренеры и пр.). При этом занятость может быть как на стационарном рабочем месте, так и в удаленном формате, способы применения цифровых технологий и ИКТ могут отличаться в зависимости от формы занятости [24. С. 26]. Таким образом, мы разделяем понятия «цифровая занятость» и «удаленная занятость». При этом, соглашаясь с приведенным в [25] определением, мы считаем, что дистанционная (удаленная) и платформенная занятость являются формами цифровой занятости. Методологически это не противоречит классификации Еврофонда [26].

Отметим, что на сегодняшний день процедура, методология и создание наборов панельных (лонгитюдных) статистических данных, описывающих процессы цифровизации, находятся в стадии становления. Исследователям доступны ограниченные данные, представленные на сайте Росстата. В самой широко используемой исследователями базе данных RLMS-HSE [27] в открытом доступе данных о специалистах в области ИКТ нет, как нет и данных о платформенных работниках, надомных работниках, цифровых кочевниках [28] и др. В опроснике есть ряд вопросов о дистанционной занятости, но ответы на эти вопросы закрыты для исследователей. В силу вышеописанных причин в данной статье автором делается допущение, что люди, которые в своей работе используют интернет, чаще работают на условиях цифровой занятости.

Таким образом, в данной статье респондентами с цифровым форматом занятости считаются все опрошенные, которые использовали интернет в рабочих целях за последние 12 месяцев.

Ключевые задачи исследования:

1) провести корреляционный анализ удовлетворенности жизнью в группах респондентов репродуктивного возраста, применяющих и не применяющих интернет в своей работе;

2) выявить наличие/отсутствие существования корреляции между средним количеством детей и их возрастом в группах работающих респондентов, применяющих и не применяющих интернет в своей работе.

Гипотезы исследования:

H1: уровень цифровой занятости растет: доля респондентов, применявших интернет для работы, ежегодно увеличивается в течение последних 10 лет.

H2: доля респондентов, имеющих детей, в группе применявших в своей работе интернет, значимо выше доли респондентов, имеющих детей, в группе не использующих интернет для работы.

H3: среднее количество детей в расчете на 1 респондента, использующего в своей работе интернет, выше, чем среднее количество детей в расчете на 1 респондента, не применяющего интернет для работы.

H4: среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента, использующего в своей работе интернет, выше, чем среднее количество детей до 18 лет в расчете на 1 респондента, не применяющего интернет для работы.

H5: уровень удовлетворенности жизнью, материальным положением и работой у людей, использующих в своей работе интернет, выше, чем у тех, кто интернет на работе не применяет.

В ходе исследования был применен статистический анализ данных лонгитюдного обследования индивидов Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2011–2020 гг. [27]. Для анализа были использованы возможности статистического пакета IBM SPSS Statistics. Описание переменных представлено в табл. 1.

Таблица 1. Отобранные вопросы опросника с описанием [27]

Вопрос	Название переменной	Ответ
Количество полных лет	age	> 1
Пол	h5	1 – Мужской. 2 – Женский
У Вас есть дети, родные или официально усыновленные?	j72.171	1 – Есть. 2 – Нет
Сколько из Ваших детей моложе 18 лет?	j72.173	≤ 0
Давайте поговорим о Вашем основном занятии в настоящее время. Скажите, пожалуйста, Вы сейчас...	J1	1 – Работает. 2 – В декретном отпуске. 3 – В оплачиваемом отпуске. 4 – В неоплачиваемом отпуске. 5 – Без работы
Вы пользовались интернетом в течение последних 12 месяцев для работы?	j125.2	1 – Да. 2 – Нет
Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?	J65	1 – Полностью удовлетворены. 2 – Скорее удовлетворены. 3 – И да, и нет. 4 – Не очень удовлетворены. 5 – Совсем не удовлетворены
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены или не удовлетворены Вашей работой в целом?	J1.1.1	1 – Полностью удовлетворены. 2 – Скорее удовлетворены. 3 – И да, и нет. 4 – Не очень удовлетворены. 5 – Совсем не удовлетворены
Скажите, пожалуйста, насколько Вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?	j66.1	1 – Полностью удовлетворены. 2 – Скорее удовлетворены. 3 – И да, и нет. 4 – Не очень удовлетворены. 5 – Совсем не удовлетворены

Перед проверкой гипотез была проведена подготовка данных. Критерием для отбора первичных данных стал репродуктивный возраст от 18 до 49 лет. Для анализа были отобраны только те наблюдения, которые содержали информацию о работающих (ответ «Вы сейчас работаете» на вопрос «Ваше основное занятие в настоящее время?»). Далее из полученной на первом этапе выборки были удалены наблюдения, имеющие такие ответы, как «Затрудняюсь ответить», «Отказ от ответа», «Нет ответа», на отобранные вопросы опросника. Полученная в результате отбора данных выборка содержит 6 531 наблюдение.

В качестве измерителей благополучия рассматривается удовлетворенность жизнью, работой и материальным положением среди работающих индивидов. Количество удовлетворенных индивидов рассчитывается по числу ответов «Полностью удовлетворены» и «Скорее удовлетворены».

Проверка гипотезы H1 проводилась методами регрессионного анализа. Для сравнения долей респондентов при проверке гипотез H2 и H3 использовался критерий хи-квадрат. Проверка гипотез H4 и H5 проводилась с применением критерия Стьюдента для независимых выборок. Для проверки гипотезы H1 использовались данные за 2011–2020 гг. Гипотезы H2–H5 проверялись на данных обследования 2020 г.

Результаты и обсуждение

1. Для проверки гипотезы Н1 построено уравнение парной линейной регрессии по данным, приведенным в табл. 2 и полученным по результатам обработки опросов РМЭЗ НИУ ВШЭ за 2011–2020 гг.

Таблица 2. Доля использующих интернет для работы в общем количестве опрошенных

Год	Доля, %
2011	43,1
2012	47,0
2013	48,1
2014	51,2
2015	52,4
2016	55,4
2017	56,8
2018	60,1
2019	61,4
2020	65,6

Примечание. Рассчитано авторами.

Для построения модели парной линейной регрессии в качестве регрессора был взят порядковый номер года. Результаты регрессионного анализа приведены в табл. 3.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Показатель	Значение
Множественный R	0,995
R -квадрат	0,990
Значимость F	0,000
Y -пересечение	0,413
Переменная X_1	0,023

Примечание. Рассчитано авторами.

Согласно полученным результатам за исследуемые 10 лет, доля использующих интернет в работе в среднем ежегодно увеличивалась на 2,3%, и это увеличение является статистически значимым. Таким образом, мы подтвердили гипотезу Н1.

2. Для проверки гипотезы Н2 была построена таблица сопряженности (табл. 4).

Таблица 4. Сравнение долей респондентов для проверки гипотезы Н2

Группа респондентов	Респондент имеет детей		Респондент не имеет детей		Итого	
	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %	Количество	Доля, %
Интернет использовался для работы в течение последних 12 месяцев	3 335	76,1	1 045	23,9	4 380	100,0
Интернет не использовался для работы в течение последних 12 месяцев	1 696	78,8	455	21,2	2 151	100,0
Всего	5 031	77,0	1 500	23,0	6 531	100,0

Примечание. Рассчитано авторами.

Высокое значение χ^2 , равное 6,014, и уровень значимости $p = 0,014$ позволяют утверждать наличие статистически значимого отличия: не использу-

ющие интернет в работе чаще имеют детей, чем те, кто интернет в работе применяет. Выдвинутая в исследовании гипотеза Н2 не подтвердилась.

3. Результаты сравнения среднего количество детей у индивидов, использующих и не использующих интернет для работы в течение последних 12 месяцев, приведены в табл. 5. Расчет t -статистики для сравнения средних двух независимых выборок показал значимое отличие в среднем количестве детей в семьях двух исследуемых групп респондентов (t -статистика = $-3,305$, уровень значимости $p = 0,01$). Гипотеза Н3 не подтвердилась.

Таблица 5. Сравнение количества детей у групп респондентов для проверки гипотезы Н3, данные за 2020 г.

Группа респондентов	Количество респондентов в группе	Количество детей в среднем
Интернет не использовался для работы в течение последних 12 месяцев	2 151	1,36
Интернет использовался для работы в течение последних 12 месяцев	4 380	1,28

Примечание. Рассчитано авторами.

4. Сравним среднее количество детей до 18 лет в семьях респондентов двух исследуемых групп по результатам расчетов, приведенных в табл. 6.

Таблица 6. Сравнение количества детей до 18 лет у групп респондентов для проверки гипотезы Н4

Группа респондентов	Количество респондентов в группе	Количество детей в среднем
Интернет не использовался для работы в течение последних 12 месяцев	2 151	0,69
Интернет использовался для работы в течение последних 12 месяцев	4 380	0,74

Примечание. Рассчитано авторами.

Исходя из полученных данных, среднее количество детей до 18 лет у респондентов, использующих в работе интернет, статистически значимо выше, чем у тех, кто не использует интернет в рабочих целях (t -статистика = $2,067$, уровень значимости $p = 0,039$). Гипотеза Н4 подтвердилась.

5. При сравнении удовлетворенности жизнью, материальным положением и работой людей, принимавших участие в опросе, учтем, что набор ответов, предложенных респондентам, был ранжирован от 1 – «Полностью удовлетворены» до 5 – «Полностью не удовлетворены». То есть чем ниже средняя оценка удовлетворенности в исследуемой группе, рассчитанная по результатам анкетирования, тем выше удовлетворенность у группы респондентов.

Результаты сравнения удовлетворенности различными аспектами жизни приведены в табл. 7–9.

Таблица 7. Сравнение уровня удовлетворенности жизнью в целом в настоящее время у респондентов двух групп для проверки гипотезы Н5

Группа респондентов	Количество респондентов в группе	Уровень удовлетворенности жизнью в среднем
Интернет не использовался для работы в течение последних 12 месяцев	2 151	2,59
Интернет использовался для работы в течение последних 12 месяцев	4 380	2,49

Примечание. Рассчитано авторами; t -статистика = $-4,205$, уровень значимости $p = 0,000$.

Таблица 8. Сравнение уровня удовлетворенности работой у респондентов двух групп для проверки гипотезы H5

Группа респондентов	Количество респондентов в группе	Уровень удовлетворенности работой в среднем
Интернет не использовался для работы в течение последних 12 месяцев	2 151	2,30
Интернет использовался для работы в течение последних 12 месяцев	4 380	2,12

Примечание. Рассчитано авторами; t -статистика = $-8,907$, уровень значимости $p = 0,000$.

Таблица 9. Сравнение уровня удовлетворенности материальным положением у респондентов двух групп для проверки гипотезы H5

Группа респондентов	Количество респондентов в группе	Уровень удовлетворенности материальным положением в среднем
Интернет не использовался для работы в течение последних 12 месяцев	2 151	3,57
Интернет использовался для работы в течение последних 12 месяцев	4 380	3,45

Примечание. Рассчитано авторами; t -статистика = $-4,502$, уровень значимости $p = 0,000$.

Полученные нами данные и результаты сравнения демонстрируют, что уровень удовлетворенности жизнью, материальным положением и работой у людей, использующих в своей работе интернет, статистически значимо выше, чем у тех, кто интернет на работе не применяет. Таким образом, гипотеза H5 подтверждается.

Проведенный анализ российских и зарубежных источников показал высокий интерес исследователей к проблематике цифровой/удаленной занятости и влиянию данного формата работы на сотрудников, их качество жизни, родительское благополучие, профессионально-квалификационные характеристики, поведенческие установки и др.

Наше исследование не подтвердило гипотезы о наличии зависимости между цифровой занятостью у родителей и наличием детей, а также формой занятости и средним числом детей. Это может объясняться рядом причин. Во-первых, остается неясной репрезентативность полученной выборки по данным RLMS HSE, учитывая, что было выполнено инструментальное допущение: индивидами, занятыми в цифровом формате работы, были приняты все респонденты, использовавшие для работы за последние 12 месяцев интернет. «Использовавшие для работы за последние 12 месяцев интернет» могло толковаться респондентами достаточно широко, что, вероятно, повлияло на смещенность выборки – в нее попали респонденты, для которых цифровая занятость не является основной. Во-вторых, результат, вероятно, будет отличаться для мужчин и женщин, а также в зависимости от возраста респондентов. В данном исследовании мы не делали разбивки по полу и по возрасту. В-третьих, заметим, что решение о рождении ребенка принимается в домохозяйстве совместно обоими супругами. Поэтому в будущем будут продуктивно использоваться данные RLMS HSE не только по индивидам, но и по домашним хозяйствам.

Несмотря на то, что открытые данные RLMS HSE на сегодняшний день не позволяют достоверно и полноценно ответить на вопрос о существовании и характере влияния цифровизации занятости на рождаемость и родительское

благополучие, в ходе исследования было выявлено, что удовлетворенность жизнью, работой и материальным положением занятых на условиях цифровой занятости выше, т.е. часть гипотез подтвердилась. Можно предположить, что возможность иметь цифровую занятость подразумевает относительно высокий уровень образования и квалификации работников, что дает возможность иметь достойные условия труда. Есть исследования, которые подтверждают положительную связь уровня образования и удовлетворенности работой на российских данных [29].

В качестве направлений для будущих исследований авторы ставят перед собой задачу проведения репрезентативного опроса на основе авторского инструментария, состоящего из четырех блоков:

1) содержание и характер труда (блок должен позволять разделить респондентов на четыре группы: цифровая стандартная занятость (40 ч по ТК РФ, работа на территории работодателя); цифровая нестандартная занятость (дистанционная, гибридная, фриланс и др.); нецифровая стандартная занятость и нецифровая нестандартная занятость (например, самозанятость, неформальная занятость и др.));

2) блок о репродуктивном поведении и установках;

3) блок о родительском благополучии;

4) социально-демографические характеристики: пол, возраст, брачный статус, количество детей, образование, населенный пункт и др.

Считаем целесообразным рекомендовать статистическим органам рассмотреть возможность включения блока вопросов по цифровой занятости и ее разновидностям (платформенная занятость, удаленная работа и др.) в регулярные статистические наблюдения.

Список источников

1. Абрамов Р.Н., Быков А.В. Мир профессий в контексте труда и занятости: пандемическое и цифровое vertigo // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 3 (163). С. 4–20.
2. Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачев Н.В. Рынок труда РФ в 2020–2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021. № 2 (43). С. 33–44.
3. Гурова И.М. Дистанционная работа как тренд времени: результаты массового опыта // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11, № 2. С. 128–147.
4. Долженкова Ю.В., Сидоркина С.В. Дистанционная занятость в России: современное состояние и перспективы развития // Вестник НГУЭУ. 2015. № 1. С. 156–161.
5. *Working from home: From invisibility to decent work*. Geneva : International Labour Office, 2021. 280 p.
6. Messenger J., Vargas Llave O., Gschwind L. et al. Working anytime, anywhere: the effects on the world of work, Eurofound. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2017. 80 p. DOI: 10.2806/372726
7. *The digital age: Implications of automation, digitisation and platforms for work and employment. Challenges and prospects in the EU series*. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2021. 34 p.
8. Молодежь предпочитает «удаленку». URL: <https://www.eg-online.ru/article/439239> (дата обращения: 01.12.2022).
9. Клячко Т.Л. Трудоустройство и особенности занятости молодежи в период пандемии // Экономическое развитие России. 2020. Т. 27, № 12. С. 70–73.
10. Конобеевцев Ф.Д., Лаас Н.И., Гурова Е.В., Романова И.А. Удаленная работа: технологии и опыт организации // Вестник университета. 2019. № 7. С. 9–17.
11. Вередюк О.В., Черных Е.А. Олимпиадники поколения Z: поведенческие установки на рынке труда // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 1. С. 79–91. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.7

12. Емельянова О.Я., Самсонов В.С., Шершень И.В. Дистанционная деятельность как актуальная форма занятости работников на мировом рынке труда // Регион: системы, экономика, управление. 2019. № 2 (45). С. 35–41.
13. Киселева Е.В. Развитие дистанционного труда в России: преимущества и недостатки // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6 (104). С. 162–165.
14. Тонких Н.В., Черных Е.А. Качество трудовой, семейной и личной жизни при удаленной работе: мнения российских женщин // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, № 4. DOI: 10.19181/lspr.2022.18.4.5 (в печати).
15. Баскакова М.Е., Соболева И.В. Баланс семьи и работы: новые возможности в условиях цифровой экономики // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 3. С. 122–135.
16. Тонких Н.В. Дистанционная занятость и родительство: мнения женщин // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 3. С. 92–104. DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8
17. Архангельский В.Н., Зинькина Ю.В., Шульгин С.Г. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 21–39. DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00002
18. Пишняк А.И., Надеждина Е.В. Занятость российских женщин после рождения детей: стимулы и барьеры // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 221–238. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-221-238
19. Локтюхина Н.В., Черных Е.А. Качество удаленной женской занятости // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 30 ноября 2021 г.). М. : ФНИСЦ РАН, 2022. С. 114–117. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-387-4.2022.21
20. Черных Е.А., Локтюхина Н.В., Назарова У.А. Двойная женская занятость: ситуация в мире и оценки по России // Труд и социальные отношения. 2022. Т. 33, № 6. DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-6 (в печати).
21. Калабихина И.Е., Ребрей С.М. Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 65–77. DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.6
22. Участие в составе рабочей силы женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих и не имеющих детей до 18 лет. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2022: стат. сб. / Росстат. М., 2022. 151 с.
23. Калабихина И.Е., Абдуселимова И.А., Клименко Г.А. Влияние высокоскоростного интернета на репродуктивное поведение в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 6. С. 90–103. DOI: 10.38050/01300105202065
24. Камарова Т.А., Тонких Н.В. Цифровая занятость: классификация и гендерная специфика // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 22–30.
25. Камарова Т.А., Баранова Н.В. Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере ИТ-отрасли: базовые метрики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 4. С. 32–44.
26. Eurofound. New forms of employment: 2020 update, New forms of employment series, Publications Office of the European Union, Luxembourg.
27. Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE. URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (дата обращения: 17.01.2022).
28. Schlagwein D. The history of digital nomadism // Conference: International Workshop on the Changing Nature of Work (KNOW). San Francisco, 2018. P. 1–10.
29. Абдраимова М.Н., Ботвинник Д.В., Казаченко И.С. и др. Удовлетворенность заработной платой на российском рынке труда: зависимость от профессии. URL: https://rstudio-pubs-static.s3.amazonaws.com/738898_49a7efa98b9a49f3a431bef7e9302904.html (дата обращения: 01.12.2022).

Reference

1. Abramov, R.N. & Bykov, A.V. (2021) The world of professions in the context of labor and employment: pandemic and digital vertigo. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny – Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 3(163). pp. 4–20.
2. Kashepov, A.V., Afonina, K.V. & Golovachev, N.V. (2021) Rynok truda RF v 2020–2021 gg.: bezrobotitsa i strukturnye izmeneniya [The labor market of the Russian Federation in 2020–2021: unemployment and structural changes]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya – Social and Labor Research*. 2(43). pp. 33–44.

3. Gurova, I.M. (2020) Distsionnaya rabota kak trend vremeni: rezul'taty massovogo opyta [Remote Work as a Trend of Time: Results of Mass Testing]. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) – MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 11(2). pp. 128–147.
4. Dolzhenkova, Yu.V. & Sidorkina, S.V. (2015) Distsionnaya zanyatost' v Rossii: sovremennoe sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Distance Employment in Russia: Current State and Outlook]. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 1. pp. 156–161.
5. International Labor Organisation. (2021) *Working from home: From invisibility to decent work*. Geneva: International Labour Office.
6. Messenger, J., Vargas Llave, O., Gschwind, L. et al. (2017) *Working anytime, anywhere: the effects on the world of work*. Luxembourg: Publications Office of the European Union. DOI: 10.2806/372726
7. Mandle, I. (2021) *The digital age: Implications of automation, digitisation and platforms for work and employment. Challenges and prospects in the EU series*. Luxembourg: Publications Office of the European Union.
8. Titov, D. (2021) Molodezh' predpochitaet "udalenu" [Young People Prefer the "Remote"]. *Ekonomika i Zhizn'*. 30th July. [Online] Available from: <https://www.eg-online.ru/article/439239> (Accessed: 1st December 2022).
9. Klyachko, T.L. (2020) Trudoustroystvo i osobennosti zanyatosti molodezhi v period pandemii [Integration of Young People into the Labor Market and the Specific Features of their Employment during a Pandemic]. *Ekonomicheskoe razvitiye Rossii – Russian Economic Development*. 27(12). pp. 70–73.
10. Konobevtsev, F.D., Laas, N.I., Gurova, E.V. & Romanova, I.A. (2019) Udalennaya rabota: tekhnologii i opyt organizatsii [Remote work: technologies and experience of the organization]. *Vestnik universiteta – Vestnik Universiteta*. 7. pp. 9–17. DOI: 10.26425/1816-4277-2019-7-9-17
11. Veredyuk, O.V. & Chernykh, E.A. (2022) Generation Z Participants of Intellectual Olympiads: Labour Market Behavioral Attitudes. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii – Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 18(1). pp. 79–91. (In Russian). DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.1.7
12. Emelyanova, O.Ya., Samsonov, V.S. & Shershen, I.V. (2019) Distsionnaya deyatel'nost' kak aktual'naya forma zanyatosti rabotnikov na mirovom rynke truda [Remote activity as an actual form of employment of workers in the world labor market]. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie*. 2(45). pp. 35–41.
13. Kiseleva, E.V. (2018) Razvitiye distsiionnogo truda v Rossii: preimushchestva i nedostatki [Development of distance labor in Russia: advantages and disadvantages]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6(104). pp. 162–165.
14. Tonkikh, N.V. & Chernykh, E.A. (2022) The Quality of Work, Family and Personal Life During Remote Work: Opinions of Russian Women. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii – Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 18(4). pp. 477–490. (In Russian). DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.5 (v pechati).
15. Baskakova, M.E. & Soboleva, I.V. (2018) Work-family balance: new opportunities under digital economy. *Narodonaselenie – Population*. 21(3). pp. 122–135. (In Russian).
16. Tonkikh, N.V. (2021) Distance employment and parenthood: women's opinions. *Narodonaselenie – Population*. 24(3). pp. 92–104. (In Russian). DOI: 10.19181/population.2021.24.3.8
17. Arkhangel'skiy, V.N., Zinkina, Yu.V. & Shulgin S.G. (2019) Fertility differentiation according to female education levels in Russia: current situation and forecast scenarios. *Narodonaselenie – Population*. 22(1). pp. 21–39. (In Russian). DOI: 10.24411/1561-7785-2019-00002
18. Pishnyak, A.I. & Nadezhkina, E.V. (2020) Employment of Russian Women after Childbirth: Incentives and Barriers. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 18(2). pp. 221–238. (In Russian). DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-2-221-238
19. Loktyukhina, N.V. & Chernykh, E.A. (2022) Kachestvo udalennoy zhenskoy zanyatosti [The quality of remote female employment]. *Dokhody, rashkody i sberezheniya naseleniya Rossii: tendentsii i perspektivy* [Incomes, Expenses and Savings of the Russian Population: Trends and Prospects]. Proc. of the 7th International Conference. Moscow, November 30, 2021. Moscow: RAS. pp. 114–117. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-387-4.2022.21
20. Chernykh, E.A., Loktyukhina, N.V. & Nazarova, U.A. (2022) Dvoynaya zhenskaya zanyatost': situatsiya v mire i otsenki po Rossii [Dual female employment: the situation in the world and estimates for Russia]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya*. 33(6). DOI: 10.20410/2073-7815-2022-33-6
21. Kalabikhina, I.E. & Rebrey, S.M. (2020) Household chores amid pandemic: Russia's case. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 3. pp. 65–77. (In Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2020.3.6

22. Federal State Statistics Service. (2022) *Uchastie v sostave rabochey sily zhenshchin v vozraste 20–49 let, imeyushchikh i ne imeyushchikh detey do 18 let. Rabochnaya sila, zanyatost' i bezrabotitsa v Rossii (po rezul'tatam vyborochnykh obsledovaniy rabochey sily)* [Participation in the workforce of women aged 20 – 49 years, with and without children under 18 years. Labor force, employment and unemployment in Russia (based on the results of sample surveys of the labor force)]. Moscow: Rosstat.

23. Kalabikhina, I.E., Abduselimova, I.A. & Klimenko, G.A. (2020) Vliyanie vysokoskorostnogo interneta na reproduktivnoe povedenie v Rossii [The influence of high-speed Internet on reproductive behavior in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 6. pp. 90–103. DOI: 10.38050/01300105202065

24. Kamarova, T.A. & Tonkikh, N.V. (2022) Tsifrovaya zanyatost': klassifikatsiya i gendernaya spetsifika [Digital employment: classification and gender specificity]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 3(67). pp. 22–30.

25. Kamarova, T.A. & Baranova, N.V. (2022) Assessing the Development of Digital Employment in the Labor Market on the Example of the IT Sector: Basic Metrics. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz – Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 6. pp. 32–44. (In Russian). DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.12

26. EU. (2020) *Eurofound. New forms of employment: 2020 update*. Publications Office of the European Union, Luxembourg.

27. HSE. (n.d.) *Russia Longitudinal Monitoring Survey of HSE*. [Online] Available from: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> (Accessed: 17th January 2022).

28. Schlagwein, D. (2018) The history of digital nomadism. *International Workshop on the Changing Nature of Work (KNOW)*. San Francisco. pp. 1–10.

29. Abdraimova, M.N., Botvinnik, D.V., Kazachenko, I.S. et al. (n.d.) *Uдовлетворенnost' zarabotnoy platoy na rossiyskom rynke truda: zavisimost' ot professii* [Satisfaction with wages in the Russian labor market: dependence on the profession]. [Online] Available from: https://rstudio-pubs-static.s3.amazonaws.com/738898_49a7efa98b9a49f3a431bef7e9302904.html (Accessed: 1st December 2022).

Сведения об авторах:

Акулова П.Е. – ассистент кафедры экономики труда и управления персоналом Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: Akulova_pe@usue.ru

Тонких Н.В. – кандидат экономических наук, доцент, заведующая лабораторией кафедры экономики труда и управления персоналом, ведущий научный сотрудник научно-образовательного центра «Технологии инновационного развития» Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия). E-mail: tonkihnv@usue.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Akulova P.E. – assistant of the Department of Labor Economics and Human Resources Management, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Akulova_pe@usue.ru

Tonkikh N.V. – Dr. Sci. (Economics), docent, head of the Laboratory of of the Department of Labor Economics and Personnel Management, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: tonkihnv@usue.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.12.2022;
одобрена после рецензирования 25.05.2023; принята к публикации 23.06.2023

The article was submitted 06.12.2022;
approved after reviewing 25.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Научная статья
УДК 378.1; 316.4.051.62
doi: 10.17223/1998863X/73/16

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ (КЕЙС ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)

Кристина Игоревна Буюкова¹, Ирина Борисовна Плешкевич²

^{1, 2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

¹ *buyakovachristina@mail.tsu.ru*

² *irina.pleshkevich2014@yandex.ru*

Аннотация. Представлены результаты анализа трудностей, с которыми сталкиваются студенты регионального университета в постпандемийное время, на примере Томского государственного университета. Опрос был проведен в апреле 2022 г. среди 1 000 студентов всех направлений подготовки и курсов. Анализ включал аспекты, связанные с уровнем психологической тревожности студентов, характером взаимоотношений обучающихся с профессорско-преподавательским составом вуза и востребованностью среди студентов социальной поддержки, оказываемой университетом.

Ключевые слова: студенты, университеты, тревожность, социальная поддержка, COVID-19

Для цитирования: Буюкова К.И., Плешкевич И.Б. Социальная поддержка студентов высших учебных заведений в ситуации социально-политической нестабильности (кейс Томского государственного университета) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 186–195. doi: 10.17223/1998863X/73/16

Original article

SOCIAL SUPPORT FOR UNIVERSITY STUDENTS IN THE SOCIO-POLITICAL SITUATION OF INSTABILITY (A CASE OF TOMSK STATE UNIVERSITY)

Christina I. Buyakova¹, Irina B. Pleshkevich²

^{1, 2} *Tomsk State University, Tomsk, Russia*

¹ *buyakovachristina@mail.tsu.ru*

² *irina.pleshkevich2014@yandex.ru*

Abstract. In connection with the COVID-19 pandemic consequences, in their youth and social policy, educational organizations, in particular universities, are forced to develop and use new methods of supporting students that are relevant to their current problems and needs. The article presents the results of an analysis of difficulties students of a regional university face in the post-pandemic period using the example of the National Research Tomsk State University. The survey was conducted in April 2022 among 1000 students of all years of study. The sample is not random, quota-based. The questionnaire included the content blocks

“Dormitories”, “Social support”, “Interaction with classmates and teachers” and “Mental health”. The analysis included aspects related to students’ psychological anxiety, the nature of their relationships with teachers, the faculty and support staff of the university, and the demand among students for social support provided by the university. The results of the survey showed that the majority of students (57%) did not use any form of social support from January to April 2022. During the analyzed period, 22% of the students experienced difficulties in relationships with groupmates, coursemates, and dormitory neighbors. More often problems arise in students living in dormitory. 45% of the students experienced difficulties in relationships with teachers. The main reasons for the issues that arise are: the nature of the teacher’s communication, the level of the teacher’s professionalism, and differences in values. Despite a significant number of students facing problems, most do not seek help when they arise (59%). For the vast majority of the students, the level of anxiety increased from January to April 2022 to one degree or another, which indicates the need to take measures to reduce it and identify the reasons for its increase.

Keywords: students, universities, anxiety, social support, COVID-19

For citation: Buyakova, C.I. & Pleshkevich, I.B. (2023) Social support for university students in the socio-political situation of instability (a case of Tomsk State University). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 186–195. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/16

Введение

Студенты высших учебных заведений централизованно обучались в дистанционном формате с осени 2021 г. Для обучающихся, поступивших в университет в 2022 г., учебный год начался дистанционно. Университетское сообщество вынуждено было подстраиваться под новые форматы взаимодействия и условия обучения в ситуации дефицитарного и опосредованного общения.

Оценка готовности физической инфраструктуры российских университетов к дистанционному формату обучения показала разный уровень адаптированности вузов к практикам онлайн-образования [1].

Ситуация пандемии оказала влияние на все целевые группы университетского сообщества. Несмотря на то, что студенты как представители поколений Z и Альфа [2, 3] характеризуются быстрой адаптацией к неопределенности, они продемонстрировали слабый механизм психологической устойчивости, в отличие от старшего поколения.

С 2022 г. вузы плавно начинают возвращаться к оффлайн-форматам, сохраняя смешанную форму обучения. Студенты вновь привыкают к ситуации допандемийного образования, некоторые заново выстраивают свои социальные связи. Дополнительным фактором неопределенности становится экономико-политическая ситуация в стране.

Вузы в направлении молодежной и социальной политики вынуждены использовать новые методы поддержки студентов, релевантные актуальным проблемам и потребностям обучающихся.

Анализ литературы

Проведенные группой исследователей тринадцати российских университетов в рамках проекта «Научно-методическое обеспечение развития системы управления качеством высшего образования в условиях коронавирусной инфекции COVID-19» социологические опросы, реализованные по поручению Министерства науки и высшего образования РФ, представили уточняю-

шие данные проблемы качества образования в условиях форсированного перехода к смешанному обучению. Согласно результатам проведенного онлайн-опроса студентов (36 000 человек) и преподавателей (24 000 человек) российских вузов об оценке качества высшего образования в условиях пандемии и после нее (в 2020 и 2021 гг.), ключевыми угрозами качеству образования в дистанционном формате студенты называют нехватку личного общения с одногруппниками и преподавателями. У бакалавров первых курсов наблюдаются специфические проблемы, которые были связаны с неудовлетворительным спросом на общение с преподавателями и одногруппниками, а также сравнительно слабыми навыками самостоятельного обучения. Авторы исследования называют одной из важнейших угроз качеству образования, требующих повышенного внимания со стороны руководства, психологическое благополучие и ментальное здоровье обучающихся. Результаты показывают, что почти три четверти студентов демонстрируют различные признаки психологического неблагополучия: из них около 20% – синдромы депрессий умеренной тяжести или тяжелой депрессии. При этом в данной целевой аудитории первокурсники находятся в зоне повышенного риска [4].

В части ментального здоровья исследователи отмечают следующие критические факторы роста воздействия неопределенности на человека в различных сферах его жизнедеятельности из-за пандемии. Во-первых, изменение привычных форм поведения людей, детерминированное пандемией, которое привело к разнообразным проявлениям внутриличностных и межличностных конфликтов, а также стало источником неблагоприятных психических состояний. Во-вторых, рост рисков психических и соматических расстройств, непосредственно не связанных с заболеванием COVID-19. В-третьих, жизненная перспектива многих людей сузилась за счет переноса важнейших целевых ориентиров из области будущего в область настоящего и др. [5].

Согласно последним зарубежным исследованиям, наиболее уязвимыми социальными группами в условиях влияния негативных факторов пандемии являются люди с хроническими или психиатрическими заболеваниями, лица моложе 40 лет, женщины, безработные, студенты, а также люди, чье поведение характеризуется частым чтением новостей о COVID-19 [6, 7].

Авторы выделяют следующие социальные практики, которые позволяют смягчать негативное влияние пандемии на психическое здоровье таких уязвимых социальных групп, как студенты: стратегии, направленные на поиск и установление социальных связей; волонтерство; переключение повседневной активности на другие виды деятельности (хобби, чтение, просмотр кинофильмов и т.п.); физические упражнения (в том числе и онлайн); игра; приготовление пищи; уход за домашними животными и т.д. [8].

Сравнительный анализ однородных выборок 2019 г. (82 человека) и 2020 г. (82 человека) был проведен в исследовании студенческой молодежи г. Томска, направленном на изучение психологических эффектов пандемии. Авторы обнаружили значимое снижение показателей «Планирование», «Рефлексия», «Индекс ЛГД» в 2020 г. по сравнению с 2019 г., что свидетельствует о негативном влиянии пандемии на развитие регуляторного компонента системы обеспечения жизнедеятельности у современной молодежи (применены методика личностной готовности к деятельности (С.А. Богомаз) и «Портретный

ценностный опросник – Пересмотренный», разработанный Ш. Шварцем). Результаты свидетельствуют о возможной динамической согласованности ценностных ориентаций молодежи с глобальными критическими факторами социальной жизни, в частности, о базовой ориентации молодежи в период 2020 г. на Сохранение в ущерб Открытости. Данное явление имеет две границы: позитивную, связанную с тем, что в последние два года молодежь больше стала обращать внимание на Сохранение (в том числе в его физических, психологических и социальных аспектах); негативную, связанную с тем, что ориентация на Сохранение и отвержение Открытости проявляется в снижении социальных контактов [5. С. 61].

Социальная поддержка обучающихся университетом включает в себя широкий спектр услуг и сервисов, перечень которых варьируется по университетам. Преимущественно в область социальной поддержки студентов входит оказание материальной помощи; предоставление психологических консультаций; содействие трудоустройству выпускников (а также возможностей «подработки» на время пандемии); содействие в обеспечении студентов необходимыми ресурсами для вынужденного дистанционного обучения в условиях пандемии; содействие в разрешении конфликтных ситуаций в вопросах проживания в общежитии, взаимодействия с администрацией вуза и пр. [9, 10]. Специфическими мерами являлись поддержка иностранных студентов, находящихся в режиме изоляции вдали от дома.

Таким образом, анализ литературы и источников позволяет определить, что университеты продолжают адаптироваться к новым потребностям обучающихся в условиях последствий пандемии и политико-экономической ситуации в стране. Университеты с большими финансовыми и кадровыми возможностями создают структуры качественно нового содержания деятельности, направленной на социальную и психологическую поддержку студентов. Например, создание ситуационных центров при вузах¹.

Методология

Опрос, посвященный выявлению трудностей, с которыми сталкиваются студенты Томского государственного университета (г. Томск), проходил в апреле 2022 г. Анкета состояла из 18 закрытых и открытых вопросов, включающих в себя содержательные блоки «Общежития», «Социальная поддержка», «Взаимодействие с одногруппниками и преподавателями» и «Ментальное здоровье». Исследование проводилось методом массового опроса с использованием технологии онлайн-опроса (CAWI – Computer-assisted web interviewing) через платформу SimpleForms. Статистическая обработка данных проводилась в программе SPSS 26 с помощью описательных статистик и перекрестного анализа.

Объем выборки составил 1 000 обучающихся Томского государственного университета (г. Томск). Выборка неслучайная, квотная. Критериями отбора являлись факультеты респондентов. Образовательная деятельность вуза представлена широким спектром направлений: естественнонаучные, физико-математические, социально-гуманитарные специализации.

¹ Ситуационный центр помощи студентам, оказавшимся в трудной ситуации, Высшей школы экономики: <https://help.hse.ru/>

Среди опрошенных 77% – студенты бакалавриата, каждый десятый учится в магистратуре (10%) и 13% – обучаются на специалитете. 77% обучаются на бюджетной основе, четверть опрошенных (20%) являются студентами, обучающимися по договору об оказании платных образовательных услуг, 3% учатся на целевой основе. 82% опрошенных студентов являются жителями Российской Федерации, 16% – граждане стран СНГ, 2% – граждане стран дальнего зарубежья. Среди опрошенных студентов 48% проживают в квартире, 52% – в общежитиях.

Результаты

Анализ ответов респондентов на блок вопросов, посвященных выявлению потребностей в социальной поддержке среди студентов, показал, что чаще всего за последние 4 мес студенты пользовались получением материальной помощи (28%), 8% обращались с просьбой обеспечить условия для дистанционного обучения. Большинство студентов (57%) не пользовалось никакими формами социальной поддержки.

При возникновении потребностей в социальной поддержке студенты чаще обращаются в деканат (39%) или к старосте учебной группы (36%). Чуть больше четверти опрошенных обращаются к профоргу факультета (27%) или в студенческий профком (26%). Реже всего студенты обращаются к проректору по социальным вопросам или в юридическую клинику (по 1% соответственно).

Далее блок вопросов был посвящен анализу сложностей во взаимоотношениях с одногруппниками, однокурсниками, соседями по общежитию и взаимоотношениях с преподавателями. Так, 22% респондентов испытывали сложности во взаимоотношениях с одногруппниками, однокурсниками, соседями по общежитию за последние 4 мес, 78% студентов – не испытывали.

Тем, кто испытывал сложности, было предложено ответить на вопрос о том, какие именно сложности они испытывают. На данный вопрос дали содержательные ответы 207 обучающихся. Основные сложности, которые возникают во взаимоотношениях с одногруппниками, возникают у студентов, проживающих в общежитиях. Чаще всего это проблемы, касающиеся бытовых вопросов (несоблюдение чистоты, шум, разногласия в бытовых вопросах, несоблюдение режима, отсутствие личного пространства). Наиболее частой причиной конфликтов студенты называли недопонимания, возникающие в ходе межличностного общения (табл. 1).

55% студентов не испытывали сложностей во взаимоотношениях с преподавателями за последние 4 мес. Среди основных причин возникающих проблем можно отметить: характер общения преподавателя (29%), уровень профессионализма преподавателя (13%), различия в ценностных ориентациях (10%).

При возникновении сложностей во взаимоотношениях с преподавателями большинство студентов не обращаются ни к кому за помощью (59%). Каждый пятый (19%) обращается к старосте, 17% идут в деканат. Реже обучающиеся обращаются к руководителю основной образовательной программы (7%), заведующему кафедрой (7%), профоргу (3%), иным лицам, не указанным в анкете (6%).

Таблица 1. Сложности во взаимоотношениях с одноклассниками

Содержательные ответы респондентов	Процент от ответивших
Недопонимание	15,9
Несоблюдение гигиены (чистота)	11,1
Шумные соседи	9,2
Разногласия в бытовых вопросах	8,2
Конфликты из-за сложностей характера	8,2
Проблемы с коммуникацией, общением	7,2
Конфликты интересов	4,8
Конфликты с соседями по комнате	4,8
Несоблюдение режима (в общежитии)	4,3
Отсутствие личного пространства	4,3
Хамство, обвинения, давление, антипатия	3,9
Конкуренция, соперничество, отсутствие дружелюбной атмосферы в группе	3,4
Эгоистичное отношение одноклассников	2,9
Агрессивность	2,9
Конфликты (без уточнения)	2,4
Отсутствие взаимодействия с одноклассниками, сложно работать в группах	1,9
Сложности из-за дистанционного обучения	1,4
Сложности с согласованием удобного расписания	1,0
Напряженное взаимодействие с одноклассниками	1,0
Другое (единичные ответы)	12,1

Следующий блок вопросов был посвящен выявлению уровня тревожности студентов и степени их психологической безопасности.

У подавляющего большинства студентов (71%) уровень тревожности повысился за последние 4 мес (январь–апрель) в той или иной степени (сумма позиций «уровень тревоги значительно повысился» и «уровень тревоги повысился незначительно»), что говорит о необходимости принятия мер для его снижения и выявления причин его повышения. 15% отмечают, что их уровень тревожности не изменился, и только 9% отмечают снижение уровня тревожности.

Однако, несмотря на достаточно высокую степень тревожности студентов, уровень своей психологической безопасности респонденты оценивают достаточно высоко. Студентам было предложено оценить ощущение психологической безопасности по 5-балльной шкале, где 1 – «не чувствую себя в безопасности», 5 – «чувствую себя в полной безопасности». Средняя оценка по данной шкале составляет 3,47, медианное значение – 4.

В целом можно говорить о том, что студенты достаточно безопасно оценивают обстановку в университете, которая позволяет им действовать, не опасаясь негативных последствий, связанных с самооценкой, статусом или карьерой.

Студентам, которые поставили достаточно низкие оценки ощущению собственной психологической безопасности, было предложено описать причины, по которым они не чувствуют себя в безопасности. Содержательные ответы были получены от 149 опрошенных. Так, наиболее частой причиной низкой оценки психологической безопасности студенты называли повышение учебной нагрузки (24% от количества ответивших). На втором месте находятся конфликтные ситуации с преподавателями (20%). Также значительную роль играют внешние факторы – внешнеполитическая ситуация (13%) (табл. 2).

Таблица 2. Причины низкой оценки собственной психологической безопасности

Содержательные ответы респондентов	Доля ответивших, %
Повышение учебной нагрузки (долги, курсовые, сессия, госэкзамены, диплом и пр.)	24,2
Конфликты с преподавателями	20,1
Внешнеполитическая ситуация, международная ситуация, спецоперация	13,4
Психологические проблемы (чувство апатии, беспомощности, равнодушия)	6,0
Внутриличностные проблемы (самооценка, боязнь выступлений, неуверенность и пр.)	5,4
Тревога, страх	5,4
Материальные проблемы	4,7
Страх перед будущим (непонимание дальнейших планов, карьеры и пр.)	4,0
Условия проживания в общежитии	3,4
Проблемы с общением	2,7
Охранники, оперотряд	2,7
Позиция университета по поводу ситуации в целом	2,7
Давление на студентов, ущемление	2,7
Равнодушное отношение со стороны	1,3
Другое (единичные ответы)	14,8

Можно отметить статистически значимую связь между уровнем тревожности студентов и их субъективными оценками собственной психологической безопасности. Коэффициент корреляции Гамма равен 0,507 (уровень значимости равен 0,001), что говорит о прямой связи средней силы: чем выше уровень тревожности, тем в меньшей степени студенты чувствуют себя в безопасности, и наоборот.

При повышении уровня тревожности, влияющего на качество жизни, студенты чаще всего обращаются к друзьям или родителям (55%), каждый пятый обращается к одноклассникам или к соседям по общежитию (19%). Каждый четвертый (27%) не обращается ни к кому за помощью. Стоит отметить, что в категорию «другое» чаще попадали такие ответы, как «обращаюсь к психологу», «обращаюсь к психотерапевту».

Выводы

1. Основные трудности, с которыми сталкиваются студенты Томского государственного университета, проживающие в общежитиях, – инфраструктурные (качество мебели, работы лифта и т.д.), а также студенты отмечают низкую эффективность услуг дезинсекции. У каждого четвертого опрошенного студента, проживающего в общежитии, возникают проблемы во взаимодействии с соседями. Большинство студентов при возникновении проблем не обращаются за помощью. Остальные чаще обращаются к старосте группы для решения сложившихся ситуаций.

2. Большинство студентов (57%) не пользовались никакими формами социальной поддержки с января по апрель 2022 г. Среди остальных больше всего востребована возможность получения материальной помощи. При возникновении потребностей в социальной поддержке студенты чаще обращаются в деканат или к старосте учебной группы.

3. 22% студентов испытывали сложности во взаимоотношениях с одноклассниками, однокурсниками, соседями по общежитию. Чаще проблемы возникают у студентов, проживающих в общежитиях. Это проблемы, касающиеся бытовых вопросов (несоблюдение чистоты, шум, разногласия в бытовых вопросах, несоблюдение режима, отсутствие личного пространства).

Наиболее частой причиной конфликтов студенты называли недопонимания, возникающие в ходе межличностного общения.

4. 45% студентов испытывали сложности во взаимоотношениях с преподавателями. Среди основных причин возникающих проблем можно отметить: характер общения преподавателя, уровень профессионализма преподавателя, различия в ценностных ориентациях. Несмотря на значительное количество студентов, сталкивающихся с проблемами, большинство не обращается за помощью при их возникновении.

5. У подавляющего большинства студентов уровень тревожности повысился за период с января по апрель 2022 г. в той или иной степени, что говорит о необходимости принятия мер для его снижения и выявления причин его повышения. Однако, несмотря на достаточно высокую степень тревожности, уровень своей психологической безопасности респонденты оценивают достаточно высоко. Средняя оценка по данной шкале составляет 3,47, медианное значение – 4.

6. Основные причины низкой оценки уровня психологической безопасности: повышение учебной нагрузки, конфликтные ситуации с преподавателями, ситуация в стране в целом в связи с политическими событиями.

Таким образом, ситуация с пандемией актуализировала необходимость более комплексного и гибкого подхода к социально-психологической поддержке обучающихся в вузах. Психологические проблемы, трудности в общении, сложности с самоорганизацией во время учебного процесса, – все эти последствия отразились на студенческой молодежи, что подтверждено результатами зарубежных и отечественных исследований. В группе повышенного риска находятся студенты, проживающие в общежитиях, часто сталкивающиеся с бытовыми трудностями, сложностями во взаимоотношениях с соседями, что усугубляет негативные последствия пандемии. Дополнительным фактором тревожности в настоящее время является социально-политическая обстановка, что требует расширения спектра возможностей для социально-психологической поддержки обучающихся.

Результаты исследований указывают на необходимость разработки мер по снижению психологической тревожности студентов, расширения возможностей внеучебной деятельности и поддержки обучающихся. Актуальным также является содействие в организации и поддержке форматов неформального общения обучающихся друг с другом и с преподавательским составом, которое способствовало бы снижению психологической напряженности внутри университетского сообщества.

Список источников

1. Клягин А.В. и др. Шторм первых недель: как высшее образование шагнуло в реальность пандемии // Современная аналитика образования. 2020. № 6 (36). С. 80–89.
2. Мухаметзянова Ф.Г., Степанова К.И. Размышления о новых поколениях обучающихся и особенности поколения Альфа в глобальном образовании // Глобальная экономика и образование. 2021. № 2. С. 42–50.
3. Tafonao T., Saputra S., Suryaningwidi R. Learning Media and Technology: Generation Z and Alpha // Indonesian Journal of Instructional Media and Model. 2020. Vol. 2, № 2. P. 89–100.
4. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: аналитический доклад / науч. ред. Е.А. Суханова, И.Д. Фрумин. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2021. 46 с.

5. Филенко И.А., Богомаз С.А. Изменение характеристик регуляторных процессов и ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях пандемии // Сибирский психологический журнал. 2022. № 83. С. 46–66.
6. González-Sanguino C. et al. Mental health consequences during the initial stage of the 2020 Coronavirus pandemic (COVID-19) in Spain // Brain, behavior, and immunity. 2020. № 87. P. 172–176.
7. Qiu J. et al. A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations // General psychiatry. 2020. Vol. 33, № 2. P. 1–3.
8. Pedrosa A.L. et al. Emotional, behavioral, and psychological impact of the COVID-19 pandemic // Frontiers in psychology. 2020. Vol. 11. P. 1–18.
9. Минаев А.И., Исаева О.Н., Горнов В.А. Содействие трудоустройству как фактор социальной поддержки обучающихся в условиях дистанционного режима работы университета // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 3. С. 45–45.
10. Левин С.М. Методы улучшения психического здоровья студентов в условиях вынужденного дистанционного обучения и социального дистанцирования // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1 (40). С. 66–78.

References

1. Klyagin, A.V. et al. (2020) Shtorm pervykh nedel': kak vysshee obrazovanie shagnulo v real'nost' pandemii [Storm of the First Weeks: How Higher Education Stepped into the Reality of a Pandemic]. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 6(36). pp. 80–89.
2. Mukhametzyanova, F.G. & Stepanova, K.I. (2021) Razmyshleniya o novykh pokoleniyakh obuchayushchikhsya i osobennosti pokoleniya al'fa v global'nom obrazovanii [Reflections on new generations of students and the features of the alpha generation in global education]. *Global'naya ekonomika i obrazovanie – Global Economy and Education*. 2. pp. 42–50.
3. Tafonao, T., Saputra, S. & Suryaningwidi, R. (2020) Learning Media and Technology: Generation Z and Alpha. *Indonesian Journal of Instructional Media and Model*. 29(2). pp. 89–100.
4. Sukhanova, E.A. & Frumin, I.D. (2021) *Kachestvo obrazovaniya v rossiyskikh universitetakh: chto my ponyali v pandemii: analiticheskiy doklad* [The quality of education in Russian universities: what we understood during the pandemic: an analytical report]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Filenko, I.A. & Bogomaz, S.A. (2022) Changing the Characteristics of Regulatory Controls and Value Orientations of Students in the Context of a Pandemic. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology*. 83. pp. 46–66. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/83/3
6. González-Sanguino, C. et al. (2020) Mental health consequences during the initial stage of the 2020 Coronavirus pandemic (COVID-19) in Spain. *Brain, Behavior, and Immunity*. 87. pp. 172–176.
7. Qiu, J. et al. (2020) A nationwide survey of psychological distress among Chinese people in the COVID-19 epidemic: implications and policy recommendations. *General Psychiatry*. 33(2). pp. 1–3.
8. Pedrosa, A.L. et al. (2020) Emotional, behavioral, and psychological impact of the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychology*. 11. pp. 1–18.
9. Minaev, A.I., Isaeva, O.N. & Gornov, V.A. (2020) Assistance to employment as a factor of social support of students under remote university operation. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 3. pp. 45–45. (In Russian).
10. Levin, S.M. (2021) Methods of improvement of students' mental health in the terms of forced distance learning and social distancing. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium – Journal of Wellbeing Technologies*. 1(40). pp. 66–78. (In Russian). DOI: 10.18799/26584956/2021/1(40)/1086

Сведения об авторах:

Буякова К.И. – кандидат педагогических наук, специалист по работе с молодежью, старший преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: buyakovachristina@mail.tsu.ru

Плешкевич И.Б. – лаборант, ассистент кафедры социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: irina.pleshkevich2014@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Buyakova Ch.I. – Cand. Sci. (Pedagogics), youth worker of the Department of Social and Youth Policy; senior lecturer of the Psychology Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: buyakovachristina@mail.tsu.ru

Pleshkevich I.B. – assistant of the Faculty of Philosophy; laboratory assistant at the Center for Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: irina.pleshkevich2014@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 08.07.2022;
одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 23.06.2023*

*The article was submitted 08.07.2022;
approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 314.7

doi: 10.17223/1998863X/73/17

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКИХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОЖИДАНИЙ МИГРАНТОК ИЗ ТАДЖИКИСТАНА

Галина Ивановна Осадчая¹, Ольга Александровна Волкова²,
Моёншо Шодмон Махмадбекзода³

^{1, 2} *Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия*

³ *Научно-исследовательский институт труда, миграции и занятости населения,
Душанбе, Таджикистан*

¹ *volkovaoa@rambler.ru*

² *osadchaya111@gmail.com*

³ *sorbon4@inbox.ru*

Аннотация. В статье решается научно-практическая задача выявления ресурсного потенциала некоммерческих организаций по реализации социальных ожиданий мигранток, прибывших из Таджикистана в Россию. Эмпирической базой исследования явились данные анкетного опроса и полуструктурированного интервью трудовых мигранток. В результате разработана классификация социальных ожиданий мигранток от жизни в России и выявлены соответствующие виды ресурсов некоммерческих организаций.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, некоммерческие организации, социальные ожидания, мигранты

Для цитирования: Осадчая Г.И., Волкова О.А., Махмадбекзода М.Ш. Ресурсный потенциал российских некоммерческих организаций по реализации социальных ожиданий мигранток из Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 196–206. doi: 10.17223/1998863X/73/17

Original article

RESOURCE POTENTIAL OF RUSSIAN NON-PROFIT ORGANIZATIONS FOR THE REALIZATION OF SOCIAL EXPECTATIONS OF MIGRANT WOMEN FROM TAJIKISTAN

Galina I. Osadchaya¹, Olga A. Volkova², Moensho S. Makhmadbekzoda³

^{1, 2} *Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

³ *Scientific Research Institute of Labor, Migration and Employment, Dushanbe, Tajikistan*

¹ *osadchaya111@gmail.com*

² *volkovaoa@rambler.ru*

³ *sorbon4@inbox.ru*

Abstract. The article sets and solves the scientific and practical task of identifying the resource potential of Russian non-profit organizations to implement the social expectations of migrant women who arrived from Tajikistan to Russia. The aim of the article is to identify

the social expectations of migrants from Tajikistan from life in Russia and to find the resource potential of Russian non-profit organizations to implement their intentions. In particular, the authors planned: (1) to discover, describe and systematize the social expectations of Tajik migrant women from life in the Moscow metropolis; (2) to determine the degree of justification of the social expectations of Tajik migrant women; (3) to typify Russian non-profit organizations with the resource potential to implement social expectations of migrant women from Tajikistan; (4) to classify the types of resources of non-profit organizations that can potentially be used in working with migrants. The empirical basis of the study was the data of sociological surveys implemented in 2022 using questionnaire survey methods and semi-structured interviews with migrant workers from Tajikistan located in Moscow and the Moscow region. Results of the study: 1) a system of social expectations of Tajik migrant women from life in the Moscow metropolis was built (components depending on the sphere of life activity: socio-economic, professional and educational, leisure, health, sports, socio-psychological); 2) groups of migrant women with varying degrees of justification of social expectations from life in Russia (high, medium, low) were identified; 3) the types of Russian non-profit organizations with the resource potential to realize the social expectations of migrant women from Tajikistan (consulting and legal, educational, social and service, physical culture and sports, medical and social, cultural, charitable, voluntary) were identified; 4) the types of resources of non-profit organizations (informational, organizational, material, voluntary, socio-cultural) with the potential to realize the social expectations of Tajik migrant women were found.

Keywords: resource potential, non-profit organizations, social expectations, migrants

For citation: Osadchaya, G.I., Volkova, O.A. & Makhmadbekzoda, M.S. (2023) Resource potential of Russian non-profit organizations for the realization of social expectations of migrant women from Tajikistan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 196–206. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/17

Введение

Целью статьи является выявление социальных ожиданий женщин-мигрантов из Таджикистана от жизни в России и раскрытие ресурсного потенциала российских некоммерческих организаций по реализации намерений прибывших женщин.

В частности, в ходе проведения исследования планировалось, во-первых, обнаружить, подробно описать и систематизировать социальные ожидания таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе; во-вторых, определить степень оправдания социальных ожиданий таджикских мигранток; в-третьих, произвести типизацию российских некоммерческих организаций, обладающих ресурсным потенциалом по реализации социальных ожиданий мигранток из Таджикистана; в-четвертых, классифицировать виды ресурсов некоммерческих организаций, которые потенциально могут быть использованы в работе с женщинами.

Основные потоки трудовых мигрантов из Таджикистана направлены в Россию. К примеру, в период за январь–декабрь 2022 г. в России поставлено на миграционный учет 16 870 094 человека, прибывших из Таджикистана, среди них 3 528 319 – с целью осуществления трудовой деятельности [1] и соответственно получения заработной платы. Дело в том, что Таджикистан, согласно данным ООН, относится к 30 странам, в которых уровень жизни является наиболее низким. По причине бедности и ограничений в доступе к медицинским услугам из 100 000 женщин каждые 65 умирают в связи с низким качеством или отсутствием медицинского сопровождения беременности и родов. Сохранение традиционных социальных стереотипов характеризуется

тем, что в семьях принято вкладывать средства в жизнеобеспечение именно сыновей, поскольку именно им предстоит кормить своих престарелых родителей, жен и детей, а также помогать младшим братьям и сестрам. А расходование средств на дочерей в условиях ограниченности ресурсов видится нецелесообразным [2]. И поскольку содержание семьи является ответственностью мужчины, то и трудовая эмиграция из Таджикистана носит в основном мужской характер: «на работу за рубеж отправляются сыновья глав домохозяйств – 62% мигрантов, но также и сами их главы – 26%» [3], а доля женщин колеблется в районе 10%. Тем не менее доля женщин среди мигрантов из Таджикистана постепенно увеличивается. Они «все чаще участвуют в трудовой миграции как самостоятельные мигрантки, а не как члены семьи основного мигранта (мужа). Некоторые выезжают на заработки в Россию с детьми, другие оставляют детей дома на попечение родственников, в основном родителей» [4. С. 89]).

Мигрируя в страну приема, люди потенциально могут рассчитывать на получение содействия со стороны различных структур в рамках действующего местного законодательства. В настоящее время в России реализуется Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы, в которой предусмотрено развитие сотрудничества государственных структур и некоммерческих организаций по решению проблем, касающихся женщин [5]. А поскольку мигрантки из Таджикистана находятся на территории России, то они также принадлежат к категории женщин, которые могут стать объектом разностороннего содействия в реализации социальных ожиданий, которые испытывают мигрантки.

Методы

Эмпирической базой исследования явились данные двух опросов (рук. Г.И. Осадчая), проведенных в 2022 г. Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН. Исследования реализованы в рамках новой парадигмы, содержащей «объяснительный потенциал теории интеграционных процессов в Евразии» [6. С. 3] в целом и в расположенных на континенте странах. Опросы были реализованы при помощи методов анкетного опроса и структурированного интервью с трудовыми мигрантами из Таджикистана, находящимися в Москве и Московской области. Анкетирование осуществлялось во временной период с октября по декабрь 2022 г. (целевая выборка, 370 человек). Интервью проводилось с октября по декабрь 2022 г. (выборка «снежный ком». 92 информанта).

Для обработки и анализа количественных и качественных данных применялись методы классификации, синтеза, систематизации, сравнения, типологизации, компьютерного анализа данных (SPSS).

Результаты

Социальные ожидания мигранток из Таджикистана от жизни в московском мегаполисе России

Методологически важным в данном исследовании является понятие социальных ожиданий, которые в универсальном философском понимании представляются как основные составляющие «компоненты системы регуля-

ции социального поведения, взаимодействия в группах, обществе» [7. С. 185] (Д.Е. Грибов). Исследование социальных ожиданий представителей различных социальных групп позволяет всесторонне анализировать полученные данные и разрабатывать меры, которые могут способствовать возрастанию возможностей реализации имеющихся у людей намерений и снижению отрицательных последствий в случаях, если социальные ожидания не оправдываются (С.В. Пирожкова) [8. С. 7–8].

Социальные ожидания таджикских мигранток можно связывать с их предпочтениями по получению российского гражданства (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение имеющегося и ожидаемого в перспективе гражданства

Гражданство	Женщины		Мужчины	
	Сейчас	Ожидание	Сейчас	Ожидание
Таджикистан	78,3	31,3 (–)	81,2	50,2 (–)
Россия	18,3	63,5 (+)	16,9	47,1 (+)
Двойное	0,0	1,9 (+)	0,4	0,0 (–)
Другое	3,5	5,6 (+)	1,6	0,0 (–)

Как видно, женщины в большей мере, чем мужчины, связывают свою будущую жизнь с Россией. Количественные данные подтверждаются цитатами интервью. *«Здесь очень красиво, столько нового узнала, трудности были в получении гражданства»* (жен., 32 года). В ходе анализа полученных данных построена система компонентов социальных ожиданий таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе (по критерию сферы жизнедеятельности). Согласно данным анкетного опроса, мигрантки однозначно положительно оценивают собственные возможности по реализации своих ожиданий в каждой из сфер жизнедеятельности (от 40,9 до 76,7% респондентов в зависимости от сферы): социально-экономической, профессионально-образовательной, досуговой, медико-санитарной, физкультурно-оздоровительной, социально-психологической. Исключение составляет лишь жилищно-бытовая сфера, где показатель ниже среднего (36,5%). Хотя сложности есть в каждой сфере: *«Мне не очень хватало денег сначала, но в целом я смогла найти работу и ожидания мои оправдались»* (жен., 29 лет); *«Здесь, знаете, и обижали некоторые, обзывали по-всякому „нерусская“, „с Таджикистана приехала“»* (жен., 26 лет).

Оправдание социальных ожиданий таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе

В результате исследования выделены группы мигранток с разной степенью оправдания социальных ожиданий от жизни в России – высокой, средней и низкой (рис. 1).

Таким образом, женщин-мигранток с высокой степенью оправдания ожиданий 38,3% (ответили однозначно положительно), со средней – 53,0% (причем с тенденцией к высокой – 46,1% и с тенденцией к низкой – 7,0%), с низкой – 7,0%. По сравнению с мужчинами у женщин степень оправдания больше. Ассоциации, с которыми у мигранток связывается Россия, также демонстрируют степень оправдания социальных ожиданий таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе (рис. 2).

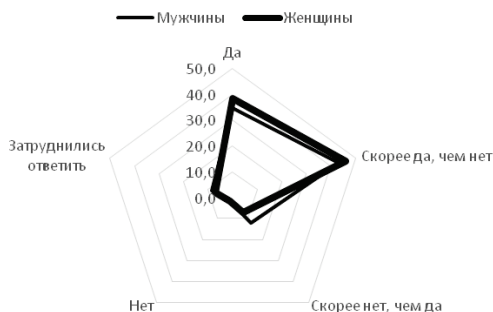

Рис. 1. Оправдание ожиданий таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе

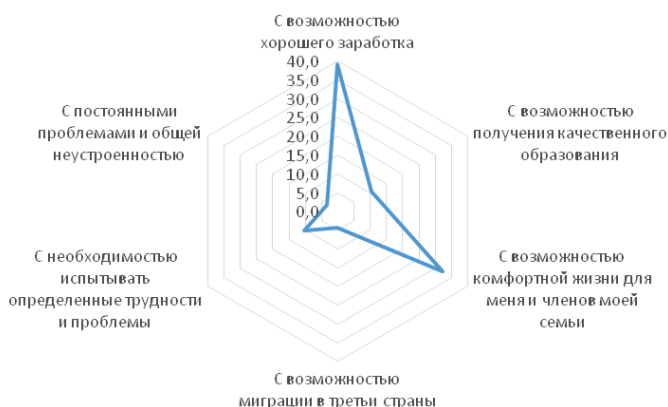

Рис. 2. Субъективные ассоциации мигранток в отношении региона пребывания

Как видно, у мигранток преобладают элементы материального обеспечения (39,1%) и комфорта повседневной жизни (32,2%).

Российские некоммерческие организации, обладающие ресурсным потенциалом по реализации социальных ожиданий мигранток из Таджикистана

В первую очередь, следует обратить внимание на один из видов НКО – социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО), в деятельность которых включена «социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов» [9]. Нормативно-правовыми документами предусмотрено создание и разносторонняя поддержка со стороны государственных и местных органов власти ресурсных центров СО НКО. При этом ресурсный центр СО НКО трактуется как «организация, оказывающая информационную, консультационную, образовательную, организационную и иную ресурсную поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям, содействующая внедрению в их деятельность новых социальных и управленческих технологий» [10]. Е.С. Снегирева и В.И. Селютин, произведя анализ динамики функционирования НКО на примере Воронежской области, отмечают, что наиболее активно функционирующие ресурсные центры ежегодно сотрудничают и содействуют развитию НКО [11. С. 193–194], работающих на местах. При этом региональные и местные органы власти оказывают поддержку как ресурсным центрам, так и мелким НКО.

В данном контексте произведен анализ НКО, в том числе являющихся победителями Фонда президентских грантов для НКО в 2022 г. [12]. В результате выявлены типы российских некоммерческих организаций, обладающих ресурсным потенциалом по реализации социальных ожиданий мигранток из Таджикистана (консультационно-правовые, образовательно-просветительские, социально-сервисные, физкультурно-спортивные, медико-социальные, культурно-духовные, благотворительные, добровольческие).

Среди организаций, ведущих активную работу по работе с мигрантами, можно привести в качестве примера «Ассамблею народов России» [13], «ПСП-фонд» [14], Центр правовой защиты и социально-культурной адаптации мигрантов «Росмигрант» [15], «Многофункциональный миграционный центр по Пермскому краю» [16], «Центр социально-правовой поддержки переселенцев» [17].

Ресурсы российских некоммерческих организаций, которые потенциально могут быть использованы в работе с мигрантками

В результате исследования выделены виды ресурсов некоммерческих организаций (информационные, организационные, материальные, социокультурные, добровольческие), обладающих потенциалом по реализации социальных ожиданий таджикских мигранток. В последние годы стали активнее работать организации, деятельность которых связана с предупреждением распространения пандемии и сокращением ее негативных последствий. В частности, НКО стали развивать разные формы сотрудничества с лечебно-оздоровительными и санитарно-эпидемиологическими структурами «в целях оказания населению медико-социальной помощи, которая предоставляется не только гражданам Российской Федерации в рамках обязательного медицинского страхования, но и иммигрантам» [18. С. 537].

Материалы исследования позволили соотнести социальные ожидания таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе с видами ресурсного потенциала российских некоммерческих организаций. Поскольку по некоторым компонентам социальных ожиданий выявлен низкий уровень их реализации, то рассмотрим вопрос о том, какие виды ресурсов НКО могут быть задействованы для смягчения сложившейся ситуации (табл. 2).

Таблица 2. Низкий уровень возможностей по реализации социальных ожиданий таджикских мигранток (по критерию сферы жизнедеятельности) и виды ресурсного потенциала НКО

Компоненты социальных ожиданий	Результат оправдания ожиданий	Виды ресурсов НКО
Социально-экономический	4,3%	Организационные Информационные
Профессионально-образовательный	23,5%	Организационные Информационные
Досуговый	16,5	Социокультурные Добровольческие
Медико-санитарный	5,2%	Организационные Информационные
Социально-психологический	3,5	Социокультурные
Физкультурно-оздоровительный	17,4	Организационные Информационные
Жилищно-бытовой	13,9%	Организационные Материальные

Обозначенное в таблице распределение является условным, но при этом следует учитывать, что каждая жизненная ситуация мигрантки требует индивидуального подхода к расширению ее возможностей по практической реализации социальных ожиданий. Однако есть и способы, которые подходят для работы с целой группой женщин. К примеру, видится целесообразным «распространять информацию о вакансиях для трудящихся-мигрантов в других регионах и секторах российской экономики с растущими потребностями в рабочей силе» [19. С. 53]. Это может способствовать расширению возможностей для выбора.

Обсуждение

Традиционно в Таджикистане «женщины играют значительно более важную роль в домохозяйствах с мигрантами, чем в тех, которые не являются „отпускающими“». Они принимают непосредственное и очень активное участие в подготовке мужчин к выезду, зачастую вкладывают свои средства в финансирование поездок, заменяют мужчин в разных сферах деятельности домохозяйств в период их отсутствия» [20. С. 38]. Данная ситуация обусловлена социокультурной традицией, связанной с идентификацией мужчины как кормильца семьи. В целом наблюдаются тенденции к развитию самостоятельности женщин, но подобные изменения, связанные с трудовой миграцией, влекут за собой отрыв от традиционного уклада, что отражается на жизни возвратных мигрантов.

Безусловно, при возвращении в Таджикистан у людей возникают трудности. Поскольку, например, «значительная часть возвратных мигрантов, отработав десятилетия в России, уже достигли пенсионного возраста, но при этом ни в Таджикистане, ни в России они не получают пенсию» [21. С. 178]. Поэтому вернувшимся приходится самостоятельно справляться с новыми возникающими сложностями и прибегать к помощи семьи.

Оставаясь в России, мигрантки «несмотря на уязвимость положения на российском рынке труда, располагают значительным человеческим потенциалом, мощным социальным ресурсом, опираются на взаимовыручку и поддержку, социальные сети, им свойственна высокая степень сплоченности и солидарности» [22. С. 12]. А вовлечение НКО в работу с мигрантами связано напрямую «не только с меньшей распространенностью открытых конфликтов, но и с широкими контактами с мигрантами во множестве сфер взаимодействия» [23. С. 136], способствующими практической реализации социальных ожиданий.

Выводы

Таким образом, в ходе исследования поставлена и решена научно-практическая задача выявления ресурсного потенциала российских некоммерческих организаций по реализации социальных ожиданий мигранток, прибывших из Таджикистана в Россию. Выполнена цель статьи, т.е. выявлены социальные ожидания мигранток из Таджикистана от жизни в России и раскрыт ресурсный потенциал российских некоммерческих организаций по реализации их намерений.

В результате проведения исследования: 1) построена система социальных ожиданий таджикских мигранток от жизни в московском мегаполисе

(по разным сферам жизнедеятельности выделены компоненты: социально-экономический, профессионально-образовательный, досуговый, медико-санитарный, физкультурно-оздоровительный, социально-психологический); 2) выделены группы мигранток с разной степенью оправдания социальных ожиданий от жизни в России (высокой, средней, низкой); 3) выявлены типы российских некоммерческих организаций, обладающих ресурсным потенциалом по реализации социальных ожиданий мигранток из Таджикистана (консультационно-правовые, образовательно-просветительские, социально-сервисные, физкультурно-спортивные, медико-социальные, культурно-духовные, благотворительные, добровольческие); 4) обнаружены виды ресурсов некоммерческих организаций (информационные, организационные, материальные, добровольческие, социокультурные), обладающих потенциалом по реализации социальных ожиданий таджикских мигранток.

Список источников

1. *Отдельные* показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2022 года с распределением по странам и регионам. МВД России: официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711> (дата обращения: 02.03.2023).
2. *Tajikistan*. Europe and Central Asia. United Nations. URL: <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/tajikistan> (accessed: 05.03.2023).
3. *Рязанцев С.В., Ростовская Т.К., Перемышлин С.Н.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 4. С. 53–65. DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5
4. *Олимова С.К.* Таджикистан: роль и статус женщин в домохозяйствах мигрантов // *Диаспоры*. 2012. № 2. С. 86–123.
5. *Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 годы*: Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р / Минтруд: официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/5> (дата обращения: 02.03.2023).
6. *Осадчая Г.И.* Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества. М.: Экон-Информ, 2021. 346 с.
7. *Грибов Д.Е.* Социальные ожидания как регулятор социального поведения личности: теоретические проблемы исследования // *Гуманитарий Юга России*. 2016. Т. 19, № 3. С. 182–189.
8. *Пирожкова С.В.* Социальные ожидания: эпистемические основания и роль в обществе знаний // *Общество. Коммуникация. Образование*. 2020. Т. 11, № 1. С. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.11101
9. *О некоммерческих организациях*: ФЗ от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 19.12.2022). КонсультантПлюс: официальный сайт. <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2023).
10. *Письмо* Минэкономразвития России от 30.09.2016 № 29850-ОФ/ДО1 и «Методические материалы по формированию и поддержке в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях ресурсных центров поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». КонсультантПлюс: официальный сайт. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2023).
11. *Снегирева Е.С., Селютин В.И.* Гражданское общество в условиях политической региональной трансформации: на примере Воронежской области // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 66. С. 190–197. DOI: 10.17223/1998863X/66/17
12. *Фонд президентских грантов*: официальный сайт. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>
13. *Ассамблея народов России*: официальный сайт. URL: <http://ассамблеянародов.рф> (дата обращения: 02.03.2023).
14. *ПСП-фонд*: официальный сайт. URL: <https://psp-f.org> (дата обращения: 02.03.2023).
15. *Центр правовой защиты и социально-культурной адаптации мигрантов «Росмигрант»*: официальный сайт. URL: <https://rosmigrant.ru> (дата обращения: 02.03.2023).

16. Многофункциональный миграционный центр по Пермскому краю: официальный сайт. URL: <https://mfmc-perm.ru> (дата обращения: 02.03.2023).
17. Центр социально-правовой поддержки переселенцев «Искусство жить»: официальный сайт. URL: <https://www.asi.org.ru/ngoprofile/tsentriskusstv/>
18. Волкова О.А. Деятельность некоммерческих организаций, оказывающих медико-социальную помощь мигрантам в условиях COVID-19 // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30, № 4. С. 537–542.
19. Ryazantsev S.V., Kasymov O.K., Vazirov Z.K., Garibova F.M. The Impact of COVID-19 on Tajik Migrants in the Russian Labour Market // DEMIS. Demographic Research. 2022. Vol. 2, № 4. P. 45–57. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.3. EDN OINTXY
20. Имонов О.Д. Традиционная (национальная) модель домохозяйства Республики Таджикистан // Проблемы учета и финансов. 2016. № 4 (24). С. 37–41.
21. Рязанцев С., Хонходжаев Ф., Акрамов Ш., Рязанцев Н. Возвратная миграция в Таджикистан: формы, тенденции, последствия // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24, № 2. С. 178–191.
22. Касымов О.К. Трудовая миграция из Таджикистана: социально-демографические последствия и вклад в благосостояние населения: дис. ... канд. экон. наук. М. : ИДИ ФНИСЦ РАН, 2021. 159 с.
23. Бритвина И.Б., Могильчак Е.Л. Разделяющие и объединяющие элементы культуры в отношениях мигрантов из стран Центральной Азии и россиян как основа латентной конфликтности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 127–138. DOI: 10.17223/1998863X/66/12

References

1. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2022) *Otdel'nye pokazateli migratsionnoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii za yanvar' – dekabr' 2022 goda s raspredeleniem po stranam i regionam* [Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for January–December 2022 with distribution by country and region]. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/deyatelnost/statistics/migracionnaya/item/35074711> (Accessed: 2nd March 2023).
2. UN Women. (n.d.) *Tajikistan. Europe and Central Asia. United Nations*. [Online] Available from: <https://eca.unwomen.org/en/where-we-are/tajikistan> (Accessed: 5th March 2023).
3. Ryazantsev, S.V., Rostovskaya, T.K. & Peremyshlin, S.N. (2019) Gender Aspects of Labor Migration in Russia: Trends, Consequences, Regulation. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve – Woman in Russian Society*. 4. pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.5
4. Olimova, S.K. (2012) Tadjikistan: rol' i status zhenshchin v domokhozyaystvakh migrantov [Tajikistan: the role and status of women in migrant households]. *Diaspory*. 2. pp. 86–123.
5. Ministry of Labor of the Russian Federation. (2022) *Natsional'naya strategiya deystviy v interesakh zhenshchin na 2023–2030 gody: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 dekabrya 2022 g. № 4356-r* [National strategy of action in the interests of women for 2023–2030: Decree No. 4356-r of the Government of the Russian Federation of December 29, 2022]. [Online] Available from: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/8/5> (Accessed: 02.03.2023).
6. Osadchaya, G.I. (2021) *Evraziyskiy ekonomicheskiy soyuz: potentsial razvitiya, format sotrudnichestva* [Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format]. Moscow: Ekon-Inform.
7. Gribov, D.E. (2016) Sotsial'nye ozhidaniya kak regul'yator sotsial'nogo povedeniya lichnosti: teoreticheskie problemy issledovaniya [Social expectations as a regulator of a person's social behavior: Theoretical problems of research]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 19(3). pp. 182–189.
8. Pirozhkova, S.V. (2020) Sotsial'nye ozhidaniya: epistemicheskie osnovaniya i rol' v obshchestve znaniy [Social expectations: epistemic foundations and role in the knowledge society]. *Obshchestvo. Kommunikatsiya. Obrazovanie*. 11(1). pp. 7–18. DOI: 10.18721/JHSS.111101
9. The Russian Federation. (2022) *O nekommercheskikh organizatsiyakh: FZ ot 12.01.1996 N 7-FZ (red. ot 19.12.2022)* [On non-profit organizations: Federal Law of January 12, 1996 N 7-FZ (as amended on December 19, 2022)]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 2nd March 2023).
10. Ministry of Economic Development of Russia. (n.d.) *Pis'mo Minekonomrazvitiya Rossii ot 30.09.2016 N 29850-OF/D01 i "Metodicheskie materialy po formirovaniyu i podderzhke v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii i munitsipal'nykh obrazovaniyakh resursnykh tsentrov podderzhki sotsial'no orientirovannykh nekommercheskikh organizatsiy"* [Letter N 29850-OF / D01 of the Ministry of Economic Development of Russia dated September 30, 2016, and "Guidelines on the formation and

support of resource centers for supporting socially oriented non-profit organizations in the constituent entities of the Russian Federation and municipalities"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus (Accessed: 2nd March 2023).

11. Snegireva, E.S. & Selyutin, V.I. (2022) Civil Society in the Context of Political Regional Transformation: The Example of Voronezh Oblast. *Vestnik Tomskogo gosudarstven-nogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 190–197. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/66/17

12. The Russian Federation. (n.d.) *Presidential Grants Fund: official website*. [Online] Available from: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>

13. *Assembly of Peoples of Russia: official website*. [Online] Available from: <http://assambleyanarodov.rf> (Accessed: 2nd March 2023).

14. *PSP-fund: official website*. [Online] Available from: <https://psp-f.org> (Accessed: 2nd March 2023).

15. *Center for Legal Protection and Social and Cultural Adaptation of Migrants "Rosmigrant": official website*. [Online] Available from: <https://rosmigrant.ru> (Accessed: 2nd March 2023).

16. *Multifunctional migration center for the Perm region: official website*. [Online] Available from: <https://mfmc-perm.ru> (Accessed: 2nd March 2023).

17. *Center for social and legal support of migrants "Art of Living": official website*. [Online] Available from: <https://www.asi.org.ru/ngoprofile/tsentriskusstv/>

18. Volkova, O.A. (2022) Deyatel'nost' nekommercheskikh organizatsiy, okazyvayushchikh mediko-sotsial'nyuyu pomoshch' migrantam v usloviyakh COVID-19 [Activities of non-profit organizations providing medical and social assistance to migrants in the context of COVID-19]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdoravookhraneniya i istorii meditsiny*. 30(4). pp. 537–542.

19. Ryazantsev, S.V., Kasymov, O.K., Vazirov, Z.K. & Garibova, F.M. (2022) The Impact of COVID-19 on Tajik Migrants in the Russian Labour Market. *DEMIS. Demographic Research*. 2(4). pp. 45–57. DOI: 10.19181/demis.2022.2.4.3. EDN OINTXY.

20. Imonov, O.D. (2016) Traditsionnaya (natsional'naya) model' domokhozyaystva Respubliki Tadjikistan [Traditional (national) household model of the Republic of Tajikistan]. *Problemy ucheta i finansov*. 4(24). pp. 37–41.

21. Ryazantsev, S., Khonkhodzhaev, F., Akramov, Sh., Ryazantsev, N. (2021) Vozvratnaya migratsiya v Tadjikistan: formy, tendentsii, posledstviya [Return migration to Tajikistan: forms, trends, consequences]. *Tsentr'al'naya Aziya i Kavkaz*. 24(2). pp. 178–191.

22. Kasymov, O.K. (2021) *Trudovaya migratsiya iz Tadjikistana: sotsial'no-demograficheskie posledstviya i vklad v blagosostoyanie naseleniya* [Labor migration from Tajikistan: socio-demographic consequences and contribution to the well-being of the population]. Moscow: RAS.

23. Britvina, I.B. & Mogilchak, E.L. (2022) Alienating and Unitive Elements of Culture in the Relations between Migrants from Central Asia and Russian Citizens as the Basis of Latent Conflict. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 127–138. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/66/12

Сведения об авторах:

Осадчая Г.И. – доктор социологических наук, профессор, руководитель Отдела исследований демографических и миграционных процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: osadchaya111@gmail.com

Волкова О.А. – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (Москва, Россия). E-mail: volkova0a@rambler.ru

Махмадбекзода М.Ш. – кандидат политических наук, директор Научно-исследовательского института труда, миграции и занятости населения (Душанбе, Таджикистан). E-mail: Sorbon4@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Osadchaya G.I. – Dr. Sci. (Sociology), professor, head of the Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: osadchaya111@gmail.com

Volkova O.A. – Dr. Sci. (Sociology), professor, chief research fellow, Institute of Demographic Research of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: volkovaoa@rambler.ru

Makhmadbekzoda M.S. – Cand. Sci. (Political Science), head of the Scientific Research Institute of Labor, Migration and Employment (Dushanbe, Tajikistan). E-mail: Sorbon4@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.03.2023;
одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 09.03.2023;
approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научная статья

УДК 316.452

doi: 10.17223/1998863X/73/18

СОЦИАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ МАГИСТРАНТОВ ОТ ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Дарья Николаевна Суховская

*Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия,
daria.sukhovskaya@yahoo.com*

Аннотация. Статья посвящена описанию исследования социальных ожиданий магистрантов от обучения в высшей школе. Автор рассматривает удовлетворенность магистрантов образовательным процессом через призму их социальных ожиданий в отношениях с преподавателями и одногруппниками и/или однокурсниками. Методом сбора данных послужили интервью с магистрантами второго года обучения из вузов Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Результаты исследования показали, что социальные ожидания студентов магистратуры отличаются от социальных ожиданий студентов бакалавриата и в большей степени связаны со средой обучения как ресурса для накопления социального капитала.

Ключевые слова: магистратура, социальные ожидания, социальная роль, социальная среда, высшая школа, удовлетворенность

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук, научный проект № МК-88.2022.2.

Для цитирования: Суховская Д.Н. Социальные ожидания магистрантов от обучения в высшей школе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 207–227. doi: 10.17223/1998863X/73/18

Original article

SOCIAL EXPECTATIONS OF MASTER'S STUDENTS FROM STUDYING AT A HIGHER SCHOOL

Daria N. Sukhovskaya

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, daria.sukhovskaya@yahoo.com

Abstract. The article describes a study of the social expectations of master's students from studying at a higher school. The author considers the satisfaction of master's students with the educational process through the prism of their social expectations in relations with teachers and classmates. The method of data collection was interviews with second-year master's students from universities of the Southern and North Caucasus Federal Districts. The results of the study showed that the social expectations of master's students differ from the social expectations of bachelor's students and are more related to the learning environment as a resource for the accumulation of social capital. The research question is whether the social expectations of master's students and their satisfaction with learning are related. The aim of the study is to explore the relationship between the social expectations of master's students and their satisfaction with learning. The study showed that the social learning environment is more significant for master's students than for bachelor's students. Master's students consider it, first of all, as a place associated with networking opportunities and employment prospects, as well as a place for accumulating practical knowledge in the specialty and master-

ing the experience of research activities. A comparative analysis of the social expectations of bachelor's and master's students shows that the expectations of the former are most often associated with prestige, financial and career motives, i.e. with the desire to increase economic and symbolic capital, while the latter assign a significant role to social contacts that they make in the learning process – social capital. The comparative analysis of social expectations of bachelor's and master's students also shows that, for the latter, the cognitive component of the relationship with the teacher accommodating knowledge (especially practical one), interrelated with the academic discipline, prevails over the affective component as an emotional evaluation, while the reverse effect is observed for the former.

Keywords: master's degree, social expectations, social role, social environment, higher education, satisfaction

Acknowledgments: The study is supported by the the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists – candidates of sciences, Project No. MK-88.2022.2

For citation: Sukhovskaya, D.N. (2023) Social expectations of master's students from studying at a higher school. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 207–227. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/18

Введение

Социальная среда оказывает значительное влияние на решения и поведение человека [1. Р. 41; 2. Р. 556]. Молодые люди усваивают социальные нормы и привычки, ориентируясь на поведение других значимых для себя субъектов: сверстников, друзей, родителей и т.д. [3].

В ряде исследований эмпирически показано, что социальные взаимодействия играют ключевую роль в распространении инноваций [4], поведении, связанном со здоровьем [4; 5. Р. 371], политических взглядах [6. Р. 400], культурных вкусах [7. Р. 68], успеваемости [8. Р. 1507; 9. Р. 62; 10. Р. 793; 11; 12. Р. 7].

Старт активного исследовательского интереса к эффектам социальной среды в образовании можно проследить с момента публикации доклада Коулмана «Равенство образовательных возможностей» в 1966 г., в котором излагались результаты исследования воздействия на академическую успеваемость учащегося поведения и успеваемости других учащихся [13. Р. 45].

М. Юдкевич, О. Польдин и Г. Андрущак в своей работе «Эффекты обучения в „жестких“ образовательных программах» изучили такой частный эффект социальной среды, как «эффект сообучения». Исследователи пришли к выводу о том, что на удовлетворенность обучающегося влияет не только личное усилие, прилагаемое к обучению, но и социальные контакты из числа его одноклассников [14]. Исследователи ВШЭ М. Юдкевич, С. Докука и Д. Валеева подтвердили, что круг общения студентов связан с их успеваемостью и удовлетворенностью от обучения. Чем больше одноклассников среди друзей в социальных сетях, тем лучше оценки учащегося [15].

П.И. Сердюков в своем исследовании «Роль общения в повышении эффективности онлайн-обучения» приходит к выводу о том, что коммуникация между членами академической группы, особенно в онлайн-среде, создает благоприятную среду для эффективной передачи и развития знания. Как замечает автор, «студенты часто сообщают, что они учатся больше друг у друга, чем из книг» [16]. Ю.В. Сутурина пришла к выводу о том, что педагогическая эмпатия как профессионально значимое качество преподавателя оказывает влияние на академическую вовлеченность студентов и способствует ее повышению [17].

С. 98]. А.А. Дроздова в своей работе указывает на такое основание образовательной неуспешности студентов, как безразличное отношение со стороны преподавателей. Исследование автора показало, что неудовлетворенность социального взаимодействия между педагогом и студентом негативно сказывается на вовлеченность последних в образовательный процесс [3].

Социальные практики и коммуникации влияют на ожидания от обучения, что выражается через изменение удовлетворенностью от обучения. Этот эффект наблюдается у обучающихся по программам бакалавриата [15; 16; 18; 19. С. 173], но в настоящее время нет исследований о влиянии социальных ожиданий на вовлеченность магистрантов в образовательный процесс и их удовлетворенность от него. Мы предполагаем, что социальные ожидания студентов магистратуры отличаются от бакалаврских. Успеваемость в магистратуре не так сильно может быть объяснена удовлетворенностью, вовлеченностью, и не очевидно указывать на реальные образовательные результаты. Исследование ориентировано на поиск противоречий в социальных ожиданиях магистрантов от обучения и тем, как на самом деле операционализируется социальная среда в современной магистратуре.

В настоящем исследовании перед нами стояли такие вопросы: каковы социальные ожидания от обучения у магистрантов? Каким образом социальная среда обучения связывается ими с удовлетворенностью от обучения?

Исследовательский вопрос: Связаны ли социальные ожидания магистрантов и их удовлетворенность от обучения?

Целью исследования является изучение связи между социальными ожиданиями магистрантов и их удовлетворенностью от обучения.

Для описания научного аппарата исследования необходимо определить, что мы включаем в понятие социальных ожиданий.

И.В. Шиндряева понимает под социальными ожиданиями систему требований в отношении исполнения индивидом социальных ролей. Так, членам той или иной социальной группы, которые занимают определенную социальную позицию, выполняют роль, взаимодействующие с ними члены социума предъявляют требования, характерные (принятые) для представителей их социальной группы, регламентирующие их социальное поведение, установки, отношения и др. Описанные требования и предписания обретают форму ожидаемого от индивида поведения [20. С. 147].

Социальные ожидания формируются у участников образовательного процесса в контексте выполнения тех или иных социальных ролей [21]. В исследовании мы рассматривали три типа социальных ролей, характерных для системы высшего образования: обучающийся (магистрант), преподаватель, одноклассник / однокурсник. Так как вектор исследования направлен на магистрантов, мы рассмотрели ожидания, циркулирующие внутри таких ролевых отношений, как:

- магистрант – преподаватель;
- магистрант – одноклассник / однокурсник.

Изучение социальных ожиданий от указанных субъектов обусловлено тем, что именно в пределах этих двух векторов наиболее часто развивается коммуникация магистрантов во время обучения. З.И. Кириллина отмечает, что объективная обоснованность ожиданий участников процессов коммуникации имеет значение при исследовании взаимодействия преподавателей и

студентов в высшей школе [22]. Как показало исследование З.И. Кириллиной, характер и эффективность педагогического процесса тесно связаны с тем, как его субъекты представляют друг друга и чего ожидают от взаимодействия. В свою очередь расхождения во взаимных ожиданиях преподавателей и обучающихся включают широкий спектр проблем – от ценностей личности до качества и эффективности усвоения знаний [Там же].

Говоря о системе отношений «магистрант – одноклассник/однокурсник» можно найти значительное количество исследований, которые указывают на то, что удовлетворенность студентов образовательным процессом связана с «линейными» социальными контактами, т.е. с контактами в своей группе или на своем курсе.

С. Докука, Д. Валеева, М. Юдкевич указывают на то, что успеваемость обучающихся становится похожей на успеваемость их друзей (из числа одноклассников). Исследователи выяснили, что обучающиеся, которые активно вовлечены в коммуникативные процессы в группе или на курсе и которых часто просят о помощи, со временем повышают свою успеваемость [15].

В исследовании мы используем показатель удовлетворенности от социальных ожиданий как индикатор удовлетворенности магистрантов образовательным процессом. Исследование удовлетворенности, в свою очередь, позволит решить проблему того, что в магистратуре студенты уже не так вовлечены в учебный процесс и получают от него не все возможные эффекты [23]. О данном факте свидетельствует исследование Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ «Индексы вовлеченности студентов в университетскую деятельность», где указано, что «студенты магистратуры в наименьшей степени вовлечены в образовательный процесс» [Там же]. На снижение вовлеченности у студентов магистратуры указывает и Н.Г. Малошонов [24]. При этом автор говорит о том, что в рамках проведенного ею исследования невозможно достоверно представить причины, вызвавшие эти изменения. Для выявления таких причин необходим более тонкий и детальный анализ: необходимо изучить особенности изменения студенческой вовлеченности в зависимости от конкретных факторов влияния.

В проводимом исследовании мы рассматриваем влияние фактора социальных ожиданий на вовлеченность студентов магистратуры в учебный процесс в вузе и удовлетворенность от него.

Теоретические основы исследования

Грамотное планирование структурно-организационного и учебно-методического направлений деятельности магистратур является гарантом эффективности получаемого профессионального образования [25. Р. 27]. Однако успех в повышении качества магистерской подготовки в вузах станет наиболее значительным, если не только профессорско-преподавательский состав, но и каждый магистрант будет активно включен в работу и лично заинтересован во всех образовательных процессах, происходящих в организации [26].

Исследование личностного компонента, а именно совокупности социальных ожиданий магистрантов от учебно-образовательной деятельности, крайне важно для понимания направленности дальнейших устремлений учащихся с целью учета этих знаний в процессе разработки конструктивных предложений, касающихся преобразований магистерской подготовки.

На наш взгляд, особенно ценной является информация, касающаяся исследования социальных ожиданий и приоритетов магистрантов в начале процесса обучения. Выявленные ожидания и стремления являются своего рода исследовательским индикатором, обличающим социально-коммуникативные установки магистрантов. Ожидания магистрантов влияют на их опыт обучения, а их отношение к полученному опыту влияет на виды поддержки, в которой они нуждаются [27. Р. 145]. Например, учащиеся с более конструктивным подходом к обучению ожидают, что они будут независимыми студентами, в то время как другие учащиеся могут больше полагаться на помощь преподавателей и одногруппников, проверку собственных знаний в процессе общения, постоянную обратную связь и хорошо структурированный курс [28. Р. 185]. Однако вне зависимости от уровня навыков саморегуляции учащиеся магистратур часто нуждаются в тьюторской поддержке в процессе обучения [29. Р. 2].

Помимо уровня образования, восприятие и ожидания учащихся могут также варьироваться в зависимости от других факторов, включая возраст, пол, предметную область [30. Р. 419], уровень опыта в обучении [31. Р. 736] и контекст [32. С. 383].

Одной из теоретических рамок в изучении социальных ожиданий от обучения выступает *теория транзакционной дистанции*. Транзакционная дистанция определяется как «пространство психологического и коммуникативного характера, которое необходимо пересечь, пространство потенциального непонимания между действиями преподавателя и обучающегося» [33. Р. 76]. Теория транзакционной дистанции объясняет взаимодействие преподавателя и обучающегося, структуры курса, диалога и автономии учащихся для достижения высоких результатов обучения. Эта теория предполагает, что хорошо спроектированная учебная среда с широкими возможностями для взаимодействия и обсуждения может уменьшить психологическую и коммуникативную дистанцию, которую могут ощущать обучающиеся.

Гиоссос, Куцуба, Лионаракис и Скаванцос [34. Р. 2] пересмотрели теорию транзакционной дистанции и предположили, что действия преподавателя являются входными данными системы образования, производящими транзакционную дистанцию как результат посредством механизмов диалога, структуры и автономии. Аналогичным образом несколько исследований показали, что действия преподавателей (например, [7, 30, 35]), структура курса [36. Р. 172] и возраст учащихся [31. Р. 735] влияют на восприятие транзакционной дистанции учащимися.

Основные проблемы магистрантов с точки зрения реализации их социальных ожиданий включают участие в исследовательской культуре университета, борьбу с изоляцией и эффективное использование общения с преподавателями и однокурсниками и одногруппниками [37. Р. 82]. Автор предполагает, что при работе с магистрантами преподаватели должны поддерживать систему общения и поддержки на протяжении всего исследовательского процесса, готовить магистрантов к исследованиям, письму и новым формам общения, а также быть чуткими к потребностям магистрантов в работе. Преподаватели также должны обеспечивать конструктивную обратную связь, поддерживать диалог для успешного и взаимно удовлетворяющего исследовательского процесса [37]. Хотя эти предложения полезны, в нескольких исследованиях сообщалось о том,

какую поддержку сами магистранты ожидают от своих наставников и консультантов (например, [38. Р. 164; 39. Р. 312]).

Имеющиеся исследования мнений магистрантов сообщают о различных качествах, которые магистранты ожидают от хороших наставников и консультантов в процессе обучения. Результаты показали, что учащиеся лучше учились, когда курсы и задания соответствовали реальной жизни (т.е. они ожидали от курса приобретения практических навыков); предназначены для улучшения их рефлексии, критического мышления и навыков решения проблем; поддерживаются различными инструментами, включая дискуссионные форумы, видео, видеоконференции и исследования в онлайн-библиотеке [38, 39]. Учащиеся магистратур ценили сложный и значимый учебный опыт работы в группах [40. Р. 552; 41. Р. 512; 42. Р. 49].

В нашем исследовании мы предполагаем, что магистранты должны ориентироваться на профессиональное развитие в первую очередь, а значит, их социальные ожидания следующие (гипотезы):

- от одноклассников / однокурсников – в первую очередь профессиональная полезность (сети, связи, общее дело и др.);
- от преподавателя – высокие требования к компетенциям (его) и к стилю преподавания.

Социальные ожидания являются значимым аспектом в оценке обучения студента. На основании теории экспектаций (ожиданий) В. Врума [43. С. 285] можно говорить о том, что именно такую социологическую категорию необходимо изучить, потому что социальные ожидания связаны с мотивацией, а она, в свою очередь, является важнейшим элементом управления образовательным процессом. Опираясь на ожидания студента, вуз может построить учебный процесс в нужном направлении, ориентированном на потребности студентов касательно процессов социализации.

В исследовании была использована логика выделения показателей удовлетворенности магистрантов образовательным процессом через *удовлетворение их социальных ожиданий* в отношениях с:

- преподавателями;
- одноклассниками / однокурсниками.

Категоризация социальных ожиданий в данном исследовании включала оценку трех составляющих: понимание «хорошего преподавателя», «хорошего одноклассника или одноклассницы» и «хорошей кафедры». В категорию «хорошего» мы вкладываем удовлетворение социальных ожиданий магистрантов от взаимодействия в той или иной социальной роли.

Материал и методы

Исследование было проведено с использованием метода интервью. Выборка для интервью – стратифицированная. Основанием для стратификации являются:

1. Региональная принадлежность (СКФО и ЮФО).
2. Степень обучения (магистратура).
3. Год обучения – 2-й. Магистранты второго года обучения были выбраны в качестве информантов, так как у них уже сформировалось представление об оправданности или неоправданности социальных ожиданий в процессе обучения.

В ходе исследования было проведено 27 интервью, 13 информантов из ЮФО, 14 – из СКФО, гендерный состав информантов представлен 13 женщинами и 14 мужчинами.

Для проведения интервью было заложено по 40 мин на одного человека. По способу взаимодействия были проведены личные (face-to-face) интервью. В качестве места для проведения интервью были выбраны рабочие зоны в коворкингах (изолированные от общего пространства и позволяющие провести беседу один на один), которые располагаются неподалеку от кампусов и общежитий вуза.

Лейтмотивом интервью стали две темы, в рамках которых были сформулированы вопросы гайда:

1. Отношения с одногруппниками / однокурсниками.

За период обучения многие студенты находят друзей среди своих одногруппников и однокурсников, устанавливают значимые связи, которые играют большую роль на протяжении их дальнейшей жизни. Общение в университете является важным компонентом обучения и существенно влияет на оценки, знания и навыки студентов. Поэтому важно понять, как близко и с кем студенты общаются, объединяются ли они в группы по интересам, выполняют ли они домашние задания вместе, а также какая атмосфера царит в их студенческой группе.

2. Отношения с преподавателями.

Немаловажным компонентом обучения студента является его общение с преподавателями. Преподаватель не только является посредником между учащимся и знаниями, он также мотивирует его учиться, стимулирует интерес к определенным научным сферам, помогает приобрести необходимые навыки, а также постигнуть выбранную специальность. Поэтому частота общения студента с преподавателем является важным предметом изучения.

Для кодирования интервью были выделены три категории отношений, находящихся в рамке социальных ожиданий обучающихся: «хороший одногруппник или одногруппница», «хороший преподаватель», и «хорошая кафедра».

Категория	Коды	Интерпретация	Цитата
Хороший одногруппник или одногруппница	Реальный опыт Знает тонкости Опыт актуален	Студенты магистратуры высоко ценят возможность учиться не только у преподавателей, но и у более опытных коллег-магистрантов.	У нас вся группа, так сказать, непростая. Кто-то в министерстве работает, а кто-то в департаменте. В такой группе задания совсем иначе выполняются, не «от балды», как было в бакалавриате, нашли в Интернете пример и под себя переделали... У многих тут есть реальный опыт , это, на мой взгляд, самое полезное. (Мужчина, 23 года) Мне больше всего нравится, что тут я могу не только к преподавателю за помощью обращаться, но и к одногруппнику. Иногда даже к нему и эффективнее обратиться. В моей группе у парня свой стартап в туризме, он много тонкостей знает и может рассказать . Я тоже хочу начать «возить» по Кавказу туристов, мне его опыт даже больше актуален . (Мужчина, 20 лет)

Продолжение таблицы

Категория	Коды	Интерпретация	Цитата
Хороший одноклассник или одноклассница	Реальные темы Реально работают		Я очень почувствовала разницу (с бакалавриатом). Многие еще с момента курсовых начали брать реальные темы «по заказу извне», проекты делали для организаций, в которых реально работают . (Женщина, 20 лет)
	Восполнить пробелы в практических знаниях	Студенты магистратуры отмечают более практико-ориентированный характер задач по сравнению с их опытом обучения на программах бакалавриата. Также студенты магистратуры указывают на желание получить (восполнить) именно практические знания.	Мне кажется, в магистратуре учатся уже все, кто работает. И из-за того, что уже поняли, что такое работа, ищут здесь возможность восполнить пробелы в практических знаниях . Я вот на бакалавриате учился на экономиста, а в итоге, ничего не понимал, когда вышел на работу. На практике научился, конечно, но понимаю, что нужно еще разбираться и разбираться. (Мужчина, 21 год)
	Закончить со знаниями		Да, мне в ней комфортно. Я говорю и понимаю, что я счастлива, что меня окружают люди, которые пришли в магистратуру не просто ради того, чтобы ее закончить, а закончить со знаниями . (Женщина, 24 года)
	Окружали люди, которые учились Окружали люди, которые стремились к знаниям	Информанты делают акцент на том, что их социальные ожидания от одноклассника или одноклассницы в первую очередь связаны с их мотивацией к обучению	Тем не менее общество... Я была в восторге, когда поступила на магистратуру, от того, что меня околоуали люди, которые учились . Не было такого, как «свалить» или еще что-то. Я в принципе поэтому и осталась в Х, потому что все-таки меня окружали люди, которые стремились к знаниям . (Женщина, 20 лет)
Хороший преподаватель	Реально занимается исследовательской работой	Важным ожиданием от преподавателя является его включенность в занятия научной работой и способность обучать ее основам.	Мне было интересно с преподавательницей, которая реально занимается исследовательской работой , она работает еще и научным сотрудником и проводит исследования в рамках грантов. Она доступно и реально рассказывала о методологии, что и как проверять и на что опираться. Ее пары были полезнее для моего диссера, чем встречи с научруком, который от этого всего далек, так как сидит в основном за административной работой. (Мужчина, 20 лет)
	Проводит исследования Пары были полезны для диссера		
	Выстроенная система пар Эрудированная	Хороший преподаватель может быть охарактеризован как эрудированный человек с понятным для студентов и четким планом занятий.	У нее четкая выстроенная система пар. Она очень эрудированная , очень много рассказывает интересного, что делает пару интересной, и за счет этого студенты всегда вовлечены в процесс обучения. (Женщина, 24 года)
	Практикующий Примеры из практики		Мне было интересно, когда пары у нас вел И.П., он – практикующий психолог и примеры всегда давал из практики . (Мужчина, 21 год)

Категория	Коды	Интерпретация	Цитата
Хороший преподаватель	Знание предметной области Опыт работы	Информанты указывают на особую ценность наличия у преподавателя практического опыта и практических знаний по предмету	Даже если тут предполагается НИС, без знания предметной области ничего не выйдет. Я пришел сюда, потому что знал, что у нас будет вести А.Л., у нее опыт работы в таможене в МинВодах, а я как раз туда хочу устроиться. (<i>Мужчина, 22 года</i>) У нас вел мужчина в первом же семестре программирование, так мы после первой же пары вышли и поняли, что ничего не поняли. Он очень крутой, программист для Wargaming , но он думал, наверное, что мы тоже уже не на уровне «питона». (<i>Мужчина, 22 года</i>)
Хорошая кафедра	Те же дисциплины Тот же курс Не наш профиль Уже было По практическому навыку – провал	Информанты указывают на то, что дисциплины магистратуры частично дублируют дисциплины бакалавриата, а также указывают на то, что не прослеживают «усложнения» или «углубления» тем по сравнению с уже пройденными в рамках программы бакалавриата	Это моя кафедра, которую я обожаю. Каждого человека на этой кафедре обожаю, особенно Х. Но проблема в том, что ведут у нас все те же преподаватели, дисциплины почти все те же. Я не заметила особо изменений, например, в «языкознании», это был тот же курс, что и на бакалавриате. (<i>Женщина, 21 год</i>) Я больше выбирала не университет, а именно нашу кафедру – Х, потому что предоставляется возможность поехать на втором курсе по программе двух дипломов. Я знала, что вести будут те же преподаватели, но не думала, что у нас опять будет, например, философия, психология. Это интересно, конечно, но это же не наш профиль, да и было это уже. Теперь на это просто не хватает времени вместе с работой! (<i>Женщина, 20 лет</i>) Я осознанно шла в магистратуру, мне для работы нужна статистика, работа с данными. А в итоге мы просто учебник читали. Задачи простенькие, которые я умела и до этого решать, решали. Так что по практическому навыку – провал. (<i>Женщина, 21 год</i>)

Результаты

Прежде чем перейти к рассмотрению трех выделенных категорий отношений, находящихся в рамке социальных ожиданий магистрантов в университетской среде, нами были выявлены следующие наиболее значимые приоритеты с точки зрения ожиданий магистрантов от обучения вообще:

– приобретение связей с потенциальными работодателями и иные возможности нетворкинга упомянули 82% информантов (*хотел попасть на практику и остаться там работать; со мной учились люди с опытом, хотелось попасть к ним в команду; главное достижение для меня – то, что я попал на работу в ..., о которой мечтал, с помощью моего одноклассника; ду-*

мала, что здесь под проект соберу команду, так и получилось; знали, что из магистратуры «хантят» в министерство, это было хорошей мотивацией поступить»);

– приобретение прикладных навыков в выбранной специальности. Об этом упомянули 76% информантов, используя такие характеристики своих ожиданий, как: «хочу стать хорошим специалистом»; «лучше разбираться в практике работы с документами»; «думаю, магистратура позволит чувствовать себя более уверенно при выходе на работу»; «чувствую, что на бакалавриате „не дотянул“, хочу наверстать упущенное более точно»; «самым полезным были практики и мастер-классы»; «ходила только на практические занятия»;

– возможность заниматься научно-исследовательской деятельностью. Данное ожидание было упомянуто 65% информантов (хотела остаться в науке; хотел поступить дальше в аспирантуру; попробовать себя в исследовательской работе; мне всегда было интересно заниматься наукой, но навыка не было; на бакалавриате насколько могла, занималась наукой, хотела продолжить и пошла в магистратуру).

Судя по распределению мнений об ожиданиях от обучения, студенты рассматривают магистратуру прежде всего как место, связанное с возможностями нетворкинга и перспективами трудоустройства, также как место для накопления практических знаний по специальности и овладения опытом научно-исследовательской деятельности.

Исходя из вышесказанного, мы предполагаем, что социальная среда обучения оказывается для магистрантов более значимой, чем для студентов бакалавриата. Рассмотрим результаты аналогичных исследований ожиданий от обучения у студентов бакалавриата.

В исследовании Н.А. Лызь, И.С. Лабынцевой, посвященном изучению ожиданий первокурсников программ бакалавриата от обучения, наиболее частотными ожиданиями стали: приобретение профессии, дающей хороший заработок (93,9%); желание получить диплом о высшем образовании (87,4%); престижная специальность (84,6%) [44. С. 97].

В исследовании ожиданий от обучения студентов Московского государственного лингвистического университета и Туринского университета Ю. Тимакова группирует ожидания бакалавров от обучения в четыре кластера, используя теорию капиталов П. Бурдьё и выделяя ожидания, связанные с вкладом в экономический, социальный, культурный и символический капиталы. Автор приходит к выводу, что большая часть ожиданий студентов бакалавриата связана с инвестированием в экономический капитал (респонденты чаще всего ссылались на желание зарабатывать) [45. С. 246].

Аналогичные результаты мы видим в исследовании М.В. Рыченкова и др. в котором изучались ожидания от обучения первокурсников ЮАО Москвы. Авторы указывают на престижность получения высшего образования и квалифицированной специальности, востребованной на рынке труда, как на основные ожидания студентов-бакалавров [46].

Таким образом, в первую тройку ожиданий у студентов бакалавриата чаще всего попадают престижно-материальные и карьерные мотивы, т.е. стремление к наращиванию экономического и символического капиталов, в то время как студенты магистратуры значимую роль отводят социальным

контактам, которые формируются у студента в процессе обучения и выражают собой социальный капитал.

Рассмотрим более подробно социальные ожидания магистрантов через категорию отношений магистрант – одноклассник / однокурсник. Одним из наших предположений было то, что магистранты должны ориентироваться на профессиональное развитие, а не первичное овладение специальностью, как у студентов бакалавриата, значит, их социальные ожидания от одноклассников и/или однокурсников связаны с возможной профессиональной полезностью от приобретенных контактов.

Предположение нашло отражение в полученных в интервью данных, так как большинство информантов отмечали значимость включенности в особую сферу социального общения – магистерский социум (81%).

Участники интервью наиболее часто характеризовали свои социальные ожидания от включения в магистерский социум (отношения с одноклассниками) следующим образом:

– Магистерская среда помогает расширить круг межличностного общения и взаимодействия с точки зрения развития дальнейшей карьеры (67%):

В моей группе учится парень, который работает в Яндексе проектным менеджером. Он устроил мне собеседование еще на первом курсе, сначала я был стажером, а сейчас работаю там уже третий месяц (мужчина, 21 год).

Я знала, что в универе мало платят, но всегда хотела остаться работать тут. Магистратура, а в планах – аспирантура. Работу в универе мне и в бакалавриате предлагали, но носить бумажки я не хотела, хотела хотя бы мелкими шагами, но идти к науке. Специально просилась на практику в разные лаборатории, которые могли бы меня «приютить», и на третий раз мне предложили на 0,5 ставки остаться младшим научным сотрудником (женщина, 20 лет).

У меня друг учился в этой же маге на год старше меня. Он сейчас работает в Алабуге, у них на курсе был рекрутинг и приезжали с отбором, каждый год приезжают. У него там все хорошо сложилось, и я тоже планирую попробовать себя в этом году. Здесь оставаться не хочу (мужчина, 20 лет).

– Обучение в магистратуре дает ценный опыт коллективного сотрудничества (67,5%):

У меня был маленький магазинчик и идея для стартапа, я подавала много раз на разные гранты, там нужно было указывать состав команды, я всегда указывала случайных людей, потому что реальной команды не было. На курсе по инновационному менеджменту нам дали проектное задание, и я предложила идею моего стартапа с цветочной мастерской, девочки (одноклассницы) поддержали. В итоге мы проект запустили еще в прошлом году (женщина, 22 года).

Когда училась на бакалавриате, у нас были все как-то сами по себе, в магистратуре так уже не получится, у нас постоянные коллективные задания. Я вообще интроверт, мне не очень нравится в команде работать, но я понимаю, что без этого никак дальше. Я стараюсь в себе этот навык воспитывать и в групповой работе не халтурить (женщина, 20 лет).

Я была всегда активисткой студа, но со временем мне социальный активизм поднадоел и хотелось чего-то более солидного. Когда училась в маги-

структуре на первом курсе нам как-то скинули информацию о том, что Росмолодежь будет грантовый конкурс проводить для студенческих сообществ, у нас была своя маленькая группа «ботанов», и мы собрались и написали заявку. Наша первая заявка была, но все получилось, грант реализуем сейчас (женщина, 22 года).

В оценке социальных ожиданий от преподавателя мы предположили наличие более высоких требований к компетенциям и стилю преподавания со стороны магистрантов.

Обращаясь к результатам исследования ожиданий магистрантов от преподавателя, мы получили данные о том, что магистранты ожидают от преподавателя не просто трансляции той или иной информации, но выполнения роли «наставника» и «консультанта», что можно проследить в таких социальных ожиданиях:

– Получение практико-ориентированного знания (76%):

Я ходила только на пары по экономике, потому что их вела преподавательница-практик, она всю жизнь работала в «Роснефти», теперь ее пригласили как представителя работодателя. Хотя ее пары были в субботу и было не все понятно, я старалась именно ее не пропускать... (женщина, 24 года).

Непонятно было, потому что какие-то темы мы вообще никогда не проходили на экономике на бакалавриате, задачи почти не решали, а если решали, то по образцу. А она пришла и сразу – расчеты делайте! Это круто, но я с этим столкнулся в первый раз (мужчина, 22 года).

Я закончила с красным дипломом, конечно, продолжила учебу в магистратуре, хотела набраться опыта с переводами. Но когда меня послали турецкой делегации помогать с переводом, было очень тяжело, со мной была молодая преподавательница, она все и «вытянула»... Я потом это обсуждала с моим научным руководителем, что у меня был такой «облом» и мне бы с этим поработать нужно, а мне сказали, что тут переводу мы учить не будем, вы должны это уже уметь по окончании бакалавриата! (женщина, 20 лет).

– Получение письменных или устных комментариев о работе конкретного студента в ходе освоения курса (72%):

Наша образовательная среда заточена в основном под тесты всякие, конечно, это может быть удобно преподавателю проверять, но обратной связи нет никакой. Мы, конечно, как наши преподы и говорили, дети ЕГЭ, но хотелось бы иметь больше возможностей говорить с ними, чтобы научиться излагать свои мысли, а не просто «тыкать» на выбор ответа, это я за четыре года делать научился хорошо (мужчина, 21 год).

Я прохожу курсы на разных площадках типа Синхронизации, там есть чаты с лектором, так вот там присылаешь дз, а лектор дает комментарий. И ты понимаешь, что почитать, что не так, что дальше делать с этим. Но на дз в маге редко получаю комментарии, просьбу о них могут расценить как желание оспаривать оценку (мужчина, 22 года).

– Разъяснение принципов и правил подготовки качественных эссе, докладов, исследований (62%):

Я думал об аспирантуре в самом начале, теперь уже нет, по крайней мере в этот же вуз точно не пойду, потому что так и не вник в то, как

научной работой заниматься. У нас было четыре научно-исследовательские практики, которые мы «как бы прошли», но на самом деле они были из ряда практик «принеси-подай», понимаю, что диссертацию сам не напишу, так как требования заявлены высокие, а как это делать – не понятно (мужчина, 22 года).

Сравнивая полученные результаты с ожиданиями от преподавателя, присутствующими студентам бакалавриата, мы выявили ряд отличий.

Студенты бакалавриата в исследовании А.А. Скворцовой «Идеальный образ преподавателя» думают, что только теоретические знания, дополненные примерами, могут приносить наибольший образовательный эффект, и ожидают от преподавателя получения теоретического знания в первую очередь (48% опрошенных) [47. С. 11]. При этом в проведенном нами исследовании магистранты делали упор именно на потребность в практико-ориентированном знании.

Образ идеального преподавателя как инстанции, порождающей социальные ожидания студентов-бакалавров, рассматривается в исследовании В.А. Проходы. Он анализирует представления студентов об идеальном педагоге. Образ идеального педагога в сознании студентов прежде всего оказался связан с умением преподавателя наладить контакт с аудиторией, т.е. информанты чаще всего высказывались о важности тех или иных личностных характеристик педагога (*должен быть «добрым», «участливым», «понимающим»*), отодвинув (в отличие от магистрантов) вопрос о его профессионализме на второй план [48].

К аналогичным выводам приходит и Т.В. Капустина, результаты ее эмпирического исследования идеального преподавателя в представлении студентов-бакалавров указывают в первую очередь на личностные характеристики преподавателей, важные для студентов. Медианные значения ожиданий студентов от преподавателя включали следующие категории: *преподаватель должен быть гибким и компромиссным при решении проблем и в конфликтных ситуациях, стремиться быть в согласии с мнением окружающих, помогать, проявлять теплоту и дружелюбие в отношениях* [49].

Интересно отметить, что в исследовании В.А. Проходы, проводимом среди студентов МГУ, среди ожиданий-аутсайдеров от преподавателей оказалось привлечение преподавателем студентов к научной деятельности [50. С. 204]. При этом магистранты, напротив, оценивают данное ожидание достаточно высоко.

По результатам исследования можно говорить о наличии более высоких требований к компетенциям и стилю преподавания со стороны магистрантов, заключенном в двух основных составляющих их социальных ожиданий (ожиданий от роли преподавателя в целом и от уровня коммуникации с ним):

– ожидания от роли преподавателя заключаются в роли «наставника» и «консультанта» ориентированного на трансляцию практико-ориентированного знания, в отличие от ожиданий студентов-бакалавров, ориентированных в большей степени на приобретение базовых теоретических знаний в выбранной специальности и ожидающих от преподавателя больше теоретика, нежели практика;

– высокая значимость обратной связи от преподавателя (через получение письменных или устных комментариев о работе конкретного студента в ходе освоения курса; разъяснение принципов и правил подготовки качественных эссе, докладов, исследований) в отличие от высокой значимости личностных характеристик преподавателя, часто обнаруживаемых в исследованиях студентов-бакалавров.

Таким образом, мы приходим к выводу, что для студентов магистратуры когнитивная составляющая отношений с преподавателем, вмещающая знания (особенно практические), взаимосвязанные с учебной дисциплиной, преобладает над аффективной составляющей как эмоционально-оценочной, при этом у студентов бакалавриата наблюдается обратный эффект.

Говоря об общей удовлетворенности учебным процессом, мы просили магистрантов описать удовлетворенность от полученных знаний, практических навыков и оценок по пятибалльной шкале, где 0 – совершенно не удовлетворен, а 5 – полностью удовлетворен. Почти половина информантов скорее удовлетворена своими оценками, знаниями и практическими навыками. Большинство из них были удовлетворены своими оценками, далее в рейтинге были знания, а на последнем месте – практические навыки.

Исследование показало, что социальные ожидания магистрантов от образовательного процесса, особенно у тех магистрантов, кто поступил в магистратуру в тот же вуз, в котором они проходили программу бакалавриата, не оправдываются по некоторым пунктам. Наиболее часто были упомянуты следующие:

– дублирование дисциплин бакалавриата некоторыми дисциплинами магистратуры (76%) или многими (45%);

– 55% опрошенных отмечают, что содержание дисциплин магистратуры мало связано со знаниями, полученными в бакалавриате.

Я пришел в магистратуру на ту же кафедру, которая меня выпускала. Учился я хорошо, но никогда не погружался в науку, да нас никто и не погружал. Но в магистратуре все так же и осталось, хотя тут нам регулярно «предъявляют», если мы не пишем статьи по диссертации. А когда мы этому должны были научиться? Непонятно (мужчина, 23 года).

Мне казалось, что магистратура больше должна походить на аспирантуру, где многое зависит от твоих консультаций с научным руководителем и работой над исследованием. А на деле мы проходим предметы, которые проходили с теми же преподавателями на бакалавриате, времени на это не хватает, почти все работают (женщина, 22 года).

Полученные в исследовании данные о неудовлетворенности магистрантов содержанием дисциплин, дублированием уже изученного материала или отсутствием преемственности с полученными ранее знаниями лежат вне проблемного поля изучения социальных ожиданий, однако указывают на существование проблемы сопряжения программ магистратуры с иными уровнями образования, причем проблема существует и с предшествующими (бакалавриат и специалитет), и с последующим уровнем аспирантуры.

Выводы

Исследование показало, что социальная среда обучения оказывается для магистрантов более значимой, чем для студентов бакалавриата. Студенты

магистратуры рассматривают ее прежде всего как место, связанное с возможностями нетворкинга и перспективами трудоустройства, также как место для накопления практических знаний по специальности и овладения опытом научно-исследовательской деятельности.

Сравнительный анализ социальных ожиданий студентов бакалавриата и магистратуры показал, что ожидания студентов бакалавриата чаще всего связаны с престижно-материальными и карьерными мотивами, т.е. со стремлением к наращиванию экономического и символического капиталов, в то время как студенты магистратуры значимую роль отводят социальным контактам, которые формируются у студента в процессе обучения и выражают собой социальный капитал.

Сравнительный анализ социальных ожиданий студентов бакалавриата и магистратуры также позволил установить, что для студентов магистратуры когнитивная составляющая отношений с преподавателем, вмещающая знания (особенно практические), взаимосвязанные с учебной дисциплиной, преобладает над аффективной составляющей как эмоционально-оценочной, при этом у студентов бакалавриата наблюдается обратный эффект.

Одним из профессиональных ожиданий магистрантов, выявленных в исследовании, стало приобретение прикладных навыков в выбранной специальности, это профессиональное ожидание связано с социальным ожиданием от преподавателя, в роли которого они хотят видеть не «транслятора» знаний, а «профессионала», «специалиста-практика» в той области, в которой они планируют работать. Но зачастую выпускники бакалавриата не готовы к работе на таких занятиях, они привыкли к теоретизированной форме подачи материала, отмечают недостаток практических знаний и умений и, вследствие этого, сложности в понимании практической части дисциплин, преподаваемых в магистратуре представителями реального сектора экономики. Таким образом, мы видим противоречие в социальных ожиданиях магистрантов между желанием получить конкретные практические навыки от обучения в магистратуре и готовностью к этому. Когда мы говорим, что взаимодействие вуза и работодателя в рамках магистерских программ необходимо, мы предполагаем, что магистрант будет готов к участию в совместных проектах образовательного учреждения и бизнеса. Но, к сожалению, исследование показало, что далеко не каждый магистрант имеет четкие профессиональные навыки как результат обучения в бакалавриате.

Аналогичную ситуацию с противоречием в социальных ожиданиях магистрантов мы видим не только в случае с преподавателями-практиками, но и с преподавателями-исследователями. Результаты исследования указывают на существующий разрыв в представлениях магистрантов о роли наставника по научно-исследовательской работе в магистратуре и реальной позиции научно-педагогических кадров на этот счет. Магистранты ожидают видеть консультанта и наставника, при этом зачастую не имея реальных представлений о ведении научно-исследовательской работы; научно-педагогические кадры же ожидают увидеть уже сформированного исследователя с базовым набором навыков исследовательской работы. Подобный конфликт в социальных ожиданиях указывает на отсутствие преемственности между программами бакалавриата и магистратуры, восприятие магистратуры не как самостоятельной ступени образования, а как «продолжения бакалавриата».

Список источников

1. Centola D. How behavior spreads: The science of complex contagions. Princeton University Press, 2018. 312 p.
2. Christakis N.A., Fowler J.H. Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior // *Statistics in medicine*. 2013. № 32 (4). P. 556–577.
3. Дроздова А.А. Влияние академической среды на образовательную (не)успешность: теоретические концепции и результаты эмпирических исследований // *Образование: вызовы нового времени*. 2020. Т. 26, № 4. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/94137/1/iurp-2020-201-19.pdf> (дата обращения: 04.01.2022).
4. Bruening M., Woerden I., Schaefer D.R., Hruschka D., Brewis A., Whisner C.M. et al. Friendship as a social mechanism influencing body mass index (BMI) among emerging adults // *PLoS One*. 2018. № 13(12). URL: https://www.researchgate.net/publication/329764010_Friendship_as_a_social_mechanism_influencing_body_mass_index_BMI_among_emerging_adults (accessed: 01.12.2021).
5. Christakis N.A., Fowler J.H. The Spread of Obesity in a Large Social Network over 32 Years // *New England Journal of Medicine*. 2007. № 357 (4). P. 370–379.
6. Dahl V., Zalk M. Networks and the Development of Illegal Political Behavior Among Adolescents // *Journal of Research on Adolescence*. № 24. P. 399–409.
7. Lewis K., Gonzalez M., Kaufman J. Social selection and peer influence in an online social network // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2012. № 109 (1). P. 68–72.
8. Lomi A., Snijders T.B., Steglich C.E.G., Torló V.J. Why are some more peer than others? Evidence from a longitudinal study of social networks and individual academic performance // *Social Science Research*. 2011. № 40 (6). P. 1506–1520.
9. Flashman J. Academic Achievement and Its Impact on Friend Dynamics // *Sociological Education*. 2012. № 85 (1). P. 61–80.
10. Stadtfeld C., Vörös A., Elmer T., Boda Z. Integration in emerging social networks explains academic failure and success // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2019. № 116 (3). P. 792–793.
11. Smirnov I., Thurner S. Formation of homophily in academic performance: Students change their friends rather than performance // *PLoS One*. 2017. № 12 (8). URL: https://www.researchgate.net/publication/304590252_Formation_of_homophily_in_academic_performance_students_prefer_to_change_their_friends_rather_than_performance (accessed: 03.12.2021).
12. Vaquero L.M., Cebrian M. The rich club phenomenon in the classroom // *Scientific Reports*. 2013. Vol. 3 (1). P. 1–8.
13. Coleman J.S., Campbell E.Q., Hobson C.J., McPartland J., Mood A.M., Weinfeld F.D., York R.L. Equality of Educational Opportunity. Washington, DC: US Department of Health, Education & Welfare, Office of Education (OE-38001 and supp.), 1966. 548 p.
14. Андрущак Г.В., Польдин О.В., Юдкевич М.М. Эффекты сообучения в «жестких» образовательных программах // *Материалы XIII Апрельской Международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества в Высшей школе экономики*. 2012. URL: <https://www.hse.ru/news/science/50712512.html> (дата обращения: 13.01.2022).
15. Dokuka S., Valeeva D., Yudkevich M. How academic achievement spreads: The role of distinct social networks in academic performance diffusion // *PLoS ONE*. 2020. URL: <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0236737> (accessed: 01.12.2021).
16. Савинова С.Ю. Вовлеченность студентов в образовательный процесс как ресурс организационной приверженности // *Вестник ГУУ*. 2014. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechnost-studentov-v-obrazovatelnyy-protsess-kak-resurs-organizatsionnoy-priverzhennosti> (дата обращения: 10.05.2022).
17. Сутурина Ю.В. Влияние педагогической эмпатии и проявлений алекситимии на академическую успеваемость студентов: дис. ... канд. психол. наук. Иркутск, 2011. 209 с.
18. Образцов И.В., Половнёв А.В. Удовлетворенность студентов качеством обучения в вузе: социологический анализ на примере МГЛУ // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2017. № 2 (786). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-studentov-kachestvom-obucheniya-v-vuze-sotsiologicheskii-analiz-na-primere-mglu> (дата обращения: 09.05.2022).
19. Ермилова Е.Е. Удовлетворенность обучением в вузе и профессиональный выбор выпускников бакалавриата // *Личностное и профессиональное развитие детей, молодежи, взрослых: проблемы и решения* : сб. статей XIII Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Л.М. Митиной. 2017. С. 172–175.

20. Шиндряева И.В. Социальные ожидания (экспектации) как социологическая категория // Современность и наследие: экономические, образовательные и социально-культурные аспекты развития России : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. 2014. С. 146–148.
21. Поссель Ю.А., Чжао Ч. Особенности ролевой самооценки российских и китайских студентов // Психология человека в образовании. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rolevoy-samoootsenki-rossiyskih-i-kitayskih-studentov> (дата обращения: 24.05.2022).
22. Кириллина З.И. Современный преподаватель глазами студента (социологическое исследование) // Научное сообщество студентов: Междисциплинарные исследования : сб. статей по материалам LVIII Междунар. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск : Изд. АНС «СибАК», 2018. № 23 (58). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/23\(58\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/23(58).pdf) (дата обращения: 08.01.2022).
23. Павлова Е.В., Бадалян Ю.В., Смирнова С.В. Особенности «ресурса вовлеченности» студентов с разным академическим опытом // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 8 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-resursa-vovlechnosti-studentov-s-raznym-akademicheskim-opytom> (дата обращения: 24.05.2022).
24. Малошонов Н.Г. Вовлеченность студентов в учебный процесс в российских вузах // Высшее образование в России. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechnost-studentov-v-uchebnyy-protsess-v-rossiyskih-vuzah-1> (дата обращения: 24.05.2022).
25. Planas N., Romero M. Are Online Learners Frustrated with Collaborative Learning Experiences? // The International Review of Research in Open and Distance Learning. 2012. № 13. P. 26–44.
26. Rickert N.P., Skinner E.A. Parent and teacher warm involvement and student's academic engagement: The mediating role of self-system processes // British Journal of Educational Psychology. 2022. 92 (2). URL: <https://www.sciapase.io/papers/3210157744> (accessed: 13.01.2022).
27. Ali M., Khan A.N., Khan M.M., Butt A.S., Shah S.H.H. Mindfulness and study engagement: mediating role of psychological capital and intrinsic motivation 2022 // Journal of Professional Capital and Community. 2022. Vol. 7 (2). P. 144–158.
28. Howland J.L., Moore J.L. Student perceptions as distance learners in Internet-based courses // Distance Education. 2002. Vol. 23 (2). P. 183–195.
29. Moore M.G. Editorial: Three types of interaction // American Journal of Distance Education. 1989. Vol. 3 (2). P. 1–7.
30. Jelfs A., Richardson J.T., Price L. Student and tutor perceptions of effective tutoring in distance education. Distance Education. 2009. Vol. 30 (3). P. 419–441.
31. Huang X., Chandra A., DePaolo C.A. & Simmons L.L. Understanding transactional distance in web-based learning environments: An empirical study // British Journal of Educational Technology. 2016. Vol. 47 (4). P. 734–747.
32. Бавейн Дж., Спектор Дж. Определение приоритетов ролей онлайн-инструкторов: последствия для программ обучения учителей, основанных на компетентности // Дистанционное образование. 2009. № 30 (3). С. 383–397.
33. Moore M.G. Theory of transactional distance. Theoretical principles of distance education. London : Routledge, 1993. 126 p.
34. Giosso Y., Koutsouba M., Lionarakis A., Skavantzios K. Reconsidering Moore's Transactional Distance Theory // European Journal of Open Distance and ELearning. 2009. № 2. P. 1–6.
35. Benson R., Samarawickrema G. Addressing the context of e-learning: Using transactional distance theory to inform design // Distance Education. 2009. Vol. 30 (1). P. 5–21. URL: <https://doi.org/10.1080/01587910902845972> (accessed: 25.05.2022).
36. Schroeder S.M. Perceived advising needs of adult learners: A qualitative analysis of advising experiences among online, classroom, & cohort adult learners. Doctoral Dissertation. Grand Forks, North Dakota : University of North Dakota, 2012. 328 p.
37. Wisker G. Establishing and maintaining good supervisory practices // The Good Supervisor. 2012. P. 81–113.
38. Sadoughi M., Hejazi S.Y. The effect of teacher support on academic engagement: The serial mediation of learning experience and motivated learning behavior // Studies in Second Language Acquisition. 2022. P. 164–184.
39. Holzweiss P., Joyner S., Fuller M., Henderson S., Young R. Online graduate students' perceptions of best learning experiences // Distance Education. 2014. P. 311–324.
40. McIntyre K., Crawford L. Outcomes for group working: Contextualising group work within professionalism frameworks // Medical Education. 2022. P. 551–555.
41. Halton C., Murphy M., Dempsey M. Reflective learning in social work education: researching student experiences // Reflective Practice. 2007. № 8. P. 511–523.

42. Bitel M. Flipping the Equation: The Need for Context-Focused Group Work Education // *Social Work with Groups*. 2013. № 37. P. 48–60.
43. Врум В. Труд и мотивация. М. : Пресс, 1996. 364 с.
44. Лызь Н.А., Лабынцева И.С. Мотивы выбора образовательно-профессиональной траектории и ожидания первокурсников от обучения в вузе // *Проблемы современного образования*. 2020. № 5. С. 96–105.
45. Тимакова Ю. Социальные ожидания студентов от процесса обучения: сравнительный анализ на примере вузов МГЛУ и Туринского университета // *Collegium linguisticum-2020: тезисы ежегодной конференции Студенческого научного общества*. 2020. С. 246–247.
46. Рыченков М.В., Рыченкова И.В., Киреев В.С. Исследование факторов, оказывающих влияние на выбор вуза абитуриентами, на различных этапах процесса поступления // *Современные проблемы науки и образования*. 2013. № 6. С. 527. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11612> (дата обращения: 24.05.2022).
47. Скворцова А.А. Студенческие экспектации относительно деятельности современных вузовских преподавателей // *Аспирант*. 2016. № 6 (22). С. 9–11.
48. Прохода В.А. Представления студентов и преподавателей вуза об идеальном педагоге // *Социальные явления*. 2015. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-i-преподавателей-вуза-об-идеальном-педагоге> (дата обращения: 22.05.2022).
49. Капустина Т.В. Идеальный преподаватель в представлении студентов медицинского университета // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2017. № S3. URL: <http://e-koncept.ru/2017/470044.htm> (дата обращения: 02.05.2022).
50. Прохода В.А. Образ идеального преподавателя вуза в сознании студентов // *Актуальные проблемы социологии молодежи, культуры, образования и управления : материалы Всерос. науч.-практ. конф., памяти профессора Валерия Трофимовича Шапко*. 2014. С. 203–206.
51. Huang H.M. Student perceptions in an online mediated environment // *International Journal of Instructional Media*. 2002. Vol. 29 (4). P. 405–422.
52. Lemak D.J., Shin S.J., Reed R., Montgomery J.C. Technology, transactional distance, and instructor effectiveness: An empirical investigation // *Academy of Management Learning & Education*. 2005. № 4 (2). P. 150–159.
53. Диривянкина О.В. Эвристическая организация усвоения обучающимися социального опыта // *Вестник Самарского юридического института*. 2021. № 1 (42). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evristicheskaya-organizatsiya-usvoeniya-obuchashchimisya-sotsialnogo-opyta> (дата обращения: 13.05.2022).
54. Сердюков П.И. Роль общения в повышении эффективности онлайн-обучения // *ОТО*. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obscheniya-v-povyshenii-effektivnosti-onlaynovogo-obucheniya> (дата обращения: 13.01.2022).

References

1. Centola, D. (2018) *How behavior spreads: The science of complex contagions*. Princeton University Press.
2. Christakis, N.A. & Fowler, J.H. (2013) Social contagion theory: examining dynamic social networks and human behavior. *Statistics in Medicine*. 32(4). pp. 556–577.
3. Drozdova, A.A. (2020) Vliyaniye akademicheskoy sredy na obrazovatel'nyuyu (ne)uspeshnost': teoreticheskie kontseptsii i rezul'taty empiricheskikh issledovaniy [Influence of the academic environment on educational (un)succes: theoretical concepts and results of empirical research]. *Obrazovanie: vyzovy novogo vremeni*. 26(4). DOI: 10.15826/izv1.2020.26.4.081.
4. Bruening, M., Woerden, I., Schaefer, D.R., Hruschka, D., Brewis, A., Whisner, C.M. et al. (2018) Friendship as a social mechanism influencing body mass index (BMI) among emerging adults. *PLoS One*. 13(12). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/329764010-Friendship_as_a_social_mechanism_influencing_body_mass_index_BMI_among_emerging_adults (Accessed: 1st December 2021).
5. Christakis, N.A. & Fowler, J.H. (2007) The Spread of Obesity in a Large Social Network over 32 Years. *New England Journal of Medicine*. 357(4). pp. 370–379.
6. Dahl, V. & Zalk, M. (2013) Peer Networks and the Development of Illegal Political Behavior Among Adolescents. *Journal of Research on Adolescence*. 24. pp. 399–409. DOI: 10.1111/jora.12072
7. Lewis, K., Gonzalez, M. & Kaufman, J. (2012) Social selection and peer influence in an online social network. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 109(1). pp. 68–72.

8. Lomi, A. Snijders, T.B., Steglich, Ch.E.G. & Torló, V.J. (2011) Why are some more peer than others? Evidence from a longitudinal study of social networks and individual academic performance. *Social Science Research*. 40(6). pp. 1506–1520. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2011.06.010
9. Flashman, J. (2012) Academic Achievement and Its Impact on Friend Dynamics. *Sociological Education*. 85(1). pp. 61–80.
10. Stadtfeld, C., Vörös, A., Elmer, T. & Boda, Z. (2019) Integration in emerging social networks explains academic failure and success. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 116(3). pp. 792–793.
11. Smirnov, I. & Thurner, S. (2017) Formation of homophily in academic performance: Students change their friends rather than performance. *PLoS One*. 12(8). [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/304590252_Formation_of_homophily_in_academic_performance_students_prefer_to_change_their_friends_rather_than_performance (Accessed: 3rd December 2021).
12. Vaquero, L.M. & Cebrian, M. (2013) The rich club phenomenon in the classroom. *Scientific Reports*. 3(1). pp. 1–8.
13. Coleman, J.S., Campbell, E.Q., Hobson, C.J., McPartland, J., Mood, A.M., Weinfeld, F.D. & York, R.L. (1966) *Equality of Educational Opportunity*. Washington, DC: US Department of Health, Education & Welfare.
14. Andrushchak, G.V., Poldin, O.V. & Yudkevich, M.M. (2012) Efekty soobucheniya v “zhestkikh” obrazovatel'nykh programmakh [Effects of co-education in “hard” educational programs]. *Proceedings of the 123th April International Scientific Conference on the Development of the Economy and Society at the Higher School of Economics*. [Online] Available from: <https://www.hse.ru/news/science/50712512.html> (Accessed: 13th January 2022).
15. Dokuka, S., Valeeva, D. & Yudkevich, M. (2020) How academic achievement spreads: The role of distinct social networks in academic performance diffusion. *PLoS ONE*. 15(7): e0236737. DOI: 10.1371/journal.pone.0236737.
16. Savinova, S.Yu. (2014) Vovlechenost' studentov v obrazovatel'nyy protsess kak resurs orga-nizatsionnoy priverzhennosti [Involvement of students in the educational process as a resource of organizational commitment]. *Vestnik GUU*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenost-studentov-v-obrazovatelnyy-protsess-kak-resurs-organizatsionnoy-priverzhennosti> (Accessed: 10th May 2022).
17. Sutura, Yu.V. (2011) *Vliyaniye pedagogicheskoy empatii i proyavleniy aleksitimii na akademicheskuyu uspevaemost' studentov* [The influence of pedagogical empathy and manifestations of alexithymia on the academic performance of students]. Psychology Cand. Diss. Irkutsk.
18. Obraztsov, I.V. & Polovnev, A.V. (2017) Udovletvorennost' studentov kachestvom obucheniya v vuze: sotsiologicheskii analiz na primere MGLU [Satisfaction of students with the quality of education at the university: a sociological analysis of Moscow State Linguistic University]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*. 2(786). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/udovletvorennost-studentov-kachestvom-obucheniya-v-vuze-sotsiologicheskii-analiz-na-primere-mglu> (Accessed: 9th May 2022).
19. Ermilova, E.E. (2017) Udovletvorennost' obucheniem v vuze i professional'nyy vybor vy-pusknikov bakalavriata [Satisfaction with education at the university and the professional choice of undergraduates]. In: Mitina, L.M. (ed.) *Lichnostnoe i professional'noe razvitiye detey, molodezhi, vzroslykh: problemy i resheniya* [Personal and Professional Development of Children, Youth, Adults: Problems and Solutions]. [s.l.: s.n.]. pp. 172–175.
20. Shindryaeva, I.V. (2014) Sotsial'nye ozhidaniya (ekspektatsii) kak sotsiologicheskaya kate-goriya [Social expectations (expectations) as a sociological category]. In: *Sovremennost' i nasledie: ekonomicheskie, obrazovatel'nye i sotsial'no-kul'turnye aspekty razvitiya Rossii* [Modernity and Legacy: Economic, Educational and Socio-Cultural Aspects of Russia's Development]. [s.l.: s.n.]. pp. 146–148.
21. Pospel, Yu.A. & Zhao, Ch. (2021) Osobennosti rolevoy samoocenki rossiyskikh i kitayskikh studentov [Specificity of role-playing self-assessment of Russian and Chinese students]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*. 4. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rolevoy-samoocenki-rossiyskikh-i-kitayskikh-studentov> (Accessed: 24th May 2022).
22. Kirillina, Z.I. (2018) Sovremennyy prepodavatel' glazami studenta (sotsiologicheskoe is-sledovanie) [A modern teacher through the eyes of a student (a sociological research)]. *Nauchnoe soobshchestvo studentov: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya*. 23(58). [Online] Available from: [https://sibac.info/archive/meghdis/23\(58\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/23(58).pdf) (Accessed: 8th January 2022).
23. Pavlova, E.V., Badalyan, Yu.V. & Smirnova, S.V. (2021) Osobennosti “resursa vovlechenosti” studentov s raznym akademicheskim opytom [Features of the “resource of involvement”

of students with different academic experience]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 8(88). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-resursa-vovlechenosti-studentov-s-raznym-akademicheskim-opytom> (Accessed: 24th May 2022).

24. Maloshonok, N.G. (2014) Vovlechenost' studentov v uchebnyy protsess v rossiyskikh vuzakh [Involvement of students in the educational process in Russian universities]. *Vyshee obrazovanie v Rossii*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/vovlechenost-studentov-v-uchebnyy-protsess-v-rossiyskikh-vuzah-1> (Accessed: 24th May 2022).

25. Planas, N. & Romero, M. (2012) Are Online Learners Frustrated with Collaborative Learning Experiences? *The International Review of Research in Open and Distance Learning*. 13. pp. 26–44.

26. Rickert, N.P. & Skinner, E.A. (2022) Parent and teacher warm involvement and student's academic engagement: The mediating role of self-system processes. *British Journal of Educational Psychology*. 92(2). [Online] Available from: <https://www.scinapse.io/papers/3210157744> (Accessed: 13th January 2022).

27. Ali, M., Khan, A.N., Khan, M.M., Butt, A.S. & Shah, S.H.H. (2022) Mindfulness and study engagement: mediating role of psychological capital and intrinsic motivation. *Journal of Professional Capital and Community*. 7(2). pp. 144–158.

28. Howland, J.L. & Moore, J.L. (2002) Student perceptions as distance learners in Internet-based courses. *Distance Education*. 23(2). pp. 183–195.

29. Moore, M.G. (1989) Editorial: Three types of interaction. *American Journal of Distance Education*. 3(2). pp. 1–7.

30. Jeffs, A., Richardson, J.T. & Price, L. (2009) Student and tutor perceptions of effective tutoring in distance education. *Distance Education*. 30(3). pp. 419–441.

31. Huang, X., Chandra, A., DePaolo, C.A. & Simmons, L.L. (2016) Understanding transactional distance in web-based learning environments: An empirical study. *British Journal of Educational Technology*. 47(4). pp. 734–747.

32. Bawain, J. & Spector, J. (2009) Opredelenie prioriteto rolei onlayn-instruktorov: po-sledstviya dlya programm obucheniya uchiteley, osnovannykh na kompetentnosti [Prioritizing the roles of online instructors: Implications for competency-based teacher training programs]. *Distantionnoe obrazovanie*. 30(3). pp. 383–397.

33. Moore, M.G. (1993) *Theory of Transactional Distance. Theoretical Principles of Distance Education*. London: Routledge.

34. Giossos, Y., Koutsouba, M., Lionarakis, A. & Skavantzios, K. (2009) Reconsidering Moore's Transactional Distance Theory. *European Journal of Open Distance and ELearning*. 2. pp. 1–6.

35. Benson, R. & Samarawickrema, G. (2009) Addressing the context of e-learning: Using transactional distance theory to inform design. *Distance Education*. 30(1). pp. 5–21. [Online] Available from: [10.1080/01587910902845972](https://doi.org/10.1080/01587910902845972) (Accessed: 25th May 2022).

36. Schroeder, S.M. (2012) *Perceived advising needs of adult learners: A qualitative analysis of advising experiences among online, classroom, & cohort adult learners*. PhD Diss. Grand Forks, North Dakota: University of North Dakota.

37. Wisker, G. (2012) *The Good Supervisor: Supervising Postgraduate and Undergraduate Research for Doctoral Theses and Dissertations*. Red Globe Press. pp. 81–113.

38. Sadoughi, M. & Hejazi, S.Y. (2022) The effect of teacher support on academic engagement: The serial mediation of learning experience and motivated learning behavior. *Current Psychology*. DOI: [10.1007/s12144-022-03045-7](https://doi.org/10.1007/s12144-022-03045-7). pp. 164–184.

39. Holzweiss, P., Joyner, S., Fuller, M., Henderson, S. & Young, R. (2014) Online graduate students' perceptions of best learning experiences. *Distance Education*. 35(3). pp. 311–324. DOI: [10.1080/01587919.2015.955262](https://doi.org/10.1080/01587919.2015.955262)

40. McIntyre, K. & Crawford, L. (2022) Outcomes for group working: Contextualising group work within professionalism frameworks. *Medical Education*. pp. 551–555.

41. Halton, C., Murphy, M. & Dempsey, M. (2007) Reflective learning in social work education: researching student experiences. *Reflective Practice*. 8. pp. 511–523.

42. Bitel, M. (2013) Flipping the Equation: The Need for Context-Focused Group Work Education. *Social Work with Groups*. 37. pp. 48–60.

43. Vroom, V. (1996) *Trud i motivatsiya* [Work and Motivation]. Translated from English. Moscow: Press.

44. Lyz, N.A. & Labyntseva, I.S. (2020) Motivy vybora obrazovatel'no-professional'noy traek-torii i ozhidaniya pervokursnikov ot obucheniya v vuze [Motives for choosing an educational and professional trajectory and expectations of first-year students from studying at a university]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 5. pp. 96–105.

45. Timakova, Yu. (2020) Social expectations of university students: a comparative sociological analysis of Moscow State Linguistic University and University of Turin. *Sollegium linguisticum-2020*. 9(146). pp. 246–247. (In Russian).
46. Rychenkov, M.V., Rychenkova, I.V. & Kireev, V.S. (2013) Issledovanie faktorov, okazyvayushchikh vliyaniye na vybor vuza abiturientami, na razlichnykh etapakh protsessa postupleniya [A study of the factors influencing the choice of a university by applicants at various stages of the admission process]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. 6. pp. 527. [Online] Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=11612> (Accessed: 24th May 2022).
47. Skvortsova, A.A. (2016) Studencheskie ekspektatsii otnositel'no deyatel'nosti sovremennykh vuzovskikh prepodavateley [Student expectations regarding the activities of modern university teachers]. *Aspirant*. 6(22). pp. 9–11.
48. Prokhoda, V.A. (2015) Predstavleniya studentov i prepodavateley vuza ob ideal'nom pedagoge [Representations of students and university teachers about the ideal teacher]. *Sotsial'nye yavleniya*. 3. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-studentov-i-prepodavateley-vuza-ob-ideal'nom-pedagoge> (Accessed: 22nd May 2022).
49. Kapustina, T.V. (2017) Ideal'nyy prepodavatel' v predstavlenii studentov meditsinskogo universiteta [An ideal teacher as viewed by medical students]. *Kontsept*. S3. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2017/470044.htm> (Accessed: 2nd May 2022).
50. Prokhoda, V.A. (2014) The image of the ideal lecturer in the students' sense. *Aktual'nye problemy sotsiologii molodezhi, kul'tury, obrazovaniya i upravleniya* [Topical Problems of the Sociology of Youth, Culture, Education and Management]. Proc. of the Conference. pp. 203–206.
51. Huang, H.M. (2002) Student perceptions in an online mediated environment. *International Journal of Instructional Media*. 29(4). pp. 405–422.
52. Lemak, D.J., Shin, S.J., Reed, R. & Montgomery, J.C. (2005) Technology, transactional distance, and instructor effectiveness: An empirical investigation. *Academy of Management Learning & Education*. 4(2). pp. 150–159.
53. Dirivyankina, O.V. (2021) Evristicheskaya organizatsiya usvoeniya obuchashchimisya sotsial'nogo opyta [Heuristic organization of students' assimilation of social experience]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 1(42). [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/evristicheskaya-organizatsiya-usvoeniya-obuchashchimisya-sotsial'nogo-opyta> (Accessed: 13th May 2022).
54. Serdyukov, P.I. (2010) Rol' obshcheniya v povyshenii effektivnosti onlaynovogo obucheniya [The role of communication in improving the effectiveness of online learning]. *OTO*. 1. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obshcheniya-v-povyshenii-effektivnosti-onlaynovogo-obucheniya> (Accessed: 13th January 2022).

Сведения об авторе:

Суховская Д.Н. – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, старший научный сотрудник научно-образовательно-инновационного центра «Ключевые тенденции развития социально-философской мысли: теория и практика» Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия). E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sukhovskaya D.N. – Cand. Sci. (Philosophy), docent, associate professor of the Department of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology; senior research fellow of the Scientific, Educational and Innovation Center “Key Trends in the Development of Social and Philosophical Thought: Theory and Practice”, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation). E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 321

doi: 10.17223/1998863X/73/19

БЕЛАРУСЬ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС 2020 г.

Сергей Владимирович Бирюков¹, Сергей Николаевич Чирун²,
Андрей Валерьевич Андреев³, Евгения Дмитриевна Салмыгина⁴

^{1,4} Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай, Китай

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Новосибирск, Россия

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

² Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

³ Областной телерадиоканал «Кузбасс», Кемерово, Россия

⁴ Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь

¹ birs.07@mail.ru

² Sergii-Tsch@mail.ru

³ andreev@gtrk.kuzbass.net

⁴ evgeniya_salmygina@mail.ru

Аннотация. В статье показаны причины белорусского политического кризиса в 2020–2021 гг. Авторами дается ситуационный анализ по событиям в Беларуси, в частности, по проблеме зарубежного вмешательства во внутренние дела государства. Акцентируется внимание на том, что речь идет о сложном системном кризисе: одновременно внутри- и внешнеполитическом, социально-экономическом, идентификационном, межпоколенческом, а также кризисе легитимности политического режима и личной власти президента А.Г. Лукашенко. Авторы указывают причины формирования протестных групп из числа казалось бы лояльного А.Г. Лукашенко электората. Отмечается сохранение ситуации раскола в обществе и возможность развития нового витка кризиса.

Ключевые слова: цветные революции, Республика Беларусь, политический кризис, белорусская оппозиция, союзное государство, геополитика

Благодарности: статья поддержана Центром изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), в рамках грантового проекта – the MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China. Project No. 22JJD810010.

Для цитирования: Бирюков С.В., Чирун С.Н., Андреев А.В., Салмыгина Е.Д. Беларусь: политический кризис 2020 г. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 228–239. doi: 10.17223/1998863X/73/19

POLITICAL SCIENCE

Original article

BELARUS: THE POLITICAL CRISIS OF 2020

**Sergei V. Biryukov¹, Sergey N. Chirun², Andrey V. Andreev³,
Evgenia D. Salmygina⁴**

^{1, 4} *East China Normal University, Shanghai, China*

¹ *Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russia*

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russia*

² *Kemerovo State University, Kemerovo, Russia*

³ *Kuzbass regional television and radio channel, Kemerovo, Russia*

⁴ *Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus*

¹ *birs.07@mail.ru*, ² *Sergii-Tsch@mail.ru*, ³ *andreev@gtkr.kuzbass.net*, ⁴ *evgeniya_salmygina@mail.ru*

Abstract. The article shows the causes of the Belarusian political crisis in 2020–2021. The authors give a situational analysis of the events in Belarus, in particular, on the problem of foreign interference in the internal affairs of the state. Attention is focused on the fact that it is a complex systemic crisis: of domestic and foreign policy; socio-economic, identification, intergenerational; as well as a crisis of the legitimacy of the political regime and personal power of President Lukashenko. The authors outline the reasons for the formation of protest groups from among the seemingly loyal Lukashenko's electorate. They note that the situation of a split in society persists and a new round of the crisis is possible. Since 1994, Belarus and Lukashenko's regime have faced unprecedented protests. After the presidential elections on August 9, there was a clash between the forces of law and order not with separate groups of politicized radicals, but with prolonged protests throughout the country, in which representatives of different social groups were involved. The Telegram revolution followed the so-called strategies of "spontaneous coalitions" (Russian political scientist V. Solovey), which grow on the basis of spontaneous protest moods without a clear initial platform and are concentrated around a certain negative event (in the case of Belarus, rather tough police actions against demonstrators) – with the subsequent development of events in the right direction. Protest speeches developed in waves – the youth maiden was replaced by a factory-strike, a factory-strike by women's one, etc. Belarus is in a large-scale and long-term crisis of domestic and foreign policy; a socio-economic crisis of the "Belarusian model"; a crisis of identification (problems with the national and cultural and civilizational identity of Belarusians); an intergenerational crisis; a crisis of legitimacy and penetration in the implementation of already adopted power of decision; a crisis of the regime of personal power of President Lukashenko. Lukashenko's internal and external political game is complicated as one of the causes of the crisis – maneuvering between Russia and the West, an attempt to integrate a part of the national-democratic (nationalist) opposition into their own political discourse with the exclusion of prominent opposition figures from the political and public space of Belarus. The Belarusian (pre)revolutionary situation was qualitatively different from the Ukrainian one: the Belarusian state and the regime of Lukashenko were not as corrupt as the Ukrainian state and the regime of Viktor Yanukovich in 2013; Lukashenko (unlike Yanukovich, against whom members of his inner circle were actively intrigued in 2013) managed to maintain control over the Belarusian elite; he acted firmly with the unconditional support of law enforcement agencies (which Yanukovich did not do in 2013) and refused to negotiate with the opposition (which led Yanukovich to a dead end); the nationalist and national-liberal opposition in Belarus did not have such massive support

(as in Ukraine in 2013), and the protesters in Belarus were not ready for radical and violent actions against the current government, and could not throw a really serious challenge to the state power system and paralyze it. The stabilization achieved with the participation of Russia and the temporary retreat of the opposition do not mean that a new round of the crisis will be ruled out in the foreseeable future, since the causes of the crisis persist. At the same time, the fall of Lukashenko's regime, a sharp internal political reformatting of the situation in Belarus and a sharp change in its geopolitical orientations are undesirable for both Russia and China, since they will damage both Eurasian integration and China's long-term interests in the implementation of the OBOR project in the European direction. Filling the Union State of Russia and Belarus with real content could give Belarus a chance to get out of the current crisis in an evolutionary way, but this requires a clearly expressed will of the political elites of both countries and a well-developed mechanism for implementing the decisions made.

Keywords: color revolutions, Republic of Belarus, political crisis, Belarusian opposition, union state, geopolitics

Acknowledgments: The study is supported by the Center for Russian Studies, East China Normal University (Shanghai), the framework of a grant – MOE Project of Key Research Institute of Humanities and Social Sciences in Universities of China. Project No. 22JJD810010.

For citation: Biryukov, S.V., Chirun, S.N., Andreev, A.V. & Salmygina E.D. (2023) Belarus: the political crisis of 2020. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 228–239. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/19

Введение

Предвестником политического кризиса в Беларуси в 2020 г. стало резкое ухудшение российско-белорусских отношений накануне выборов, по итогам которых А.Г. Лукашенко рассчитывал переизбраться на шестой президентский срок [1]. При этом было ясно, что Москва не довольна А.Г. Лукашенко и посылает ему сигналы. В.В. Жириновский, тогда лидер Либерально-демократической партии России (ЛДПР), в это время позволял себе откровенные грубости в адрес А.Г. Лукашенко и даже (что не выглядело случайным) призывал последнего уйти в отставку¹. Протесты начались сразу после подведения итогов волеизъявления с требованием пересчета голосов и отмены результатов выборов [2]. Начиная с 12 августа 2020 г. оппозиция консолидировалась вокруг лозунга немедленной отставки Лукашенко с поста президента, а «мирная» цветная революция начала перерастать в структурированное антиправительственное восстание на улицах и площадях и в интернет-пространстве [3]. Республика Беларусь и режим А.Г. Лукашенко впервые с 1994 г. столкнулись со столь масштабными протестными выступлениями. После президентских выборов 9 августа 2020 г. произошло столкновение сил правопорядка не с отдельными группами политизированных радикалов, но с длительными протестными выступлениями в масштабах всей страны, в которые были вовлечены представители разных социальных групп – студенчество, рабочие промышленных предприятий, представители малого и среднего бизнеса, неформалы и социальные активисты различного профиля [4]. «Телеграмм-революция» следовала не столько рекомендациям Д. Шарпа, сколько

¹ Жириновский потребовал отставки Лукашенко: «Он почти 30 лет у власти». URL: <https://www.mk.ru/politics/2020/04/11/zhirinovskiy-potreboval-otstavki-lukashenko-on-pochti-30-let-u-vlasti.html> (дата обращения: 14.03.2023).

так называемой стратегии «спонтанных коалиций» – «тактики роя» (А.В. Манойло), вырастающих на базе стихийных протестных действий без ясной изначальной платформы и концентрирующихся вокруг определенного негативного события (в случае Беларуси – достаточно жесткие действия милиции против демонстрантов) – с последующим направлением событий в нужное русло¹. Протестные выступления развивались волнами: молодежный майдан сменился фабрично-забастовочным, фабрично-забастовочный – женским и др. [5]. Фактором напряженности явилась и двойственность позиции российской элиты по отношению к режиму А.Г. Лукашенко [6. С. 205].

Видимой причиной политического конфликта 2020 г. в Республике Беларусь стало то, что наиболее политически активная часть населения республики считала выборы фальсифицированными [7. С. 29]. В росте протестных настроений, охвативших страну, сыграли значимую роль социально-экономические и политические факторы [8. С. 82], и политический кризис в Белоруссии приобрел затяжной характер [9. С. 137]. Властям республики, опиравшимся на экономическую и политическую помощь России, удалось купировать наиболее острые протестные проявления, но предпосылки для новых волн революционной активности сохранялись еще некоторое время [10].

Согласно официальной точке зрения, протесты в республике завершились, и вопрос о «нелегитимности» президента А.Г. Лукашенко был снят с повестки дня, в Конституцию Республики Беларусь внесены изменения, закрепленные через конституционный референдум, проведенный 27 февраля 2022 г. При этом для урегулирования последствий кризиса, очевидно, нужно более длительное время [11].

Исходная ситуация и ключевые черты кризиса

События осени 2020 г. в Беларуси – это масштабный и долго вызревавший кризис, одновременно внутри- и внешнеполитический. В нем проявились социально-экономический кризис «белорусской модели», идентификационный кризис (связанный с нерешенной до конца проблемой национальной и культурно-цивилизационной идентичности белорусов), кризис в отношениях между представителями молодого и старшего поколений, общий кризис легитимности системы властных институтов и кризис режима личной власти президента А.Г. Лукашенко.

Предпосылки для протестной активности в Белоруссии усилились в декабре 2019 г. после отказа А.Г. Лукашенко подписать комплекс «дорожных карт» по реализации Договора о Союзном государстве во время российско-белорусского саммита в Санкт-Петербурге, последовавшей за этим российско-белорусской «нефтяной войны», которая продолжалась до апреля 2020. Это порождало критические настроения по отношению к власти со стороны преобладающей пророссийской части базового электората [12. С. 65].

Между тем именно финансовая помощь и экономическое сотрудничество с Россией обеспечивали стабильность политического режима Республики Беларусь на протяжении долгого времени. Определенным образом на про-

¹ Манойло А.В. «Белорусская весна» – 2020 как «точка сборки» практик «цветных революций» нового типа: опыт противостояния. URL: <https://histrf.ru/magazine/article/belorusskaya-vesna-2020-kak-tochka-sbornki-praktik-cvetnyh-revolyuciy-novogo-tipa-opyt-protivostoyaniya> (дата обращения: 14.05.2023).

тестные настроения повлияло и «особое» отношение А.Г. Лукашенко к пандемии COVID-19. Население страны было озабочено проблемами заработка за рубежом, осложненного закрытием западных границ республики вследствие пандемии COVID-19, что на фоне ухудшения отношений с Россией привело к падению уровня жизни, а также росту безработицы и протестных настроений [13]. В то время более миллиона белорусов трудились за рубежом: около 700 тыс. – в России и около 500 тыс. – в государствах ЕС, прежде всего в Польше и Германии [14]. Усиление политической и экономической неопределенности провоцировало бегство из страны представителей среднего класса [15. С. 70], прежде всего IT-специалистов и врачей. «Социальный контракт» государства и общества оказался нарушен, и граждане начали ощущать усталость от воспроизводства одних и тех же политических реалий на протяжении более чем двух десятилетий [16. С. 25].

Росло недовольство существующим порядком и среди представителей белорусских элит. Здесь нужно отметить олигархические финансово-промышленные группы, которые сделали бизнес на контроле республиканского экспорта (нефтехимии, удобрений), так и импорта, связанного с контрабандой санкционной продукции из ЕС в Россию, начиная с польских яблок и заканчивая цифровой продукцией двойного назначения [17. С. 93]. Недовольство росло и среди представителей административно-хозяйственного корпуса, рассчитывавших получить выгоды в процессе форсированной приватизации, которая предполагалась неизбежной после падения действующей власти.

Сложное внутри- и внешнеполитическое маневрирование А.Г. Лукашенко между Россией и Западом и попытка интегрировать часть национал-демократической (националистической) оппозиции в собственный политический дискурс с исключением из политического и публичного пространства Беларуси видных оппозиционных деятелей – также стали причинами кризиса [18. С. 43]. Ориентация А.Г. Лукашенко на многовекторность во внешней политике, его готовность к взаимовыгодному диалогу с Западом помогали Лукашенко в краткосрочной и среднесрочной перспективе решать народно-хозяйственные проблемы республики, но также имели и негативные последствия [19. С. 41]. Такая политика не сделала белорусского лидера «своим» на Западе, и при этом оттолкнула от него часть пророссийских сил, сузив базу поддержки власти. При этом официальный Минск, обнаружив с запозданием новые тенденции в настроениях электората, не проявил должной политической гибкости и не задействовал весь возможный спектр инструментов влияния, включая «мягкую силу» [20. С. 212].

Против Лукашенко выступили некоторые политически активные социальные группы Беларуси, не усматривающие в рамках созданных им политической и социально-экономической системах привлекательный для них образ будущего, и при этом видевшие его в странах ЕС, и в том числе в Польше, где существует значительная белорусская диаспора, благодаря так называемой «карте поляка». В Беларуси в результате эффектов открытости и глобализации произошла своеобразная «тихая революция» (Р. Инглхарт¹) в сознании людей, прежде всего молодого поколения, когда ценности патернализма

¹ Инглхарт, Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль, 2018. 347 с.

и патриархального по своей культуре общества отвергаются молодыми, более склонными к либеральной социально-экономической модели и «культуре участия» (в классификации Г. Алмонда и С. Вербы). В такой ситуации Лукашенко терял возможность для лавирования между интересами коллективного Запада и России и начинал позиционировать себя в качестве защитника интересов России, опираясь на слоган: «сегодня Беларусь, завтра Россия» [21. С. 190]. В частности, в выступлении на саммите ОДКБ 7 февраля 2022 г. Лукашенко заявил, что Польша и НАТО готовят захват Гродненской области¹.

Сегодня режим А.Г. Лукашенко напоминает режимы некоторых латиноамериканских стран (каудильизм) с элементами делегированной демократии (Г. О'Доннелл²), а созданный им за годы президентства социально-экономический порядок представляет собой синтез государственного социализма и госкапитализма. Беларусь является своеобразной государственно-корпорацией (Ю. Шевцов³) по аналогии с Сингапуром во времена правления Ли Куан Ю, когда граждане имеют право на определенную долю социальных благ в обмен на лояльность и трудовой вклад. Однако значительная часть молодых белорусов, ориентированная на ценности общества западного типа, не разделяла принципы созданной Лукашенко модели, хотя руководство страны продолжало использовать идеологические клише о белорусах как консервативной трудолюбивой терпеливой нации, не склонной к радикальным политическим экспериментам.

Базовый электорат А. Лукашенко, который до политического кризиса составлял большинство избирателей и благодаря доверию которого Лукашенко уверенно выиграл пять предвыборных кампаний, не был должным образом мобилизован и мотивирован непосредственно перед голосованием [22]. Белорусская экономическая модель интерпретировалась официальной пропагандой как реальный образец современной социально ориентированной экономики. Указанный нарратив был, в первую очередь, обращен к пожилой части электората, эксплуатируя распространенную в обществе постсоветскую ностальгию, а также отмечая связь Белоруссии с Россией как законной правопреемницей Советского Союза. Указанный аспект имеет особое значение для представителей старшей возрастной группы, а также для всех малооплачиваемых категорий населения⁴.

Таким образом, для политического класса Белоруссии отношения с Россией были важны не только для получения финансовых дотаций и рынков сбыта готовой продукции, но и для поддержания доверия базового электората, заинтересованного в сохранении партнерских отношений с Россией. Это понимали и лидеры белорусской оппозиции, вследствие чего долгое время воздерживались от антироссийской риторики. Первое декларирование националистических антироссийских позиций белорусским Координационным

¹ Лукашенко заявил о готовности Белоруссии к войне с Польшей. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/02/07/17252293.shtml> (дата обращения: 14.05.2023).

² O'Donnell G. Delegative Democracy // Journal of Democracy. 1994. Vol. 5, № 1. P. 55.

³ Шевцов Ю. Объединенная нация. Феномен Белоруссии. М.: Европа, 2005. 256 с.

⁴ Иоффе Г. Александр Лукашенко и простые белорусы. URL: <https://educ.wikireading.ru/hxPTFmvKIO> (дата обращения: 14.05.2023).

советом привело к расколу среди представителей белорусской оппозиции и укреплению политических позиций А.Г. Лукашенко¹.

Особенностью белорусской экономической модели является ведущая роль государства в экономике. В этой модели государство одновременно играет роли собственника, регулятора и управляющего активами [23]. Однако без масштабных инвестиций в модернизацию производства и выхода на новые рынки Беларуси сложно сохранять и развивать свой индустриальный потенциал и модель социального государства, и если интеграция в ЕС выглядит проблематичной, то более масштабная интеграция в ЕАЭС (с развитием механизмов Союзного государства с РФ) могла бы стать приемлемым решением этой проблемы. Однако более глубокой интеграции в ЕАЭС опасалась значительная часть действующей белорусской элиты, не будучи к ней готовой психологически и политически [7. С. 45].

А.Г. Лукашенко отчасти сам предопределил генезис кризисной ситуации, в течение нескольких лет ведя сложную внутривнутриполитическую игру с белорусской национально-демократической оппозицией (поддерживаемой странами ЕС и «коллективным Западом»), которую он сам частично легитимировал и позволил подключиться к политическому процессу (в рамках своей геополитической игры с Россией). Попытка Лукашенко подобрать себе удобного спарринг-партнера на президентских выборах («домохозяйка» С. Тихановская), одновременно продемонстрировав внушительный результат в 80%, оказалась неудачной, так как результаты не приняла значительная часть политически активной общественности (подобный электоральный результат был необходим Лукашенко для продолжения внешнеполитического «торга» с Россией). Развернувшийся общественный протест, поддержанный Западом и угрожавший делигитимацией белорусскому лидеру, стал подлинным шоком для белорусской власти и едва не ввел ее в состояние глубокого кризиса, выйти из которого в значительной степени помогли мобилизация сторонников власти и экстренная помощь России (политическая и информационная поддержка) [9].

Белорусская (пред)революционная ситуация качественно отличалась от украинской: белорусское государство и режим А. Лукашенко не были столь сильно коррумпированы, как украинское государство и режим В. Януковича в 2013 г. Лукашенко в отличие от Януковича, против которого в 2013 г. активно интриговали члены его ближайшего окружения, сумел сохранить контроль за элитой Беларуси. Лукашенко действовал твердо при безусловной поддержке силовых ведомств, чего не показал в 2013 г. Янукович, и разумно отказался от переговоров с оппозицией, которые завели в тупик Януковича. Националистическая и национал-либеральная оппозиции в Беларуси не имели столь массовой поддержки, как на Украине в 2013 г., а протестующие в Беларуси оказались не готовы к радикальным и насильственным действиям против действующей власти и не смогли бросить по-настоящему серьезный вызов государственно-властной системе и парализовать ее.

Ситуация в Беларуси осенью 2020 г. не очень интересовала лидеров ЕС, занятых выработкой новой антикризисной экономической стратегии для «зоны евро». Главным интересантом в политическом реформировании Бела-

¹ Цепкало рассказал о расколе среди белорусской оппозиции. URL: <https://lenta.ru/news/2022/07/28/tsepkaalo/> (дата обращения: 14.05.2023).

руси была Польша, рассматривающая Беларусь как свои восточные «кресы» и сферу влияния и одновременно как привлекательный экономический ресурс. По мнению зарубежных исследователей (А. Аслунд, М. Харинг, Дж. Хербст, А. Вершбоу¹, М. Карпентер, Н. Девис²), именно российский фактор явился основным препятствием на пути продолжения цветной революции в Беларуси, что одновременно создало предпосылки для расширения российского влияния на страну [20].

Россия, поддержав режим Лукашенко, установила своеобразный внешнеполитический протекторат над Беларусью, позволив властям республики устоять. Однако возвращение к статус-кво в полном объеме невозможно, и для урегулирования требуется комплексная стратегия. Патерналистский порядок, на который опирался режим А.Г. Лукашенко, заметно ослаблен и не принимается значительной частью молодежи и городского среднего класса, в то время как либеральный политический и социально-экономический порядок, который отстаивает национально-либеральная оппозиция, не принимается значительными патерналистски ориентированными слоями белорусского общества – пенсионеры, бюджетники, государственные служащие, «силовики». Возможный центристский проект эволюционных и социально ориентированных реформ пока не конкретизирован и не поддерживается ни одной из политических сил Беларуси. Стабилизация ситуации не исключает реактивации кризиса в обозримом будущем, поскольку причины кризиса сохраняются.

Вопрос о политической реформе остается на повестке дня, однако пути его реализации до конца неясны. Президент Лукашенко и белорусская оппозиция выступают за конституционную реформу с перераспределением полномочий в пользу парламента, с вынесением нового конституционного проекта на референдум с последующим проведением выборов как президента, так и парламента. Новая Конституция частично удовлетворила эти запросы, при этом дальнейшие трансформации в условиях системного вызова для Беларуси в ситуации военных действий в соседней Украине и давления со стороны «коллективного Запада» неясны [13. С. 1152].

Очевидно, что падение режима А.Г. Лукашенко, кардинальное политическое переформатирование Беларуси и резкое изменение ее геополитических ориентаций нежелательны как для России, так и для Китая, поскольку нанесут ущерб как евразийской интеграции, так и долгосрочным интересам Китая по реализации проекта OBOR в европейском направлении. Ряд стран Восточной Европы, ориентированных на США, стремятся замкнуть так называемую Балтийско-Черноморскую дугу за счет присоединения к их союзу «новой Беларуси», что будет означать фактическую изоляцию России от Европы и блокирование других евразийских интеграционных инициатив. Наполнение реальным содержанием Союзного государства России и Беларуси могло бы дать Беларуси шанс укрепить позиции страны и ее внутривнутриполитическую стабильность эволюционным путем, но для этого нужны ясно выраженная воля политических элит обеих стран и продуманная стратегия.

¹ *Aslund A., Haring M., Herbst J., Vershbow A.* Joe Biden's New Opportunity in Belarus. The National Interest, 21.01.2023. URL: <https://nationalinterest.org/feature/joe-biden-s-new-opportunity-belarus-177143> (accessed: 10.02.2023).

² *Kerpenter M., Kobets V.* What Russia Really Has in Mind for Belarus. Foreign Affairs, 08.09.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/europe/2020-09-08/what-russia-really-has-mind-belarus> (accessed: 10.01.2023).

Заключение

Беларусь столкнулась с масштабным, комплексным и долго вызревавшим кризисом. И хотя белорусский политический режим устоял, мобилизационные возможности действующей власти ограничены и сохраняется раскол в обществе. Интеграция с Россией не решает всего комплекса внутривнутриполитических проблем, а непростое внешнеполитическое положение России ощущается и в Беларуси. Стабилизация, достигнутая при участии России, и временное отступление оппозиции не означают исключения нового витка кризиса в обозримом будущем, поскольку фундаментальные причины кризиса не исчерпаны. Урегулирование не решило целый спектр вопросов, от которых зависит ближайшее будущее Беларуси, ее образа политического будущего и перспектив внешнеполитической стратегии.

Протесты и вызванный ими кризис обнаружили три проекта возможного политического будущего, опирающихся на определенные стратегии – консервацию статус-кво, условную либерализацию либо реформы «сверху», и стратегический выбор, пусть и отложенный из-за внешнеполитических обстоятельств), придется делать обществу и элите. В конечном итоге кризис и его текущее урегулирование подтвердили, что Беларусь в политическом отношении отличается от Украины и что «майданный сценарий» в полном объеме в ней на сегодня невозможен, что оставляет ей шанс на позитивное политическое будущее.

Список источников

1. *Межевич Н.М.* Беларусь: политические и экономические предпосылки будущего кризиса. ИЕ РАН. Аналитическая записка, № 34. 2020. (№ 217). <http://doi.org/10.15211/analytics342020> (accessed: 07.03.2023).
2. *Межевич Н.М.* Многовекторность и реальный суверенитет в российско-белорусских отношениях. Институт Европы РАН. Аналитическая записка, № 40. 2020. (№ 223). http://baltstudies.ru/president_column/mnogovektornost-i-realnyy-suverenitet-v-rossiysko-belorusskikh-otnosheniyakh/ (дата обращения: 07.03.2023).
3. *Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А.* Современный мировой порядок: адаптация акторов к структурным реалиям // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 14–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.03>
4. *Guriev S.* The political economy of the Belarusian crisis // *Intereconomics: Review of European Economic Policy*. 2020. V. 55, № 5. P. 274–275;
5. *Kozarzewski P.* The Evolution of Belarusian Public Sector: From Command Economy to State Capitalism? Center for Social and Economic Research (CASE) Working Papers. 2020. № 12(136).
6. *Косов А.П.* Современные белорусско-российские отношения: восприятие и оценки политиков, экспертов, СМИ и общественности Беларуси, России, Украины и стран Запада. Витебск, 2020. 315 с.
7. *Циткилов П.Я.* Пути преодоления политического кризиса в Беларуси, ее новый облик // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. С. 27–47.
8. *Приходько Д.В., Тесовская С.О.* Оценка экономической безопасности Республики Беларусь в условиях экономического кризиса и политической нестабильности // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2020. № 4 (76). С. 79–85.
9. *Царик Ю.* Политэкономика Беларуси, эволюция белорусско-российских отношений и политический кризис 2020 года // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2 (59). С. 133–149.
10. *Грачёв Б.В.* Устойчивость политических систем стран Евразийского экономического союза и кризисы 2020 года. Ч. 1: Беларусь. Конфликтология // *Nota Bene*. 2020. № 4. С. 19–40.
11. *Миклашевич П.П.* Обновленная Конституция Республики Беларусь: сущностное содержание поправок // Государство и право. 2022. № 11. С. 7–21.

12. Шупицкая О.Н. Правовое государство и Конституция Республики Беларусь // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 4 (70). С. 64–69.
13. Тулейко Е.В. Подходы к обеспечению внешнеэкономической безопасности национальной экономики в условиях тенденций и рисков глобальной экономики // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 4. С. 1145–1162.
14. Лукашенко А.Г. Послание белорусскому народу и Национальному собранию 2022 года // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. № 1–2 (192–193). С. 15–42.
15. Окунев И.Ю., Шестакова М.Н. Внешнеполитическая ориентация как фактор электро-нального поведения: результаты социологических опросов в Беларуси, Грузии и Казахстане // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15, № 6. С. 55–85.
16. Пережогин А.А. Формирование единого миграционного пространства союзного государства: история и современность // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64). С. 23–32.
17. Лев М.Ю. Цифровизация социально-экономической сферы в аспекте экономической безопасности стран СНГ // Развитие и безопасность. 2022. № 2 (14). С. 88–102.
18. Поликарпов Д. Лидеры-популисты: сравнение случаев успеха Боливарианской Республики Венесуэла и Республики Беларусь // Международный аспект. 2022. Т. 3, № 1–2 (7–8). С. 39–52.
19. Snapkouski U.E. Foreign policy of the republic of Belarus: milestones and priorities // Журнал Белорусского государственного университета. Международные отношения. 2021. № 1. С. 36–43.
20. Суздальцев А.И. Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 193–232.
21. Воробьев П.С. Российское и европейское направления во внешней политике Республики Беларусь // Современная Европа. 2019. № 4 (90). С. 185–196.
22. Шанишьева Л. Беларусь 2020: Коронавирус и большая политика // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 57 (73). С. 20–23.
23. Яшева Г.А., Николаева Ю.Н., Кондратьева В.Д. Кластерная политика в странах Европейского союза и Республике Беларусь: компаративный анализ // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2022. № 2 (43). С. 203–217.

References

1. Mezhevich, N.M. (2020) Belarus': politicheskie i ekonomicheskie predposylki budushchego krizisa [Belarus: political and economic prerequisites for the future crisis]. *Institut Evropy RAN. Analiticheskaya zapiska*. 34(217). DOI: 10.15211/analytics342020
2. Mezhevich, N.M. (2020) Mnogovektornost' i real'nyy suverenitet v rossiysko-belorusskikh otnosheniyakh [Multi-vector and real sovereignty in Russian-Belarusian relations]. *Institut Evropy RAN. Analiticheskaya zapiska*. 40(223). [Online] Available from: http://baltstudies.ru/president_column/mnogovektornost-i-realnyy-suverenitet-v-rossiysko-belorusskikh-otnosheniyakh/ (Accessed: 7th March 2023).
3. Safranchuk, I.A. & Lukyanov, F.A. (2021) The Contemporary World Order: The Adaptation of Actors to Structural Realities. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 14–25. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2021.04.03
4. Guriev, S. (2020) The political economy of the Belarusian crisis. *Intereconomics: Review of European Economic Policy*. 55(5). pp. 274–275.
5. Kozarzewski, P. (2020) The Evolution of Belarusian Public Sector: From Command Economy to State Capitalism? *Center for Social and Economic Research (CASE) Working Papers*. 12(136).
6. Kosov, A.P. (2020) *Sovremennye belorussko-rossiyskie otnosheniya: vospriyatie i otsenki po-litikov, ekspertov, SMI i obshchestvennosti Belarusi, Rossii, Ukrainy i stran Zapada* [Modern Belarusian-Russian relations: perceptions and assessments of politicians, experts, media and the public in Belarus, Russia, Ukraine and Western countries]. Vitebsk: [s.n.].
7. Tsitkilov, P.Ya. (2021) Puti preodoleniya politicheskogo krizisa v Belarusi, ee novyy oblik [Ways to overcome the political crisis in Belarus, its new look]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 3. pp. 27–47.
8. Prikhodko, D.V. & Tesovskaya, S.O. (2020) Otsenka ekonomicheskoy bezopasnosti respublik Belarus' v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa i politicheskoy nestabil'nosti [Assessment of the economic security of the republic of Belarus in the conditions of the economic crisis and political in-

stability]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiyskoy tamozhennoy akademii*. 4(76). pp. 79–85.

9. Tsarik, Yu. (2020) Politekonomiya belarusi, evolyutsiya belorussko-rossiyskikh otnosheniy i politicheskiy krizis 2020 goda [Political economy of Belarus, the evolution of Belarusian-Russian relations and the political crisis of 2020]. *Puti k miru i bezopasnosti*. 2(59). pp. 133–149.

10. Grachev, B.V. (2020) Ustoychivost' politicheskikh sistem stran evraziyskogo ekonomicheskogo soyuza i krizisy 2020 goda. Ch. 1. Belarus'. Konfliktologiya [The stability of the political systems of the countries of the Eurasian Economic Union and the crises of 2020. Part 1. Belarus. Conflictology]. *Nota Bene*. 4. pp. 19–40.

11. Miklashevich, P.P. (2022) Obnovlennaya konstitutsiya respubliki Belarus': sushchnostnoe sodержание popravok [The renovated Constitution of the Republic of Belarus: the substantive content of the amendments]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 7–21. DOI: 10.31857/S102694520022838-2

12. Shupitskaya, O.N. (2022) Pravovoe gosudarstvo i konstitutsiya respubliki Belarus' [The Rule-of-Law State and The Constitution of the Republic of Belarus]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika – The Rule of Law State: Theory and Practice*. 4(70). pp. 64–69. DOI: 10.33184/pravgos-2022.4.9

13. Tuleyko, E.V. (2022) Podkhody k obespecheniyu vneshneekonomicheskoy bezopasnosti natsional'noy ekonomiki v usloviyakh tendentsiy i riskov global'noy ekonomiki [Approaches to ensuring the foreign economic security of the national economy amidst the global trends and risks]. *Ekonomicheskaya bez-opasnost' – Economic Security*. 5(4). pp. 1145–1162. DOI: 10.18334/ecsec.5.4.114946.

14. Lukashenko, A.G. (2022) Poslanie belorusskomu narodu i natsional'nomu sobraniyu 2022 goda [Message to the Belarusian people and the National Assembly in 2022]. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problem – Representative power – 21st century: Legislation, Commentary, Problems*. 1–2(192–193). pp. 15–42.

15. Okunev, I.Yu. & Shestakova, M.N. (2022) Vneshnepoliticheskaya orientatsiya kak faktor elektoral'nogo povedeniya: rezul'taty sotsiologicheskikh oprosov v Belarusi, Gruzii i Kazakhstane [Foreign Policy Orientation and Electoral Behavior: Analyzing Opinion Polls in Belarus, Georgia, and Kazakhstan]. *Vestnik MGIMO Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 15(6). pp. 55–85. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-55-85

16. Perezhogin, A.A. (2022) Formirovanie edinogo migratsionnogo prostranstva soyuznogo gosudarstva: istoriya i sovremennost' [Formation of a single migration space of the union state: history and modernity]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii – Journal of Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 4(64). pp. 23–32.

17. Lev, M.Yu. (2022) Tsifrovizatsiya sotsial'no-ekonomicheskoy sfery v aspekte ekonomicheskoy bezopasnosti stran SNG [Digitalization of the socio-economic sphere in the aspect of economic security of the CIS countries] *Razvitie i bezopasnost' – Development and security*. 2(14). pp. 88–102. DOI: 10.46960/2713-2633_2022_2_88 (In Russian)

18. Polikarpov, D. (2022) Lidery-populisty: sravnenie sluchaev uspekha Bolivarianskoj respubliki Venesuela i respubliki Belarus' [Populist Leaders: a Comparison of the Bolivarian Republic of Venezuela and the Republic of Belarus Cases]. *Mezhdunarodnyy aspekt – International Aspect*. 3(7–8). pp. 39–52.

19. Snapkouski, U.E. (2021) Foreign policy of the republic of Belarus: milestones and priorities. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 36–43.

20. Suzdaltsev, A.I. (2021) Respublika Belarus': evolyutsiya politiki balansirovaniya mezhdu soyuznym gosudarstvom Belorussii i Rossii i evraziyskim ekonomicheskim soyuzom [The Republic of Belarus: the evolution of the policy of balancing between the union state of Belarus and Russia and the Eurasian Economic Union]. *Aktual'nye problemy Evropy*. 1(109). pp. 193–232.

21. Vorobiev, P.S. (2019) Rossiyskoe i Evropeyskoe napravleniya vo vneshney politike respubliki Belarus' [Russian and European directions in the foreign policy of the Republic of Belarus]. *Sovremennaya Evropa*. 4(90). pp. 185–196.

22. Shanshieva, L. (2020) Belarus' 2020: Koronavirus i bol'shaya politika [Belarus 2020: Coronavirus and big politics]. *Evropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*. 57(73). pp. 20–23.

23. Yasheva, G.A., Nikolaeva, Yu.N. & Kondratieva, V.D. (2022) Klasternaya politika v stranakh Evropeyskogo Soyuza i Respublike Belarus': komparativnyy analiz [Cluster policy in the countries of the European Union and the Republic of Belarus: a comparative analysis]. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2(43). pp. 203–217.

Сведения об авторах:

Бирюков С.В. – доктор политических наук, профессор Центра изучения России Восточно-Китайского педагогического университета (Шанхай, Китай); Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС (Новосибирск, Россия); кафедра социальной антропологии и межкультурных коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); кафедра политологии; кафедра истории Кемеровского государственного медицинского университета (Кемерово, Россия). E-mail: birs.07@mail.ru

Чирун С.Н. – доктор политических наук, доцент Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Андреев А.В. – кандидат политических наук, Гендиректор областного телерадиоканала «Кузбасс» (Кемерово, Россия). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Салмыгина Е.Д. – магистр международного права SAIAS (ECNU, Шанхай); выпускница факультета межкультурных коммуникаций Минского государственного лингвистического университета (МГЛУ) (Минск, Республика Беларусь); аспирант SAIAS (ECNU, Шанхай). E-mail: evgeniya_salmygina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Biryukov S.V. – Dr. Sci. (Political Science), professor, Center for Russian Studies, East China Normal University (Shanghai, China); Siberian Institute of Management – branch of RANEPa (Novosibirsk, Russia); Department of Social Anthropology and Intercultural Communications, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia); Department of Political Science, Department of History, Kemerovo State Medical University (Kemerovo, Russia). E-mail: birs.07@mail.ru

Chirun S.N. – Dr. Sci. (Political Science), associate professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: Sergii-Tsch@mail.ru

Andreev A.V. – Cand. Sci. (Political Science), general director of the Kuzbass regional television and radio channel (Kemerovo, Russia). E-mail: andreev@gtrk.kuzbass.net

Salmygina E.D. – Master of International Law SAIAS (ECNU, Shanghai, China); graduate of the Faculty of Intercultural Communications, Minsk State Linguistic University (MSLU) (Minsk, Belarus); postgraduate student of SAIAS (ECNU, Shanghai, China). E-mail: evgeniya_salmygina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.03.2023;

одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 23.06.2023

The article was submitted 16.03.2023;

approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 23.06.2023

Научная статья

УДК 32

doi: 10.17223/1998863X/73/20

КИТАИЗАЦИЯ МАРКСИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Чжан Яньцю

Пекинский педагогический университет, Пекин, Китай, yanqiu.zhang@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются дискуссии об интерпретации китаизации марксизма в современном Китае. Особое внимание уделяется выявлению идеологической сути китаизации марксизма и изложению мнений китайских марксистов о трех великих исторических «скачках» китаизации марксизма в истории Китая. Представлен анализ мирового значения социализма с китайской спецификой новой эры как новейших достижений китаизации марксизма.

Ключевые слова: китаизация марксизма, идеологическая суть, три скачка, новый тип цивилизации

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда фундаментальных исследований для центральных университетов.

Для цитирования: Чжан Яньцю. Китаизация марксизма в современном Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 240–253. doi: 10.17223/1998863X/73/20

Original article

THE SINICIZATION OF MARXISM IN CONTEMPORARY CHINA

Zhang Yanqiu

Beijing Normal University, Beijing, China, yanqiu.zhang@mail.ru

Abstract. Reviewing the history of the CPC, Chinese contemporary Marxist philosophers highly value the achievements of the CPC for hundreds of years. Chinese Marxists have come to the conclusion that China's great achievements in this period are directly related to the philosophy of Sinicization of Marxism in China. Chinese scholars are increasingly interested in the study of the sinicization of Marxism, which leads to further research achievements in the field. According to my data, there is no special work dedicated to studying the views of contemporary Chinese Marxists on this issue, which determines the relevance of this article. The aim of the study is to reveal the ideological essence of the Sinicization of Marxism and the characteristics of the views of Chinese Marxists on the three historic leaps of the Sinicization of Marxism in Chinese history. In order to reach this aim, the following main objectives were set and achieved: (1) analysis of the relationship between the Sinicization of Marxism in China and the achievements of the CPC; (2) examination of the ideological essence of the Sinicization of Marxism in China on the basis of summing up the views of different Marxists; (3) analysis of the characteristics of the three historic leaps of the Sinicization of Marxism in Chinese history; (4) determination of the latest achievements of the Sinicization of Marxism in the new era; (4) summary of the views of Chinese Marxists on the role of the latest achievements in the development of Marxism in China and the world. The modern form of Sinicized Marxism is socialism with Chinese characteristics, which is of great significance not only to the Chinese nation under the new historical situation, but also to the world's socialism and the overall development of human society. This is a kind of "world-historical significance". The reason why socialism with Chinese characteristics has world-historical significance is that the great rejuvenation of the

Chinese nation lies in becoming a modern power by using modern civilization and also by accomplishing modernization tasks and actively exploring the possibility of a new type of civilization.

Keywords: Sinicization of Marxism, ideological essence, three leaps, new type of civilization

Acknowledgments: The study is supported by the Foundation for Basic Research for Central Universities.

For citation: Zhang Yanqiu (2023) The sinicization of marxism in contemporary China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 73. pp. 240–253. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/73/20

Введение

В последнее десятилетие в среде русских исследований наблюдается растущий интерес к исследованию китайского марксизма. Многие философы и политологи посвящали свои работы данной проблематике. Например, А.В. Виноградов в своей работе систематически рассматривал марксизм с китайской спецификой [1]; некоторые русские ученые акцентируют внимание на традиционные культурные факторы в современной китайской политике [2, 3], например, В.Г. Бров обращает особое внимание на китайские экономические реформы и считает, что успехи Китая обусловлены тем, что руководство Китая следует принципу китаизации марксизма, соединяя его с пропагандой отечественного духовного наследия [4]. Но как же китайские современные марксисты интерпретируют китаизацию марксизма? Данный вопрос требует подробного анализа.

В 2021 г. в Китае отметили юбилей – столетие Коммунистической партии Китая. Оглядываясь на историю Коммунистической партии Китая, китайские философы-марксисты высоко оценили вековое достижение Коммунистической партии Китая. Профессор Ван Вэйгуан отмечает, что «это успешный век, в котором китайский народ под руководством КПК обогатился и стал сильным; это славный век, в котором Китай перешел от отсталости и побоев к независимости, а затем постепенно приблизился к центру мира; это и возрожденный век, в течение которого осуществилось построение социализма с китайской спецификой, реализация мечты о построении всестороннего среднезажиточного общества, а также построение модернизированной социалистической страны» [5. С. 5]. При этом китайские марксисты так или иначе пришли к одному и тому же выводу: великие достижения КНР за данный период непосредственно связаны с философией китаизации марксизма.

Марксистская философия и китаизация марксизма как идеологическая основа Коммунистической партии Китая

Указывая на тесную связь между китайским путем и марксизмом, профессор У Сяомин отмечает, что «многовековое освоение китайского пути началось с основания Коммунистической партии Китая, и оно неотделимо от развития марксистской философии в Китае, потому что ход непрерывного развития дела возрождения китайской нации также является процессом углубления китаизации марксизма» [6. С. 15]. В то же время китайские философы-марксисты отмечают, что именно марксистская философия и китаизация марксизма послужили идеологическим фундаментом многове-

ковых достижений китайского пути: как пишет Ван Вэйгуан, «...наиболее фундаментальной причиной достижений китайского пути является то, что Коммунистическая партия Китая всегда умела сочетать основные принципы марксизма с конкретной реальностью Китая, продвигать китаизацию марксизма и сознательно использовать китаизированный марксизм и марксистскую философию для руководства в китайской практике» [5. С. 5]. И действительно, если оглядываться на руководство КПК, то нетрудно обнаружить, что каждый раз, когда КПК сталкивалась с серьезной проблемой, она всегда искала ответы в марксистской философии; основная причина серьезных ошибок в линиях, принципах и политике КПК состоит в том, что она отклонялась от основных принципов марксистской философии; и каждый раз, когда КПК выходила из серьезных затруднений, она черпала мудрость и силу из марксистской философии. Смогут ли китайская революция, строительство и реформы пройти гладко, осуществится ли дело возрождения китайской нации – все это зависит от того, сможет ли КПК укрепить идеологическую основу марксистской философии и овладеть этим умением в будущей практике [Там же].

Китайские марксисты согласны с тем, что в течение столетия китайские коммунисты последовательно брали марксистское мировоззрение и методологию в качестве теоретической основы партии и использовали диалектический материализм для наблюдения за проблемами Китая, анализа ситуаций и поиска их решения. Таким же образом они добились блестящих достижений на пути великого возрождения китайского народа ([5–8] и др.).

Идеологическая суть китаизации марксизма

Основание Коммунистической партии Китая знаменует собой существенную связь марксизма с исторической судьбой китайской нации. С тех пор историческая практика Китая – будь то социальная революция или модернизация – неизбежно установила исключительную связь с марксизмом. Однако не только марксизм, но особенно китаизированный марксизм составляет существенную связь с китайской революцией и модернизацией. Китайские марксисты не только обсуждали важное значение китаизации марксизма для векового развития Китая, но и глубоко анализировали идеологическую суть китаизации марксизма. Профессор У Сяомин пишет: «Самый общий смысл китаизации марксизма – не что иное, как соединение основных принципов марксизма с реальностью китайской революции и строительства. Такое сочетание отнюдь не легкое, это процесс, полный напряженной тренировки» [6. С. 15]. Это указывает на существенную важность и абсолютную необходимость китаизации марксизма. Это значит, что если учение или принцип марксизма не смогут проникнуть в социально-историческую действительность Китая и полностью конкретизироваться в ней, то оно тотчас потеряет свою жизненную силу и перестанет быть марксистским.

Китаизация марксизма – великий исторический процесс, ведь марксизм – это привозной продукт, чужеродная идея, даже если это универсальная истина, то ее нельзя копировать. Современный молодой марксист Вэй Бинь отмечает, что «китаизация марксизма должна построить свою собственную дискурсивную систему всеобъемлющей теории марксистской китаизации, отражающую китайские особенности, китайский стиль и китайский дух.

Необходимо применять теорию на практике для теоретических инноваций, которые обеспечивают непрерывную жизнеспособность» [9. С. 32].

Кроме того, профессор Ван Вэйгуан дал более глубокую интерпретацию идеологической сути китаизации марксизма: «китаизация марксизма представляет собой не только органическое сочетание модернизации, китаизации и популяризации марксистской философии, но и ядро модернизации, китаизации и популяризации марксистской философии. Модернизация, китаизация и популяризация марксистской философии – это один и тот же процесс китаизации, и эти три аспекта неразделимы. Модернизация подчеркивает развитие времени, китаизация – китайские особенности, а популяризация – принятие народом» [5. С. 13].

При этом Ван Вэйгуан объяснил свою позицию следующими высказываниями: «...процесс развития марксистской философии в Китае – это процесс модернизации марксистской философии. Всякая истинная философия есть духовная сущность своего времени» [Там же]. Бесспорно, у каждой эпохи есть свои собственные проблемы и задачи, которые необходимо выполнить в данный период времени.

Кроме того, Ван Вэйгуан, как и все другие китайские марксисты, тоже отметил важный составляющий элемент китаизации марксизма: процесс развития марксистской философии в Китае есть и процесс китаизации марксистской философии [Там же. С. 14]. Как подчеркнул генеральный секретарь Си Цзиньпин, «чтобы решить проблемы Китая, мы должны найти свой собственный путь и метод только на нашей китайской земле» [10. С. 84]. Применение и развитие марксистской философии в Китае должно сочетаться с «тремя реальностями» – реальностями условий Китая, реальностями превосходной традиционной китайской культуры и реальностями практики китайского народа, и только таким образом мы можем сформировать китайскую национальную, родную марксистскую философию, которую китайскому народу легко понять и принять.

Что касается популяризации марксистской философии, профессор Ван считает, что историческая роль народа составляет важную часть основных принципов марксистской философии. Другими словами, марксистская философия – это философия, опирающаяся на массы. Только опираясь на массы и их практику, мобилизуя массы, мы можем понять этот мир и изменить его. И все это указывает на то, что осуществление китаизации марксистской философии неотделимо от ее популяризации, которая определяется природой марксистской философии. Китайские коммунисты могут постоянно продвигать китаизацию марксистской философии именно благодаря тому, что они ценят практику и новаторский дух масс [5. С. 13].

С нашей точки зрения, Ван Вэйгуан вполне справедливо дал такое широкое понимание сути китаизации марксизма, которая включает в себя модернизацию, китаизацию и популяризацию. В целом китайские марксисты согласны с тем, что процесс развития китаизации марксизма – это процесс сочетания основных принципов марксизма с конкретной реальностью Китая и с превосходной традиционной китайской культурой. Эти два «сочетания» отражают «китайскую специфику» китайской марксистской философии. Сочетание с конкретной реальностью Китая подчеркивает практический путь китаизации марксизма, фокусируясь на объективном и практическом уровне,

который конкретно проявляется как процесс исследования «китайского пути». Сочетание с превосходной традиционной культурой Китая подчеркивает культурный путь китаизации марксизма, фокусируясь на субъективно-познавательном уровне, который конкретно проявляется как процесс «китайского духа».

Философия играет фундаментальную руководящую роль в управлении временем. Один из основных опытов, сформированных борьбой китайских коммунистов, состоит в том, что необходимо разумно придерживаться принципов марксизма, идей Мао Цзэдуна, теории Дэн Сяопина, важных идей «тройного представительства», научного взгляда на развитие и социалистической идеологии с китайской спецификой новой эры под руководством Си Цзиньпина, сохранять ясный ум и непоколебимую решимость в руководящей идеологии, постоянно создавать новую сферу китаизации марксистской философии, которая положит философскую основу для построения современной социалистической страны и реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации ([5; 7; 11] и др.).

Три великих исторических скачка китаизации марксизма

Коммунистическая партия Китая – марксистская партия, которая придает большое значение теоретическому руководству и постоянно продвигает теоретические инновации на практике. Как сказал Си Цзиньпин, «история нашей партии на протяжении столетия была историей непрерывного продвижения китаизации марксизма, а также историей непрерывного продвижения теоретических инноваций и теоретического творчества» [12. С. 12]. В общем китайские марксисты приходят к следующему выводу: на протяжении столетия Коммунистическая партия Китая, касаясь темы великого возрождения китайской нации, проводила теоретические инновации, основанные на практическом выполнении исторических задач различных этапов, и тем самым совершила очередные скачки к китаизации марксизма ([9; 11. С. 15] и др.). По мнению самых активных китайских марксистов, ход развития китаизации марксизма можно разделить на три великих исторических скачка.

Первый скачок. На основе анализа разных точек зрения ученых молодой марксист Вэй Бинь пишет, что «первый скачок в развитии китаизации марксизма позволил полуколониальной полуфеодальной стране завершить новую демократическую революцию, национальное освобождение и независимость. Теоретическими результатами этого этапа были идеи Мао Цзэдуна (маоизм)» [9. С. 32].

В период новой демократической революции главной задачей партии являлась борьба против империализма, феодализма и бюрократического капитализма, борьба за национальную независимость и освобождение, создание фундаментальных социальных условий для великого возрождения китайской нации. В этот период основная проблема нашей партии – как и какую революцию осуществить в полуколониальном и полуфеодальном Китае [13. С. 304]. Именно осмысливая эту важную проблему, китайские коммунисты под руководством Мао Цзэдуна, объединив основные положения марксизма с конкретной реальностью Китая и сделав серьезные исследования, в конце концов накопили оригинальный опыт [11. С. 11]. Например, Ван Вэйгуан в

своей работе перечислил и анализировал следующий опыт практики китаизации марксизма в этот период:

1. В 1925 г. Мао Цзэдун опубликовал статью «Анализ классов китайского общества», заложившую теоретическую основу для линии, политики и программы борьбы Коммунистической партии Китая в период новой демократической революции. В своей статье Мао Цзэдун глубоко рассуждал о взаимоотношениях различных классов и предупреждал китайских коммунистов, что классовая точка зрения и метод классового анализа марксистского исторического материализма верны. Применяя эту мысль к анализу классовых отношений в китайском обществе, мы можем отличить друзей от врагов и привести китайскую революцию к победе. Ван Вэйгуан отмечает, что в этот момент уже возникло научное положение о китаизации марксизма [5. С. 7].

2. На начальном этапе аграрной революции молодые китайские коммунисты организовали несколько вооруженных восстаний в крупных городах, но по неопытности и незрелости они оказались под сильным влиянием догматизма и копировали практику революционного опыта СССР, восстания закончились неудачами. Мао Цзэдун своевременно подвел итоги уроков революции. В 1930 г. он написал работу «Против книгопочтения», представляющую собой знаковый трактат китаизации марксизма. Опираясь на материалистическую гносеологию, он решительно выступил против существовавших в партии субъективизма и догматизма и предложил идею соединения универсальной истины марксистской философии с реальностью революционной борьбы Китая. Он напомнил известную поговорку: «Без расследования нет права на выступление». Затем в реальной борьбе в Цзинганшане Мао Цзэдун практиковал свое высказывание и мудро объявил правильную стратегию китайской революции – «окружать города селами и захватить власть вооруженными силами». Данное предложение не только решило существующую проблему линии китайской революции, но и дало философское методологическое руководство для практики китайской революции.

3. В 1937 г. на основе глубокого размышления о марксистской философии Мао Цзэдун написал статьи «Относительно практики» и «Относительно противоречия», которые являются новаторскими, знаковыми и зрелыми работами по китаизации марксистской философии, вобравшими в себя превосходные традиционные китайские идеи и философские мысли. В статье «Относительно практики» Мао Цзэдун объяснил диалектическую связь между практикой и познанием с точки зрения гносеологии и теории практики марксистской философии, эпистемологии, заложив нерушимый философский фундамент для установления идеологической линии, основанной на реалистическом подходе к истине. А в работе «Относительно противоречия» Мао Цзэдун проанализировал и разъяснил марксистскую диалектику с китайской спецификой с точки зрения научного мировоззрения и методологии. Таким образом, Ван Вэйгуан отметил, что данные две работы «являются не только огромным теоретическим богатством и кристаллизацией важных идей для китаизации марксизма, но и солидной теоретической и философской базой для китаизации марксизма, тем более и научной методологией для того, чтобы добиться больших успехов в революции, строительстве и реформах» [Там же. С. 8].

Цинь Сюань в своей статье еще добавил, что в период социалистической революции и строительства основными вопросами являются: какой общественный строй строить после победы новой демократической революции, как установить такой строй, какое строительство осуществлять. Именно на основе глубокого осмысления и теоретического исследования этих значимых вопросов китайские коммунисты под руководством Мао Цзэдуна выдвинули ряд важных идей о социалистической революции и строительстве, включив новое содержание в идеи Мао Цзэдуна. Именно руководствуясь этой важной идеей, партия привела народ к великим достижениям в социалистической революции и строительстве, осуществила самые масштабные и глубокие социальные преобразования в истории китайской нации [11. С. 11]. Кроме того, автор также отметил, что в последние годы правления Мао Цзэдуна в решениях партии допускались серьезные ошибки: «большой скачок вперед», «движение народных коммун» и «культурная революция» – были ошибочными решениями, оторванными от национальных особенностей Китая и причинившими невосполнимые потери. Все это также свидетельствует о том, что понимание национальных реальных условий Китая является необходимой предпосылкой для продвижения китаизации марксизма [Там же].

В Постановлении ЦК КПК о столетних великих достижениях и историческом опыте партии указывалось: «Идеи Мао Цзэдуна есть творческое применение и развитие марксизма-ленинизма в Китае, являются правильным теоретическим принципом и обобщением опыта китайской революции и строительства, подтвержденные практикой, и это первый исторический скачок китаизации марксизма» [14. С. 13].

Второй скачок. О втором скачке китаизации марксизма Вэй Бинь пишет, что этот скачок решил проблемы о том, как строить и развивать социализм в такой отсталой стране, как Китай, как укреплять способности партии к управлению [9]. Также в Постановлении указывалось: «В новую эпоху реформ и открытости и социалистической модернизации главная задача, стоящая перед партией, состоит в том, чтобы найти правильный путь построения социализма в Китае, освобождать и развивать общественные производительные силы, обеспечить народу избавление от бедности и как можно скорее стать богатыми, заложить материальную основу и институциональные гарантии для великого возрождения китайской нации» [Там же. С. 14–15]. Теоретическим достижением этого этапа является теоретическая система социализма с китайской спецификой, которая включает в себя теорию Дэн Сяопина, важные идеи «тройного представительства» и научный подход к развитию. «Теоретическая система социализма с китайской спецификой является наследием и новаторством идей Мао Цзэдуна» [9. С. 32].

После основания нового Китая китайские коммунисты по неопытности допустили серьезные ошибки при построении социализма – во время «культурной революции» «банда четырех» нарушила основной принцип марксистской философии и отклонилась от идеологической линии реалистического подхода к делу, что нанесло большой ущерб партии и стране. Чтобы избавиться от тяжелой ситуации и вернуться к правильной идеологической и политической линии, Дэн Сяопин первый осознал, что необходимо обратиться к марксистской философии и придерживаться идеологической линии реалистического подхода к делу. Затем Дэн Сяопин инициировал в партии «обсуж-

дение критерий истины», настаивал на том, что «практика является единственным критерием проверки истины», в результате исправил серьезные ошибки догматизма и субъективного идеализма в партии, восстановил идеологическую линию реалистического подхода к делу. Таким образом, были сформированы марксистская идеологическая линия на раскрепощение мышления и реалистический подход к делу, которые открыли завесу социалистических реформ и открытости, обеспечили философское руководство китайскому социализму для продвижения к новому этапу развития.

По мнению китайских ученых, последующие поколения китайских коммунистов после Дэн Сяопина также придавали большое значение принятию марксистской философии в качестве руководящей идеологии развития партии и страны в новую эпоху реформ и открытости, придерживались диалектического и исторического материализма, настаивали на реалистическом подходе к делу, применяли марксистскую философию к конкретной практике Китая и продвигали дела партии и страны на новый исторический этап [5. С. 8]. Аналогичного мнения придерживается и Цинь Сюань, который более подробно разъяснил свою позицию: «Китайские коммунисты во главе с Цзян Цзэмином объединили и возглавили всю партию и народ, придерживались основной линии партии, углубляли понимание о том, что такое социализм, как строить социализм, в результате чего были сформированы важные идеи „Тройного представительства“, под руководством которых коммунисты успешно внедряли китайский социализм в XXI в. Далее китайские коммунисты во главе с Ху Цзиньтао вместе с китайским народом продвигали практические, теоретические и институциональные инновации в процессе строительства всестороннего среднезажиточного общества, глубоко поняли и ответили на основные вопросы, такие как: какого развития нужно добиться в новой ситуации и как развиваться, в результате чего был сформирован научный подход к развитию, который способствовал строительству социализма с китайской спецификой в новых исторических условиях» [11. С. 11]. 17-й съезд Коммунистической партии Китая четко включил три основных теоретических достижения, последовательно созданных в этот период, а именно: теорию Дэн Сяопина, важные идеи «Тройное представительство» и научный подход к развитию теоретической системы социализма с китайской спецификой. Важная мысль «Трех представительств» и научный взгляд на развитие, которые являются важными теоретическими достижениями китаизации марксизма, отражают эпохальный характер китаизации марксизма.

Третий скачок. Идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху – это новый скачок развития китаизации марксизма.

Социализм с китайской спецификой вступил в новую эпоху, и ЦК КПК во главе с Си Цзиньпином всегда придерживается марксистской философии. После 18-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин руководил двумя коллективными обучениями Политбюро ЦК на темы диалектического материализма и исторического материализма. Он призвал всю партию усердно работать над продвижением китаизации марксистской философии, «пытаясь воспринимать марксистскую философию как свои особенные способности» [16. С. 192]. В Постановлении указывалось, что в новую эру социализма с китайской спецификой «главная задача, стоящая перед партией, состоит в том, чтобы добиться цели первого столетия, начать

новый путь к достижению цели второго столетия и продолжать стремиться к великому возрождению китайской нации» [14. С. 2]. Под руководством марксистской философии Си Цзиньпин, опираясь на великую практику социализма с китайской спецификой, подчеркнул эпохальное и актуальное значение марксистской философии, провел глубокие размышления и научные суждения по ряду крупных теоретических и практических вопросов, связанных с развитием партии и страны в новую эпоху. Си Цзиньпин выдвинул ряд оригинальных новых концепций, идей и стратегий по государственному управлению, а именно: какой социализм с китайской спецификой и как его строить в новую эпоху, какую и как строить социалистическую модернизированную страну, какую и как строить долговременную правящую марксистскую партию и другие важные эпохальные вопросы. В результате были сформированы идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху. Си Цзиньпин, ответив на вышесказанные стратегические, фундаментальные и всеобъемлющие вопросы, показал высоту и глубину марксистского философа и новейшее развитие китаизации марксистской философии. В качестве современного китайского марксизма идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху отражают теоретический характер марксистской философии и образуют новейшие плоды китаизации марксистской философии.

В Постановлении указывалось, что «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху – это современный китайский марксизм, марксизм XXI в. и эпохальная квинтэссенция китайской культуры и духа, который совершил новый скачок в китаизации марксизма» [Там же. С. 25].

Мировое значение социализма с китайской спецификой новой эры как новейшее достижение китаизации марксизма

2020 г. знаменует собой год, когда Китай в полной мере построил среднезажиточное общество. Полная ликвидация крайней нищеты является одной из основных целей построения среднезажиточного общества или, точнее, даже его самой основной целью. Достижение этой цели является не только прямым продуктом социализма с китайской спецификой, но и одновременно практическим продуктом модернизации и китаизации марксизма на определенном этапе. Си Цзиньпин в докладе на XIX Всекитайском съезде КПК сделал принципиальное суждение о времени: «После многолетних усилий социализм с китайской спецификой вступил в новую эру, которая является новой исторической позицией для развития нашей страны» [15. С. 8]. У Сяомин считает, что «новая историческая позиция», которую обозначил Си Цзиньпин, может быть выражена и конкретизирована посредством тройственного повествования.

В-первых, это историческое повествование о китайской нации. Социализм с китайской спецификой вступил в новую эру, а это означает, что китайская нация, которая долгое время страдала в Новое время, совершила большой скачок – от подъема, обогащения до процветания, и открыла блестящие перспективы великого возрождения нации.

Во-вторых, это историческое повествование о мировом социализме. Социализм с китайской спецификой вступил в новую эру... Это значит, что

научный социализм излучал сильную жизненную силу в Китае XXI в. и высоко поднял знамя социализма с китайской спецификой в мире. Это великое знамя социализма. В своем бурном развитии и росте социализм с китайской спецификой решительно выстоял из огромной неудачи; став великим доказательством и практикой научного социализма, он исторически открыл хорошие перспективы мирового социализма.

В-третьих, это историческое повествование о всемирной истории и общем развитии человечества. Вступление социализма с китайской спецификой в новую эпоху означает и то, что историческая практика современного Китая начинает играть в целом важную роль для общего развития мировой истории [6]. Благодаря непрерывному развитию социализма с китайской спецификой во всех аспектах (особенно в поиске пути, теоретических предпосылок, институционализации и культуры) социализм с китайской спецификой расширил пути реализации модернизации и предоставил новые возможности выбора в поисках развития для разных стран и наций, тем самым «предложил китайскую мудрость и китайские проекты для решения общечеловеческих проблем» [15. С. 9].

Обобщив значение социализма с китайской спецификой, Си Цзиньпин отметил, что «социализм с китайской спецификой вступил в новую эру – это имеет большое значение как в истории развития КНР и китайской нации, так и в истории развития социализма в мире и истории человеческого общества» [Там же. С. 10].

Обсуждая содержание «новой исторической позиции», выдвинутой Си Цзиньпином, У Сяомин подчеркнул, что «исторические достижения социализма с китайской спецификой не только имеют решающее значение для возрождения китайской нации, но и начинают иметь важное значение для развития мирового социализма и общего развития человеческой цивилизации. Хотя последнее значение находится только в зачаточном состоянии, но с точки зрения своего характера и перспектив оно имеет решающее значение. Это означает, что вековой поиск китайского пути начинает проявлять свое «всемирно-историческое значение» в новой исторической позиции» [6. С. 17]. Ссылаясь на высказывание Гегеля, «...конкретная нация иногда берется за всемирно-историческую задачу на определенной стадии, и поскольку эта задача имеет высшую всеобщность во всемирной истории, она выставляет свое „всемирно-историческое значение“» [17. С. 68–70], У Сяомин отмечает, что причина, по которой китайский путь может проявить это значение на определенном этапе, заключается в том, что великое возрождение китайской нации, продвигая задачу модернизации и принимая позитивные достижения современной цивилизации, показывает новый тип цивилизации [6. С. 15].

Что такое новый тип цивилизации? По У Сяомину, «это тип цивилизации, выходящей за пределы модерн-капитализма, другими словами, его существенным признаком является снятие современности и капитализма. Снятие означает: развивать позитивные элементы, отбрасывать негативные. Поэтому возможность нового типа цивилизации, с одной стороны, может возникнуть лишь на основе определенной модернизации, а с другой стороны, его реализация – переход от возможности к реальности – никогда не подчиняется или не ограничивается современностью. Как неоднократно демонстрировал научный социализм, как бы ни были различны пути развития раз-

ных народов в мировой истории, они должны уметь «присвоить себе все положительные результаты, созданные капиталистической системой» [18. С. 762, 765, 769].

С нашей точки зрения, молодой марксист Мэн Цинъянь, хотя и не использует понятие «новый тип цивилизации», но объясняет частичные характеристики этого «нового типа цивилизации» в своей статье: «Си Цзиньпин указал, что в процессе китаизации марксизма следует использовать материалистическую диалектику для формирования стратегического мышления, и предложил творческую концепцию „Сообщества единой судьбы человечества“. Мы сможем построить „Сообщество единой судьбы человечества“, что позволяет нам найти наибольший общий делитель общих интересов человечества. Можно сказать, что концепция „Сообщества единой судьбы человечества“, предложенная Си Цзиньпином, является не только крупной теоретической инновацией китаизации марксистской философии в новую эпоху, но и вносит китайскую мудрость, китайские решения и китайскую силу в мировое развитие. Таким образом, китаизация марксизма не ограничивается в решении проблем Китая, но и имеет более широкое глобальное значение. Она открыла эпоху строительства сообщества единой судьбы человечества...» [19. С. 73].

Кроме того, У Сяомин указал, что предложение «нового типа отношений крупных держав» может быть полностью понято и по-настоящему реализовано только в возможности нового типа цивилизации. Дело в том, что современные международные отношения измеряются «вестфальской системой», сутью которой является закон джунглей или принцип «сильный пожирает слабого». Поэтому взаимное равенство и взаимоуважение в международных отношениях, истинно мирное развитие без следования по старому пути «сильная страна должна быть гегемонией» может быть реализовано лишь за пределами самой современности, а это значит, что такие отношения могут получить активную жизнь только в возможности нового типа цивилизации. Отсюда видно, что когда социализм с китайской спецификой развился до определенного этапа, продолжающийся перед нами модернизационный процесс неизбежно показал возможность нового типа цивилизации, и возможность такого типа цивилизации постепенно превращается в реальность исторической практики – возможность становится реальностью. В ходе недавнего развития социализма с китайской спецификой основные требования и важные положения, способные продемонстрировать возможность нового типа цивилизации, уже неоднократно представляли перед нашими глазами. И таких примеров можно привести немало: концепция «Развития, ставящего во главу угла интересы человека», социальная концепция «Общего процветания», концепция «Сообщества единой судьбы человечества» и концепция «Величайший идеал – созидание мира, его разделяют поистине все» [6. С. 22].

Чэнь Сяньда так комментировал последние достижения китаизации марксизма с точки зрения исторического материализма: «Ведь расцвет Китая означает успех китайского проекта; а успех китайского проекта означает, что сегодня возможен собственный путь к возрождению своей страны и нации. И не обязательно признавать мнение о превосходстве капиталистической системы и ее вечности, пропагандируемой Западом, на взгляд которого она и есть чудодейственное средство. Китайский проект – это сочетание марксизма

и китайской культуры. Его эффективность сегодня – это вклад Китая в мировую историю» [7. С. 237].

Конечно, китаизация марксизма не закончилась. Как сказал Си Цзиньпин, «настаивая на первоначальном замысле, мы должны придерживаться руководящей позиции марксизма и осуществлять тесную интеграцию основных принципов марксизма с реальностью современного Китая и особенностями времени. Необходимо способствовать теоретическим и практическим инновациям и непрерывно продвигать китаизацию марксизма вперед» [20. С. 8]. Иными словами, продвигая китаизацию марксизма, нужно не только учитывать историю Китая, но и изучать историю мира, с научной точки зрения относиться к культуре Китая и культуре мира, как говорится в китайской пословице: «взять хорошее и отбросить плохое».

Список источников

1. Виноградов А.В. Дискуссия о марксизме. Марксизм с китайской спецификой // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / Российская академия наук. Институт Дальнего Востока. М. : Восточная литература, 2009. Т. 4. С. 87–95.
2. Янгутов Л.Е., Чебунин А.В., Хабдаева А.К. Модернизация конфуцианства, буддизма и даосизма в Китае (XX–XXI вв.) // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 197–207.
3. Оботурова Н.С. Трансформация социальных идей марксизма в современной китайской философии // Актуальные проблемы философии науки и техники : сб. науч. статей / под ред. Б.В. Ковригина, Н.А. Ястреб. Вологда : Вологод. гос. ун-т, 2016. С. 49–64.
4. Буров В.Г. Методология китайских реформ и конфуцианство // Философские науки. 2015. № 2. С. 107–118.
5. Ван Вэйгуан. Ход столетнего развития КПК и китаизация марксизма // Тенденция философии. 2021. № 06.
6. У Сюмин. Столетний поиск китайского пути и китаизация марксизма // Вестник Пекинского педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 4.
7. Чэнь Сяньда. Исторический материализм и китайский путь. Пекин : Изд-во Пекин. пед. ун-та, 2019. 300 с.
8. Исторический материализм и китайский путь: сборник материалов форумов по теме марксизма и его китаизации / гл. ред. Чжай Шэнмин. Гуанси : Изд-во Гуансиского пед. ун-та, 2015. 288 с.
9. Вэй Бинь. Ход развития китаизации марксизма и опыт // Изучение теории. 2016. № 05.
10. Дайджест рассуждений Си Цзиньпина о согласованном продвижении общей стратегии «Четыре всесторонних аспекта» / Центр по изучению партийных документов при ЦК КПК. Изд-во партийных документов при ЦК КПК, 2015. 166 с.
11. Цинь Сюань. Столетние достижения КПК и «Три скачка» китаизации марксизма // Педагогика и исследование. 2021. № 12.
12. Си Цзиньпин. Речь Си Цзиньпина на мобилизационном собрании по изучению истории КПК. Пекин : Народ. изд-во, 2021. Т. 3. 30 с.
13. Мао Цзэдун. Собрание сочинений. Пекин : Народ. изд-во, 1996. Т. 3. 472 с.
14. Постановление ЦК КПК о столетних великих достижениях и историческом опыте партии. Пекин : Народ. изд-во, 2021.
15. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Пекин : Изд-во литературы на иностранных языках. 2020. Т. 3. 570 с.
16. Дайджест рассуждений Си Цзиньпина о построении всестороннего среднезажиточного общества / Центр по изучению партийных документов при ЦК КПК. Изд-во партийных документов при ЦК КПК, 2016. 209 с.
17. Гегель Г.В.Ф. Философия истории / пер. Ван Цзаоши. Шанхай : Шанхайское изд-во «Книжный дом», 2006. 568 с.
18. Избранные сочинения Маркса и Энгельса / Управление переводов при ЦК КПК по работам Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Пекин : Народ. изд-во, 1995. Т. 3. 943 с.
19. Мэн Цинянь. Оригинальные ценности китаизации марксизма в новой эре и ее путь реализации // Вековой мост. 2021. № 2.

20. Си Цзиньпин. Речь на праздновании 95-летия основания Коммунистической партии Китая. Пекин : Народ. изд-во, 2016. 28 с.

References

1. Vinogradov, A.V. (2009) Diskussiya o marksizme. Marksizm s kitayskoy spetsifikoy [Discussion about Marxism. Marxism with Chinese characteristics]. In: Titarenko, M.L. (ed.) *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya* [Spiritual Culture of China: An Encyclopedia]. Vol. 4. Moscow: Vostochnaya literatura. pp. 87–95.
2. Yangutov, L.E., Chebunin, A.V. & Khabdaeva, A.K. (2020) Modernizatsiya konfutsianstva, buddizma i daosizma v Kitae (XX–XXI vv.) [Modernization of Confucianism, Buddhism and Taoism in China (20th – 21st centuries)]. *Voprosy filosofii*. 4. pp. 197–207.
3. Oboturova, N.S. (2016) Transformatsiya sotsial'nykh idey marksizma v sovremennoy kitayskoy filosofii [Transformation of social ideas of Marxism in modern Chinese philosophy]. In: Kovrigin, B.V. & Yastreba, N.A. (eds) *Aktual'nye problemy filosofii nauki i tekhniki* [Topical Problems of Philosophy of Science and Technology]. Vologda: Vologda State University. pp. 49–64.
4. Burov, V.G. (2015) Metodologiya kitayskikh reform i konfutsianstvo [Methodology of Chinese Reforms and Confucianism]. *Filosofskie nauki*. 2. pp. 107–118.
5. Wang Weiguang. (2021) Khod stoletnego razvitiya KPK i kitaizatsiya marksizma [The course of the centenary development of the CCP and the Sinicization of Marxism]. *Tendentsiya filosofii*. 6.
6. Wu Xiaoming. (2021) Stoletniy poisk kitayskogo puti i kitaizatsiya marksizma [Centenary Search for the Chinese Way and Sinicization of Marxism]. *Vestnik Pekinskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 4.
7. Chen Xianda. (2019) *Istoricheskiy materializm i kitayskiy put'* [Historical materialism and the Chinese way]. Beijing: Beijing Pedagogical University.
8. Shenmin, Z. (ed.) (2015) *Istoricheskiy materializm i kitayskiy put': sbornik materialov forumov po teme marksizma i ego kitaizatsii* [Historical materialism and the Chinese way: a collection of forum materials on the topic of Marxism and its Sinicization]. Guangxi: Guangxi Teachers Education University.
9. Bin', W. (2016) Khod razvitiya kitaizatsii marksizma i opyt [The course of development of sinization of Marxism and experience]. *Izuchenie teorii – Theory Research*. 5.
10. CCP CC Party Documents Research Centre. (2015) *Daydzhest rassuzhdeniy Si Tszin'pina o soglasovanom prodvizhenii obshchey strategii "Chetyre vsestoronnikh aspekta"* [Digest of Xi Jinping's Discourse on the Coordinated Promotion of the "Four Comprehensive Aspects"]. CCP CC, 2015. 166 s.
11. Xuan, Q. (2021) Stoletnie dostizheniya KPK i "Tri skachka" kitaizatsii marksizma [Centenary Achievements of the CPC and the "Three Leaps" of Sinicization of Marxism]. *Pedagogika i issledovanie – Pedagogy and Research*. 12.
12. Jinping, Xi. (2021) *Rech' Xi Jinpinga na mobilizatsionnom sobranii po izucheniyu istorii KPK* [Xi Jinping's speech at a mobilization meeting to study the history of the CCP]. Beijing: Narod. Vol. 3.
13. Zedong, Mao. (1996) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Pekin : Narod. Vol. 3.
14. Chinese Communist Party (2021). *Postanovlenie TsK KPK o stoletnikh velikikh dostizheniyakh i istoricheskoy opyte partii* [Decree of the Central Committee of the Communist Party of China on the Great Achievements and Historical Experience of the Party]. Pekin : Narod.
15. Jinping, Xi. (2020) *Xi Jinping o gosudarstvennom upravlenii* [Xi Jinping on public administration]. Vol. 3. Beijing: Izd-vo literatury na inostrannykh yazykakh.
16. CCP CC Party Documents Research Centre. (2016) *Daydzhest rassuzhdeniy Si Tszin'pina o postroenii vsestronnogo srednezazhitchnogo obshchestva* [Digest of Xi Jinping's thoughts on building a comprehensive moderately prosperous society]. CCP CC.
17. Hegel, G.V.F. (2006) *Filosofiya istorii* [Philosophy of History]. Translated from German by Van Tszaoshi. Shanghai: Knizhnyy dom.
18. Marx, K. & engels, F. (1995) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works of Marx and Engels]. Vol. 3. Beijing: Narod.
19. Meng Qingyan. (2021) Original'nye tsennosti kitaizatsii marksizma v novoy ere i ee put' realizatsii [Original Values of Sinicization of Marxism in the New Era and Its Way of Realization]. *Vekovoy most – Vekovoi Most*. 2.
20. Xi Jinping. (2016) *Rech' na prazdnovanii 95-letiya osnovaniya Kommunisticheskoy partii Kitaya* [Speech at the celebration of the 95th anniversary of the founding of the Chinese Communist Party]. Beijing: Narod.

Сведения об авторе:

Чжан Яньцю – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, институт иностранных языков Пекинского педагогического университета (Пекин, Китай). E-mail: yanqiu.zhang@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Zhang Yanqiu – Cand. Sci. (Philology), senior lecturer of the Russian Language Department, Institute of Foreign Languages, Beijing Normal University (Beijing, China). E-mail: yanqiu.zhang@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2022;
одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 23.06.2023
The article was submitted 16.11.2022;
approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 23.06.2023*

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2023. № 73

Редакторы В.Г. Лихачева

Оригинал-макет О.А. Турчинович

*Дизайн обложки Яна Якобсона (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)*

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 17.07.2023 г. Дата выхода в свет 20.07.2023 г.

Формат 70х100¹/₁₆. Печ. л. 15,9; усл. печ. л. 22,5; уч.-изд. 21,8.

Тираж 50 экз. Заказ № 5515. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательства
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail: rio.tsu@mail.ru